Степаненко К.Н.

С Т Е П Ь

2017

Мы привыкали к Истории, как к хронологической лестнице дат и событий, взятых из принятых официальной наукой документов. Все эти факты были четко расставлены по своим местам и имели однозначное толкование.

Затем нам пытались показать другую Историю, где те же самые даты и события имеют иное толкование, поскольку основаны они на других документах, не удостоенных чести быть официально признанными.

И возникают вопросы – А является ли История наукой, с еще не познанными законами развития? Или История – эта совокупность различных мнений и оценок, нанизанных на немногие, признанные всеми даты?

Я не историк и не претендую на научную точность всего, мною написанного.

Расценивайте эту книгу как личный взгляд на наше прошлое, жизнь наших предков, их чаяния и устремления. Меняется История, бегут годы, но Человек был, есть и будет неизменен в своих инстинктах, порывах и стремлении к справедливости.

Такой, какой он её видит.

К. Степаненко

По бескрайнему простору Великой степи ветер гнал упругие волны вызревшей травы, уже вобравшей в себя все соки и саму жизненную силу земли. Ветер был вольным и теплым; он беспечно дул то в одну, то в другую сторону, отчего травяные волны легко сходились и разбегались, словно чья-то гигантская рука ласково ворошила их как мягкие волосы ребенка. Трава была высокой и густой, и лошадям приходилось буквально грудью раздвигать это степное многоцветье, прокладывая путь небольшому отряду всадников, упрямо пересекающему степной океан.

Редкие облака шли низко, даже не пытаясь закрыть бездонное голубое небо, сливавшееся вдали сероватой полоской с таким же бесконечным простором степи. Чуть видимой точкой в небе завис пернатый хищник, давно следивший за отрядом. Вольный небесный страж был опытен и знал, что отряд вооруженных людей в степи почти всегда приводит к крови, звериной или человеческой, что для диких обитателей степи было одинаково хорошо. Растерзанная плоть свежей крови – это же вечный апофеоз симфонии Жизни, гимн ее продолжению, еще одно звено в нескончаемом круговороте живого!

Всадники были хорошо вооружены, уверенно сидели на лошадях, и зоркому пернатому была видна их охотничья настороженность, готовность к моментальному удару и отражению, что в любом случае могло сулить добычу степным хищникам и всегда сопровождающим их падальщикам.

Лошади под всадниками и те, что шли у них на поводу, были степные, невысокие, но крепкие и выносливые, с мохнатыми гривами и длинными спутанными хвостами. Именно за эту выносливость и отбирали их из огромных полудиких табунов, вольготно пасущихся на просторах Степи. После отлова их, хрипящих и бешено упирающихся в крепкой арканной петле, выдерживали в

отдельных загонах, дабы сбить спесь и гонор степной свободы. И уж потом опытные конюхи объезжали степных дикарей, приучая к нелегкому ратному делу.

Своего первого, а потому главного и любимого коня, Лекша выбирал в табуне сам, долго высматривая среди прячущихся за матками еще пугливых жеребят. Потом он гнал табун по степи, отсекая кобылицу с приглянувшимся ему жеребенком от основного косяка, взял его на аркан и отвел к своей юрте, к приготовленному загону. Он сам выезжал и приучал коня к себе, своему голосу и языку, ременной узде и старой козлиной шкуре, которую он накидывал на своего длинногривого друга, чтобы не сбить ему спину во время их совместного обучения и службы. Это уж потом, когда Лекшу с его конем стали брать в охранные и боевые походы, он добыл кожаное седло, которое теперь так приятно поскрипывало в такт неторопливому покачиванию по травяному морю.

В их маленьком отряде, что целенаправленно пересекал эту бескрайнюю степь, ориентируюсь по небесным светилам и подчиняясь приказам своего угрюмого с виду сотника, только у него – сотника – был иной, не степной, конь. Конь его был высоким, вороным без единого пятнышка. Вопреки степным обычаям, сотник подрезал ему гриву, оставляя, правда, в своем природном виде хвост, чтобы конь мог отгонять слепней. Коня этого сотник привез из далекого похода на Север, куда ходил по приказу Хана несколько лет назад. Там, среди лесов и болот, встретился он в одной из схваток с закованными в железо воинами, несшими на своих хоругвях кресты. В память о той битве, кроме коня, остался у сотника устрашающий шрам, наискосок пересекающий его лицо, и прихрамывающая нога, задетая стрелой из невиданного тогда в Степи арбалета. За этот шрам и получил сотник прозвище Ярый, от татарского «яре», что в переводе на славянский и означало «шрам». Прозвище так пристало сотнику, что его настоящее имя забыли. Так и стал он для ханского окружения и своих воинов – сотником, а для всех остальных – Ярым.

В памятном бою Ярый, конечно же, убил своих обидчиков и, рассказывая о битве, поглаживал тот самый арбалет, железные стрелы к которому он очень ценил и берег. Длинный и прямой меч, которым ему рассекли лицо и который, по законам войны, тоже достался ему в качестве трофея, он не носил с собой, а сначала повесил на стену своей юрты. Потом и вовсе поменял этот бесполезный для степного воина кусок железа на что-то более ценимое. А на что – теперь и сам уж не помнил.

На поясе же у Ярого, как и у всех бывалых воинов его сотни, кроме обязательного боевого ножа, висела сабля, такая удобная в конной схватке. Сабля для степного воина была священна. Она либо передавалась ему по наследству, либо дарилась в знак особого расположения ханом или темником, либо добывалась воином в бою, и была свидетельством доблести и умения ее владельца. Молодые воины, набираемые из числа покоренных монголами народов, при определении на воинскую службу получали лишь коня, лук, боевой нож и пику. Но если на добытую в бою саблю воинов – инородцев монголы смотрели снисходительно, уважая чужую доблесть, то длинные боевые копья и прочные доспехи монголы считали только своей привилегией.

И еще одно отличало Ярого от остальных воинов. У седла его добытого в бою коня были стремена. Степняки не пользовались стременами, хотя видели их во время своих походов и у нередких в их краях иноземцев. Воины понимали, да и Ярый терпеливо объяснял, что стремена на седлах полезны закованным в железо иноземным рыцарям для того, чтобы легче было управляться с тяжелым копьем, а также рубить на скаку длинным и прямым мечом. Но степняки лишь шутили по поводу неумения чужестранцев владеть конным боем и не стремились перенять обновку. Даже молодой Лекша, добыв в бою седло, срезал с него стремена, чтобы не стать объектом насмешек своих же товарищей. Они прощали стремена лишь Ярому за его отеческую о них заботу, ужасающий

шрам и хромоту, не позволявшую, как прежде, птицей взлетать на коня.

Себя Лекша, сколько помнил, нигде, кроме Орды, не представлял. В его молодой, наголо выбритой, кроме оставляемой по степному обычаю косичке, голове иногда проносились обрывки воспоминаний о доме, сложенном из толстых прокопчённых бревен, большом столе, вокруг которого сидели такие же как он русоголовые детишки. Мелькал иногда образ бородатого молчаливого мужчины во главе стола, первым черпающим из общей большой миски, и такой же молчаливой женщины, бесшумно подходившей к спящим внавалку ребятишкам и гладившей его по голове своей шершавой, но такой нежной рукой.

По древнему обычаю тех времен, когда покоренные народы, помимо дани, отдавали Орде еще и «тамгу» - каждого десятого ребенка, Лекшу с группой таких же русоголовых детишек из их родного поселенья привезли в Орду. Девочек сразу отдали на женскую половину ханского подворья, а мальчиков определили помогать по хозяйству тысяцкому, под командованием которого была тысяча всадников. Целый год они помогали ухаживать за скотом, чистили оружие и одежду воинов, учились ордынскому языку, единому для их разноязыкого становища. Лишь ночью, у костра, славянские мальчишки могли пошептаться на своем языке, да и то пугливо оглядываясь, не слышат ли их старшие воины. Те приглядывали за мальчишками, определяли судьбу каждого, исходя из их личной сноровки и способностей, и справедливо полагали, что лишние воспоминания, в том числе родного языка, лишь помешают их дальнейшей ордынской судьбе.

Через год в Орду привезли новую «тамгу» - партию подростков из славянских, черкесских и иных покоренных земель, а Лекшу и трех его сородичей, таких же крепких и смышленых, передали Ярому, уже тогда командовавшему сотней воинов немонгольской конницы. Ребят поселили в походную юрту вместе со взрослыми воинами, и началось их обучение ратному делу. Скачки до

абсолютного единения с конем, стрельба из лука и владение пикой по полном скаку, обращение с саблей и боевым ножом. Молодых воинов учили ползти змеей в траве, неслышно ходить по земле, слышать и видеть в темноте. Не все проходили эти испытания. Лекше и его сородичам было трудно тягаться со степняками, с детства сидевшими на коне и впитавшими науку конного и сабельного боя с молоком матери. Двое из тех, с кем он попал к Ярому, сошли с круга. Одного, проигравшего все схватки на ножах, отправили назад в скотники. Второй, со сломанной шеей после ночной бешенной скачки за степным волком, ушел в чужую ему ордынскую землю. Его тело тайно предал земле сам Лекша, смутно помнивший этот обычай родных земель. Степняки же признавали земное погребение лишь для ханов, да и то, не опуская их тела в землю, а насыпая над ними земляные холмы. Тела простых воинов и прочих их сородичей, завернутые в шкуры, оставляли на вершинах холмов, дабы птицы и звери растащили эту бренную плоть. Да и то – обычный человек это всего лишь душа, после ухода которой в иной мир тело уже ничего не значит.

Ярый был строг, справедлив и видел всё. Шрам и хромота скрывали его истинный возраст, но он был совсем не стар. Достигнув сравнительно рано вершины служебного роста для не монгола – должности сотника, он не мог рассчитывать на дальнейшее продвижение по военной службе. По непреклонному закону Орды – Ясе, утвержденной Великим Чингисханом, – ханами могли быть только его кровные потомки – чингизиды. Следующие ступеньки лестницы власти, а именно должности баскаков, темников и тысяцких могли занимать только монголы. Только монголы могли служить в элите военной мощи Орды, десятитысячном корпусе нукеров, личной гвардии Великого Хана.

Высшей воинской ступенькой не монгола в ордынской строгой структуре власти был сотник, командир одной сотни легкой немонгольской кавалерии, используемой для дозора, сопровождения, наказания строптивых властителей и нанесения

первого удара по неприятелю. Ярый заслуженно занял эту ступеньку, служил исправно, но без особого рвения. Он не искал дружбы с равными себе, не заискивал перед старшими в служебной иерархии и не участвовал в азартном дележе другими сотниками «выгодных» с точки зрения наживы походов. Все силы и время он отдавал обучению своих воинов. Лекша часто гадал, от какого народа вывезли в степь Ярого. Но дочерна загорелый, со шрамом, исказившем лицо, и постоянно ходивший в отороченной мехом монгольской шапке, закрывавшей почти всю голову, Ярый оставался загадкой. Он говорил на всех степных языках, не кричал на своих воинов и не ругался (а известно, что степняки это любят, причем ругаются на родном языке). Бороду он брил, а висячие темные усы могли быть украшением лица представителя любого из народов, живущего к западу от Китая. Лишь стать Ярого, его горделивая осанка и уверенная походка на прямых ногах, которую не портила его легкая хромота, да еще стальной блеск голубых глаз позволяли предполагать, что родом он из более северных мест. И еще слышал Лекша рассказы у костра старших воинов, что, став сотником, пытался, было, Ярый набирать себе всадников не из степи, но из русских, славянских, земель. Да его начальник, тысяцкий Каюм, тихо, но настоятельно попросил Ярого, когда-то в бою спасшего Каюму жизнь, «не злить собак». Очень не любили монголы, когда воины – иноплеменники сплачивались и сбивались в родственные группы. Мало было их, монголов, во всей великой Монгольской империи, а уж тем более в её улусах, одним из которых и была их Орда, потому и четко знали они правило – Разделяй и властвуй! Ярый все понял и оставил только один десяток воинов – славян. Как свою личную охрану, которую имел право набирать сам. Каюм промолчал.

Лекшу, после двух лет обучения и испытаний, взяли в первый поход. Сотня сопровождала караван купцов, шедший по Великому пути из стран, где делают шелк и растут пряности, до Понтийского моря. Там караван разделялся. Одни купцы уходили в жаркие пески

за золотом и коврами, другие – к холодным берегам, за пушниной, медом, моржовыми клыками и легким полупрозрачным камнем, высоко ценимым даже в Орде за лечебные качества. Купцы и караванщики попались бывалые и разговорчивые. Вот где наслушался Лекша рассказов о чудесах и диковинах! Больше всего его поражали истории о далеких царствах и их оружии. Видения боевых слонов и деревянных стволов, извергающих огонь, еще долго преследовали впечатлительного юношу. Поразил его рассказ о чудо – оружии, которое делают оружейники в далеком Дамаске, где сталь скручивают косичками и перековывают по несколько раз, охлаждая в молоке кобылиц. Сабли из этой стали столь гибки, что их можно носить как пояса, применяя оружие к полной неожиданности противника. А знаменитая сабля «змеиный язык», скованная из двух параллельных лезвий так искусно, что внешне ее не отличишь от обычной. Но при особом искусном ударе лезвия ее расходятся, и противник рассекается на три части, устрашая одним видом всех врагов!

Этот, первый, поход прошел спокойно, и Лекша возвращался весь зачарованный величием и разнообразием еще не познанного им мира. Словно расступились стены тесной юрты, и даже звезды над головой стали понятнее и доступней. Ярый часто ехал тогда с ним рядом, чуть насмешливо поглядывая на молодого воина. Но ехал молча, всё понимая, а может, вспоминая себя, когда-то вдруг осознавшего бесконечность бытия.

Потом были другие караваны, схватки с разбойниками, походы на непокоренные племена, длительные дозоры. Лекша познал азарт боя, увидел первую кровь врага, хоронил боевых товарищей. Он был удачлив, смел, но не безрассуден, мог видеть картину боя и вести за собой. За все эти качества Ярый сделал его десятником и поставил над своей личной охраной. Эти десять ордынских воинов были славянских корней, у них была своя юрта, куда часто захаживал Ярый. Теперь у костра они могли позволить себе поговорить на

славянском, хотя говорили они, особенно на первых порах, с некоторым трудом, часто сбиваясь на ордынский язык и с трудом извлекая родные слова из глубин своей памяти. Да и не было у них, в детстве увезенных от родных корней, в запасах памяти многих слов и понятий, с которыми они сталкивались теперь, в своей ордынской служивой жизни. К их удивлению, часто эти слова им подсказывал Ярый. Однажды, на прямой вопрос не сдержавшего своего интереса Лекши, Ярый долго смотрел на него и, словно нехотя, проронил:

- Туда потом уже ходил.

Больше Лекша не спрашивал. Мужчина, да еще воин, не должен быть любопытным. «Захочет, сам скажет» - была в тот день последняя перед сном мысль Лекши.

Служба ему нравилась. Нравилось просыпаться с первыми лучами солнца и умываться холодной родниковой водой. Нравилось навестить и угостить корочкой лепешки своего коня, всегда стоявшего у их юрты. Потом был день, полный забот и ожидания новых приказов. Куда-то мчаться, навстречу ветру и новым приключениям – это же упоение! Жизнь была словно игра, правила которой ты усвоил, и где тебе пока везет.

Дележ добычи его не особенно привлекал. Обзавелся седлом, еще одним хорошим луком. Добыл он себе и добрую саблю. Без каких-то украшений, как у некоторых других воинов, но хорошей стали и удобной в руке. Деньги, кольца и серьги, которые другие воины алчно срывали с пленных и тел поверженных врагов оставляли его равнодушным. В Орде азартно играли в кости и другие игры, завезенными в основном длиннокосыми китайцами, можно было покурить дурманящую трубку или выпить хмелящего напитка в компании визжащих девиц. Но Лекша был воин и знал, что в любой момент может понадобиться на службе. У всех перед глазами была страшная картина расправы над десятником соседней сотни. Вызванного ночью к темнику, того с трудом нашли пьяного под ворохом девиц. Через час его разорвали конями, и остатки тела еще

долго лежали перед той самой юртой с девицами. Сами девицы тоже исчезли, вместе со своим хозяином – уйгуром. Лекша понимал, конечно, что серьезному мужчине - воину нужны деньги. Кормили воинов бесплатно, даже жалование, пусть небольшое, но выдавали. На скромные потребности воина хватало. Но чтобы купить нового коня, хорошую одежду и оружие, нужны были деньги. Пока у него всё было, да и хватало ему жалования десятника и тех «благодарственных» денег, которые, по установившемуся обычаю, платили ему караванщики, либо иные путешественники, коих он благополучно сопровождал через степь. Он даже имел кое – какую заначку, хранимую в Орде у старого китайца.

Узкоглазого По, постоянно улыбающегося и поглаживающего свою седую куцую бородку, Лекша как-то спас от расправы, когда несколько степняков, решивших, что китаец берет с них слишком большой процент за данные взаймы деньги, решили отнять у ростовщика жизнь и еще пару дополнительных монет. Лекша во-ремя заметил подозрительное копошение за палатками и услышал мышиный писк китайца, к горлу которого был уже приставлен острый нож. Опытный воин в мгновенье раскидал обидчиков, оставивших на поле боя отрубленную руку и тот самый нож. Хитрый китаец, едва придя в себе, сразу понял, что Лекшу ему послал его китайский Бог. Или один из них. Или все сразу. Кроме слов благодарности, которых он в избытке излил на спасителя, он торжественно обещал вести все денежные дела воина «совершенно безвозмездно». В чем и присягнул на том самом ноже, который тут же взял себе. Денег за спасение тоже забыл предложить.

На следующий день Лекша зашел к китайцу и передал тому на хранение небольшой и крепко завязанный кожаный мешочек с тем немногим, что успел нажить. Многомудрый По, рассыпавшись в любезностях, хотел, было, развязать узелок, «чтобы рассмотреть и разложить по ценности все принесенное», но Лекша, уже смысливший кое-что в этой жизни, просто положил руку на рукоять сабли и тихо сказал:

- Не трожь. Просто отдашь, когда скажу. Понял?

И По всё сразу понял. Поставив сургучную печать на узелок, он положил его в сундук, на котором сидел, и просто склонил голову перед воином.

Потом Лекша еще пару раз заходил к китайцу, докладывая понемножку в мешочек, который по-прежнему легко умещался в сундук китайца.

О будущем он не думал, заполняя редкие минуты отдыха мечтами о далеких странах. Свою реальную жизнь он мерял простыми вещами – дослужиться лет через десять до сотника, а потом еще лет через десять получить положенную за службу награду и выбрать себе на территории Орды место жительства и занятие. Но это было так далеко, а возможность дожить, будучи на военной службе, так мала… Хотя старшие воины в их сотне и говорили о том, что кто-то там прошел весь этот путь. Правда, в описании деталей счастливого исхода все путались. Но так хотелось верить… Опасные это мысли. Если зарыться в них, в голову лезут глупые мечты о жене, детях и собственном доме. Юрте или срубленном из бревен, как в тех всё более далеких детских воспоминаниях. А, впрочем, какая разница, какой будет дом в конце пути, когда ты молод и силен, а вокруг такая кипучая жизнь!

В редких перерывах между походами Лекша и воины его десятка объезжали лошадей, совершенствовали владение оружием. В свои неполные двадцать лет он был опытным воином, хвастался несколькими шрамами от стрел и сабельных ударов и любил теребить во время разговора свои еще редкие рыжеватые усы, подражая Ярому.

Пришедшие как «тамга» в Орду люди не были рабами. Они считались людьми Великого хана, работали на него или служили в войске. Рабский ошейник на них надевался за серьезную провинность, и неизвестно, было ли это лучше, чем смерть. И

дисциплина под страхом этого наказания держала людей сильнее чем цепь.

Жесткая рука власти держала Монгольскую империю, подчинившую своей конницей полмира. На её окраинах, по сути дела, на окраинах её улусов, были племена, государства и княжества, платившие дать и дающие «тамгу» - людей, обслуживающих Империю и воюющих за нее. В самой Империи высшей властью был Верховный хан, живший по законам Ясы. Этот свод законов был написан по указанию Великого Чингисхана, создавшего Монгольскую империю, разбившего её на улусы – Орды, и принят к неукоснительному исполнению всеми жителями империи, независимо от того, к какой Орде они принадлежали. Еще этот свод законов называли Джасак или «Кибитка кочевника».

Выше Верховного хана, по однажды вырвавшимся у Ярого словам, был только Бог. Но кто это, Лекша не знал, а переспрашивать у сотника было неловко. В самой Империи и у них, в Орде, было много верований. Сами монголы верили в духов окружающего мира и своих умерших предков. Голос духов вызывал бубен шамана, а предсказания судьбы давала им закопчённая в священном костре баранья лопатка. Монголы с уважением относились к верованиям других народов, справедливо полагая, что духов, даже чужих, обижать не надо. Обиженному духу голову не снесешь, и в яму его не посадишь. А вдруг напакостит? Да и легче управлять покоренными, если, забрав положенное материальное, оставить ему для утешения его родное духовное. Верно решил тогда Великий Чингисхан - верховным шаманам других верований надо оставить власть над их кормильцами – ну теми, кто верует в их богов, - вот и не будут они тех богов поднимать против завоевателей. Разделяй и властвуй!

Так, следуя Ясе, в Монгольской империи были разрешены святилища всех богов, которым поклонялись покоренные народы. Были в ханских ставках и католические священники, и православные, и имамы, и огнепоклонники, и раввины. И

индуистские монахи с их медными колокольцами собирали себе еду в пыльных ордынских становищах. И кого там еще не было… И даже сами ханы, чингизиды, потомки Великого, принимали других богов. Правда, баранью лопатку все равно сохраняли и регулярно коптили. И бараньим салом губы свои домашним божкам мазали, глядя на кресты, шестиконечные звезды Давида или слушая Коран.

Лекша не помнил, была ли в избе из его детских воспоминаний лампадка перед иконой и крестила ли его матушка перед сном, как о том рассказывал приведенный однажды Ярым в их юрту отец Василь. Но он хранил вырезанный из дерева крестик, который был у него на шее, когда его привезли в Орду. Пеньковая веревочка, на которой висел крестик, давно порвалась, но каким-то чудом крестик остался. Именно чудом, как сказал ему отец Василь, сохранился тот крест, как свидетельство веры его родителей, а, следовательно, и его самого. И когда их отряд попал в засаду непокорных кипчаков, и самого Лекшу в сече с тремя кипчакскими всадниками подрезал один из них, а его привезли чуть живого назад в Орду, именно этот крестик спас его. Так сказал отец Василь, который вместе с Ярым три дня и три ночи не отходили от мечущегося в бреду Лекши, меняли ему повязки с настоями из трав и поили калмыкским чудодейственным чаем из молока верблюдицы с бобриным салом. Бобра тогда добыл для него Ярый, который и новую веревочку для крестика сплел из конского волоса. С тех пор Лекша и не снимал крест, считая его своим главным оберегом.

Жизнь в Орде текла по навсегда, как казалось, установленному порядку, заведенному еще Великим Чингисханом. Но сам он ушел в мир своих предков, успев перед смертью казнить рвавшегося к власти старшего сына Джучи. В белый ханский шатер верховного правителя империи сел средний сын Чингизхана - Угэдей. Один из улусов империи, не самый богатый и постоянно воюющий с соседями, Половецкую орду или, как её называли в самой империи - Улус Джучи, возглавил сын Джучи – Батый или по-степному - Бату,

мстивший своим дядьям за убийство отца, а всем остальным – просто потому, что не признавали его достойным Большой Белой юрты в Каракоруме. Началась долгая борьба за власть, в которой потомки Великого Чингисхана не щадили ни себя, ни своих воинов. Улусы, на которые при Великом Хане была поделена вся империя, взволновались. Было утрачено основное моральное превосходство кочевников перед их покоренными, зачастую оседлыми народами – отсутствие у них сжигающего чувства личной наживы. Сталкиваясь с богатством покоренных, кочевники – монголы сами покорились влиянию оседлой культуры. Угасал их воинственный пыл ведения войны ради самой войны.

К радости Батыя, а может и с его помощью, ушел в мир иной Угэдей, славный лишь тем, что при нем курултай объявил сразу три похода – на юг, восток и запад. Именно там были большие города, ремесленники и добыча. Север, дальше уже завоёванных земель северных монголов, Империю не интересовал. Бедно, да и корма для коней нет.

Угэдей ушел, и в Империи снова вспыхнула борьба за власть.

Чингизиды, а с ними, как водится, и вся их свита, рвались к власти и роскоши, борясь каждый за себя.

Великим ханом монгольской империи стал Гуюк, двоюродный брат Батыя, люто его ненавидящий за военные успехи и постоянно подчеркивающий, что Бату – хан не может считаться «чистым» чингизидом, поскольку его отец Джучи был зачат, когда жена Чингизхана, Буртэ, была в плену у меркитов. Был такой досадный инцидент в истории монголов. Но сам Чингизхан, всю жизнь любивший свою жену, простил её и признал Джучи своим сыном. Правда, потом он его умертвил, но это уже другая история…

А потом Великий хан Гуюк скоропостижно скончался, опять же к немалой радости Батыя. И пришел ставленник Батыя хан Мунке. Но кто бы не приходил к власти в Каракоруме, властителю всё более и более независимой Орды, которую уже скорее по привычке

называли то Половецкой или Кипчакской Степью, то улусом Джучи, хану Батыю приходилось постоянно бороться за свою власть.

И вот в 6763 году от сотворения мира закончилась земная жизнь самого Батыя. И в борьбу с его сыном и наследником ханом Сартаком вступил младший брат Батыя хан Берке.

Отголоски этой борьбы долетели и до одного из окраинных туменов Орды, где частью этого десятитысячного военного лагеря была и сотня Ярого. Все чаще в огромном лагере ржали взнуздываемые кони, звенело пригоняемое оружие, поднимали пыль кибитки, развозившие семьи кочевников в разные стороны. Вдруг исчезли купцы, не стало видно чужеземцев. Люди жались к своим родовым вождям, как всегда напрасно надеясь, что это спасет их ничего не стоящие жизни. Началось великое перемещение табунов, становищ, воинов и юрт, которое всегда предшествует прямому столкновению. Не имевшие семей воины Ярого, в том числе и десяток Лекши, затаились в своем лагере, ожидая приказа своего сотника. На всякий случай пригнали своих коней, основных и запасных, из табунов и приготовили оружие. Ярый хмурился, молча хромая по лагерю. Распорядился наполнить вьючные мешки зерном, а все имеющиеся бурдюки водой. Удвоили караулы, коней не распрягали, спали не раздеваясь. Очевидно, многие из них, когда-то насильно пригнанных служить Орде, задумались о том, что иногда совсем не плохо не иметь семьи и не нести ответственности за чьи-то дорогие жизни.

Однажды вечером на взмыленном коне прискакал гонец и приказал сотне на рассвете прибыть к походной юрте темника, командовавшего всеми десятью тысячами всадников их лагеря. Ярый немедленно отправился к своему тысяцкому Каюму и вызнал у того, что «большие» ханы, внук и правнук Великого Чингисхана, Берке и Сартак начали смертельную борьбу друг с другом и тайно собирают силы для решительной битвы за власть в Орде.

Ярый рассказал это Лекше, вызванному из своей юрты. Лекша, как и положено воину в предбитвенной лихорадке, не смыкал, как ему казалось, глаз, но голос у него был хрипло – заспанный, когда он спросил Ярого:

- За кого рубиться – то будем? Сартака, Берке или еще кого?

Странно посмотрел на него сотник. Если бы не ночь, прочитал бы в том взоре Лекша – «Дурачок ты, паря!». Но было темно, а времени на разъяснения не было. Ярый был краток:

- Ни за кого. Хватит за них рубиться. Уходить надо. Если со мной, торопитесь. Жду у коновязи.

К чести Лекши, он не стал задавать вопросы. Ни к чему. Сразу проснулся, как и не ложился. Вмиг поднял своих. Молвил только;

- Уходим тихо. Совсем. С Ярым.

Что значит – одной крови и столько лет вместе. И каких лет! И, конечно, авторитет Ярого. Быстро собрались, погрузились и тронулись. В незнаемое.

Ярый и еще пара всадников, тоже о-двуконь и с бунчуком их сотни на длинном шесте, ждали у коновязи, и маленький отряд из четырнадцати всадников выехал из лагеря. Никто их не остановил. Обычно строгая охрана лагеря в эту ночь бездействовала. Слишком многие отряды покидали становище по приказу темника, и никому не было дела до маленького отряда, ехавшего в полном военном снаряжении и с бунчуком – символом принадлежности к ордынской коннице.

Уже чуть светало, когда они покинули расположение лагеря. Расположенный в долине широкой реки, закрывавшей становище от восточных ветров, на западе лагерь был окружен увалами и холмами. Вот именно к ним и повел Ярый отряд беглецов, справедливо полагая, что в суматохе подготовки большого похода этот маневр вооруженного отряда не вызовет подозрения. Так и вышло. Лишь раз из придорожной травы их окликнули дозорные,

но, узнав сотника, пожелали им легкого пути. «Нам бы тоже этого хотелось» - подумал Лекша, у которого всё равно было тревожно на душе. Перевалив через увал, где Лекша, не удержавшись, бросил последний взгляд на оставленный лагерь, отряд прибавил ходу. Здесь уже была открытая степь, и Ярому было бы сложно объяснить присутствие здесь их маленького отряда. Бунчук их бывшей сотни закопали, поскольку из пропуска здесь он превращался в доказательство их бегства со службы. То есть предательства.

Они скакали напрямик, избегая проторенных дорог, уходили в сторону, увидев клубы пыли, которые могли быть подняты отрядами конницы или мчащимися по почтовому тракту конвоями. Иногда они видели следы или далекие фигурки небольших групп всадников, которые явно уклонялись от встречи с ними. Ярый делал вид, что не замечает их, а Лекша не без удовольствия думал о том, что не одним им пришла в голову мысль о бегстве. Двое суток скакали почти без отдыха, спали на ходу, пересаживаясь на сменных лошадей и опасаясь погони. Отряд вели два взятых Ярым из лагеря воина их сотни, кипчаки по рождению, степняки, хорошо ориентировавшиеся в этих местах. Лекша и его товарищи – славяне успели оценить эту предусмотрительность Ярого. Лишь к концу второго дня кипчаки вывели к бочагу – небольшому степному озеру, жизнь которому давал родник, где Ярый дал сигнал остановки. Не расседлывая, коней пустили пастись и к водопою. Запалили костер, чтобы приготовить горячий кулеш из риса и вяленого мяса. Размяв ноги, воины сели, по-степному, прямо на землю, вокруг костра, молчаливо глядя на Ярого. Тот понимал, что они, молодые еще воины, которых он пестовал, обучал и по-своему оберегал все эти годы на чужбине, верят ему и ждут от него Слова. И он заговорил. Медленно, на степном языке, ибо иного не понимали кипчаки. Он говорил о том, как их всех, совсем детей, взяли от родных семей, как почти забыли они свой родной язык и веру, как стали они верными и умелыми солдатами Империи монголов.

- Я вас увел, чтобы вы не погибли завтра в большой битве, битве с такими же как вы инородцами, битве за личные обиды монгольских ханов. Возможно, нам повезло, и мы не стали просто рабами, проданными крымчаками и закованными в кандалы и ошейники на каторжных работах. Мы были людьми Хана и воевали за него, получая еду, припасы и жалование. И, останься мы в живых, могли бы когда-нибудь, если бы не сложили свои головы, завести семью и плодить новых солдат для Хана. Но при этом мы никогда не будем равными монголам. Другим нашим братьям и сестрам повезло меньше, и их определили просто работать на Хана. За похлебку и медную тенге. И они уже никогда не увидят своей свободы, лишь на конский волос поднявшись выше раба. Так сказано в Ясе Великого Чингисхана, и так будет всегда, - голос у Ярого окреп. Он оглядел хранивших полное молчание воинов и продолжил:

- Возможно, в наших родных местах живут трудно. Кто туда ходил, знает. Они платят дань Хану, платят своему местному князю, отдают своих детей как «тамгу». Но они на своей земле и вольны жить на ней так, как им хочется. Я хочу быть на своей земле, хочу быть вольным. Кто хочет вернуться, препятствовать не буду. Завтра утром выйдете на тракт, первому встреченному ордынскому отряду скажите, что я пытался увести вас силой. Бог вам судья. С остальными дойдем до начала славянских земель. А там видно будет. С вами, - он кивнул воинам – кипчакам, - уговор прежний. Идете с нами до своих мест, помогаете, если нужно будет. Потом как решите.

Так же молча воины разошлись. В ночной дозор вызвался Лекша, благо выезд Ярый назначил на самом рассвете. Всю ночь он прислушивался и наблюдал, не уйдут ли его товарищи. Ночью было тихо, а рано утром на конях сидели, готовые к походу, четырнадцать всадников.

Они продолжили путь на запад. Ярый постоянно сверял путь по солнцу и звездам, хотя кипчаки, доверяя своему врожденному

степному чутью, точно вели их, избегая выхода на большой тракт. Иногда они видели клубившуюся там пыль, и Ярый сразу отводил отряд в сторону, хотя кипчаки и уверяли, что оттуда, с тракта, их не видно. Но бывший сотник, не раз в прошлом проводивший такие караваны, хорошо знал, что такое боковые дозоры, и не хотел рисковать. Стало заметно холодать, и всадники, выехавшие из Сарая летом, без зимней одежды, плотнее натягивали на себя мохнатые монгольские шапки и дольше сидели по ночам у костров, пытаясь насытиться их теплом. Подходили к концу запасы продовольствия, и все чаще отряду приходилось устраивать охоту на сайгаков или иную живность, которую можно было зажарить и покоптить вечером на огне.

Однажды к их костру подъехали двое всадников. Дозор их остановил, но всадники подняли руки в приветствии и попросили воды. Они не были похожи на ордынцев – хорошие, не степные кони под седлами, богатое оружие и платье. Они были бородаты и не брили голову, хотя раскосые глаза выдавали в них степняков. Закон гостеприимства требует принять гостя и накормить его. В этот день охота была неудачной, и даже гостям досталось по маленькому куску жареного кабана и небольшой лепешке с пиалой простой воды. Чужаки с достоинством приняли угощение, и завязался степенный разговор. После долгих взаимных расспросов они, люди опытные, поняли друг друга, и один из чужаков, на поясе которого висела дорогая, сверкавшая в отблесках костра каменьях, сабля, напрямую обратился к Ярому:

- Видим, что ушли вы из Орды и ищете свою судьбу. Мы прошли такой же путь много лун назад и твердо знаем, чего хотим. Впереди холод, и еды у вас нет. По тракту ходят богатые караваны, где есть всё – красивая и теплая одежда, хорошее оружие. Даже вино и женщины. Надо только взять все это. Таким опытным воинам как вы, сделать это будет просто. Я знаю, что скоро по тракту пойдет очень богатый караван с небольшой охраной. Все хорошие воины сейчас

сражаются за ордынских ханов, и караван охраняется наемниками. А наемники не любят умирать за чужие богатства и не так ловки, как вы. Караван пройдет завтра на рассвете мимо небольшого увала. Очень удобное место для засады. Возьмем караван вместе? Добычу – по справедливости. Потом можете уйти, но идут большие холода. У нас есть место, где можно переждать до тепла.

Ярый пошевелил палкой угли в догорающем костре.

- Вы так вдвоем и брали караваны? Зачем мы вам?

Чужак нахмурился:

- Нас было десять, но последний раз подоспел отряд ордынцев, и остались мы вдвоем. Нам нужны люди. За вами следим давно. Думаю, вам это подойдет. Ты – баши, атаман этих людей. Решай.

- Я им уже не баши. Мы – вольные люди. Каждый выбирает свою судьбу. Спроси у них сам.

Ярый поднялся и, прихрамывая, отошел от костра. Воины, среди которых был и Лекша, остались, съедаемые острым любопытством. У людей воинской службы, долгое время живших по законам дисциплины и единоначалия, принятие самостоятельного решения, выходящего за рамки приказа, всегда происходит сложно. А тут сам сотник дает им возможность выбора, открыто слагая с себя старшинство! Чужак назвал его «атаманом», то бишь, отцом – командиром, но это почетное звание, и он всегда будет для них отцом, но так приятно сознавать, что ты сам можешь выйти за рамки его опеки и совершить что-то важное и нужное, а главное – интересное и простое для них, лихих воинов. У молодежи горели глаза, а руки кипчаков буквально впились в рукоятки сабель, когда пришлые живописали им несметные богатства караванов и легкость их получения, демонстрируя в качестве доказательства собственное оружие и, хотя уже изодранную, но дорогую одежду. К тому же мысль о наступающим холодах и еще неясной, но явно долгой, предстоящей дороге… И дороге куда?

Эта мысль давно уже не давала покоя Лекше. «Кто мы и куда идем? Что и кто ждет нас?». Со слов старших воинов там, в ордынском лагере, да и самого Ярого, он смутно представлял себе, что в тех, родных для них, славянских землях все непросто и беспокойно. Управляемые специальной ордынской администрацией – «Дарюгой» - земли эти имели своих сборщиков налогов, баскаков, собирающих дань для Хана. А свои, русские, князья должны были получать на княжение ярлык в Орде. Лекша видел в Орде этих князей и их посланцев, щедро разносящие связки пушнины и ларцы по юртам ордынских сановников и ханских жен. Но даже желания подойти и поговорить с ними у него не было. Да и о чем говорить, если они его самого привезли в Орду и отдали монголам! Ждет ли кто его в той избе, которую он все реже видел во сне? А те, светлоголовые братишки и сестренки, может, тоже отданы в Орду? Или увезены крымчаками в рабство? Да и где он, родной дом? Русь большая….

Лекша не ходил с походами в славянские земли. Неохотно посылали монголы славянских воинов наводить порядок с оружием в руках в их родные места. Это лишь Ярому «повезло» побывать в тех краях, когда его сотню, большинство в которой составляли кипчаки, половцы и черкесы, направили в помощь русскому князю, верно служившему Хану, против нападавших на славянские окраины Орды литовцев короля Миндовга.

Лекша понимал, что вины его перед сородичами нет, как нет их крови на его руках, но все равно было тревожно на душе. А тут еще разбойнички с их сладкими речами! Казалось, чего проще – напугать и связать охрану каравана (убивать Лекша никого не собирался), взять все необходимое для дальней дороги и быстро уйти.

Десять человек, тут же выбравших Лекшу своим походным командиром – сказывалась ордынская служба – согласились пойти с пришлыми на караван. Уже на правах старшего Лекша подошел к сидящему у лошадей Ярому и все рассказал ему.

- Пойдем прямо сейчас. Налегке. Возьмем в караване все нужное в дорогу и вернемся, - Лекша хотел, чтобы его голос звучал твердо и весомо.

Ярый молча кивнул. Выбор сделан, и это их выбор. Что бы не случилось.

Сборы опытных воинов времени не заняли, и через пару минут отряд грабителей пропал в ночной тишине. Пришлые точно вывели к тракту, где натоптанная дорога сужалась меду двумя холмами и делала небольшой поворот, умело расставили воинов по местам, сами заняв место у предполагаемого хвоста каравана. Лекша, как и несколько его товарищей, оставили свои луки на лошадях, которых стреножили и пустили пастись под надзором одного из воинов Лекшиного десятка за холмами. Уже чуть рассветало, и он увидел, что пришлые и оба кипчака, пошептавшись, взяли с собой луки и по паре колчанов со стрелами. Лекша хотел было сказать, что луки им не понадобятся, но махнул рукой. Чего шуметь?

Залегли в траву. Не успел утренний свет озарить и середины холма, как послышался колоколец переднего верблюда, а вскоре и сам он, могучий одногорбый дромадер, горделиво неся на своей шее медный бубенец вожака, показался на дороге. Рядом, держась за повод верблюда, шел караванщик. Следом неторопливо шествовал весь караван, хвост которого терялся в далеком облаке пыли. Лекша похолодел. Он ходил с караванами и знал, что в этих местах число воинов охраны примерно равно числу верблюдов. И это – не считая самих купцов и караванщиков! Пришлые говорили, что должно быть не больше десятка верблюдов. Здесь же их было не меньше пятидесяти. Или на последней ночевке объединились несколько караванов, или … В любом случае было ясно, что надо уходить тихо, пока их не заметили. Перед засадой со своими договорились, что выскакивают на дорогу и останавливают караван, а также уходят в случае опасности, по сигналу Лекши, который должен был крикнуть степной дрофой. Он уже, было, поднес руку ко рту, готовясь дать сигнал отхода, но тут вдруг в грудь первого

караванщика вонзилась стрела. Бедолага медленно опустился на колени и упал, не выпуская повод из своих рук. Дромадер тоже остановился, а потом и терпеливо лег у тела своего хозяина, видимо, подчиняясь натяжению повода. Караван встал. К остановившемуся верблюду кинулись люди, поскакали вооруженные всадники. Один, два, три…. Лекша насчитал их больше десятка. Впереди, из травы напротив убитого им караванщика на дорогу выскочил кипчак, держа в руке лук. Дико визжа и прикрываясь телом лежащего верблюда, он стал метать стрелы в бегущих к нему людей. С другой стороны на дорогу выбежал второй кипчак. Яростно крича, он тоже метал стрелы, а потом схватился за саблю. В середине каравана раздались крики, и Лекша услышал знакомый клич «Юрраа!» Он узнал бы этот крик из тысячи. Это кричали его товарищи, идя в бой. Сомнений не оставалось, и, выхватив саблю, Лекша выскочил на дорогу. В клубах пыли нельзя было сразу разобраться в сумятице боя, в первые мгновения которого всегда действуют ярость и стремление убить ближайшего врага. Именно врага, и именно – убить! Забыты намерения взять караван мирно, без крови, напугав охрану своей отвагой. Забыто то, что охрана может быть своя, из ордынцев. Они обнажили против него оружие, и за это должны умереть. Иначе убьют его. Они – враги!

Слабость монгольского воина в том, что он плохо дерется без коня. Еще в уложении Чингисхана записано – «Если монгол упадет с коня, как он может сражаться?». И сами монголы блестяще бились только верхом. Но Лекшу и его товарищей учили сражаться и пешими, поэтому в первичной неразберихе у них было преимущество перед спешившейся на узкой, забитой верблюдами, дороге охраной каравана. Лекша, действуя и саблей, и боевым ножом, уже сразил троих стражников и видел, что его товарищи, которых он узнавал по монгольским шапкам и бараньим полушубкам, тоже действуют удачно. Он не видел пришлых, да и какое это теперь имело значение! Он не знал, как завершится эта схватка, и что надо делать, чтобы выжить. Только выжить! То, что им

не взять каравана, ему стало ясно, как только он увидел его. Если бы не горячие кипчакские головы! Он не видел, где бились кипчаки и что с ними, но уже не слышал их визгливых криков. Постепенно все напавшие на караван сбились в одну обороняющуюся кучу, сверкающую саблями и ножами. На них яростно наскакивали стражники, к которым то и дело подбегали новые люди. Стражников был много, гораздо больше, чем незадачливых «разбойничков», и они мешали друг другу. Только это пока и спасало Лекшу и его друзей, пытающихся пробиться к холмам. Умом Лекша понимал, что и там им едва ли удастся уйти, но это была надежда… Он успел заметить, что их обороняются только пятеро; его товарищи залиты кровью и уже не так мощно рубят врага, а у него самого налился кровью левый рукав.

Вдруг нападающие на них стражники отодвинулись назад и расступились, словно освобождая разбойникам путь. Лекша обернулся. По склону холма спокойно, словно и не было никакого боя, спускались четверо спешившихся воинов, на ходу накладывая стрелы на тетиву луков. Ясно, что они не стреляли с холма в кучу бьющихся людей, опасаясь задеть своих. А теперь они готовились хладнокровно поразить грабителей, или взять их в полон. Кони спокойно стояли сзади.

Кони! Лекшу как молния пробила. Забыв про монгольское «Юрраа!», он просто заорал и бросился с саблей на лучников. Его товарищи последовали его примеру. На какое-то мгновенье стражники оцепенели. Именно этого мгновения разбойникам хватило, чтобы преодолеть большую часть расстояния до лучников. Те успели вскинуть луки и выпустить по одной стреле. Лекша видел, как трое его товарищей упали, а его самого стрела ударила в уже кровоточащую левую руку. Стоящий перед ним лучник успел достать из колчана новую стрелу и даже наложить ее на тетиву, но выстрелить уже не смог. Сабля Лекши рассекла ему плечо вместе с луком.

Три шага до коня показались Лекше вечностью. Но он пролетел их и одним прыжком вскочил в седло. Ударом ног послал коня в галоп, и гривастый не подвел его. Взяв прыжком с места, он поскакал, унося седока от крови, смертей и стыда. Да, стыда. Даже израненный, потерявший своих товарищей и еще не ушедший от погони Лекша испытывал острое чувства стыда и позора. По законам монгольской армии он подлежал казни. И это было бы справедливо. Он привел своих товарищей, веривших в него и выбравших его походным атаманом, на гибель. Он не смог уберечь их, увести от смерти, и теперь бежит, постыдно бежит!

Свист пролетевшей рядом стрелы вернул его к действительности. С трудом оглянувшись назад, он увидел преследовавших его трех всадников, на скаку целящихся в него из луков. Ответить он не мог, хотя к седлу был приторочен, по ордынскому обычаю, запасной лук с колчаном стрел, да и левая рука уже отказалась ему подчиняться. Надежда была только на коня и на своего товарища, которого они оставили сторожить коней в ближайшем распадке. Лекша надеялся, что тот, опытный воин, достойно встретит врагов, и они вдвоем сумеют их одолеть.

Он припал к гриве и полетел во весь опор. И вот уже виден спасительный кустарник, где, как предполагал Лекша, сидел в дозоре его товарищ. Направив коня к кустарнику, он не заметил, что преследователи обошли его с двух сторон. Стрела попала коню точно под сердце, и гривастый рухнул, не дотянув десяток саженей до кустов. Конь упал, придавив всаднику ногу и левую, раненую, руку. От удара и боли Лекша потерял сознание.

Он не видел, как в тот момент, когда один из преследователей спешился и, достав нож, шел к лежавшему Лекше, из кустов вылетела черная железная стрела и поразила уже торжествовавшего степняка прямо в сердце. Пока его товарищи соображали, что же произошло, еще одна стрела сшибла с коня

второго преследователя. Третий же, моментально всё поняв, не стал изображать из себя героя, быстро развернул коня и ускакал. Из кустов, хромая, вышел Ярый. Он вытащил еще бесчувственного Лекшу из-под коня, подобрал поводья двух других, оставшихся без седоков. Потом он взгромоздил Лекшу поперек седла одного из коней, аккуратно вырвал арбалетные стрелы из тел преследователей, сел на второго коня и, держа за повод коня Лекши, направился в распадок. Там он пересел на своего вороного и, ведя в поводу двух других, неторопливой рысью поскакал к лагерю. Он не боялся преследования, по опыту зная, что караванщики не отпустят охрану догонять напавших. Что же касается остальных своих воинов, то… А живые сами найдут дорогу. Но видя своего лучшего десятника, он понимал, что в живых едва кто еще остался.

В лагере Ярый и трое оставшихся с ним воинов весь день выхаживали бесчувственного Лекшу, вытащили из его руки наконечник стрелы, зашили раны. Меняя раненому повязки, пропитанные настоями трав, Ярый заметил, что в волосах давно не брившего голову молодого десятника появилась седина, а по лбу пролегли две глубокие морщины. Сам воин, Ярый понимал, что седина и морщины не от боли и ран – мало ли его десятник их видел и еще увидит на своем веку! – но от стыда и горечи. За напрасно загубленных им боевых товарищей, за свое хвастовство и самоуверенность. Так сказал и сам Лекша, пришедший в себя на второй день. Он каялся и просил прощения у убитых и у Ярого, насылал проклятия на себя и на пришлых разбойников, хотя они оба, и Ярый и Лекша, понимали, что не только пришлых тут вина.

Остыв после проклятий на самого себя, Лекша поблагодарил Ярого за свое спасение и рассказал о случившемся у каравана.

Сотник, как всегда, был сух и краток.

- За товарищей твоя вина есть. Тебя ведь выбрали походным атаманом, с тебя и главный спрос. Но и с них вину не снимай. Без

твоего сигнала полезли, сами договор нарушили. За спасение Бога благодари, что моей рукой стрелы арбалетные метал.

- А как ты туда попал и где Серко, что мы коней сторожить поставили? И кони где? Нас ведь десять было.

- Я за вами утром поехал. По следам. Тревожно на душе было, нутром неладное чуял. Видишь, правду нутро подсказало, пока не подводит. Над трактом еще пыль от вашей сечи клубилась. Коней ваших из распадка кто-то увел, но не к тракту, а в сторону. Серку горло перерезали, там остался. Я думал, боковой дозор каравана на него наткнулся. Странно, что Серко не успел саблю вынуть. В ножнах была. Тихо резали, врасплох застали. Похоронить не успел, тебя увидел. А где пришлые? В сече их видел?

- Не видел. Они сели к хвосту каравана. Может, там и остались.

- Едва ли. Сдается мне, подставили они вас. В распадке, где вы коней оставили, увидел следы двух верблюдов. Если бы боковой дозор каравана на коней наткнулся, либо кто еще из лихих людей Серка подрезал и коней увел, едва ли были у них верблюды. На верблюдах каравана подойти могли только пришлые. Где, ты говоришь, они в засаду сели? В хвосте каравана, за изгибом дороги? Я эту повадку знаю. Они дождались, когда вы впереди на караван нападете, и вся стража побежит к вам. А сами убили оставшихся купцов, взяли двух верблюдов с самой ценной поклажей и на этих верблюдах ушли к распадку. Там они обманом зарезали Серка, забрали коней и ушли.

Лекша даже застонал от обиды и бессилия. И как он сам не понял вероломства пришлых! Он же видел, как они шептались перед засадой. И как луки с собой брали. Видно, прельстили чем-то жадных кипчаков пришлые, вот и не дождались те Лекшиного сигнала и подвели всех товарищей своей горячностью под смерть. Он, он виноват, и не будет ему за это прощения. От боли и обиды опять забылся Лекша тяжелым сном, где мучали его видения смерти Серка и остальных воинов, злобные ухмылки коварных пришлых и

призывное ржание его верного коня, который тоже пропал в этом бесславном походе. Но утром он проснулся бодрым духом, чувствуя, что силы восстанавливаются, а жажда мести растет, и уже ни о чем другом он думать не может. Он встал с постеленной для него попоны и, стараясь идти прямо, подошел к костру. Ярый и трое других воинов молча потеснились, предложили Лекше миску горячей похлебки.

Небо было по–осеннему голубым и прозрачным. Первый ночной мороз прихватил листву кустарников и редких деревьев небольшой рощи, что дала им приют. Воздух был сухим и звонким. Звонким, как голоса птиц, прощавшихся с летом и собиравшихся в стаи для дальнего перелета. На оружии и на бурдюке с водой таял иней, стекая прозрачными каплями на одежду воинов и на землю. Голос Ярого тоже был сух:

- Нас пятеро. У нас шестнадцать коней. Есть оружие, но нет еды и теплой одежды. Скоро наступят холода, и идти дальше будет трудно. Впереди, в двух - трех днях пути, будут горы, за которыми начинаются славянские земли. Чтобы перейти горы, нужна теплая одежда и запас еды.

- Что за земли вокруг нас и впереди? Орда? – Лекша старался говорить твердо, не показывая своей слабости.

- Орда – до конца света. Здесь и там за горами – все завоеванная и покоренная земля. Местные князья сами собирают и платят Хану дань. Но есть там непокорные племена и народы. Кого встретим – неизвестно. Одно знаю, в самой Орде идет суровая драка за старшинство, а значит, больших походов в эти земли не должно быть. Все битвы будут там, в Степи. Что думаете, говорите смело. Приказывать не хочу, да, неверно, и не могу уже, - Ярый оглядел сидевших у костра.

Один из воинов поднял голову.

- Можно доехать до какого-нибудь поселения и попытаться добыть там одежду и еду.

- Опять на клинок взять? Уже пытались с караваном, - возразил ему другой и бросил взгляд на Лекшу. Тот хотел было резко ответить, оправдаться, но сдержался. Это была правда.

- Никаких набегов на степняков. Даже если набег будет удачным, степная молва разнесет весть о новых разбойниках, и мы станем мишенью всех встреченных стрел. А если в поселении окажутся пару десятков храбрых вооруженных воинов? Мы - богатая и легкая добыча с табуном коней и только четырьмя здоровыми воинами. Я поддерживаю план попытаться купить или обменять на лошадей одежду и еду, но неизвестно, как далеко это ближайшее селение, и кого мы там встретим. Я надеялся на тех двух кипчаков… - Ярый замолчал, вороша угасающий уголь костра.

Лекша не выдержал. Эти слова давно хотели слететь с его губ, но он сдерживал себя, чтобы не показаться человеком, пытающимся загладить собственную вину.

- Надо найти пришлых. Они говорили, что их осталось двое, и у них есть место, чтобы переждать холода. Мы можем по следам найти их, пока не выпал снег. Мы отомстим им и отберем у них запасы и добычу. Потом с этим сможем продолжить путь.

- А как мы их сможем найти? Три дня прошло, остались ли следы… Хотя наказать их надо! И за Серка отомстить, – воины заговорили разом, загораясь этой идеей.

- Хотел, чтобы сами сказали. Я на второй день съездил туда, прикопал тело Серка и проследил следы, - Ярый вынул нож и стал чертить на земле, - вот распадок, откуда коней увели, вот сюда следы пошли. Здесь они в ручей зашли, чтобы следы спрятать. Надо по обоим сторонам ручья проскакать, посмотреть, где вышли. Погода была сухая, ночью прохладно, следы должны сохраниться.

Как Лекша не рвался в этот поход, его, раненого и еще слабого, оставили дозорным в лагере, а Ярый и трое воинов, быстро собравшись, ускакали. Никогда еще время не тянулось так медленно и томительно. Лекша, ковыляя, собрал огромную кучу хвороста для

костра, проверил и обиходил коней, с тоской вспоминая своего любимца, угнанного пришлыми. В седельном вьюке своего запасного коня нашел мешочек со своей заначкой, которую он сумел перед отъездом из лагеря забрать у старика – китайца. Про себя решил, что независимо от того, удастся ли его товарищам забрать у пришлых припас, он отдаст накопленные им деньги и несколько украшений в общий котел, на покупку всего необходимого. От этой мысли ему даже легче стало. Перекусив лепешкой, он сел спиной к дереву и уже, было, задремал, но вспомнил страшную судьбу Серка, и сон исчез. Он положил возле себя лук и колчан со стрелами, достал саблю и занял удобное для наблюдения за лагерем место в кустарнике.

Солнце скатилось с зенита и, вытягивая тени деревьев, стало уходить на запад, в сторону его родных мест. «Тебе хорошо, - лениво думал, наблюдая за уходящим светилом Лекша, - тебе есть, куда идти. Придешь туда, посветишь, посмотришь на все, что творится внизу, правильное или неправильное, и снова уйдешь. Навестишь все края и страны - до Последнего моря, омывающего всю земную твердь, и снова возникнешь на востоке. Все видишь, все знаешь. И тебя все знают и почитают, и всяко живущее и цветущее на земле по тебе строит свое бытие. Встает и ложится, цветет и падает, родится и умирает. А мы кто, каждый из нас, людишек мелких и ничтожных для тебя? Зачем мы живем? Кому нужны? – мысли плавно текли в его голове, не наталкиваясь на преграды, кои обычно возникают в разговоре с себе подобными. Здесь, в мыслях, вопросы не требовали ответа, но были просто доказательством того, что он живет и не хочет просто бессловестно существовать на этом свете, как травинка в этой бесконечной степи,

«Зато, светило, ты ходишь по заранее определенному кругу, с которого не можешь сойти. Я же, человечек малый, могу поменять свой путь. Вот, из Орды ушел, иду, не знамо куда, где хочу – останусь. Или своим постоянным путем по небу ты хочешь показать, что даже

великие не могут ничего изменить, и всё, что происходит с нами, заранее предопределено? И нам лишь кажется, что мы вольны в выборе?»

От этой мысли Лекше даже жарко стало, хотя воздух заметно похолодал. К вечеру воины не вернулись, не было их и утром следующего дня, и в душу Лекши стала закрадываться тревога. Он гнал от себя плохие мысли, обращаясь с просьбами то к солнцу, то к звездам. Но те были так высоко и так недосягаемо и безучастно струили свой свет, что Лекша отверг их за бесполезность, закрепив свое презрительное к ним отношение крепким степным словом. Вспомнив про свой талисман, историю его появления, свое чудесное спасение Ярым и исцеление от ран, Лекша достал из-под ворота рубашки деревянный крестик на волосяном шнурке и, сжав его в руке, обратился к неведомому Богу с самыми горячими словами просьбы.

- Пусть Ярый и другие останутся живы! Пусть им повезет, и они вернутся невредимыми. Добыча и его, Лекши, конь тоже, конечно, важны, но главное – их жизнь!

Дерево крестика нагрелось в горячей руке Лекше, и тому казалось, что его слова услышаны и обязательно сбудутся.

А Ярый со товарищи, покинув Лекшу, быстро добрались до распадка. Сотник был прав, и там еще можно было распознать в траве следы коней. Стараясь не смотреть в сторону могилы Серка, которую уже подкопали пернатые и зубастые падальщики, они еще раз осмотрели место его гибели. Найдя уверенные следы ушедших коней, среди которых отчетливо выделялись большие и глубокие раздвоенные следы верблюжьих копыт, пошли по ним. Доехали до мелкого, но достаточно еще широкого ручья, втекающего в расположенное у самого тракта озеро, у которого и ночевали обычно караванщики. По ручью, судя по следам, и погнали пришлые коней и верблюдов вверх по течению. Группа разделилась и по двое поскакали по обеим сторона ручья, ища следы. Скакали недолго.

Угонщикам тяжело было гнать табун по воде, и, едва ручей завернул за очередной увал, они вывели добычу на берег и погнали по распадку. Верблюды шли медленно, и Ярому понадобилось совсем мало времени, чтобы пройти путь, на который у разбойников ушел почти день. Когда вдали, у основания высокого холма, затемнел лес, Ярый приказал остановиться и спешиться. Из леса вся равнина хорошо просматривалась, и подойти к лесу незаметно и засветло было невозможно. На то, что разбойники были там, указывал легкий дымок, вившийся над кронами деревьев и хорошо видимый в вечернем прохладном и чистом воздухе. Потянув ноздрями воздух, Ярый даже уловил запас жареного мяса. Судя но напрягшимся лицам своих товарищей и их голодным глазам, стремленным в сторону дыма, запах Ярому не почудился. Они переждали до ночи. Когда первые звезды набрали свет, Ярый приказал стянуть морды коней ремнями, чтобы те не заржали, почуяв своих. Потом они тихо тронулись, рассыпавшись цепью. Коней оставили у самой опушки, стреножив им ноги, а сами бесшумно заскользили, словно обтекая деревья и ветки. В полной темноте леса они сразу заметили огонек костра. Видно, что разбойники не лукавили, когда говорили о том, что их осталось только двое – дозора не было. Костер горел перед входом в пещеру. Опять не лгали разбойники – неплохое место переждать холода они выбрали. Оба пришлых сидели у костра, спиной к пещере и тихо беседовали. На костре жарился кусок мяса. По терпкому запаху Ярый узнал верблюжатину. «Хорошо, до коней не добрались!» Говорили пришлые на одном из языков Степи, калмыкском, и Ярый хорошо понимал их.

- Удачно все получилось, и товар хороший взяли. Жалко те два кипчака не выбрались, как договаривались. Вдвоем на дело не пойдешь, да и зимовать вдвоем с такой добычей опасно. К людям хана Агыя не пойдешь. Они нам не верят после того, последнего похода, и думают, что мы тоже погибли. Если они узнают, что мы живы, будут искать нас, сразу найдут эту пещеру, а нас самих… Бек Сунге тоже не рад будет. Перед снегами кому лишние рты нужны!

Даже если богатый бакшиш ему поднесем. Нет, видимо, здесь пересидим, мясо есть, рис есть. Даже вино есть. Жалко только, невольниц на этих верблюдах не оказалось! А как снег уйдет, пойдем на Хопер, погуляем и новую ватагу соберём. Туда сейчас многие храбрецы перебрались, кто не боится саблю кровью купцов испачкать! – говоривший при этих словах подбоченился и гордо посмотрел на своего товарища. Тот ответил ему бравым «Якши!», и оба засмеялись.

Рубиться с этими разбойниками Ярому не хотелось. Да и берег он своих оставшихся воинов. А вдруг эти более умелыми в схватке окажутся. А спрашивать у них, у живых, ему нечего. Он все слышал. Он поднял свой арбалет, сделав знак своим товарищам. Четыре стрелы, по две в каждого, оборвали разбойничьи жизни.

- Это вам за наших товарищей, - запоздало приговорил разбойников Ярый. Но кто на эти мелочи обращает внимание! Двум воинам Ярый приказал оттащить тела в сторону и снять с них оружие. Еще один взял из костра факел и осмотрел пещеру. Она показалась воину огромной. В ней стояли, испуганно моргая на факел, больше десятка коней и один двугорбый верблюд, даже в этой обстановке продолжавший жевать свою нескончаемую жвачку. Знал бы он, что стало с его собратом и какая участь ожидала его самого, небось занервничал бы! Как и предполагал Ярый, больше никого не было, но в углу пещеры оказался целый склад мешков и вьюков. Возвращаться ночью не имело смысла, и отряд уютно расположился на ночь, заведя в пещеру и своих коней. Сытно поев жареной верблюжатины, а у разбойников оказались приготовлены еще и лепешки, и сушеные фрукты, и даже баклажка со сладким рисовым вином, легли спать в пещере, где в тепле от тел животных и под их мерное жевание и фырканье, прекрасно выспались. И даже дозорные, которыми, в силу немногочисленности отряда, пришлось побывать всем. Кроме, разумеется, сотника Ярого.

А то вдруг враги нападут, а начальник – усталый!

Ярый, конечно, заметил, что на поясах двух его воинов появились украшенные каменьями сабли, ранее украшавшие покаранных ими разбойников. Видел он и перстни, снятые его воинами с мертвых пальцев. Он не сомневался в том, что и кони, и роскошная одежда разбойников тоже поделена. Это – закон войны! Задело его конечно, что воины не поделились с ним, и даже не предложили долю. А, впрочем, он сам отказался от старшинства над ними. Да и вчера он сам отошел в сторону, только вынув свою арбалетную стрелу, когда они склонились над телами поверженных разбойников.

Но осадок остался.

Утром, погрузив на коней и многострадального верблюда все тюки и провизию из пещеры, отряд отправился к своему лагерю. Они повторили свой путь, разве что не спускаясь в ручей. В злополучном распадке Ярый хотел по всем правилам захоронить тело Серка, но оказалось, что все останки растащены степным зверьем. Сказав нужные слова прощания, отряд тронулся дальше и, учитывая тихоходность верблюда, к вечеру следующего дня был в лагере. Больше всего проявлений радости и нежности досталось коню Лекши, которого тот уж и не чаял увидеть. Конь положил свою гривастую голову на плечо хозяина, тот обнял коня за шею. Так и стояли они долго, мысленно высказывая друг другу ласковое и сокровенное. Потом Лекша разнуздал коня, старательно расчесал тому гриву и хвост от приставшего степного репейника, проверил и почистил копыта и лишь потом отвел своего друга к специально облюбованной им полянке с сохранившейся на солнышке сочной травой.

Ярый коротко рассказал Лекше о походе и приказал проверить привезенные из пещеры припасы. В мешках оказался изрядный запас риса и вяленного мяса. Были там мешки с чаем и различными пряностями, куски тканей и даже драгоценного китайского шелка. В

одном из тюков нашли небольшой ларец с золотыми и серебряными монетами, а также мелким жемчугом и разноцветными камушками. Кстати пришлись и куски свежеваной верблюжатины, которые Ярый приказал сразу же начать жарить и коптить для хранения. Бурдюк рисового вина, который воины уже, было, подтащили к расстеленной для пиршества попоне, сотник предусмотрительно отодвинул в сторону, сказав, что в этот вечер им понадобятся свежие головы. Он заметил, что воинам это не очень понравилось. И это не понравилось ему.

Особую радость вызвала теплая одежда – халаты, штаны и теплые сапоги, которые воины сразу же примерили. Это было весьма кстати, поскольку вечер был уже по-настоящему холодным.

Вокруг костра их было пятеро. В разноцветных халатах, мохнатых монгольских шапках и мягких меховых сапогах с загнутыми, по китайскому обычаю, носками, они были похожи на группу купцов, отдыхающих после длительного караванного перехода. Впечатление довершал постоянно жующий верблюд, белая двугорбая фигура которого отчетливо выделялась в отблесках костра на фоне темной массы деревьев. Ярый пустил по кругу миску с рисовым вином, разбавленным горячим чаем, и первым взял из блюда кусок жаренного мяса. Молча насытив первый голод, Ярый огладил свои висячие усы:

- У нас два пути. Мы можем остаться здесь и попробовать переждать холода. Можем вернуться в пещеру, где были пришлые, но зимовать в пещере опаснее, поскольку она может быть известна другим местным. Очень уж приметное место. Здесь, в лесу, можем построить хижину. Дров для костра хватит, но кони без корма не выживут. Их придется забивать на мясо и шкуры для жилища, и к весне мы останемся без половины коней. Второй путь – идти дальше. В селениях и становищах покупать корм и еду. Найдем проводника, перейдем через горы. Там уже наши земли. Пришлые хотели туда идти весной, говорили, что много народа из Степи туда сходятся. Значит, и мы не пропадем.

Решили идти дальше. Самым сильным аргументом для них, сроднившихся со своими скакунами, была угроза Ярого забить коней. Конечно, степняки забивали коней, ели их мясо и в походах, в безвыходных ситуациях пили горячую конскую кровь прямо из конских шей, надрезая их своими острыми ножами, но забить своих длинногривых товарищей, пустить на мясо своих боевых друзей или видеть, как те умирают от голода! Этого они не могли допустить. Ярый знал это и намеренно использовал этот довод в своей речи. Ему, формально уже не бывшему их воинским начальником, нужно было, чтобы воины сами приняли решение идти дальше и признали его старшинство. А кроме того, он знал, что длинная зимовка и безделье ослабят дисциплину в их маленьком отряде, что может привести к непредсказуемым последствиям и самым печальным результатам. Только совместные лишения сплачивают людей и ведут их к цели.

Когда все приняли решение идти дальше, Ярый, поправив свои усы и положив на колени свою саблю, произнес своим прежним, командирским, голосом:

- Мы выступаем в поход. Вы – воины и знаете, что в походе нужна одна воля, одно решение. Мы уже не ордынцы, и я – не ваш сотник. Но нам нужен походный атаман, слово которого будет законом для всех.

Ни у кого не было сомнения, что атаманом был, есть и будет Ярый, но сказал об этом Лекша. Он встал на колено перед Ярым и произнес:

- Я клянусь тебе. Всегда и во всем. Ослушаюсь – смерть мне.

Остальные трое повторили клятву, встав с колен верными Ярому воинами. Какими они всегда и были. Разве что иногда хотелось им свободы действий и выбора. Но умом они понимали, что в их сложном боевом походе без главного нельзя. Да и неплохо это, когда очень важные решения кто-то принимает на себя. Вместе с ответственностью.

Выход наметили на утро. Закрепляя свою моральную победу, Ярый назначил дозорных. Те повиновались безропотно.

Ночью выпал первый снег. В их лесу это было не так заметно, поскольку ветки деревьев приняли на себя первых пушистых посланцев зимы, и теперь с веток сыпалась на них капель, вызванная появившимся на горизонте и еще горячим солнцем. Одежда, попоны и поклажа были влажными, вещей было неожиданно много, и сборы заняли больше времени, чем обычно. Когда отряд, наконец, тронулся, солнце стояло уже высоко, полностью растопив выпавший за ночь снежок. Местность вокруг них поменялась. Ровная, как расстеленный ковер, поверхность степи изменилась, все чаще встречались холмы, небольшие рощи и распадки, по дну которых поблескивала вода. Держать путь прямо на запад по такой местности было сложнее, да и угроз было больше. Большой караван с несколькими всадниками охраны, конечно, представлял собой лакомый кусок для любого отряда степняков. И хотя многомудрый Ярый велел на некоторых запасных коней навьючить похожие на фигуры всадников вьюки и привязать к ним торчащие кверху пики, чтобы хоть издалека отряд казался многочисленней, но даже он понимал, что эта уловка едва ли могла обмануть опытных степняков. А уж двугорбый верблюд, мало того, что сразу выдавал в них невоинский отряд, так вообще своей неторопливой поступью сдерживал их продвижение.

Ярому не раз приходила в голову мысль перейти на тракт и двигаться по нему, как обычному каравану, но он понимал, что даже в условиях почти прекратившегося сейчас, в начале зимнего периода, караванного движения, их странный по составу и облачению караван вызовет ненужный интерес любого встреченного, а отсутствие у них необходимого для прохода по тракту пропуска – особой пайцзы – сразу поставит их вне закона. Кроме того, отсутствие у них такого пропуска лишает их возможности пользоваться почтовыми ямами, оборудованными по

всему тракту стоянками, где при предъявлении пайцзы путникам дают корм и ночлег, а гонцам почтовой службы Орды меняют, по их требованию, лошадей.

На второй день пути дозорный, поднявшись на увал, увидел внизу становище степняков, состоящее из нескольких юрт. Вдали паслась отара овец. У юрт хлопотали женщины, резвились дети. Дозорный рассказал об этом Ярому, и тот решил попытаться установить контакт с этой кочующей семьей, купить что-либо из еды, да и вообще - уточнить обстановку. Ехать решил он один, чтобы не насторожить кочевников, оставив за старшего Лекшу. Взяв с собой несколько кусков ткани, мешочки с чаем и пряностями, сунул за пазуху несколько монет. Уже садясь в седло, посмотрел на верблюда и, как осененный прозрением, приказал скинуть с того поклажу и навьючить товаром для обмена. Взяв двугорбого за повод, он неторопливо направился к становищу. Въехав на увал, увидел, что картина, о которой говорил ему дозорный, изменилась. У юрт появился большой табун лошадей, охраняемый несколькими всадниками. Ярый понял, что из становища увидели их дозорного на увале и приняли обычные для степи меры предосторожности. Так же неторопливо он подъехал к самой большой из юрт, отметив, что вокруг нет ни женщин, ни детей, а лишь вооруженные всадники не спускают с него настороженных глаз. Оставив коня и верблюда у коновязи, он стряхнул степную пыль со своих сапог и отодвинул полог юрты.

У горевшего посреди юрты огня сидел седовласый степняк, очевидно, глава этой семьи. Часть юрты отделял полог, за которым слышались детские голоса, смех и сердитый женский шепот. Степенно поздоровавшись, Ярый получил приглашение войти и занять место у огня. Он прошел в юрту, оставив саблю у входа. Этот знак миролюбия был оценен, и ему была предложена чашка кислого молока. Потом был степенный разговор о погоде, здоровье и пути, по которому идут все живущие на этом свете. Закончив эту часть беседы, Ярый поставил чашу и перешел к делу:

- Мы – путники, идем издалека, и путь наш еще долог.

Степняк задумчиво покачал головой, показывая, как понятны ему заботы Ярого.

- Хотели бы купить у вас еды. В знак нашего доброго расположения и надежды на принятие нашей просьбы прошу принять этот знак внимания, - Ярый достал и преподнес степняку двумя руками приготовленный кусок ткани и небольшой мешочек чая. По знаку старика из-за полога неслышно вышла и приняла подарок закутанная до бровей женщина. В юрту зашел и что-то тихо сказал старику молодой человек с длинным ножом у пояса. Тот одобрительно покачал головой.

- Пусть твои товарищи не беспокоятся. Мы давно видим ваш отряд, понимаем, что идете вы из Орды за Горы, к Большому морю. Степь имеет свои глаза и уши. Шесть лун назад было нападение на караван. Там легли несколько ордынцев. Твой верблюд, видимо, из того каравана. Но это не наше дело. Каждый из нас выбирает свой путь, а мне важна жизнь моей семьи. Мы кочуем отдельно, но наш хан Агый не ссорится с Ордой и платит ей дань. Некоторые наши сородичи живут, добывая пропитание своей саблей. Это – их путь, и мы можем лишь осуждать или понимать его. Но иногда они наносят вред своим родам. Этого мы не прощаем. Много лун назад двое предали своих родичей, подставив их под сабли ордынской конницы. Хан Агый поклялся отомстить. Если они живы, мы их найдем.

- Из-за них погибли и мои люди. Но я отомстил. Их тела в пещере, на востоке, у пересохшего ручья. У меня в отряде только русичи. Мы миром ушли из Орды, чтобы не участвовать в битве ханов, и идем к своим. Ссоры ни с кем не хотим.

Старик помедлил, поглаживая бороду. Потом кивнул:

- Хорошо. Давай смотреть, что привез.

По команде аксакала в юрту принесли привезенные Ярым ткани и пряности. И начался торг! Тот, кто хоть раз был на Востоке и видел, как торгуются купцы, знает, что такое торг. Это не яростный спор о цене с хватанием друг друга за грудки и призыванием Бога в свидетели. Это – для рынка, где торговцам просто скучно, и им хочется устроить зрелище для себя и соседних торговцев. Плюс, конечно, надо надуть иноземца. Здесь же был уважительный разговор двух серьезных людей, где главное – не просто купить и продать, но важно утвердить свою значимость в глазах окружающих и партнера. Цена - она известна, и если нет надобности скорее сбыть или скорее приобрести, то торг имеет сугубо ритуальный характер. Ярый и аксакал выпили по паре чашек кислого молока, к которому подали незамысловатое угощение, а вызванные из-за полога три женщины прощупали ткань и попробовали пряности. В итоге сошлись на том, что Ярый получает двух баранов, бурдюк кислого молока, несколько кругов сыра и пять выделанных овечьих шкур.

Стороны, казалось, остались довольны результатом обмена, но Ярый хотел большего. Выйдя с аксакалом наружу, где мужчины уже связали баранов и готовились навьючить на верблюда все приобретенное имущество, Ярый заметил явный интерес, с которым аксакал разглядывал горделивого двугорбого великана - бактриара.

- Я отдам тебе верблюда, если твой сын проводит нас до гор через земли хана Агыя.

- Я тебя понимаю, чужак. Одной стрелой хочешь подстрелить двух сайгаков. Избавиться от верблюда, который сдерживает твой отряд, и получить гарантированный проход через наши земли. Это возможно, но цена моего сына выше, чем горбы этого красавца.

Ярый достал из-за пазухи две золотые монеты и протянул их аксакалу.

- Это – всё, что у меня сейчас есть. Дойдем до гор, заплатим твоему сыну столько же.

Степняк взял монеты и, не выпуская руку Ярого, долго смотрел ему в глаза.

- Я верю тебе. Да пошлет Всевышний вам удачу. Актай, - обратился он к одному из молодых степняков, стоявших в почтительном отдалении, - пойдешь с ними до гор. Встретишь кого из наших, знаешь, что сказать.

Затем подозвал сына к себе и что-то сказал тому на ухо. Увидев, как насторожился Ярый, доверительно положил тому руку на плечо.

- Тебе нечего опасаться, если враги хана Агыя мертвы. Но хан должен это знать наверняка.

Ярый с молодым степняком навьючили на своих коней припасы, попрощались с аксакалом и вернулись к ожидавшим их воинам. Не мешкая, тронулись в путь. Без верблюда двигались значительно быстрее, да и проводник вел их уверенно. Несколько раз вдалеке показывались всадники, но к отряду не приближались. Один раз Актай подъехал к ним, и после короткого разговора всадники исчезли. Ярый не сомневался, что воины неведомого хана Агыя уже нашли пещеру и убедились, что враги хана мертвы, а значит, их отряд заработал себе право беспрепятственного и беспошлинного прохода по этой земле.

Еще один раз заходили в кочевье для покупки еды. Присутствие Актая упрощало дело, и торг завершился быстро.

На исходе третьего дня пути впереди показались горы. Они не были так высоки, как та горная страна, которую Ярый и Лекша видели во время своих походов на восток, и верхушки этих гор не были покрыты сверкающим снегом. Те, восточные, вершины были острыми и непреступными, наводящими мысли о том, что это не просто горы, а дворцы небожителей, из которых боги наблюдают за тщетой и суматохой простых смертных. Эти же горы были пологими,

поросшими лесом, но даже сам их вид заставил воинов поежиться от мысли о необходимости их переходить. Ярый подъехал к Актаю:

- Есть какая-нибудь горная тропа, по которой мы можем перейти горы?

- Тропы есть, но уже очень скоро ляжет большой снег, и вы с караваном не сможете пройти там, где ходят только охотники.

- Как мы перейдем горы?

- Я должен был довести вас до гор. В это время есть только один путь. Это почтовый тракт, дорога Орды. Завтра мы будем у начала её горного участка. Движения по тракту сейчас нет, но там есть почтовая станция, яма, где можно найти ночлег и корм для коней. Смотрят за ямой ваши сородичи.

Это была их последняя ночевка в Степи. Ярый знал, что можно было вести отряд, обходя горы с юга. Но, кроме того, что так они значительно удлинили бы путь в славянские земли, идти им пришлось бы по землям Белой Орды. Кочующие в котле вечной племенной вражды становища непокорных кипчаков, волжских булгар, башкир, аланов, черкесов и крымских татар – не самое лучшее место для убегающих из Орды славянских воинов. По сравнению с этим переход через горы, хотя и был сопряжен с опасностью встретить отряд настоящих ордынцев, казался уже не таким опасным предприятием. Кроме того, после гор начинались лесные, славянские земли и, хотя Ярый понимал, что эти земли так же входят в Орду, но надеялся, что в тех местах им удастся остаться невидимыми и недосягаемыми для монгольской «дарюги». В свой последний поход в земли славян, когда внук Великого Чингисхана – хан Берке по просьбе новгородского князя Александра Ярославовича дал тому конницу для борьбы с Литвой, Ярый был в том войске. Со многими русичами – славянами говорил он тогда и понял, что силен в тех воинах дух свободы. И чувствовал Ярый, что не выдадут их братья - славяне.

Издалека горы казались близкими, но лишь к середине следующего дня подъехали они к первым отрогам, подпирающим другие, более высокие, горные перешейки, которые в свою очередь, поддерживали еще более высокие. И этому, казалось, не будет конца. Актай указал на ближайший распадок:

- Там идет почтовый тракт. В трех полетах стрелы будет яма – почтовая станция. Она чуть в стороне от тракта, не просмотрите. Удачи вам!

Ярый, как и обещал, дал молодому степняку две золотые монеты.

- А это, - он положил в руку Актая ярко-красный рубин, - подаришь своей невесте. Я ведь слышал, как отец тебе что-то говорил про калым. Когда свадьба?

- Теперь уже скоро! – Актай уже поднял руку с нагайкой, чтобы пустить коня вскачь, но остановился:

- Там старший – Мирон. От Актая привет передай! Скажи, собак привезу как обещал.

Подъехали к тракту, осторожно двинулись по нему, словно торговый караван, выстроив груженых лошадей друг за другом, а сами встали как охранники – впереди, сзади и по бокам. Ярый, подбоченясь, как и подобает хозяину, ехал то впереди каравана, то чуть сбоку. Дорога была наезжена, но свежих следов по выпавшей снежной пороше не было. Через некоторое время передний всадник поднял руку, а затем показал в сторону. Тропа вела вбок, к скрытой за небольшой рощей и огороженной частоколом почтовой станции. Тропа присыпана снегом, без следов. Станция стояла в полной тишине и не блеснула огоньком. Лишь струйка дыма, еле заметная в сумерках, вилась над частоколом. Если бы не слова Актая, да было бы чуть темнее, так бы и проехали мимо. По знаку Ярого съехали с тракта, лошадей под охраной трех воинов оставили

в роще. Старший и Лекша тихо подкрались к частоколу. Срубленный из толстых бревен, он надежно закрывал обширный двор. Прочные ворота были закрыты. Тишины стояла полная.

Отойдя от ворот, нашли место, где деревянная стена казалась пониже. Встав на плечи Ярого, Лекша подтянулся и, ухватившись за верхний заостренный кол бревна, перелез и спрыгнул вниз. Никто его там не встретил – ни стража, ни обычный для ямы собачий лай. Полная тишина. Подойдя к воротам, он аккуратно сдвинул толстую доску – засов и пропустил внутрь Ярого.

На большом дворе было несколько построек. Упавшая ночь, когда всё вокруг разом посерело и погрузилось в густую темноту, а высокие звезды и луна еще не набрали полный свет, не позволила воинам рассмотреть всё внимательно. Определив главную жилую постройку, тихо подошли к закрытому на плотные ставни окну. А там, в узенькую щель, был виден свет! Аккуратно вставив в щель ставня лезвие ножа, Лекша чуть расширил отверстие, и они, по очереди с Ярым, сумели рассмотреть внутренность постройки. За столом, на котором горела тонкая лучина, на скамьях сидели трое бородатых мужчин, укутанных в меховые одежды и в нахлобученных по самые брови шапках. У скамей рядом с ними стояли рогатины и шестоперы. В очаге, сложенном посреди помещения, краснел углями огонь, над которым в казане варилось явно что-то вкусное. Мужчины о чем-то тихо разговаривали на славянском языке.

- Мирон, это Актай, открой, - Ярый припал ртом к ставню и прошептал на степном наречии заветные слова.

Мужчины заворочались, сноровисто разобрали оружие и подошли к двери.

- Актай, ты, что ли? – недоверчиво переспросил самый бородатый из них.

- Да я, я это. Открывай. Я щенков тебе привез.

Дверь заскрипела и отворилась. Лекша и Ярый мигом ворвались внутрь, подняв руки в знак своих добрых намерений. Им в грудь сразу нацелились две рогатины, а один из бородачей угрожающе помахивал шестопером, деревянной палицей с железными зубьями, хищно блестевшими в свете огня.

- Кто такие? Где Актай? – начал, было, на степном, бородач. Очевидно, монгольские шапки, халаты и кривые сабли Лекши и Ярого выдали в них степняков.

- Да жив твой Актай. Жениться ускакал. Но щенков обещал привезли. Нас, вот, до тракта довел, яму указал и тебе, Мирон, велел привет передать, - уже на славянском продолжил Ярый, подходя к столу и снимая шапку. Хотя знал, чертяка, что вид его шрама доверия к нему не прибавляет. По крайней мере, в первые минуты общения.

Бородачи успокоились и предложили путникам поесть.

- Спасибо. Не откажемся. Но у нас еще трое товарищей есть. Ханской пайцзы у нас нет. Но за кров и еду заплатим. Мы не разбойники, - спешно добавил Ярый, заметив, как нахмурился Мирон.

Тот думал недолго:

- Пусть идут. Только тихо. Поговорим, там думать будем.

Когда Лекша привел остальных воинов и весь караван лошадей, было уже совсем темно. Лошадям задали корма, благо на почтовой станции был его изрядный запас. Путников угостили и определили на ночлег там же, в помещении вокруг костра, в который подкинули дров. Огонь весело затрещал, стало светлее и теплее. Ярый успел обстоятельно поговорить с Мироном и, пока остальные бородачи вышли, чтобы обойти с ночным дозором территорию ямы, тот рассказал о ситуации:

- Когда в Орде началась буза, и белый шатер верховного хана переходил из рук в руки, почтовый тракт использовался редко. Воины бились в Степи, а купцам не хотелось рисковать в это смутное

время, и они почти прекратили пускать караваны через Орду, предпочитая другие пути, хоть и более длинные. Дозоры конницы, которые хан время от времени пускал по тракту для поддержания порядка, давно же не проходят здесь, и яму охраняем и держим сейчас только мы. Сами мы были привезены как «тамга» из северных славянских земель, взяты из-под Торжкова городища. Про то я помню, уже смышленый был, когда меня татарам отдали.

Когда порядок некому стало поддерживать, сразу появилось много лихих ханов, беков и просто разбойничков, да вы, наверно, и сами знаете.

Ярый взглянул на Лекшу, и тот опустил голову, признавая свою вину. Мирон продолжил:

- Стали они грабить на тракте, да и сюда изредка наведываться. Особенно лютует один, кличут Сиплым. В последний наезд его люди выгребли почти все запасы, увели коней. Убили двух наших, и сына моего, старшего. Убили и всех сторожевых собак, которые заступились за нас

- Поэтому Актай обещал тебе щенков привезти? Он что, из людей Сиплого? – спросил Лекша.

- Нет, здесь другой поворот. Актай и его братья ходят с охраной караванов, и после того нападения Сиплого они были здесь, когда возвращались домой, доведя караван до места. Вот и обещал нам щенков прислать.

- А прислал нас, - пошутил один из воинов. Все заулыбались. Щенки!

- Ну, собаки – не собаки, а поможете нам, в случае чего.

В помещение протиснулся огромный, весь в шкурах и с рогатиной, сторож, сказал что-то на ухо Мирону. Тот кивнул и обратился к Ярому.

- Пару дней побудете? За кров и корм? А мы вас потом дальше отправим и доброе слово подскажем для следующей ямы, - Мирон хитро подмигнул Ярому.

- Ну за такое радушие пару деньков отдохнем, - тоже, вроде, пошутил Ярый, уловивший в словах бородача скрытую тревогу.

Улучшив минутку, они вышли во двор.

- В прошлый раз Сиплый сказал, что наведается, как только к нам придет караван. Сейчас ходили, слушали - птицы вспорхнули, конское ржание донеслось. Мы люди лесные, чуткие. Похоже, они вас увидели, как вы с вашим груженым караваном в яму зашли. Как пить дать, наведаются. Собак-то нет, не услышим, - Мирон тревожно посмотрел на Ярого.

- Услышим и накажем. Сколько их было тогда?

- Десятка полтора.

- Где и как заходили?

- Где и вы. Там частокол пониже. Собак они саблями и стрелами посекли. Пока мы выбежали, они ворота открыли и вошли. Точно, как вы. Всех нас не тронули, сказали, нельзя яму без людей оставлять…

- Кто они? Степняки или лесные люди – бродники? Чем дерутся?

- Разные там. Конные были степняки, с луками и кривыми саблями. Пешие – точно лесные, с рогатинами и булавами.

- Вот что, Мирон. Ты со своими сидите тихо, но при оружии и наготове. Услышите сечу, выскакиваете и в бой!

Отправив Мирона, Ярый задумался. Можно было, конечно, стрелами с частокола положить часть разбойников. Остальные, точно, разбежались бы. Грабители – трусливы, когда встречают отпор. Но волк не бросает добычу! Они могут дождаться, пока отряд выйдет из ямы и тогда, в лесу, их пятерых, легко можно будет

положить навечно ради коней и навьюченного на них добра. Нет, так негоже.

Зло надо убивать сразу.

Ярый растолкал своих, уже почти уснувших, воинов. Бывалым бойцам не надо было долго растолковывать, и они быстро и незаметно заняли свои позиции. План Ярого был прост.

Разбойники, зная, что в яме находится груженый караван, ворвутся на почтовую яму все. Кто же захочет терять свою долю в добыче! Нападавших будет раза в два – три больше, чем их. К тому же часть из них будет пешая, а часть на конях. Значит, биться с ними на всей территории почтовой станции будет сложно. Нужна ловушка, и Ярый решил устроить её в самом большом строении ямы, в караван-сарае, где обычно располагаются на ночлег все ночующие в яме путники и куда складывают самую ценную поклажу. Там и сейчас лежали тюки с расседланных коней отряда Ярого, что было очень кстати. У дальней стенки караван-сарая разожгли большой костер, вокруг которого рассадили в вольготных позах… халаты, набив их соломой и нахлобучив шапки. Еще там сели двое из воинов Ярого, которые своими «хмельными» речами должны были оживлять картину. Лекша залег с луком в засаде, а сам Ярый с верным арбалетом занял место под крышей помещения, просматривая одновременно и помещение, и двор. Еще один воин спрятался у самых ворот ямы.

Если бы вставшая над лесом полная луна внимательно посмотрела на двор ямы, она увидела бы самую умиротворенную картину, радующую душу и глаз грабителя! На пустынном дворе нет ни одного стражника, тишину не нарушает собачий лай. Сквозь чуть приоткрытые ворота караван-сарая видел большой веселый костер, от которого волнами идет запах жареного мяса. Слышны хмельные речи, по стенам мелькают тени отдыхающих беспечных купцов.

Именно это и увидели проникшие во двор лазутчики Сиплого. Ярый, видевший ночью как рысь, сразу увидел их согнувшиеся фигуры, перевалившиеся через забор и заглянувшие в приоткрытую дверь сарая. Лазутчики кинулись открывать въездные ворота, и Ярый дал команду приготовиться. У костра остались двое воинов, положившие у своих ног сабли и луки с приготовленными стрелами.

Все произошло, как и планировал Ярый. В распахнутые ворота ямы с гиканьем влетели несколько всадников, за которыми с криками ворвалась толпа людей, одетых в меховые одежды и вооруженных топорами и дубинами. Вся эта шайка кинулась к караван-сараю, двери которого уже успели открыть лазутчики.

Увидев в глубине сарая мирный костер, у которого в испуге жались несколько безоружных людей, конные, по знаку своего предводителя, спешились и неторопливо, поигрывая оружием, направились вглубь помещения. Пешая шайка тоже забилась в помещение, с вожделением рассматривая горы тюков и халаты сидящих у костра. Это зрелище их настолько увлекло, что они не заметили в темноте, как закрылись въездные ворота во двор ямы.

- Ну что, купчишки, добро пожаловать к атаману Сиплому, - действительно сиплым голосом сказал по-татарски слезший первым с коня грузный мужчина. Был он высок, рыжебород, в круглой меховой шапке и широком меховом плаще, отороченном куницами.

- Небось уже все халаты мокрые, - обратился он уже по-славянски к своим подельникам, которые весело заржали, явно довольные своей добычей.

- Ну что, господа купцы, вот вы и пришли. Спасибо, что все довезли, а сами вы нам не нужны. Зима на дворе, кормить вас нечем. Если только кто решит к нам присоединиться, но мы посмотрим, как он будет своим башки резать. Есть желающие? Чего молчите? А те чего лежат, не двигаются? Страх потеряли? А ну ка, ребята, пошевелите их! – по знаку атамана двое из его свиты вытащили сабли и кинулись к костру.

Две стрелы, пущенные воинами Ярого и прервавшие жизни разбойников, послужили сигналом к битве. Арбалетная стрела Ярого уложила наземь Сиплого, и стрела Лекши тоже нашла свою цель. Пока длилось первое замешательство разбойников, им удалось выпустить еще по одной стреле, и еще четырьмя разбойниками стало меньше. Но грабители быстро оправились и, видя перед собой только сидевших у костра, бросились на них. Те вскочили и, схватив сабли, вступили в бой. Ярый и Лекша, выскочив из своих укрытий, ринулись в сечу.

Дверь в сарай затворилась, крепко припертая с той стороны бревном, и пятый участник отряда Ярого, проскользнув в помещение через специально приготовленное отверстие в стене, тоже вступил в бой. В тесном для такого количества бьющихся людей помещении, скудно освещенном только светом догорающего костра, слышались удары, хриплое дыхание и последние крики умирающих. Воинам Ярого, скинувшим с себя тяжелые меховые одежды, было легче двигаться, ловко орудуя кривой саблей и острым боевым ножом. Орудовавшими дубинами и топорами на длинных ручках лесным жителям – бродникам было несподручно размахивать своим грозным оружием в сарае, где бойцы были сжаты со всех сторон и подчас просто мешали друг другу. На один взмах страшной палицы Ярый и его воины отвечали несколькими ударами и уже успели подрезать нескольких лесных великанов, целя им по ногам и незащищенной спине. Но уж если бы такой удар страшного в своей ярости бродника попал по противнику, того вряд ли спасла бы острая степная сабля. Гораздо опаснее в схватке были спешившиеся соратники Сиплого. Вооруженные такими же, как и люди Ярого кривыми саблями, они явно имели хороший боевой опыт и были достойными противниками. Их было пятеро, и вскоре все они оказались против Лекши и Ярого, в то время как молотящие своими дубинами и топорами бродники пытались оттеснить в угол трех их товарищей. Понимая, что, зажатых в угол, их

просто размолотят разъяренные лесные жители, те отчаянно кружились, разя лесовиков как осы медведей.

Несмотря на понесенные потери – а разбойники потеряли убитыми и раненными больше половины своих людей, их всё равно было больше. Численное преимущество в драке при примерно одинаковой силе и злости участников всегда имеет решающее значение. Через некоторое время хриплое дыхание в сарае стало громче, а удары – реже. Бойцы устали, хотя огонь взаимной ненависти в их глазах горел с прежней силой. Многие из разбойников были ранены, по сабельному удару получили Ярый и Лекша, а один из их воинов лежал, сраженный сокрушительным ударом дубины по плечу и голове. Наступал тот момент боя, когда его исход решает одно перышко удачи. Или неудачи. Смотря для кого.

Лекша, продолжая рубиться, мысленно воззвал ко всем богам, ведомым и неведомым. «Дай нам силы, дай!» - вот всё, на что хватило у него сил просить.

И Бог дал.

Ворота в сарай распахнулись, и внутрь со страшным криком вбежали три стражника ямы. На мгновение наседавшие разбойники оглянулись на них, но этого мгновения было достаточно. Мирон с ходу метнул вилы в грудь одного из нападавших на Ярого и кинулся со своей смертоносной палицей на другого. Его товарищи не отставали, ворвавшись в толпу несколько растерявшихся бродников. Да как тут не растеряться, если на них вдруг налетели не степняки, а такие же бородачи в меховых одеждах с такими же дубинами!

Исход боя был решен. Окрыленные поддержкой, Ярый со товарищи усилили натиск, и вскоре трое их противников были повержены, а один «конник» и четверо бродников побросали оружие и встали на колени перед победителями. Поборов страшную

усталость и боль в боку от резаной раны, Ярый подошел к стоявшему на коленях разбойнику, который только что рубился с ним на саблях, а теперь метал в него взгляды ненависти.

- Кто еще в лесу остался? Сколько вас? Кто атаман?

- Атаман – Сиплый, - он глянул на лежавшего на земле рыжебородого, - а вся ватага здесь. Теперь один я остался.

- Что-то ватага мала будет. Прошлый раз вас вдвое было. Так, что ли? – он посмотрел на Мирона. Тот кивнул, не отрывая взгляд от стоявшего на коленях разбойника. Тот упорно отводил глаза от Мирона, стараясь не поднимать головы.

- Сказывай, где остальные? – голос Ярого стал жестким.

- Перед снегами разошлись кто куда. Караванов не стало, а зимовать в лесу с голодным брюхом не каждый хочет. Вот даже этих, - он мотнул головой на бродников, - Сиплый к себе на поход пригласил. Толку от них…

- Прельстил добычей, - в его голосе послышалась издевка, - а сам на засаду завел. Повезло, что ты его грохнул, а так бы мы сами ему горло дорезали.

Не нравился разбойник Ярому. Но, похоже, не врал про то, что в лесу никого не осталось. Иначе давно бы уже здесь были. И такая усталость навалилась на него, такой сон стал накатывать, несмотря на роль от раны, что не стал он продолжать опрос.

- Свяжите их. Утром с ними разберемся. Надо раны перевязать и отдохнуть.

Мирон тут же отдал распоряжения свои работникам, а сам проводил Ярого, Лекшу и бережно несших третьего своего товарища воинов до дома. Заведя их внутрь, он подбросил в костер несколько поленьев.

- Посидите пока. Сейчас вернусь с ребятами и посмотрим ваши раны. У меня младший-то хорошо в снадобьях лесных разбирается.

Когда Мирон и двое его работников вернулись, Ярый и его команда спали, сидя за столом. По воинскому обычаю оружие было положено на стол, а руки крепко сжимали рукояти боевых клинков. Получивший удар воин лежал на скамье, покрытой медвежьей шкурой, и тихо стонал.

- Живой! - подумал Мирон, подавая знак свои людям снять с раненого одежду.

Услышав шум, Ярый открыл глаза. Увидел Мирона и его работников, заботливо склонившихся над раненым, увидел своих спящих за столом товарищей, увидел робкий утренний свет, пробивающийся сквозь щели ставня. И так спокойно стало ему, что он снова положил голову на руку и забылся в дремотном забытьи. Проснулся от боли и от того, что чьи-то заботливые руки осторожно снимали с него рубаху, уже успевшую присохнуть к кровянящей ране. Открыл глаза и увидел, что лежит на широкой лежанке, прикрытый волчьей шкурой. Рядом стояли Мирон и молодой парень, разрезавший ножом его окровавленную рубаху. Было уже светло, и Ярый увидел, что парень как две капли воды похож на Мирона, а его борода – просто кудрявая юношеская поросль на румяных щеках.

- Тихо, атаман. Все хорошо. Лекша и два воина спят. Рана у Лекши небольшая, только резанули, глубоко не посекли. Сын говорит, скоро заживет. С вашим ушибленным хуже. Голову ему повредили, да кость на плече сломали. Но жив, снадобье пьет. Бог даст – выходим. У тебя рана посерьезнее, гноиться стала. Может, прижигать придется. Сдюжишь?

Ярый кивнул. Эка невидаль – тавро, как коню, получить. Дважды его раскаленным железом жгли. Первый раз – когда мальчишкой пытался из обоза, что вез его в Орду, убежать. Тогда поймали, и узкоглазый монгол лично выжег своей саблей полумесяц на его плече. Не закричал тогда Ярый, стиснул зубы так, что думал – рассыпятся. С уважением посмотрел на него монгол:

- Хорошим воином будешь, поэтому рабский ошейник не надену. Но еще раз попытаешься уйти, казню каждого десятого из этого обоза.

Второй раз жгли его в походе, когда арбалетную стрелу из него живьем выдергивали, и кровь ничем другим нельзя было остановить. Да и загноиться могла рваная рана, что в походе означало одно – смерть. Тогда сунул лекарь ему в зубы кнутовище, сели соратники на руки – ноги, да и прижгли его же саблей. Сознание он потерял от боли, но тоже не кричал. Зубы так вонзились в дерево кнутовища, что едва вытащили его изо рта.

- Жги, когда надо будет, - громко, как ему казалось, Ярый прошептал Мирону, - разбойник, вроде, правду сказал. Никто больше не беспокоил?

- Нет вокруг больше никого. Ходили, проверяли. Снега насыпало, сразу следы увидели бы. А разбойнику, что же ему перед смертью лгать?

Ярый молча смотрел на Мирона. Тот не отвел взгляд, в котором читался исполненный приговор, и продолжил:

- Я его сразу признал и к смерти приговорил. Это ведь он тогда моего старшего срубил, когда первый раз к нам наведывались. Глумился еще, что в следующий раз и меня подрежет. Пытался откупиться, про какие-то зарытые им деньги говорил. Но мне кровавое золото не нужно, я за смерть сына отомстил.

Рану, которую осмотрел сын Мирона, все-таки пришлось прижечь. Правда, в эту, третью уже огненную пытку, дали Ярому выпить какой-то настой, от которого он так глубоко провалился в глубину своих сокровенных мыслей, что сам ожог показался ему легким уколом, а самому ой как не хотелось всплывать из забытья. Уж больно покойно и правильно там всё было. Вечером, когда Ярый пришел в себя, с аппетитом поел и переговорил со своими воинами, к нему подсел Мирон.

- Ну, атаман, смотри, какой расклад получается. Через пару дней вы с Лекшой уже сможете сесть в седло. Ваш паренек, что удар по голове получил, плох пока, и его лечение будет долгим. Его я оставляю здесь. Когда заедут монголы – а они точно заедут, не может тракт без дела стоять, - я им его за своего старшего сына выдам. Вас четверых, да еще с конями, оставить на зиму не могу, не взыщи. Я человек подневольный. Дай Бог, чтобы эти пару дней никто из хозяев не заехал.

- А что за Бог у тебя? Небось лесной истуканище. Или еще в кого веришь?

- Я, атаман, как и ты, верю в Бога единого. Я крест-то твой видел, как рубаху с тебя сдирали. И Лекшин крест видел. И у нас с сыном, - он кивнул на лекаря, сидевшего за столом и растиравшего какие-то корешки и травы, - такие же кресты.

Меня ведь взяли в Орду уже смышленого. Я в Торжке – городе, в монастыре в служках был, книги учился переписывать и иконы малевать. К нам пришел молодой тогда Батый с огромным войском. Пока к нам дошел, разрушил и сжег много городов. Взял и наш Торжок. Не спасли нас могучие стены, а другие города, хоть и обещали помочь, не пришли… Разграбили и пожгли монголы город, много народу, особенно ремесленников, с собой забрали. Меня вот тоже в арбе увезли.

Писать красками в Орде не пришлось. Не разрешают монголы лики людские изображать. Но то, что счет знал и грамоту – пригодилось. Поставили работать в яме, на тракте.

-Чего же на родину не ушел? Здесь тебя цепями никто не приковывал?

- Были такие мысли. Но город мой был разорен, семья погибла в огне и под саблями. Да и первая моя яма была в других краях, куда как далеко от родных мест. Одному не дойти. Но главное – был в моей первой яме премудрый старец, из священников, направленный монголами работать на тракт за провинность. Не

смог он, видишь, излечить молитвами какого-то темника. Повезло, что монголы священников не казнят и не продают в рабство… Вот этот священник и возродил во мне огонь веры, объяснил, что главное – не где мы, а кто мы. Научил меня терпению.

А потом встретил я в одном караване светлоголовую девушку, тоже уведенную из наших мест. Она захворала в дороге, и караванщик оставил ее в яме. «Умирать» - как он сказал. Мы выходили её. Священник обвенчал нас, сказав, что наша встреча и есть то самое божье провидение, которое всегда приходит к истинно верящим.

Когда за долгую работу нам разрешили выбрать место проживания и работу, мы выбрали эту почтовую яму. И дело привычное, и к родным местам поближе. Два года как её не стало. Теперь вот и сына старшего потерял. Последний сын у меня остался. Ты ведь не заберешь его с собой? – с тревогой спросил он Ярого.

- Не заберу. Ибо сам не знаю, куда иду. Спасибо за помощь. Сделаем, как договорились. Пленные бродники еще живы? Голодом не уморил?

- Хотел было, но жалко. Одной ведь крови, хоть и нехристи они. Да и ты просил их не трогать.

- Ну коли обращать их в свою веру не будешь, - а по виду Мирона было ясно, что этого делать он не намерен, - подержи их еще день. Потом можешь и отпустить. Или зарежешь, чтобы потом на тебя не навели?

- Нет, не возьму этого греха на душу, - но было заметно, что это решение далось Мирону с трудом. Если бы не крест….

- Помнишь, обещал слово заветное передать для следующей ямы?

- Будет тебе слово.

- А где деньги - то разбойничьи зарыты? Ну те, за которые убийца сына твоего жизнь свою хотел купить? Ты–то точно за ними не пойдешь.

- Да не слушал я его. Врал, небось. Хотел жизнь свою вонючую сохранить. Были бы у него деньги, стал бы он разбойничать на тракте.

Ладно говорил Мирон, но отводил глаза в сторону, не все рассказывал. Но не имел права Ярый настаивать и выпытывать. Даже если и был где клад, пусть будет ценой за жизнь Миронова сына.

Через два дня, как и говорил Мирон, раны Ярого и Лекши почти затянулись и позволили им сесть верхом. За три дня отдыха кони отъелись и при виде своих хозяев довольно фыркали, потряхивая длинными гривами. Мирон выделил воинам немного корма для коней и кое – что из съестного. Ярый велел оставить двух коней и часть их прежней добычи, как долю их раненого товарища. Сам увечный лежал в срубе, на скамье под медвежьей шкурой. Он еще не говорил, но внимательно следил за всеми глазами. С него сняли степную одежду, и теперь, в простой домотканной рубахе, стриженный в кружок, с пробивающейся бородкой и подрезанными усами он действительно был простым славянским парнем. На его шее Ярый заметил деревянный крестик. Всегда ли он там был, или это уже Мирон укрепляет его веру? Да, какая разница!

- Он слышит? – спросил Ярый у лекаря. Тот кивнул.

Ярый положил руку на плечо раненого.

- У каждого - свой путь. Может, и свидимся. Но оставляем тебя в надежных руках.

Раненый глазами показал, что услышал и прикрыл веки. Лекше показалось, что в уголке закрытого глаза блеснула слеза, но он

отогнал от себя эту мысль. Откуда слезы у лихого воина!? Просто солнечный лучик скользнул по лицу….

Ярый хотел оставить Мирону несколько сабель и луков со стрелами. Луки Мирон взял, а от сабель отказался.

- Не приучены мы к этому оружию, да и ненужные вопросы может вызвать у гостей. А вот тебе заветное слово для следующей ямы. Она за первым перевалом, как раз к ночи доберетесь. Но осмотритесь, чтобы чужих не было, - он передал Ярому небольшой сверток. Заметив вопрос в глазах воина, Мирон развернул тряпицу. На небольшой досочке был изображен лик миловидной светловолосой женщины, с легкой грустью во взоре. В повороте её головы, в положении рук было что–то знакомое, уже виденное Ярым на иконах. Но выражение лица и отсутствие нимба над головой говорило о том, что этот простая, земная женщина.

- Это моя жена. По памяти писал. А передашь его нашей дочери Любаве. Они с мужем работают в той яме. По этому знаку вас примут. А это вам, чтобы спокойно по тракту идти, - он протянул Ярому круглый медный знак, с грубо чеканенным на нем символом Орды – юртой на фоне всходящего солнца. Над юртой парил орел. Ханская пайцза! В середине знака через пробитое отверстие был пропущен кожаный шнурок, благодаря которому этот универсальный пропуск можно было носить на шее, поверх одежды. Пайцза свидетельствовала о том, что её владелец является официальным посланником Орды, которому надлежит оказывать содействие и помощь в продвижении по всем ханским владениям. Это был очень дорогой и ценный подарок, позволяющий Ярому и трем его товарищам беспрепятственно двигаться по почтовому тракту. Ярый был поражен.

- Откуда?

- Не спрашивай. Ты был в Орде и сможешь распорядиться пайцзой. Ну, с Богом!

Снега в лесу насыпало немного, но он сразу украсил хмурые осенние деревья и кустарники, весело серебрился в лучах восходившего солнца. Отдохнувшие кони резво шли по тропе, неся своих молчаливых хозяев навстречу незнаемому. Выехав на основную дорогу, увидели по следам, что тракт хоть и редко, но хожен. Ехали с опаской, понимая опасность встречи с вооруженными степняками, в охране ли каравана, или, что хуже, в составе очередного воинского отряда, коих немало ходило по тракту. У них был ханский пропуск, но неизвестно, кто теперь правит в Орде, какие там порядки. Да и велика была вероятность встречи кого–либо из прежних знакомцев, которые могли знать об их дезертирстве. К тому же их было уже четверо, а их конный обоз, хоть и убавился на пару лошадей, но по-прежнему представлял собой лакомую добычу для любителей легкой наживы, коих всегда было немало на великих просторах ордынских земель.

Дорога пошла в гору, и всадники уже поменяли коней на запасных. Навстречу им дважды попадались отряды путников. Один раз это был большой торговый караван, тяжело груженые животные которого осторожно ступали на образовавшуюся наледь. Караван сопровождал большой отряд охраны из местных степняков. Их командир, поравнявшись с ехавшим впереди своих Ярым, увидел блеснувшую на груди сотника ханскую пайцзу и, оценив их богатую одежду и оружие, поднял руку в знак приветствия и не стал докучать обычными в степи расспросами. Ярый угрюмо, как и подобает важной ханской персоне, кивнул в ответ.

Второй раз, уже под вечер, им встретился отряд какого–то славянского князя, явно везшего в Орду очередную дань. Натужно скрипели груженные подводы, кое–где уже поставленные на полозья. Явно не из южных земель был обоз – на подводах, кроме бочонков с медом, мороженной рыбной икрой и ягодой, были видны мешки с меховой рухлядью. Дань мехами - ясак – особо ценимая монгольскими правителями, и особенно их женами! На

трех подводах были накиданы шкуры попроще – медведей, волков, а то и просто овечьи.

«Не по–хозяйски!» - не успел подумать Ярый, как увидел, что из-под шкур высовываются русые головы ребятишек, с любопытством рассматривающие встречный отряд.

«Тамга. Людская дань», - в сердце атамана что-то шевельнулось. Вспомнил, как его самого так же везли в Орду. Ну, что же. Бог вам помощник, ребята. Пусть судьба будет к вам милостлива!

В середине обоза, на могучем коне, ехал, видимо, сам князь. В меховой шапке с красным верхом, богатой соболиной шубе и красных сафьяновых сапогах с загнутыми носами, выглядел он внушительно. За его спиной следовала княжеская дружина, более двух десятков рослых ратников на крепких конях, в шишаках, с копьями, лес которых мерно колыхался в такт движению. При виде отряда Ярого ратники подбоченились, горделиво сев в седлах.

«Красавцы!» - подумал Лекша, заметив опытным взглядом, что на руках воинов нет теплых рукавиц, а железные шишаки надеты прямо на голову. «Замерзли, поди. Иль такие привычные?»

По знаку князя из его свиты к отряду Ярого подскакал всадник. Щуплый, в теплом войлочном колпаке, с узкой вьющейся бородкой. Вместо сабли на его поясе висела кожаная сума. Поздоровавшись на степном языке, он с уважением посмотрел на висевшую на груди Ярого пайцзу. Явное социальное неравенство не позволило толмачу, а именно он был послан князем для расспросов, задать целый ряд положенных по степному ритуалу вопросов о дороге, погоде, здоровье и цели путешествия. Поэтому, приложив руку к груди и кланяясь, толмач сразу перешел к делу:

- Ростовский князь Василько шлет тебе, посланец Великого хана, пожелание удачи в твоем деле. Не знаю, как обращаться к твоей милости…

- Бек Сунджа, специальный посланник Белой Юрты Орды, - Ярый подбоченился в седле и сверкнул своим страшным шрамом.

То ли титул, то ли шрам поразили толмача, но он склонился еще ниже и залепетал.

- Давно идем в ставку Орды, досточтимый бек, ханскую дань везем. Земля слухами полнится. Не развеешь ли туман? Здоров ли внук великого Чингизхана, ордынский хан Батый, да будут благословенны его дни?

Ярый многое знал о великой борьбе в семье чингизидов, целой череде родственных убийств. Но не к лицу ему, специальному посланнику Орды, говорить об этом с толмачем на заснеженном тракте. С его хозяином, князем Василько, пригласи тот Ярого на чашу, можно было поговорить. Рассказать о том, как самого Батыя обидел его дед – Великий Чингисхан, убив по злому навету отца Батыя - хана Джучи, своего старшего сына, имевшего право на трон верховного правителя. Как улус Джучи, тогда еще не ставший Ордой, перешел Батыю. Как не довольствуясь выделенными ему Сибирью и Северным Китаем, Батый завоевал русские княжества и часть западных славян. Как боролся Батый не только с Западом, но и со своим двоюродным братом Гуюком, занявшем по решению курултая Монгольской империи Большую Белую Юрту Верховного хана. Как убил Гуюка и поставил на его место своего племянника Менке. Хан Батый ушел в мир предков накануне побега Ярого. В степи говорили, что место Батыя наследовал его сын Сартак, благоволивший христианам греческой, то есть православной, веры.

Но только о замене хана Орды сухо сообщил толмачу Ярый, давая понять, что именно поэтому он направлен с особой миссией на запад. Он еще не знал, что Сартак и его малолетний сын уже отравлены своим дядей, братом Батыя – ханом Берке, который и стал ордынским ханом.

Толмач помчался сообщать своему князю новость о новом хане, у которого теперь надо будет получать, а вернее – покупать, ярлык на княжение, а оба отряда продолжили каждый свой путь.

Не успел Ярый настроиться на новые размышления о судьбе русских князей и их отношениях с Ордой, как услышал за спиной топот копыт. Все резко повернули назад, сжимая рукояти сабель. Это был толмач. Задыхаясь от быстрой езды, он протянул Ярому сверток со словами – «От князя Василько. Благодарность». Ярый взял сверток и раскрыл тряпицу. Это был нож с рукоятью из искусно резанного моржового клыка в серебряном с финифтью чехле.

Что же. Мелочь, а приятно. Тем более от сородича.

Уже сильно вечерело, когда ехавший впереди отряда Лекша увидел почтовую яму. В отличие от предыдущей, эту нельзя было не заметить.

Окруженная, как и предыдущая, тыном из толстых заостренных бревен, надежно вкопанных в землю, эта почтовая яма уверенно стояла на виду, почти на самом тракте. Из–за тына вились к небу несколько дымов, слышались лай сторожевых собак и голоса людей. Пахло едой.

Ярый понимал, что прятать отряд в лесу и тайно проверять, кто гостит в яме, не имело смысла и сразу вызвало бы подозрения. К тому же их тоже заметили, несмотря на падающую темноту. Белый снег, покрывший уже всю дорогу и так приятно пахнущий свежестью, с головой выдавал их немаленький по числу лошадей отряд. На помосте перед закрытыми воротами показался человек с факелом в руке. Размахивая факелом, он явно приглашал проезжавших к себе, показывая, что в яме все спокойно, и ни одна из вселенских напастей её не коснулась. Ярый подъехал к воротам и показал свою пайцзу. Крепкие ворота тяжело распахнулись, и они въехали на просторный двор. На правах старшего ордынского

сановника Ярый строго спросил у встретившего их работника с факелом:

- Кто гостит на станции? Куда идут?

Тот, несколько робея от сурового вида Ярого, послушно ответил:

- Один караван из Поднебесной. Идет в земли славянские. Во Владимир – ли, Нов-ли Город, к Скифскому–ли морю, не ведаю. Был еще князь рязанский Василько. Тот в Сарай, в Орду шел. Так он еще утром на тракт вышел. Ты, бек, у старшего все подробнее расспроси, он, старший, всё лучше знает. Да и запишет вас.

Ярый приказал своим людям спешиться и показал им дальний угол ямского двора, где был небольшой навес. Сам он неторопливо слез с усталого коня и направился к спешащему ему навстречу рослому русобородому мужчине. Без обычного для азиатов подобострастия, тот степенно поздоровался, назвавшись старшим на станции, и попросил показать ему пайцзу. Ярый знал, что по этому ордынскому пропуску определялось положение путника и уровень его встречи в яме, поэтому не стал вставать в позу и молча протянул пайцзу. Старший внимательно осмотрел медный знак и несколько помедлил отдавать его обратно Ярому. Тот усмехнулся в свои обвисшие усы и заговорил на родном языке:

- Привет тебе от Мирона. Он еще дочери своей, Любаве, кое-что передать просил, - Ярый достал из седельной сумки сверток.

Взгляд старшего потеплел, и в голосе появились дружелюбные нотки.

- Сам передашь. Иди в дом. Людям твоим велю овса для коней отпустить, да и из еды кой-чего. Пусть распрягают, не опасаясь. А то вон насупились, сабель из рук не выпускают.

Воины действительно стояли возле своих коней, напряженно глядя на говоривших и не снимая рук с рукояток оружия.

Ярый сделал успокаивающий жест рукой и пошел вслед за старшим в дом. Ладно рубленный дом топился уже не расположенным посередине очагом, а сложенной из камня печью, от которой уютно тянуло теплом и вкусно пахло томлёной в горшке едой. В углу над чисто скобленным столом висела икона, в плошке перед которой блестел живой огонек.

- Что, лба не перекрестишь? Вроде из наших, из русичей. Аль не крещен? – осенивший себя широким знамением старший насмешливо глянул на Ярого. Тот, неожиданно для себя, замешкался с ответом. Сначала достал из-за ворота крест, показал его, прочистил вдруг ставшее хриплым горло и пробурчал:

- Креститься не привык. Несподручно было, да и не на что. Отец Василь говорил, что вера в сердце, а не на образах.

- И то верно, - неожиданно спокойно согласился хозяин, - но у нас такой уж обычай. Любава! Выдь сюда. Тут тебе от тяти гостинец.

Занавеска, отделявшая часть помещения, сдвинулась, и вошла молодая девушка, нет, скорее женщина, ибо светлые её волосы были накрыты «замужним» платком. По белому шелку искусной рукой китайского мастера были прорисованы диковенные цветы и птицы. Словно луч света ворвался в полутемную комнату, до тех пор освещенную лишь двумя лучинами и лампадой. Не поднимая взор на стороннего, она величаво склонила голову и приопустила веки, отчего её длинные и пушистые ресницы прикрыли почти половину щек, делая чистый лоб еще больше. Статность фигуры не могла скрыть просторная домашняя одежда, расшитая красным славянским узором. Низко поклонившись мужу и гостю, она сделала приветственный жест рукой, словно приглашая их в комнату.

Поздоровавшись с хозяйкой, Ярый протянул ей завернутый в кусок ткани сверток.

- Вот, отец твой, Мирон, передал.

Бережно освободив портрет от ткани, Любава так и впилась глазами в изображенное на доске женское лицо. Затем, не сказав ни слова, она прижала портрет к груди и выбежала из комнаты.

- Очень мать свою любила. Долго тосковала, как та ушла из жизни. Слегла, еле выходил. А как брата старшего злодеи порешили, голос потеряла. Бродит тенью по дому. Одно слово – только тень осталась от той, прежней, птахи певчей… - и такая тоска была в голосе Любавиного мужа, что у Ярого самого что-то подкатило к горлу.

- Кличут-то тебя как? – попытался Ярый сменить печальную тему.

- Люди здесь, в яме, величают - «Старшой», татары и купцы кличут – «Караван-сарай-баши», а крестили – Михайло, - Голос Старшого снова стал уверенным и раскатистым.

- А я – Ярый. Других имен нет. А и были – не помню.

Так, слово за слово, поговорили они вдвоем в этой тепло натопленной и так славно пахнущей избе. Вроде ни о чем, но такое чувство, словно знали друг друга давно и не нужны были слова, чтобы понять сокровенные мысли друг друга. Ярый поведал о себе и своих воинах. Хотел по-душевному, с теплотой о своих товарищах, но получилось сухо и очень коротко. А, может, и жизнь у них была такая – сухая да короткая? Кратко рассказал о том, что произошло в яме у Мирона и о том, что брат Любавы отомщен.

История Михайлы была похожа на сотни таких же судеб. Осиротев в раннем младенчестве, взят был в отроки ко двору князя владимирского, где постиг грамоту. Пел в церковном хоре, где сам владыко благословил его на служение и приобщил к истокам веры. Но пока в душе десятилетнего отрока шел нелегкий выбор – клобук священника или алый плащ княжеского гридня, пришла беда. Князь Ярослав встрял в распрю со своим более удачливым родичем и

затеял на многострадальной Руси очередную смуту. С пожарами, раззором и побитием многих невинных. Когда пришел Батый, никто не пришел на помощь князю, да и справился бы кто с многотысячнымй войском степной империи? Татаро-монгольское войско огненным валом прошлось по и так опустошенным весям. Покарало и ободрало всех. Михайле повезло – он не успел взять в руки меча, и его не убили, а просто взяли как часть дани. Тамга! В Орде он не пропал – выручила грамотность. Был писарем при многих ордынских мурзах, попал на почтовую службу и вот дослужился до караван-сарай-баши. Эта должность позволяла ему иметь семью, и три года назад он обвенчался с Любавой.

Степенный, но твердый духом Михайло заметно потеплел и взором, и голосом, когда упомянул о своей жене. Они познакомились, когда Михайло попал по каким-то казенным делам на станцию Мирона. Молодые люди сразу глянулись друг другу, и Михайло, понимая, что их подневольная судьба может больше и не свести их вместе, сразу попросил руки Любавы у ее родителей. Те, видя сияющие глаза дочери, согласились, и молодые уехали вместе. Обвенчал их уже потом батюшка, шедший с одним из караванов в Сарай. Навещать родителей было несподручно, поскольку Михайле нельзя было покидать станцию, а одну Любаву он ни за что не отпустил бы по опасным дорогам. В таком же положении был и Мирон. Так что опять помогла грамотность, и они наладились передавать друг другу письма со знакомыми караванщиками. Так и узнала Любава о кончине матери, а затем о смерти старшего брата. Такой силы был этот удар, что потеряла Любава ребенка, которого уже почти выносила. И от горя этого замолчала, словно навсегда утратив способность говорить.

Когда Михайло закончил свой рассказ, свет дня за затянутым бычьим пузырем оконцем совсем погас. В комнату из-за занавески зашла Любава, знаками показав, что хочет накрыть на стол. Ярый сразу встал со скамьи.

- Засиделся у вас. Надо к своим возвращаться. Так почему пайцзу не отдаешь?

Михайло исподлобья взглянул на Ярого, словно сомневаясь, можно ли тому доверять. Затем, решившись, тихо сказал:

- Это наш знак. Мы по нему хороших людей по тракту пускаем. Если хозяева прознают, не сносить нам головы. Тебе Мирон доверил, значит и я доверяю. Но не обессудь. Моя станция последняя. Дальше идут земли беспокойные, где нет такого жесткого контроля Орды. Пайцза там не поможет, а я ее должен оставить на тракте. Авось, еще послужит.

- Да понимаю всё. Спасибо, что помогли. Расскажешь, куда дальше идти и с кем столкнуться доведется?

- Расскажу. Хоть и жаль провожать вас в снег – метель, но оставить вас здесь не могу. У хозяев везде глаза и уши, а сторонние, да еще воины, на станции сразу вызовут подозрение. Денек отдохнете, а послезавтра с утра и тронетесь. Погоди, я харчей соберу да с тобой пойду.

Любава уже собрала им в мешок еды, и мужчины вышли во двор.

Ночь уже полностью вступила в свои права. Небо было затянуто облаками, но полная луна нашла-таки прореху и гордо светила, обливая своим светом посыпанные снегом деревья, окружившие яму и двор станции, по которому шумно двигались, устраиваясь на ночь караванщики. Повсюду горели костры, вкусно пахло варевом и жаренным мясом. Ярый не ел почти сутки, и он понял, что смертельно голоден.

Лекша и двое его товарищем расположились там, куда им указал Ярый. Поставили под навес и разнуздали лошадей, задали им сена. Атаман успел заметить, что четверка их боевых коней стоит отдельно, при седлах и с привьюченным оружием. «Хорошую школу

прошли воины, всегда надо быть готовым к отпору,» - не без удовольствия отметил про себя Ярый.

Подсев к разведенному костру, над которым уже булькало в котле варево, Михайло развязал мешок и достал из него, к великой радости голодных воинов, домашнюю снедь. Здесь были калачи, печеное мясо и птица. И даже кувшину с хмельной медовухой нашлось там место. Утолив первый голод и приложившись к кувшину, собравшиеся слушали Михайлу.

По почтовому тракту проходило много людей из разных мест, и много всего рассказал им караван-сарай-баши. Много было рассказов о чудном и диковенном, но Михайлу, как и нынешних его слушателей, больше интересовали новости из родных мес.

- Многострадальна земля наша родная. И обильна и богата, но нет там мира и покоя, - так начал Михайло свой рассказ о Руси.

- И угодий много и городов. Недаром иноземцы Русь называют Гардарикой – Землёй городов. И князей много, что нами правят. Скачут эти князья из одного города в другой, друг с дружкой дерутся за кусок пожирнее, не могут одного над собой поставить, чтоб всю землю русскую в один кулак взять, хранить её и богатство её множить. Из сказаний о Рюрике знаем, что с севера в Новгород пришел, чтобы порядок наводить. В наведении порядка не очень преуспел, но род свой в русскую землю прочно укоренил. Сын его, Олег, что люди Вещим прозвали, много земель к Новгороду мечом присоединил, да внук его, Олег, сын Олега, всё по миру пустил, даже Киев хазарам отдал. Они, хазары, его и убили, когда князь походом на Царьград шел.

Правда сын этого Олега Второго, Игорь, почти всё восстановил, да и сам на Царьград ходил. Взял его на щит. Но не только злата привез, но и людей церковных, что свет несли в Русь. Даже жена Игоря, княгиня Ольга, приняла христианскую веру. Как Игоря убили древляне, то она отомстила, конечно, их князю Малу, но, по

христианской добродетели, взяла к себе детей этого Мала, Добрыню и Малушу, и крестила их.

На этой Малуше и женился сын её и князя Игоря - Святослав. Язычник был, прости Господи, его душу грешную, но лихой вояка. Половцы его как огня боялись! Но веру так и не принял…

А вот сын его, Владимир, даром что его бабка, княгиня Ольга, пестовала, веру нашу принял и сначала сам окрестился, а потом и Киев, у хазар отбитый, покрестил. А то уж больно много там иудеев да язычников – степняков намешалось, не признающих власть князя!

А князь хотел, чтобы Бог единый у нас, русичей был. Бог един – и Русь едина! И это главное, что Рюриковичи сделали для Руси. Так говорил мой владыко во Владимире, а ему я верю, как Господу нашему.

Михайло замолчал, опустив голову. Молчали и слушатели, осмысливая сказанное. Ярый протянул Михайле кувшин.

- Глотни, да о том, что там сейчас, поведай.

Михайло послушно испил, вытер рот тыльной стороной ладони и продолжил.

- Когда Батый пришел на Русь, легко ему было с отдельными князьями совладать. Да и не устоять русичам было против такой силищи. Кто поглупей, в сечу кинулся и голову сложил, заодно людишек своих под сабли и ярмо ордынские подставил. Кто поумней, данью откупился, да земли и людей своих спас. Как князь Александр Ярославич в великом Невогороде. Он сломал свою гордость, признал над собой власть Батыя, даже побратался с его сыном Сартаком.

- Невогород- это тот, что сейчас Новогородом кличут? – спросил Ярый, помешивая угли.

- Новогородом ли, Новым городом… По-разному величают. Но издревле был он Невогородом, по озеру Нево, на котором он стоит. Там еще первый в северных русских землях каменный городец сложен. Его сам Олег, то, что Вещий, сын Рюрика, заложил, в месте, где река Волхва в озеро впадает.

- Был, что-ли, там?

- Приходилось. Дальше–то сказывать? На чем ты меня перебил?

- На побратиме князя Александра, на Сартаке.

- Это тот Сартак, что сейчас в Орде правит? – нетерпеливо переспросил Лекша.

- Уже не правит. Говорят, что его и маленького сына отравили по приказу их дяди. Он и есть теперь хан Орды – хан Берке. И еще мне сказывал проезжавший священник из ордена несторианцев, что Сартак был христианином, и сам русский князь Александр Ярославич дарил ему священное Евангелие и распятие Христово.

- За то, видать, и погубил своего племянника, что тот иную веру принял, - задумчиво сказал один из воинов, шевеля палкой поленья в костре. Пламя причудливо играло по сидящим, отбрасывая ломанные тени на мирно жующих под навесом лошадей.

- Может и поэтому. Не даром же хан Берке тут же стал магометанином и вместо прежней монгольской письменности, которую, правда, и не знает уж никто в Орде, ввел кипчакские письмена. В его новую ставку, которую он строит вместо батыева Сарая, понаехала куча имамов. И все иные храмы, включая наши православные, велел закрыть. А это есть прямое попрание заветов Великого Чингисхана, завещавшего в своей Яссе чтить всех богов и их святилища.

- Ты, Михайло, не отвлекайся. О Руси говори! Ты сказал, что здесь Орда заканчивается. А дальше что?

- Я не говорил, что здесь Орда заканчивается. Орда идет от этих мест во все стороны на многие переходы пути. Но дальше идут места смутные, беспокойные. Не все мирятся с данью Орде. Сеют смуту, в открытую поднимаются на Орду, грабят и убивают ордынцев. Потому и стала Орда селить на самых окраинах своих пределов, особо там, где они примыкают к землям кочевых, вольных народов, целые селенья людей, выведенных из разных мест Руси. Их селят там семьями, ставят над ними военных начальников из опытных воинов.

Они живут охотой, ловят рыбу. Им нельзя пахать землю, и припасы они получают вместе с жалованием. Но должны они обучаться военному делу, содержать в порядке коней и оружие, следить за соседями и давать отпор тем, кто поднимет на Орду руку.

- Как мы? Тамга?

- Да, только нас специально брали с малолетства для работы в самой Орде. А тех берут каждого десятого от взрослых людей, не имеющих детей, берут даже женатых. Главное – молодых и здоровых. И рожают они детей уже для будущей службы Орде.

- Ловко! – Лекша не мог сдержать себя, - с рождения готовить воинов – ордынцев!

- Ордынцы-то они ордынцы, но живут больше своим умом. Жалование и припасы получают от Орды и не пускают на землю чужих. Но уже считают эти земли своими и живут там по своим законам. Нет у них ни ханов, ни князей, сами выбирают себе атамана, вручают ему свою жизнь, но и спрашивают с него как с равного. И почитают они Бога единого. И есть они уже начало Руси. Дойдете до них, считай, дошли до родных мест. Орда до вас точно не дотянется. С тех мест выдачи нет!

- Сам–то чего не уйдешь? – Ярый исподлобья смотрел на Михайлу.

Тот не отвел взгляд:

- Не моя там жизнь. Я – человек оседлый, книжник. Да и семья у меня. Путь туда долгий, а меня точно хватятся. Сами хозяева не настигнут - награду пообещают. А уж за бакшиш всяко наши головы темнику привезут. А заодно и Мирона с сыном изломают. И всех наших тут в яме. За то, что не выдали. За одно то, что вас пропустил, и то спросить могут.

Ладно, спите. Завтра еще отдохнете, коней подкормите, припасов наберете. Ко мне сами без дела не подходите! Глаз и ушей вокруг много. А уж на другой день, еще затемно, отправляйтесь в путь. Больше станций нет, пойдете по закатному солнцу. Да не потеряетесь!

Проснувшись с первыми лучами солнца, Ярый вышел во двор. В яму поздно ночью пришли еще два каравана, и яма гудела и переливалась народом как встревоженный муравейник. Крики и разноязыкая речь мешались с ржанием лошадей и хрипом верблюдов, утренняя морозная свежесть уже сильно разбавилась дымами костром, запахами еды, животных и людей. Без пайцзы и памятуя слова Мирона об ушах и глазах Орды, Ярый не стал, как ему сначала хотелось, втискиваться в эту гудящую толпу. Уж больно запоминающаяся у него была внешность. Не ровен час, кого из старых знакомцев встретит!

Но отходя под свой навес, где Лекша уже колдовал над закипающим котелком, он почувствовал на себе чей-то взгляд. Рука сама легла на рукоять ножа, но чей-то знакомый голос остановил его:

- Не надо оружия, ата.

Ярый круто повернулся. Актай!

- Старый знакомый! Не подходи больше так тихо со спины и не следи за мной. На нож нарвешься. Пойдем к огню, поговорим.

Сев у костра и с благодарностью приняв пиалу горячего варева, Актай, после традиционного обмена вопросами обо всем, чего требовал неизменный степной этикет, рассказал, что нанялся со своими братьями охранять караван ордынских купцов, которые идут к Понтийскому морю.

- До этого останавливались в караван-сарае у Мирона. Я щенков хороших ему привез. Вы только ушли сюда. Я знаю о разбойниках и о том, что Мирон отомстил за сына. Но ведь его сын воскрес.

- Как воскрес!? - Ярый и Лекша не поверили своим ушам.

- Мирон сказал баскаку, который идет с нашим караваном, что ваш раненный товарищ, которого вы оставили у него, и есть его сын, пострадавший от разбойников. Так что ваш воин обрел семью.

- А как он себя чувствует?

- Мирон и его младший сын, великий лекарь, говорят, что все будет хорошо.

- Ну и слава Богу! – у Ярого словно отлегло с души. Он до сих пор чувствовал себя ответственным за ушедших с ним воинов и то, что один из них уже обрел семью, пусть и не родную, его успокаивало. Да и где она, родная семья? Может, и нет её давно. А и есть, так её еще найти надо.

- Так ваш караван идет из Сарая? Нам не следует с ними встречаться. Вдруг кто из знакомых признает.

- Не волнуйся. Идут они из прежней ставки отравленного хана Сартака. Он еще при отце, хане Батые, основал её на реке Илим и хотел, видимо, перенести туда Сарай Орды. Но после их с сыном смерти ставка опустела, и купцы расходятся кто куда. Так что ваших знакомых там нет, да и те, кто есть, напуганы новым ханом Берке и не будут лезть не в свои дела.

- А что за баскак, сборщик дани, с вами идет? Обычно дань везут сами князья, а баскаки идут за недоданной данью с сильным войском.

- Давно, видно, ты из Сарая ушел, - Актаю было явно приятно чувствовать себя таким всезнающим, и он вольготно откинулся на багажный тюк, - хан Берке, брат Батыя и дядя убитого им же Сартака меняет все порядки в Орде. Говорят, он продал право на сбор дани в землях русичей хивинским мытарям – сборщикам дани. Вот баскак и едет дела улаживать, пока его от бакшишей не отвели. Да и груз ценный у него с собой. Постоянно два стражника рядом с одним из его верблюдов идут. И еще везет кого-то, в верблюжьей корзине. Нам не показывает. Но слышал я пение. Голосок такой нежный, как у райской птички, - Актай хитро улыбнулся, сузив свои и без того узкие глазки.

- Да откуда он их взял, мытарей - то? Хива ведь в Белой Орде? Далековато будет, - удивился Лекша.

- В Сарае сейчас все решают имамы. Вместе с Кораном они, наверно, привезли и мытарей – сборщиков дани. У нас говорят, скоро имамы всю Степь и всю монгольскую империю покорят. Без коней и сабель. И к вам, в Русь, придут, - Актай явно хотел поразить слушателей своей осведомленностью и умением разбираться в хитросплетениях больших юрт.

- Ладно. Это мы еще посмотрим, - Ярый решительно встал, но вдруг, передумав, вновь сел рядом с Актаем. Налив тому еще чашу горячего, из кипящего котелка, варева, засыпал того вопросами. И узнал то, что ему было надо. В караване два десятка верблюдов, около десяти караванщиков и купцов, десять человек охраны из родни Актая и пока еще действующий ордынский баскак с тремя помощниками. У баскака была Большая ханская пайцза, дающая ему неограниченные права на передвижение и помощь. Что могло обеспечить их отряду более безопасный проход через земли, где власть Орды еще была сильна.

- Слушай, Актай, а как нам присоединиться к вашему каравану?

- А что вы скажите баскаку? А купцам? Что бежите из Орды в земли русичей?

- Нет, ты предложишь баскаку пригласить нас в караван. Скажешь, что я – сотник ордынской конницы, а это правда. За годы службы хану и за ранения я был щедро награжден и направлен в рубежные поселения. А молодые…. Они меня и мой скарб сопровождают.

Актай с сомнением показал головой.

- Баскак хитрый. Не поверит.

- Не в том он сейчас положении, чтобы кочевряжиться. Скажешь, что впереди беспокойные земли, охраны мало, а мы – хорошие воины. И еще скажешь, что меня знаешь. Да, как красный камень? Понравился невесте? Когда свадьба?

Знал Ярый, чем расположить к себе молодого степняка. Актай заулыбался.

- Да, очень понравился. Свадьба скоро. Вот вернусь, калым доберу и выкуплю мою красавицу Айгуль у её отца. Мои уже готовятся к пиру. Вас приглашаю, дорогими гостями будете, - он сделал широкий жест рукой.

- За приглашение спасибо. Но путь наш далек, и кто знает, что нас всех завтра ждет. Ну так как? Поговоришь с баскаком?

- Ладно, поговорю. Найду, что ему сказать, - Актай поднялся на ноги. Уже уходя, он вдруг развернулся.

- А ты правда сотником был?

- Был, был. Не сомневайся. И поговорить о чём с баскаком, тоже найду. Но помни, он сам должен меня позвать в караван.

После ухода Актая стали готовиться в дорогу. Проверили упряжь, почистили и обиходили коней. Особое внимание уделили оружию. Перетянули луки, довели точильными камнями остроту своих сабель и боевых ножей до той степени, что ими можно было бриться. Что и сделали.

Ярый смазал жиром свой арбалет, с сожалением отметив, что железных стрел к нему осталось не больше десятка. От оружия и боевого коня зависит жизнь воина, и кто знает, что их ждет впереди на пути и в такой далекой пока родине.

Яркое дневное солнце уже превратило двор ямы в большую лужу жидкой грязи, когда под навес как-то боком протиснулся тщедушный человечек в остроконечной китайской шапочке и стеганном халате, на поясе которого висела чернильница и сумка с письменными принадлежностями. Длинные усики, висевшие по уголкам рта и напоминавшие крысиные хвостики, забавно провисли, когда, прижав обе руки к груди и прогнувшись в почтительном поклоне, писец пригласил Ярого на обед к «достойнейшему беку Тураю».

Ответив на поклон небрежным кивком, Ярый, подбоченясь на ковре, на котором он, сидя по-степному, правил свой нож, строгим голосом спросил, кто такой бек Турай. Голос Ярого, а главное – его устрашающий шрам, произвели свое впечатление, и писец склонился еще ниже, отчего крысиные усики почти коснулись земли. Не поднимая глаз, он в ярчайших эпитетах расписал своего бека, представив того чуть ли не наместником Великого хана в этих местах.

Опытный в витиеватости степного многословия, Ярый прервал писца.

- Твой бек – сборщик податей? Из ордынской дарюги? Чего хочет?

Несколько опешивший от такой бесцеремонности, которую мог позволить себе только старший или равный его беку ордынец,

крысоусый пролепетал, что бек Турай узнал о прибытии на почтовую станцию славного ордынского сотника и приглашает того просто разделить трапезу. Ярый сделал вид, словно оценивает приличие такого приглашения и милостливо согласился, сказав, что прибудет со своим десятником, начальником личной охраны. Это еще больше подняло его значимость в глазах писца. Пятясь задом и не разгибаясь, тот вышел и, высоко задирая полы халаты, побежал по грязи.

Ярый, посмеиваясь про себя, наблюдал за ним. «Ну, теперь он наплетет своему хозяину о нашем величии. Это – не лишнее».

Кликнув Лекшу, Ярый велел тому одеть халат побогаче и сам прицепил к поясу украшенную каменьями саблю. Свои верные боевые ножи они оба, по военной своей привычке, засунули за пояс под халаты.

Выждав некоторое время, ибо спешит только просящий, они на конях – не марать же сапоги и халаты – подъехали к караван-сараю, центральное место в котором занимал баскак со своими помощниками.

Увидев их, бек Турай поспешно встал с расстеленного для трапезы ковра и сделал несколько шагов навстречу. Это был тучный, уже в возрасте человек, толстые и покрытые красными прожилками щеки которого прямо говорили о непростой, вкусно проживаемой жизни. Маленькие глазки были хитры и насторожены, хотя хозяин и пытался сделать их взгляд приветливым. Оценив богатство одежды и оружия гостей, бек с особым уважением и некоторой боязнью посмотрел на шрам Ярого, который в этот раз не пытался скрывать свою хромоту.

В сложной иерархии ордынской администрации была строгая система подчинения чиновников, но к воинам те всегда питали особое уважение и некоторое подобострастие. Сборщик податей внушал страх подневольным, ибо в его власти было признать дань неполной или некачественной. Расправу над недобросовестными

данниками вершили воины, сопровождавшие баскаков, но сами те понимали, что без сабель и копий ордынской конницы они мелки и ничтожны. Но заведенному еще Чингиз-ханом порядку все чиновники следили и наушничали друг на друга, а воины следили за чиновниками.

Разделяй и властвуй.

Чиновники брали, берут и будут брать мзду. Такова их сущность от природы человеческой. Но в Империи монголов часто устраивали показательные разбирательства случаев мздоимства и казнокрадства, где показания воинов всегда перевешивали слова чинуш. И казнь, скорую и беспощадную, тоже вершили воины. Так что любой из них мог стать вестником смерти для чиновника. А уж сборщик налогов, самим своим занятием обреченный красть и бояться, точно должен был питать уважение к ордынскому сотнику.

Обменявшись приветствиями, трое уважаемых присели за празднично накрытую трапезу. Нет смысла описывать все те яства, которые громоздились перед ними, но пусть поверит мне пытливый читатель на слово – там было много, вкусно и даже изысканно. А у костра суетился повар, готовящий еще и еще.

Первой была налита пиала чая, с которой и начался долгий неторопливый разговор. Потом были мясо и дичь, рис и запеченые овощи, сладости и снова мясо, но уже холодное, в диковенном засоле. После третьей пиалы чая, когда были исчерпаны все обязательные для степняка темы, по знаку хозяина появился крысоусый писец с глиняной флягой в руке. Вопросительно взглянув на гостей и не увидев знаков недовольства, баскак дал сигнал налить в пиалы. Это оказалось ароматное китайское вино, и его вкусу воздали должное.

В этой, уже неформальной части застолья, бек, с чисто азиатской хитростью, задал несколько вопросов о положении и людях в Сарае, ответы на которые могли бы показать действительный уровень Ярого и его положение. Бывший сотник с

честью выдержал испытание, и бек Турай удовлетворенно прикрыл свои узкие глазки. Изложив друг другу свои истинные и придуманные причины пребывания в этой почтовой яме, собеседники «выяснили», что идут в одном направлении, и их маршруты будут совпадать несколько караванных переходов. Ярый ждал, когда же бек предложит ему следовать с караваном, поскольку сделать такое предложение самому ему было бы нелогичным и даже подозрительным. Он тянул паузу, сколько мог. И вот, когда казалось, что баскак так не сделает такого предложения, бек внезапно сказал эти слова.

- Уважаемый Ярый – паша. Я хочу вас попросить следовать дальше с нашим караваном до места, где наши дороги разойдутся.

- А где они разойдутся? – Воин действительно не знал, где и когда он повернет на север, ибо только недавно он окончательно понял, что хочет уйти к северным морям, за Новогород, куда не протянула еще свои когтистые лапы степная Орда.

- Вы, как сказал Актай, идете до рубежных поселений. Это три-четыре перехода нашего каравана. Мы же пойдем дальше, до Фракийского моря. Ну что, идете с нами?

- Зачем? – Ярый сделал вид, что предложение его удивило, - зачем мне это нужно? Ваши верблюды идут медленно, да еще под поклажей. Это вдвое удлинит мой путь. Да и припасы у нас рассчитаны, особенно корм для коней.

- Пусть вас это не беспокоит. Мы берем все затраты на себя. По моей пайзе я везде корм возьму, а вы в моем караване будете. А потом - у вас ведь тоже есть груз, а вас всего четверо. Вместе мы сможем достойно встретить любую опасность. Вы ведь знаете нашего храброго Актая. Они с братьями – достойные воины.

Видя, что Ярый колеблется, баскак добавил самый важный, как ему казалось, аргумент;

- И еще заплатим вам в конце пути, как за охрану каравана.

- Ну, хорошо. - Ярый сделал вид, что беку удалось его убедить, - Вместе действительно надежнее. Мы уже готовы к выступлению. Поторопите ваших караванщиков. Выходим завтра утром. Спасибо за угощение, - Ярый встал, поклонился баскаку, и, надевая шапку, которую он снимал во время трапезы, еще раз внимательно оглядел челядь бека Турая. Те столпились за спиной хозяина, подбирая и втихомолку уплетая остатки роскошных яств на дастархане. Он заметил, что двое стражников остались у стоящих в углу двух небольших сундучков. И еще он заметил в углу большую плетеную корзину, в которых кочевники перевозили на верблюдах своих детей. Верх у корзины был открыт, но детских голосов Ярый не слышал.

«Ай да баскак Турай! Видать, не одни мы из Орды бежим! Чует старый лис опасность, чует…» - почему-то весело думал Ярый, садясь на коня. Лекша уже сидел в своем седле, и они неторопливо поехали к своим. Ночью, при полной луне к ним под навес пришел Михайло.

- Попрощаться хочу. Завтра еще затемно ребята мои харчей поднесут, а корм коням можете сами набрать, сколько надо.

- За харчи спасибо, а коням возьмем совсем немного. В караван к баскаку идем, под его пайцзу. Обещал кормить, сколько влезет.

- Актай помог?

- Помог, спасибо ему. Да и самому Актаю с нами спокойнее. Ему ведь надо живым и невредимым вернуться на свою свадьбу. Он уже рассказал, что женится после похода?

- Рассказал и на свадьбу пригласил. Едва ли сможем поехать с Любавой, но подарок на его обратном пути передадим. Да, что там за новый брат у Любавы объявился? Она рада, что отец не один будет, но мне тревожно. Что за человек?

- Наш, русич, с крестом, - Ярый рассказал, что знал об оставленном у Мирона воине, стараясь представить того в выгодном цвете. Михайло заметно успокоился:

- Пойду, обрадую Любаву. Может и придет в себя потихоньку, уже пару слов сегодня сказала. Ну, прощевайте. Может, и свидимся когда.

Чуть засветло, пока солнце еще не растопило тонкую ледяную корку, сковавшую дворовую грязь, караван тронулся в путь. Груженые лошади Ярого со товарищи замыкали цепочку верблюдов, а сами воины заняли свои места, как и положено караванной страже. Пока солнце всходило за их спинами, Ярый несколько раз объехал неторопливо идущий караван, поприветствовал бека Турая, величаво восседавшего на своем богато украшенном аргамаке, обменялся несколькими словами с Актаем. Тот был непривычно строг в своем положении главы караванной стражи, сказав лишь, что подойдет к их костру на ночевке. Два стражника баскака по-прежнему охраняли двух верблюдов – одного, с притороченными к нему коврами и походными сундуками и второго, с одной стороны которого висели ковры и вьюки с мягкой поклажей, а с другой – та самая плетеная корзинка. Ярому показалось, что меж щелей ивовых прутьев блеснули чьи-то глаза, но это мог быть и солнечный отблеск. Да и что ему за дело, что за ребенка вез Турай в далекие от Орды края! Остальной караван шел в обычном порядке. Привычные к походному строю верблюды мерно жевали свою вечную жвачку, плавно покачивая дремавших на их спинах караванщиков. Путь каждому указывал хвост предыдущего, а общий ритм движения и его направление давал медный колоколец, подвешенный на горделивой шее вожака, которого вел под уздцы главный караванщик. Или, когда тот спал на спине своего «спального» верблюда, его опытный помощник.

Во время дневного пути остановок не делали, перекусывая на ходу. Уже стало заметно темнеть, когда главный караванщик сказал, что что до ближайшей ямы засветло они не успевают, и предложил заночевать неподалеку, у становища его знакомого.

- Мы совсем немного ему заплатим, и он примет нас как гостей, - почтительно склоняясь, говорил караванщик баскаку. Тот вопросительно посмотрел на Актая. Тот важно кивнул, незаметно для Турая обменявшись быстрыми взглядами с караванщиком и моргнув Ярому.

«Видать, так надо,» - подумал воин и на вопрос осторожного баскака о возможности такой ночевки в степи ответил утвердительно.

К становищу подошли уже затемно, ориентируясь на огни костров и лай сторожевых собак. Актай, получив у Турая несколько монет для главы кочующей здесь семьи – плата за ночлег – поскакал к самой большой юрте, показав рукой, где становиться на ночевку. Не было его долго. Караванщики успели стреножить верблюдов и коней, разложили костры и темные циновки для ночлега. Бек Турай, как и обещал, пригласил к ужину Ярого и его людей, приказав своим людям задать корм их лошадям. Уже приступили к трапезе, когда подъехал Актай.

- Все в порядке. Аксакал не может подъехать – занемог. Но охрану обеспечит. Его внуки с собаками будут охранять караван, так что можем отдыхать.

От предложения принять участие в трапезе Актай отказался, сказав, что его угостили в становище. После этого он сразу отъехал в темноту. Зорким глазом степного разведчика Ярый заметил, что Актай подъехал к костру, где сидели главный караванщик и купцы, и что-то сказал им, кивая плетью в сторону юрт. И пока Турай с приглашенными наслаждались едой, не такой роскошной, как первый раз, но весьма обильной, Ярый успел заметить, как купцы с караванщиком и Актаем, на нескольких верблюдах отъехали к становищу. Лекша и два его товарища, быстро поев и поблагодарив хозяина тоже ушли, сославшись на необходимость проверить коней.

«Купцы есть купцы» - понял Ярый действия караванщиков. «Все ясно – осень, кочевье продало нагулявшийся за лето скот, есть

деньги, но базары из-за бучи в Орде бездействуют, а женщины требуют материи, украшений и сладостей. А Актаю-то зачем это надо? А мои молодцы – чужая охрана, она и есть чужая. Надо самим присмотреть».

Его мысли прервал Турай. Откинувшись на положенный по спину вьюк, баскак явно хотел поговорить с равным ему по положению ордынским сотником, покидавшим Орду и уже не представлявшим для него угрозы.

- А где, уважаемый, вы получили ваши ранения, так красноречиво свидетельствующие о вашей доблести?

И Ярый, неожиданно даже для себя, рассказал правду.

- Много лун тому назад, когда я был молодым десятником, весь наш стан, нашу тысячу всадников, послал хан на север Руси. Тогда новгородский князь Александр попросил его о помощи в борьбе с литовским княжеством. Уж больно достали его литовцы и шведы набегами, и не мог Александр дань даже малую платить хану. Потому мы и помогли. А с литовцами шли рыцари тевтонского ордена. Вот эти-то закованные в железо, с рогатыми шлемами, и оставили мне на память шрам и калеченную ногу. Сам князь русский меня тогда из кучи тел вытащил и тысяцкому моему, Каюму, велел хану передать слова о подвиге моем.

- Передал? Награду получил?

- Наверно, передал. Мою награду не видел, но свою, наверно он сразу получил, - горько усмехнулся Ярый, но вспомнив свою вымышленную историю, добавил, - А мне только теперь разрешили отъехать. Но не доживать спокойно с семьей, а на рубеж, опять биться.

- Да, монголы не умею быть благодарными не своим сородичам. Ты ведь не монгол? Из тамги? Русич? Я ведь был в ваших

землях. Русича сразу отличу. Взгляд у вас особый. Словно знаете что-то, о чем другим народам неведомо.

Ярый даже не отвечал. Что говорить, когда и так все очевидно.

Турай продолжил, прикрыв глаза и раскачиваясь на скрещенных под собой ногах.

- Я ведь сам из половецких степей. Мой род бился с монголами, но проиграл, как проигрывают все. Мне повезло – мальчишкой отдали ученому китайцу. Научился языкам, письму и счету. Сколько мне пришлось унижений пройти, сколько беков и их жен умаслить, чтобы баскаком стать. Если бы всё, что я имел, у меня осталось… - здесь он замолчал, поняв, что сказал лишнее. Но, отхлебнув из маленькой бутылочки, продолжил, - а ты знал, что князь Александр, за которого ты бился, был названным сыном самого Батыя и побратимом Сартака, Батыева наследника? Это ведь Александр и его священник, когда приезжали в Орду, склонили Сартака к своей вере. А Сартака убили, и сына его, маленького Улагчи, убили, - засыпавший, было, Турай вскинул голову и снова отхлебнув из бутылочки, криво усмехнулся Ярому.

- Интересно, сотник? Не знал, верно, таких подробностей среди своих коней и воинов? Будешь слушать дальше? Или спать пойдешь?

- Буду! – твердо сказал Ярый, - продолжай.

- А Сартаку Батый отдал всю Русь. На – владей и дань собирай! Сам Батый больше на юг смотрел. Там богато! Кавказ, Хорезм, Бухара, Персия! Страны несметных богатств, мастеров, врачей и ученых! Но Сартак был рад своему уделу, хотел, видимо, новую Великую Орду основать и даже с самим римским патриархом сразиться! Сартак даже новую ставку основал, ближе к Руси. Хотел дальше идти, за земли унгров, к германцам и франкам. В новой ставке он собрал 600 000 конных воинов. Ты понял, неграмотный воин – шесть десятков тёмен! Ты даже представить себе этого не можешь. Земля дрожала и пыль стояла выше солнца, когда они шли

перед ханом Сартаком. И в этой массе только 6 тёмен были монгольскими. Остальные – тамга и завоеванные народы, послушные Великому хану, который держал их в железной узде, но обещал все сокровища мира. И Сартак дошел до бы края Вечного океана и привел бы туда нас, сборщиков дани, но жизнь так скоротечна…

И в Белую юрту Орды вошел хан Берке, брат Батыя, убийца Сартака и Улагчи. То, что убил, это понятно. У великих мира сего это порядок такой – путь к власти идет по телам своих близких. Не ты, так тебя. Это – в природе нас, людей. Но Берке принял ислам и нарушил равновесие в империи. Он не только поменял письменность и систему счета, что выбило из седла нас, прежних сборщиков дани. Он хочет заменить нас на откупщиков из Хивы, которые, как мне стало известно, уже заплатили ему несметное количество золота за право собирать дань во все землям Орды. И первое, что они хотят сделать, чтобы сразу набить карманы, это проверить и обворовать нас, тех кто долгие годы… Честно и преданно…

«Так вот почему ты, драгоценнейший, бежишь из Орды - думал Ярый, не испытывая ни малейшего сочувствия к баскаку. – Интересно, куда?»

Но даже спрашивать об этом не пришлось. Пожалев себя, несчастного, Турай рассказал, что уже пару лет турецкие мамелюки, пришедшие к власти в Египте, охотно принимают к себе половцев, этих заклятых врагов монголов. Их молодой вождь Бейбарс, сам, как говорят, из половцев, дает своим сородичам земли для поселения, формирует из них конные отряды. И он, бек Турай считает, что его опыт найдет себе применение в Египте, тем более, что «кое-какие приготовления он уже сделал».

На этих словах он уснул окончательно. Ярый подозвал к себе крысоусого, все это время почтительно стоявшего поодаль, и, оставив на того спящего хозяина, направился к своему ложу,

заботливо приготовленному его воинами чуть вдалеке от ночлега Турая.

Но сразу уснуть ему не удалось. Он слышал, как вернулись из становища и весело переговаривались между собой купцы, как прискакал Актай. Ярый прикрыл глаза, казалось, только на мгновенье, как услышал голоса двух своих воинов, ранее ушедших от дастархана «присмотреть за лошадьми».

- Разбуди его!

- Нет, ты буди!

- Да ладно, я не сплю. Что случилось?

И воины шепотом, перебивая друг друга, поведали ему следующее. Еще во время дневного перехода они случайно подслушали, что охранявшие личные вещи баскака его слуги договаривались сегодня ночью, когда их хозяин, как обычно выпьет и уснет, еще раз обсудить намеченное ограбление. И вот воины бесшумно пробрались ночью почти к самому костру, где рядом с сундуками сидели два их стража и прослушали весь их разговор.

- Этот жирный Турай уже не первый раз направляется к Фракийскому морю. Там, в одном из городов он отдает свои деньги еврею – меняле, а тот взамен выдает какие-то бумаги. Турай как-то проболтался при них, что эти бумаги он может предъявить в Александрии и получить там свои деньги, - торопливо начинал говорить один.

- И еще ругался, что иудей много берет за эту услугу, - перебивал его второй.

- Тихо, шайтан вам в глотку, говорите тихо и по одному. Давай сначала ты, - он показал пальцем в грудь одному из воинов, - а потом, если что забудешь, второй скажет.

- Вот, и еще они узнали, что эта поездка – последняя. Турай везет самые большие сундуки. В городе он наймет большую лодку и навсегда уедет в Египет, в эту самую Александрию. Вместе с Гюльсан, ну, той, что он в корзине везет, и тем, писцом со смешными усами. А этих охранников не берет, сказал, что они должны вернуться в Сарай, к его женам. А что им там делать со старыми и злыми женами, если сам бек со всеми деньгами уедет. Вот они и решили его ограбить.

Второй воин не выдержал.

- Они хотели украсть один из сундуков, самый тяжелый, этой ночью, на почтовой станции. У них есть ключ. Еще давно сделали, в Сарае. Хотели вынуть его содержимое и закопать по дороге. А потом довезти сундук до места и убежать, чтобы откопать спрятанное. Сегодня у них не получилось, до ямы караван не дошел, а здесь им несподручно, нас боятся да охраны с собаками, которые могут их раскрыть. Остались две ночевки. Скорее всего, попробуют следующей ночью.

- А кто такая Гюльсан?

- Они не говорили… Что делать будем, атаман?

Ярый задумался. С одной стороны, Турая нисколько не жалко. Он достаточно награбил. С другой стороны, если баскак обнаружит пропажу, он может подумать на Ярого и его людей. Поднимет шум, что для них, беглых, совсем не желательно. Да и подрядились они вроде как охранять бека. Попали…

- Вот что, ребята. Пока молчим, но за всем следим. И сегодня, чтобы быль уверенными, надо отследить этих сторожей до утра. Сами решите, кто первый в дозор. Завтра решим, что делать, - и, увидев, как тухнут горевшие было глаза воинов, добавил, - Тураю ничего не скажем. Когда эти сторожа украдут деньги и прикопают их, мы должны увидеть. А что с кладом, НИЧЕЙНЫМ, делать, сами решим.

Воины сразу оживились и исчезли во тьме. Сна как не бывало.

Перед самым рассветом, когда весь лагерь был погружен в темноту и тишину, нарушаемую лишь далеким лаем собак да чавканьем верблюдов, жующих свою вечную жвачку, откуда-то из серого предутреннего тумана появился Лекша. Непривычно задумчивый, он присел у почти затухшего костра, подбросил на мерцающие угли несколько сухих веток и замер, опустив голову и обхватив колени руками. Никогда еще Ярый не видел своего десятеика в такой задумчивости, но решил не вставать и не беспокоить Лекшу своими расспросами. В жизни каждого мужчины наступает момент, когда от щенячьего восторга и упоения жизнью и самим собой он переходит к следующему этапу – зрелости и осознания. Конечно, если это настоящий мужчина, и ему есть что осознавать и над чем задуматься.

Когда первые лучи солнца осветили лагерь, главный караванщик дал сигнал готовности к выступлению. Ежась от утренней свежести, люди быстро закончили скромную трапезу, залили костры и проверили упакованный скарб. Еще совсем немного времени – и караван в привычном порядке потянулся по своему пути, направление которого указывала собственная тень, попираемая копытами коней и верблюдов. От опытного взгляда Ярого не ускользнуло заметное уменьшение количества вьюков в поклаже купцов и их довольный вид. Он подъехал поздороваться к Тураю. Хмурый бек метнул настороженный взгляд на сотника:

- Что, уважаемый, вчера славно поговорили?

- Спасибо за угощение. Но твоя буза была такая хмельная, что едва дошел до своего место и еле проснулся, - Ярому удалось сделать вид, что он ничего не помнит из вчерашних слов баскака. Да и что там было помнить?

Турай некоторое время вглядывался в лицо атамана, но не заметив ничего настораживающего, примиряюще спросил:

- Не хочешь глоточек?

- Хочу, - Ярый почти не лукавил, - но я на службе. Не хочу получать с тебя, бек, деньги даром. Охрана есть охрана. Если вечером угостишь, не откажусь.

- Конечно, конечно, - баскак был почти любезен, - вечером жду вас с твоим десятником у себя. Должны дойти до следующей ямы. Там будет хороший корм лошадям, а хозяин готовит очень вкусное мясо на огне, - повеселевший бек достал из-за пазухи кованную фляжку с причудливым узором и сделал торопливый глоток.

«Давай, давай. Этой ночью тебя ждет сюрприз, о котором ты узнаешь не скоро,» - Ярый кивнул беку и поскакал к голове каравана, где гарцевал на своем коне Актай.

- Ну, что? Навестил знакомых? Устроил им базар? – Ярый конем оттеснил Актая в сторону от каравана, где их не могли слышать любопытные уши.

- Ты догадался, да? Уй, какой ты умный! Это было становище рода моей невесты, Айгуль. С ней мне видеться до свадебного тоя нельзя, но свое уважение главе их рода я оказал.

- И деньги за охрану нашего каравана передал?

- Какие деньги? – разыграл удивление Актай, но потом рассмеялся, - Нет, деньги на свадьбу пойдут. Ты ведь беку Тураю не скажешь? Они нас из уважения приняли и охраняли. Правда, охраняли!

- А как ты главного караванщика уговорил не доходить до ямы, а заночевать в степи? Неужто подкупил?

- Нет, зачем – подкупил? Незачем, да и нечем. Я купцам сказал, что у стойбища деньги есть, и они товаров хотят. А у купцов товара много, и им распродаться надо. Они караванщика и уговорили.

- Ну и как расторговались?

- Все довольны! И Актай доволен. Я Айгуль все-таки увидел. Даже подарок ей передал. Сказал, недолго ждать осталось. Скоро приеду, заберу её.

- Ладно, Актай, молодец. Зла на тебя не держу, Тураю ничего не скажу. Ты не знаешь, кого этот толстый бек в корзине везет? Ребенка своего, что-ли? Но не подходит к нему и не выпускает. Не пленник ли там?

- А ты почему так интересуешься? – Актай даже нахмурил брови, вспомнив, что является главой караванной стражи.

- Турай и меня просил помочь в охране. Вот и думаю, если это пленник, то его могут пытаться освободить. Значит, есть угроза нападения, - на ходу выдумал Ярый.

_ Нет, не пленник, не переживай, - Актай вновь был рад показать свою осведомленность, - это младшая жена бека Турая. Он её с собой везет. А что в корзине, так это, видимо, потому, что она молоденькая, а он, старый, оберегает свое сокровище от любопытных глаз, - он снова рассмеялся.

- Это он сам тебе сказал?

- Нет. Караванщики болтали. Но её я видел, на вечерней стоянке, три перехода назад. Девочка еще, с косичками. Но красивая. Как моя Айгуль. Только не веселая. Стой, а почему с косичками, если она жена? После свадьбы женщины волосы по-другому убирают, - Актай задумался, по потом махнул рукой.

- Шайтан их, этих ордынских богачей знает. Но она не пленница. Руки – ноги не связаны. Бежать не пытается. Да и вообще, это не моё дело. Моё дело маленькое – довести караван до места. За то бек мне и платит.

- Ну и ладно. Спасибо, что рассказал. Мне тоже дела нет до тураевской поклажи.

Актая окликнул кто-то из его людей, и молодой степняк ускакал. Ярый некоторое время ехал в стороне от каравана, осмысливая всё, что узнал в последний день. Много было всего для его, не привыкшей к подобным раздумьям, головы, и требовалось время, чтобы расставить всё по своим местам. Караван шел медленно. Таким же шагом пустил Ярый и своего коня, прилаживая к его неторопливому шагу движение своих мыслей.

«Бек Турай с награбленным добром бежит из Орды. Есть мне до этого дело, даже если сам он мне неприятен? Дела мне до него нет. Будь я в Орде, рассказал бы о баскаке своему тёмнику или тысяцкому. Но я сам беглец, и потому спокойно доведу Турая. А куда доведу? Еще не знаю. К Фракийскому морю мне точно не надо. Значит надо уйти раньше и повернуть на север», - это решение идти на север давно жило где-то в глубине сознания Ярого. Может быть, еще с тех времен, когда он в составе монгольской конницы участвовал в борьбе новгородского князя Александра с ливонцами и тевтонским рыцарским орденом. Именно тогда он почувствовал свое родство с этими немногословными бородатыми мужами, шедшими с рогатинами и боевыми дубинами на закованных в сталь тевтонцев. Новгород признавал власть Орды и платил ей дань, но в самом городе не было ни татар, ни монголов, горожане сами решали все вопросы на общей сходке и даже выбирали себе князя, который оберегал город до тех пор, пока общий сход, называемый «вече», не решал, что этот князь больше не нужен Великому Новгороду. И вот за эту свободу, право самим решать свою судьбу, и шли северные ратники на бой и с ливонцами, и с литовцами, и со своями и даже с другими князьями русичей, посягавшими на их вольность. И еще испытывал Ярый благодарность и расположение к самому князю Александру, который, несмотря на свою молодость, лично вел в бой свою дружину, храбро рубился с врагом и вытащил умиравшего Ярого из кучи мертвых тел на поле брани.

«Надо уходить на север. Да, теперь это решено. Надо поговорить об этом с Лекшой и воинами. Но, думаю, иного плана у

них нет. Еще одно – тураевский сундук. Деньги сами идут нам в руки, и отказываться он них негоже. Значит, ждем, пока воры откроют сундук и не спрячут клад. Потом уходим от Турая, забираем клад и – на север, к Новгороду!» - от принятого решения на душе стало легче. Решил, не откладывая, сразу переговорить с Лекшой.

Направляясь к своему десятнику, отстраненно ехавшему в конце каравана, Ярый по пути отметил, что один из его воинов, ехавший сбоку, неотрывно следит за верблюдом с сундуками баскака.

Подъехал к Лекше, Ярый уже хотел было заговорить с ним о своих планах, но десятник взглянул на него таким печальным взглядом, что атаман не выдержал.

- Да что с тобой? С самой ночи лица на тебе нет. Что случилось?

И Лекша ему рассказал.

- Вчера, на переходе, проезжал я мимо верблюдов Турая и из той корзины, что висит на одном из них, услышал пение. Тонкий такой голосом, девичий, пел на незнакомом мне языке песню. Такую красивую. И печальную. А потом услышал тихий такой плач. Хотел было подъехать и посмотреть, кто там так убивается, но слуги Турая, что постоянно следят за его верблюдами, крикнули, что приближаться нельзя. Ослушаться я не мог, сам бек ехал неподалеку. Во время перехода несколько раз проезжал мимо. Слуги с меня глаз не спускали. В корзине больше не пели, но и не плакали. Сквозь прутья я видел глаза, большие такие и черные. Они внимательно следили за мной.

Сегодня ночью, когда стражники о чем-то говорили между собой и не следили за поклажей, я прокрался к той корзине и увидел её.

-Гюльсан? – не удержался Ярый.

- А ты откуда знаешь? – изумился Лекша.

- Потом скажу. Давай, сказывай дальше.

- Её действительно зовут Гюльсан. Совсем молоденькая, почти девочка. Красивая. Когда улыбается, на щеках ямочки такие. Её привезли из-под Хорезма.

- Тамга?

- Нет. Говорит, что бай отнял её у родителей и привез беку Тураю как бакшиш, подарок. Турай хотел сделать её наложницей, но у него уже есть три жены. По словам Гульсан, они злые, но имеют власть над беком. Они запретили ему иметь гарем из наложниц. Он сказал им, что продал Гульсан и уехал, тайком увезя её с собой. Сказал, что в другом месте женится на ней. Она его боится и все время плачет.

- Но тебе ведь улыбалась? С ямочками?

- Не смейся! Я не отдам её старому и жирному Тураю! Украду, и мы убежим! - по тому, как горели глаза Лекши, а рука впилась в рукоять сабли, Ярый понял, что это серьезно. Молодой воин смотрел прямо в глаза своему сотнику и другу.

- Поможешь мне? Или станешь отговаривать?

- Помогу! Но надо все хорошо обдумать. Вечером, как встанем на ночлег в яме, сразу подходите ко мне. Тебе твои воины еще ничего не говорили?

- Хотели что-то рассказать, но я не стал слушать. У меня сейчас голова другим занята.

- Вот вечером все и обсудим. Пока же, на глазах Турая и его слуг не собираемся и ведем себя как обычно. И не скисай, как айран на солнце. По тебе сразу заметно, что задумал какое-то преступление, - Ярый дернул повод коня, задорно свистнул и поскакал к Тураю.

Подъехав к повеселевшему после нескольких глотков беку, сотник занял его ничего не значащим разговором, вспомнив

несколько эпизодов из своей жизни в Орде и общих знакомых среди ордынской знати, которых оказалось не так уж и мало. Так, за разговорами, прошли почти целый день. Что удивительно, за весь дневной перегон им никто не встретился, хотя свои орлиным взором степных разведчиков Ярый и Лекша видели несколько раз и одиноких всадников и даже небольшие группы конников, которые были хорошо видны на утративших летнее буйство красок просторах степи, кое-где уже прихваченных белесым инеем. Но, видимо, серьезного интереса караван не вызывал ни у кочующих стойбищ, ни у лихих людей, коих всегда немало, особо вблизи рубежей степной Орды. И навстречу им попался только один караван с очень сильной охраной. На переговоры с представителями каравана, отъехавших от своих, но сохраняющих безопасное расстояние от встречных, подъехали Актай и Ярый. Не тратя время на длинные приветствия, они обменялись сведениями о предстоящем пути. Как и положено на почтовом тракте каждый кратко рассказал, кто он и куда следует. Встречными были купцы из неведомой еще нашим степнякам Венеции, сопровождавшим в Каракорум, столицу Великой Орды легата Папы Римского. Эти имена и названия мало что сказали Ярому, ничего не сказали Актаю, но на них произвело впечатление легкое и яркое металлическое вооружение встречных всадников. С особой завистью Ярый смотрел на притороченный к седлу начальника охраны встречного каравана богато украшенный арбалет и специальную сумку для стрел, в которой матово блестели больше десятка арбалетных стрел. У самого Ярого их осталось совсем немного, и он с радостью купил бы или обменял их у встречных. Но заметив, с каким презрением и высокомерием те смотрели на них, степняков, Ярый не стал поднимать вопрос о стрелах, а, развернув коня и не пожелав доброго пути, поскакал прочь.

Лишь бек Турай, услышал слова «Венеция» и «посланник Папы Римского», долго чмокал губами и качал головой.

Когда солнце сильно перевалило за самую высокую точку своего дневного пути, а выраставшие за их спинами тени стали больше самих всадников, Ярый подъехал к Актаю.

- Больше твоих родичей здесь нет? Ночуем в яме? Надо дать коням хорошего корма и самим хорошо выспаться. Зря, что-ли, у бека Турая есть Большая пайцза. И сам Турай обещал нам по хорошему куску жареного мяса у знакомого караван-сарай-баши.

- Конечно, Ярый-паша, - Актаю тоже хотелось жареного мяса, - поеду, скажу караванщику, чтобы не медлил и шел прямо на яму!

На постоялый двор въехали, когда солнце совсем склонилось к закату, а дозорные запалили сигнальный огонь у закрытых ворот, как знак запоздалым путникам. Пайцза бека Турая возымела свое волшебное действие, и каравану отвели лучшее место в караван-сарае, для лошадей открыли лари с овсом, а верблюдам предложили свежее, еще пахнущее летом и последним укосом, сено. Встретивший их караван-баши, с длинными висячими усами, узнал (или сделал вид, что узнал, хитрая степная бестия) бека Турая и побежал отдавать распоряжение резать барана и разводить костер для дорогих гостей. Сам баскак вольготно сел на услужливо расстеленный для него ковер и, в ожидании ужина, велел принести очередную фляжку вина.

Пока караванщики распаковывали своих верблюдов, а охрана во главе с Актаем проверяла саму почтовую станцию и готовилась к трапезе и ночлегу, Ярый собрал своих воинов в дальнем углу двора.

- Времени нет. Буду говорить сам. Потом спросите. Итак, Турай готовится бежать. С казной и молодой невольницей. Осталось два перехода до Фракийского моря, где его ждет большая лодка. С собой у него много денег. Его слуги, те кто охраняет сундуки, хотят его обокрасть. Видимо, сегодня ночью. Они вскроют оба или один из сундуков, возьмут деньги, спрячут их здесь, на станции и пойдут дальше с караваном до моря. Потом бек должен отправить их назад,

в Орду. На обратном пути они хотят зайти сюда, в яму, и забрать деньги.

Ярый замолчал и обвел глазами своих воинов. Лекша слушал с широко открытыми глазами. Два воина, кивавшие головами во время рассказа, хотели что-то сказать, но Ярый остановил их жестом руки.

- Потом скажите. Сейчас вы должны пойти к сундукам и продолжить наблюдение. Когда они будут грабить, мы не знаем. Видимо, затаятся и будут ждать удобного случая. Вы должны увидеть, куда они спрячут деньги. Сегодня взять деньги не удастся. Они, наверняка, будут сторожить. Хотя бы друг от друга. Поэтому вам надо сторожить до рассвета, чтобы никто не взял НАШИ деньги. Но еще до того, как они дойдут до моря, мы их сами возьмем!

Теперь Лекша попытался что-то сказать, но Ярый опять предупредительно поднял руку.

- Если хочешь сказать про деньги и сегодняшнюю ночь, говори. Если что другое – завтра.

- Тогда завтра. Но сегодня готов помочь и пойти туда…

Голос Ярого был тверд.

- Сегодня ты туда не пойдешь. Слуги будут следить в оба. Заметят тебя, поднимут шум, потеряем и деньги, и кое-что другое, - сотник внимательно посмотрел на Лекшу, - всё понял, десятник?

Тот кивнул головой.

- Всё, ребята, по местам. И сегодня быть особо внимательными. Если вас заметят, вы – охраняете. В руки ничего не брать.

Воины бесшумно растворились в темноте.

- Послушай, Лекша, - Ярый положил руку на плечо своему десятнику, - понимаю, что тебе хочется к Гюльсан. Но сегодня нельзя. Не дай Бог, заметят. Останемся и без денег, и без девушки.

Я помогу тебе её отобрать у Турая, слово даю. Но уж и ты, дай слово, что сдержишь себя и не сорвешь наш план.

- Даю! – ответил Лекша, но видно было, что нелегко далось ему это слово.

- Будем сегодня вдвоем с тобой развлекать и поить баскака, чтобы слугам было сподручнее его грабить. А нам этим НИЧЕЙНЫМ кладом воспользоваться.

Услышав про «ничейный» клад, Лекша улыбнулся, поняв, наконец, всю хитрость сотникова плана.

И вечерняя трапеза была хороша. Мяса было вволю, и зажарен барашек был отменно. Турай расщедрился на бочонок сладкого китайского вина и остатки вкусных закусок, караван-сарай-баши велел принести медовухи, а приглашенный к дастархану Актай приволок бурдюк хмельного кумыса. Долго говорили, Актай с Тураем пытались петь песни, караван-сарай-баши, позвавший своего работника, игравшего на дутаре, танцевал на ковре «танец молодого охотника», больше похожий в его исполнении на топтание пьяного медведя. Но всем понравилось, и даже Турай бросил танцору серебряную монету в знак своего одобрения. Когда пьяного Турая его слуга – писец потащил спать, Ярый и Лекша вышли продышаться во двор. В голове шумело, ибо смесь напитков получилась прямо убийственная. Лекша пытался, было, выяснить, каким образом Ярый поможет ему украсть Гюльсан, но сотник приложил палец к губам и пошел в другой угол двора, где расположились он и его воины. Они с Лекшей легли на попоны, положив на две соседние заранее скатанные халаты, издалека походившие на двух других спящих воинов. Легли, изобразив через некоторое время храп, причем Ярому показалось, что Лекша не изображал храп, либо делал этот весьма правдиво.

Задремавшего, было, Ярого разбудил брошенный в него камешек. Отойдя, словно по нужде, в угол, он увидел одного из

воинов, отправленных следить за слугами Турая. Увидев сотника, тот быстро прошептал:

- Они открыли сундук, сложили все в мешок и закопали его за дальней стеной караван-сарая. Сверху завалили камнем. Один хотел остаться, чтобы следит, но второй его не отпустил, сказал, что теперь они должны держаться вместе, чтобы доверять друг другу. Они вернулись в караван-сарай. Мы могли бы взять мешок сейчас, но они, шайтаны, проделали дырку в стене и наблюдают за местом.

- Где твой друг?

- Остался следить до утра. Мне что делать?

- Зайди в караван-сарай, покажись слугам Турая, его писцам, всем, кого увидишь. Попроси чая себе и другу. Скажи, что не можете уснуть. Пусть тебя запомнят.

- А что с мешком? Когда брать будем? – молодому воину явно не терпелось.

- Не спеши. Если Турай обнаружит пропажу до отхода каравана, может приказать обыскать всех. Мы – на земле Орды, и нас тоже обыщут. Уйдем из ямы, и я найду способ вернуться и забрать деньги. Иди!

Воин вздохнул, но не посмел ослушаться. Через минуту Ярый услышал его голос уже в караван-сарае, где тот просил у неспавших тураевских слуг «чая и чего-нибудь» перекусить, жалуясь на то, что Ярый и Лекша дали вечером им с другом мало еды, и теперь пустой живот не дает заснуть, да еще под сытый храп начальников. Чтобы быстро отвязаться от мешающего им наблюдать за зарытым кладом воином, слуги налили ему в пиалу чая и дали несколько кусков лепешки.

Рано утром слуги, за которыми наблюдал, как обычно, своими красными глазками бек Турай, кряхтя, навьючили тяжелые сундуки и корзину с Гюльсан на верблюдов, и караван тронулся в путь. Лекша, не отрываясь, смотрел на эту корзину и даже хотел, как

показалось Ярому, подъехать к ней, но сотник успел крепко взять лекшиного коня за повод и тихо, но твердо сказать своему влюбленному десятнику.

- Стоять! Всех погубить хочешь? Потерпи. Обещал – помогу! На переходе даже не приближайся к ней!

Подъехавший к своим воин, наблюдавший всю ночь за кладом, сказал, что все прошло спокойно, и закопанный мешок остался лежать под камнем за задней стенкой караван-сарая. Словно не слыша его, погруженный в свои мысли Лекша просто кивнул головой, а сотник, у которого уже готовы были сорваться с губ слова – «Хорошо. Иди отдыхай!», вовремя остановил себя. Впереди длинный переход, и отдыхать некогда. Но бывалый воин и в седле отдохнет. «А вдруг воины решат вернуться за кладом? Золото – оно душу разъедает сильнее ржавчины.» Но Ярый отогнал от себя эту мысль. Если еще и друг другу не доверять после стольких пройденных дорог, зачем тогда вообще идти вместе. И куда? И он просто сказал, стараясь, чтобы его слова прозвучали не как приказ.

- Хорошо. Езжайте по местам. Сегодня отойдем от каравана. Скажу, когда.

Воины разъехались, оставив Ярого думать над вопросами, решить которые он обещал, но как их решать, он еще и сам не знал. Знал только одно – надо разъезжаться с караваном сегодня, до последней ночевки. До моря оставалось совсем немного, и дальше идти вместе было бы опасно. Пока сотник обдумывал, как ему лучше распрощаться с Тураем, тот сам подъехал к Ярому.

- Ну что, сотник, подходим к Фракии и завтра увидим воды этого благословенного моря. Дойдешь с нами до порта, получишь обещанную награду и можешь следовать своей дорогой.

- Нет, Турай-паша, мы не так договаривались. Я тебя сопровождал, пока пути наши совпадали. Сегодня они разойдутся.

Мне надо следовать севернее, и делать крюк к морю не входит в наши планы.

Турай, еще не отошедший после вчерашнего застолья, вдруг рассвирепел.

- Как ты смеешь мне перечить? Я нанял тебя сопровождать караван до моря. Значит, пойдешь с нами до моря! Ослушаешься моего приказа, я тебя… – и тут он осекся, видимо, вспомнив, что сам в пути находится не совсем законно. Ярый открыто улыбался, понимая ситуацию. Впрочем, из-за шрама улыбка эта больше походила на зловещую ухмылку. Так её и понял Турай, вдруг испугавшийся, что рассерженный сотник может донести на него. Они ведь всё еще на земле Орды.

- Ладно, шайтан тебя возьми. Только денег я тебе не заплачу, - Турай встал на привычный для него путь денежной выгоды.

Ярого это устраивало. Он опасался, что Турай полезет за платой для него в тот самый сундук, и тогда… Но просто так отступить он не мог. В глазах сборщика дани это выглядело бы подозрительно, а Турая нельзя было настораживать. Особенно, когда в голове Ярого уже созрел план похищения Гюльсан. С беком надо было расстаться по-хорошему, оставив того в благодушном настроении.

- Ну что ты, бек? Не надо нас обижать. Я уже обещал воинам по несколько медных монет за то, чтобы они не болтали, что шли с твоим караваном и поэтому задержались в пути. Давай лучше сделаем небольшой привал, выпьем твоего вкусного вина, а потом разойдемся по-хорошему. Чтобы и Актай видел, что ты держишь слово. А то ведь ему сопровождать тебя до конца пути.

Последний аргумент убедил Турая. Говоря про «несколько медных монет», Ярый был уверен, что Турай не полезет, особенно днем и при посторонних в свой сундук за золотом, а воспользуется свои дорожным кошельком, всегда висевшим у него на поясе. А остановка был ему нужна для осуществления своего плана.

Турай согласно кивнул головой и поскакал отдавать необходимые распоряжения. Ярый, в свою очередь, объехал своих людей, каждому из которых тихо сказал несколько слов, после чего все спокойно разъехались по своим местам в караване. Последний, с кем переговорил Ярый, был Актай. Отъехав с молодым степняком в хвост каравана, сотник что-то долго тому объяснял. В конце разговора Актай звонко рассмеялся, крикнул слово согласия – «якши!» и пронзительны криком послал своего коня вскачь в голову каравана.

Когда солнце подобралось к зениту и на мгновенье застыло в этой своей наивысшей точке, щедро и совершенно даром раздавая свет и еще не утраченное тепло всему сущему на земле, Турай сделал знак остановиться на привал у степного колодца. Караванщики побежали с кожаными ведрами за водой, всадники охраны во главе с Актаем сгрудились вокруг стражников баскака, не отходивших от своих сундуков. Там слышался смех и звонкий голос одного из младших братьев Актая, рассказывающего какую-то очередную историю. На некоторое время верблюд с плетеной корзиной, в которой сидела Гюльсан, оказался закрыт от стражников шумной толпой коней и всадников. В этот самый момент к корзине подъехали Лекша и один из его воинов. Воин приподнял крышку, а Лекша одним рывком выдернул из корзины девушку и положил ее поперек своего седла, накрыв приготовленной попоной. Воин снова накрыл корзину крышкой, предварительно бросив в нее замотанную в халат овечью шкуру. Всё это заняло какое-то мгновение, через которое Лекша и его товарищ спокойно отъехали к своим. Пока Ярый разговаривал с Тураем, они отделили своих коней от основного каравана, отогнали их в сторону и приготовились к продолжению пути, но уже в своем направлении.

Тем временем сотник присел с баскаком на расстеленный для них ковер. Турай налил в пиалы вина, с явным удовольствием выпил свою и снова долил.

- Ну что, сотник. Расходятся наши пути?

- Как знать. Мир велик. Может, и свидимся… - Ярый тоже глотнул из своей пиалы, - мне будет не хватать твоей компании и твоего вина.

- Ладно, сотник, бутылочку вина я тебе подарю, но ты понимаешь, что заплатить тебе за полноценную охрану я не могу. Ты ведь не прошел и половины пути, - лукавил баскак.

Ярый так искусно вел разговор, что в итоге Турай отсчитал ему из своего кошелька десяток медных и серебряных монет, а также отдал недопитую ими бутылочку вина. Разошлись довольные – Турай тем, как ему удалось сохранить свои деньги, а сотник тем, что его план удался.

Когда отряд Ярого отъехал от каравана, к ним подскакал Актай.

- Всё удалось. Стражники проверили корзину с девушкой и решили, что она спит. Теперь раньше ночевки не хватятся. А хватятся, я, как договаривались, в погоню не поскачу, напугаю Турая тем, что его караван без охраны останется. А места тут опасные! – он лихо подмигнул сотнику.

Попрощавшись с Ярым, Актай подъехал к Лекше.

- Удачи тебе, брат! Украсть свою невесту у старого шакала – это якши! Приезжай ко мне, две свадьбы сразу отпразднуем, и мои родичи вас в обиду не дадут. Девушка Тураю не жена и не рабыня. По законам степи она – вольная! Может, еще встретимся! – последние слова Актай уже прокричал, пустив своего коня вскачь по направлению к удаляющемуся каравану.

Ярый повел свой отряд на север, стремясь уйти от каравана и ориентируясь на заходящее солнце. Пошел снег и поднялся легкий ветер. С одной стороны, это было хорошо, поскольку снег сразу замел их следы от возможной, хотя и маловероятной погони. С другой стороны, они потеряли ориентиры, поскольку ни солнца, ни звезд не было видно. Заметив в стороне небольшой лесок, Ярый

повернул на него и приказал готовиться к ночевке. Бывалые воины быстро стреножили и разгрузили лошадей, дав им немного оставшегося зерна; разожгли костер и натянули небольшой полог от ветра и снега. Лекша привел к костру Гюльсан, прошедшую весь этот путь верхом на лошади, как и подобает степнячке.

Гюльсан робко присела у костра, прикрыв нижнюю часть лица платком. В степи женщины не закрывают лицо, но посторонним показываться с открытым лицом считается неприличным, да и сидеть с мужчинами за одной трапезой тоже нельзя. А тут еще такой страшный шрам у старшего! Огромные черные глаза Гюльсан испуганно смотрели на всех, и она все сильнее прижималась к севшему рядом Лекше. Тому это явно нравилось. Он приобнял девушку за хрупкие плечи и гордо смотрел на своих товарищей. Ярый, на правах старшего, первым начал разговор. На степном языке, поскольку не знал, из какого она рода – племени.

- Не бойся нас. Мы тебя не обидим. Мы знаем, что зовут тебя Гюльсан. Откуда ты? Как попала к Тураю?

Ободренная совсем не страшным голосом Ярого, Гюльсан заговорила, с трудом подбирая слова на степном языке.

- Я из рода падишахов Хорезма. Когда монгольский хан Батый пришел к нам, мой отец не покорился ему и был убит со всеми своими женами, братьями и сыновьями. Меня, совсем маленькую, забрал к себе темник Батыя, Урал-ага. В его юрте я прожила несколько лет. Выучила ваш язык и развлекала жен темника пением и танцами. Урал-ага много пил и играл в кости. Он задолжал много денег беку Тураю, и когда однажды бек пришел требовать долг, Урал-ага приказал мне петь и танцевать для бека. Наверно, я понравилась беку Тураю, и он взял меня к себе в юрту в счет оплаты долга. Жены бека Турая чуть не убили меня, и он держал меня в отдельной юрте. Сказал, что мы уедем далеко-далеко, и он женится на мне. А он старый, противный, и от него козлом пахнет… – из глаз Гюльсан покатились слезы.

- Теперь ты с нами. Мы не живем по законам Орды, где мы сами были подневольными людьми. Мы ушли из Орды и идем на нашу Родину. Наш друг Лекша освободил тебя от Турая. Теперь ты сама решаешь, куда ты пойдешь. Твой Хорезм далеко, и мы не сможем тебя повести туда. И там – Орда, значит, пути нам туда нет. Так что решай, будешь пытаться пробираться на родину, вернешься в Орду к Уралу или идешь с нами.

- В Хорезм возвращаться не хочу. Семья моя погибла. В Орду не пойду. Урал-ага еще хуже Турая. А куда идет Лекша-паша? – она лукаво взглянула на зардевшегося Лекшу.

- А Лекша-паша идет с нами на Русь. Искать там вольное место, где нет Орды и где – свобода, - ответил за всех Ярый. Окинув сидящих с ним трех воинов, он понял, что угадал и сумел выразить то, что они чувствовали, - только он не паша, а просто Лекша. И степной – не наш язык. Мы - русичи, и ты когда-нибудь тоже будешь говорить на нашем языке.

- Иду с Лекшей. И язык наш выучу.

На том и порешили. А там и варево в котле подоспело. Поев, Гюльсан спросила разрешения у Лекши и ушла спать, оставив мужчин у костра решать свои непростые мужские проблемы.

- Ну что, браты, - Ярый впервые так назвал своих воинов, - теперь мы сами по себе, да еще Лекша ответственен за Гюльсан, - девка ведь сама тебе доверилась. Понимаешь?

- Да, понимаю. Женой моей будет, как только осядем где. Все по-людски будет.

- Чтобы осесть, должны место себе подобрать. У вас какие-нибудь задумки есть? – скорее для порядка спросил он у двух других воинов. Один из них тут же ответил.

- Мешок забрать надо. Зря, что-ли, прикапывали? А потом пойдем из степи, искать вольные места. Без Орды, без ярма. Вместе пойдем. С тобой, Ярый, как атаманом нашим.

- Насчет мешка ты прав. Завтра возвращаемся в яму, забираем деньги и уходим в русские земли. Я туда ходил уже потом, после тамги, и знаю, что вольные люди живут там у Студеного моря, под Новгородом. Туда идти надо. А пока спать. Ты, Лекша, первым в дозор.

Закутавшись в теплые халаты и укрывшись бараньими шкурами, заснули быстро. Лекша, бросив для друзей (и невесты) несколько веток в догорающий костер, вышел из его света, чтобы лучше видеть в наступившей темноте и, прислонившись спиной к дереву, погрузился в свои мысли. Главным чувством, охватившем его, была нежность к Гюльсан, этой хрупкой девушке с черными глазищами, ранившими его в самую душу. Пока она была в караване Турая, Лекша больше всего хотел выкрасть её и ускакать с ней подальше от баскака. Теперь, когда Гюльсан с ним, а Турай далеко, он вдруг понял, что вопросы на этом не заканчиваются. Куда они едут? Где поставят свой дом и смогут жить нормальной семьей? Чем он будет заниматься, чтобы кормить эту семью? Хорошо, что его друзья рядом, особенно Ярый, к которому Лекша давно уже относился как к старшему брату. Они, конечно, помогут. Но вдруг захотят идти своей дорогой. Он подумал и о своей доле в сумках вьючных лошадей и о том мешке, который они возьмут на почтовой станции. Этого должно хватить на первое время. Эта мысль несколько успокоила его, и он чуть, было, не задремал под потрескивающий звук костра и танец падающих снежинок. Чтобы размяться он решил подбросить в огонь еще хвороста, но тут чуткое ухо воина уловило какой-то посторонний звук. Он быстро вернулся от костра в темноту леса, где уже отчетливо увидел тени, перебегавшие от дерева к дереву. Сторожевым свистом он разбудил своих товарищей, и когда на поляну ворвались около десятка вооруженных людей, Ярый и трое его товарищей уже стояли кругом

с обнаженными саблями. В центре круга сидела на ковре Гюльсан, сжимавшая в руке кинжал.

Выскочившие на поляну люди не были похожи на ордынский конный отряд. Ярый и Лекша сразу заметили не ордынского кроя меховые шапки и плащи, узкие изогнутые сабли с закругленной, как лебединая шея, рукоятью, отсутствие луков. Нежданные люди не походили и на разбойников, которые кичились дорогим оружием и роскошной, но всегда драной одеждой. На этих же все было ладно подогнано и опрятно. Один из них, осанистый и широкоплечий, шагнул вперед и, опустив саблю, грозно спросил на степном языке у Ярого, верно определив его как старшего:

- Кто такие?

Голос показался Ярому знакомым. Вглядевшись в бородатое лицо, он неуверенно спросил. Уже по-славянски:

- Кольша? Ты, что-ли?

Они осторожно подошли друг к другу, не убирая сабель. Ярый снял шапку, закрывавшую половину его лица и повернулся своей, не обезображенной шрамом щекой, к костру.

- Братка! Чёрт! Тебя же тевтонцы тогда срубили! Я сам видел, как ты с коня упал весь в крови, а после сечи все поле исходил, искал тебя! Воскрес, что-ли?! Ей-Богу, воскрес! - кинув саблю в ножны, бородач обнял Ярого, чуть не задушив того в своих медвежьих объятиях.

- Как же я рад, что ты живой! – бородач чуть отстранил от себя Ярого и тут увидел шрам, - Эко, братка, тебя отметили.

- Потому теперь зовусь Ярый, «шрам» по-татарски.

- Ну, для меня всё равно ты – братка. Мы же кровью побратались, помнишь? А я теперь Чуб зовусь, мои новые товарищи так назвали. А старое своё имя совсем забыл. Так помнишь, как тогда вместе рубились?

- Конечно. Всегда о тебе помнил. Думал, уж не судьба увидеться. Вон где встретиться довелось. Давай, зови своих к костру, - повернулся Ярый к своим воинам, - Уберите сабли. Это друзья. Лекша! Давай, доставай чем угостить наших гостей!

Пока подошедшие, убрав оружие, рассаживались у костра, Лекша с товарищами подтащили, что было, из еды и быстро поставили котел на огонь. Гюльсан, правда, он отвел в сторону, к стреноженным лошадям и посадил, укутанную теплыми халатами так, чтобы всегда её видеть. Гостеприимство гостеприимством, а осторожность не помешает.

У разгоревшегося с новой силой костра бородач, которого его люди почтительно называли атаманом, рассказал им, что встретились они с Ярым лет десять назад, когда княживший тогда в Новгороде молодой князь Александр попросил у Орды войско для борьбы с ливонцами и поддержавшими их рыцарями Тевтонского ордена. Бывший тогда десятником Ярый и молодой дружинник – гридень новгородского князя Кольша, а ныне – Чуб, ходили несколько раз вместе в дозоры и бились плечо к плечу в схватках с тевтонами. Тогда подружились и даже, надрезав себе ножами кожу на правых руках, смешали кровь, назвавшись братьями. Словно в доказательство Чуб и Ярый закатали рукава своих одежд и показали те шрамы, зажившие, но хорошо видные свидетельства их братства.

- Атаман, он же из Орды? Как ты мог с ним брататься? – неуверенным голосом спросил один из пришедших с Чубом.

- По крови он – русич. А то, что Орде служил, так то судьба у него такая. Когда мальчишкой в степь забирали, его не спрашивали. А потом, даже наш славный князь Александр побратался с сыном Батыя ханом Сартаком, упокой Бог его душу. А тот вообще монголом был, правнуком самого Чингизхана!

Чуб поворошил угли и продолжил:

- После той большой сечи, где мы разбили ливонцев и тевтонов, я долго искал названного брата. Не нашел, ездил в

ордынский лагерь, где мне сказали, что его зарубили. Справил я по тебе, брат, тризну – а значит, долго жить будешь, – и жизнь потекла дальше. Перевели меня в Большую дружину князя, хотел даже жениться. Но тут у князя Александра умирает в Орде отец – Великий владимирский князь Ярослав. И Александр со своим братом Андреем едут туда испрашивать себе ярлыки на княжение. Хотел он и должен был получить ярлык на Великое княжество Владимирское, но не судьба. Батый, хоть и стал потом названным отцом Александру, но в тот раз дал ярлык на Великое княжение во Владимире младшему брату Александра – Андрею, а самому Александру достался захудалый Киев, к тому же недавно разоренный самими татарами. Александр почти два года сидел в Орде, дожидаясь ярлыка на Владимир, а не получил почти ничего. Поиздержался весь, раздавая взятки ханам, бекам и их ненасытным женам. И мы, дружина, совсем истощилась. Последнее с себя продавали, кроме оружия. Еле обратно дошли.

Александр в Киеве не остался – что ему в такой глуши делать? Ни почета, ни денег. Пошел обратно в Новгород. То принимал его город, то выгонял. Новгородское вече, это такая странная вещь. Кто громче крикнет, того и правда. Бился Александр и со своими, и с литовцами, и с ливонцами, и с тевтонами. А когда со своими, русичами, да еще и братьями, биться начал, опротивело мне все. Не женился, никого родного нет. Взмолился я, и отпустил меня князь.

- Ой, лукавишь, атаман. Сам ушел, да не пустой. Где это видано, чтобы князь хорошего воина просто так отпустил? – раздался голос из группы пришедших с Чубом. Все рассмеялись.

Чуб чуть смутился, но тут же снова заговорил:

- Да, сам ушел. Ну взял кое-чего у одного купчишки новгородского. А чего он против князя Александра кричал? И со своими знался в этой своей Ганзейской унии! Правильно я поступил? – обратился он к своим людям.

- Да правильно, атаман!

- И пошел я с двумя моими товарищами на юг, в вольные степи. По пути еще люди к нам пристали – у многих нашлась причина бросить прошлую жизнь и попытаться жить так, как им хочется. И не важно, сколько той вольной жизни отмеряно, но она – вся твоя. Так, браты? – обернувшись к своим, молодцевато спросил Чуб.

- Так, всё так, атаман! Воля стоит жизни! – дружно поддержали его товарищи.

- Сколотился отряд, признавший меня своим атаманом, - продолжил Чуб, разглаживая усы, - И решили идти на юг, к Понтийскому морю, в степь, где нет ни княжеского ярма, ни монгольских оков. Шли долго и трудно. Пропитание и все, что надо, добывали саблей. Но простой люд не трогали и церквей не грабили! Шкурили богатеев да купцов. Хотели было баскаков ордынских пощупать, - он хитро посмотрел на людей Ярого, - да больно у них охрана крепкая, почти вся из русичей… Не бить же своих. Хотя и у нас горячие головы есть… Опять же, всё, что ни возьмешь у Орды, она снова сдерет с Руси. Да еще втридорога. Да еще князь наш, русич, в Орду поедет каяться, что не досмотрел. Опять народ податью обложит, чтобы ханов ублажать.

В котле над костром вкусно закипело варево. У костра расстелили ковер, на который воины Ярого выложили все, чем могли угостить.

- А неплохо живете! – глядя на сушеные фрукты, лепешки и вяленое мясо, Чуб скомандовал своим:

- А принесите сюда бурдюк! Ну тот, который… - он осекся, но его поняли, и через минуту уже наливали всем из бараньей шкуры, одна из ножек которой служила горлышком. Первым, в серебряные чарки, люди Чуба налили своему атаману и Ярому.

Чуб поднял чарку, обводя широким жестом всех:

- Ну, брат, за твое присоединение к нам. Вижу, что тоже идете своим путем. Считай, пришли. Не спорь! Побудете у нас,

попривыкните к родной земле и ее порядкам, а там сами решите, куда дальше. Что, браты, принимаем брата моего Ярого и его людей? Люб он нам?

- Люб! Принимаем! – прокричали нестройными голосами люди Чуба, не сводя голодных глаз с угощения и предвкушая заветный глоток.

Уже потом, когда все были заняты едой и бурдюком, Чуб отвел Ярого в сторону от костра.

- Не сердись, брат, что без твоего согласия принял тебя в отряд. Не все я тебе там, у костра, рассказал. Непросто мне с ними. Дисциплины войска здесь нет. Люди разные, и Бог у всех разный. Кто от горя бежит, а кто за горем гоняется. И атаманом они меня не сразу выбрали. Пока шли, с некоторыми особо рьяными пришлось кровью разбираться. По пути отбивали ордынский полон. Так некоторые семьей обзавелись, и стал наш отряд похож на кочующее становище. Бог миловал, не вырезали нас и дошли мы до этих мест, где нет твердой власти. Но есть кипчаки, ногаи, половцы, калмыки и еще тьма разных воюющих племен и кочевий, не любящих ни друг друга, ни чужаков. Воля-то здесь есть. Но воля одна – умереть, если ты один.

И вот однажды наткнулись на сильный отряд. По повадкам вроде ордынцы, а по виду – русичи. Вот как вы. Нас окружили, и их старший захотел говорить со мной. И вот что он мне поведал.

Орда набрала за свои годы военной славы много данников, но уже не может охранять, как прежде, свои границы. Непокорных все больше, они крепнут и наглеют. И тогда Батый, а затем и сын его убиенный Сартак решили селить по беспокойным границам Орды особые воинские поселения.

Ярый перебил его.

- Я знаю, о чем ты говоришь. Даже, когда уходил из Орды, в пути прикрывался тем, что еду в одно из таких поселений. Вот только не знал, правда это или нет.

- Правда, правда. Их старший, атаман Ухо, - у него и впрямь одно ухо обрублено, прибыл сюда из Орды несколько лет назад со своей сотней. Им разрешено иметь семьи, заниматься охотой и ловлей рыбы. Они получают припас из Орды и даже могут, по словам атамана, брать к себе других людей, при условии, что те признают власть Орды и обязуются биться за нее. Сейчас у них целый лагерь. Есть и юрты ваши, степные, но много домов рублены из деревьев. Все мужчины занимаются военным делом, секутся на саблях, мечут стрелы, объезжают лошадей. Ежедневно пускают разъезды. Вроде как оберегают рубеж Орды. Но, братка, поверь мне – уже не Орду, а себя они оберегают. Свои дома, ловы и пастбища. И никакого дела им нет до Орды и ее ханов.

- А как же припасы, которые они получают от Орды? Сарай не может оставить свои воинов вот так, без своей железной руки! – Ярый не мог поверить в это.

- Припасов они давно не получают. Последний темник, который был у них, якобы разрешил атаману Ухо брать подать на содержание с тех племен, кто признает Орду и оставлять себе добычу, отнятую у непокорных. Главное – не допускать набеги на территорию Орды и помогать в сборе дани. Правда, - Чуб хитро прищурился и похлопал себя по животу, - ребята говорили, что темник уезжал с таким нагруженным караваном, что вполне мог разрешить Уху брать дань даже с солнца!

- Ну и как, берет?

- Судя по тому, как они живут, берет, да еще как. Но живут они справно. И чтят Бога единого! – Чуб перекрестился.

- Сами–то, в кого веруете? У нас хоть и не лезут в душу каждому, хоть пеньку в лесу молись, но почти все в церкву ходим, к отцу Онуфрию. Вы там, в Орде, ислам не приняли? Сейчас, говорят, весь

Сарай только Коран и чтит. Вон, наш отец Онуфрий еле ноги унес, когда его храм в Орде сожгли.

Ярый молча достал из-под ворота рубахи свой крестик. То же сделал Лекша. Так же молча они продолжали смотреть на Чуба, ожидая, что же тот скажет им дальше.

- Ну, это хорошо, - Чубу заметно приободрился, - так вот, этот самый атаман Ухо предложил мне и моему отряду влиться в его лагерь. Обещал дать землю и помочь в обустройстве, выделить ловы на реке и места выпаса. А главное – обещал защиту и от Орды, и от всех прочих. В ответ мы должны были встать под его руку и выполнять все его распоряжения. Деваться нам было некуда, и мы приняли его предложение. Меня он поставил сотником над моими людьми, дал еще несколько опытных воинов для обучения молодых. Семейные обустроились, кое-кто, по своим обычаям, даже из бревен жилища сложил, с печами. Молодые ребята, кто воинскую службу несет, пока отдельно живут. Но девок в лагере много, скоро, думаю и они домами обзаведутся…

- Сменил, значит, одно ярмо на другое, - в голосе Ярого не было и тени насмешки. Вроде как переживал за судьбу старого приятеля, а вроде и о своем будущем думал.

- Ну и как, новое ярмо-то послаще будет?

Чуб задумчиво поглаживал свою буйную бороду, словно не замечая обидные, по сути, слова Ярого.

- Как тебе объяснить, брат… Сначала и сам думал, что ярмо. Даже сгоряча думал снова в бега подорваться. Обузу всю, всех семейных и не ратников оставить, а с десятком воинов снова уйти. Но куда идти-то? Назад, под своих князей, ордынских данников? Это верная смерть. В саму Орду – тоже смерть, только еще более обидная и мучительная. Пробиваться на запад, к латинянам? Душа не лежит. Да и не примут они православного. А за веру свою я уже столько крови пролил. Их крови, латинянской.

Атаман Ухо, словно бес, как услышал мои мысли. Сам пришел как-то вечером. Сказал, что понимает мои мысли, что сам когда-то уйти хотел. Попросил остаться пока, оглядеться и попробовать новую жизнь, а потом уж решать. Долго говорили, и крест я ему целовал, что год не уйду, а верой и правдой служить буду. Не ему, Уху, служить, а всему лагерю, людям его!

Вот уж скоро год, как я здесь, и ты знаешь, брат, мне нравится! Нравится, что живем вольно, без податей и дани. Кормим себя, да своих воинов, отцов, братьев и сыновей своих, что за нас же бьются. Нравится, что вольны мы сами решать вопросы разделения земли, воинской добычи, приема новых людей и наказания провинившихся. Как на вече в нашем Новгороде – на кругу решаем все вопросы. Даже колокол есть, который собирает всех. И самого атамана выбирает круг!

- А чем живете, если Орда припас не дает?

- Земля считается ордынской. На нее у атамана Ухо фирман есть, с печатью Великого хана. Мы обязаны охранять её, но всё, что она дает – наше. Есть отменные рыбные ловы на реках и озерах, много зверя и птицы, бортники собирают дикий мед. Деляны в лесу, борти и ловы распределяет круг, равно как и места выпаса коней и скота. Потом посмотришь, какие у нас табуны, отары и стада. Только землю не пашем и не сеем, поскольку все мужчины обязаны нести военную службу и всегда быть готовыми выступить в поход, имея коней и оружие наготове, - с явной гордостью рассказывал Чуб.

Ярый и Лекша слушали его с некоторым недоверием. Им уже рассказывали сказки про красивую жизнь, заманивая в ловушку. Дождавшись, когда Чуб сделал паузу в своем рассказе, Лекша, не выдержав, опередил уже готовившегося что-то спросить Ярого:

- А военную добычу, что говорил, где берете? Караваны грабите, по чужим поселениям ходите?

- Да нет, парень. Круг постановил разбоем и грабежами не заниматься. Не могу сказать, что все послушались. Люди, они ведь

разные бывают. Каждый своего черта за пазухой прячет. Но если атаман дознается, жестоко наказывает. За малую провинность секут плетьми прямо на площади и изгоняют. За доказанную большую провинность можно и голову потерять.

А добычу берем с кочевых и иных лихих людей, что на наши угодья и скот зарятся. И еще - караваны через свои земли пускаем, охраняем их и плату за это берем.

Недовольный тем, что Лекша его перебил, Ярый все-таки спросил:

- А в больших походах Орды участвуете? За данью ходите с баскаками? Данникам Орды помогаете сражаться с их врагами?

- Не слышал о таком. Да ведь изначально сюда была направлена сотня всадников да немного хозяйственных людей. Следующее такое поселение через пару конных переходов, а там еще несколько. Наши туда не ходят. Но для походов здесь мало народу, да и задача у них другая. Я так думаю, что пока через нас не пойдет на Орду какая-нибудь рать, о нас и не вспомнят.

- А вы эту рать должны остановить? – не без ехидцы в голосе спросил Лекша.

- Если получится, то и остановить. Но главное – сторожевыми кострами и гонцами предупредить Орду о нападении, - спокойно ответил Чуб. И продолжил:

- По всему рубежу сложены сторожевые кострища и расставлены дозорные. Они на посту день и ночь. И это и есть основная задача, которую перед атаманом Ухо поставил хан Сартак, правнук самого Великого Чингизхана. Царствие ему небесное, - Чуб перекрестился.

- Кому – Царствие? Чингизу – завоевателю или Сартаку, который Русь воевал да грабил? – не выдержал Ярый.

- Да обоим. Отец Онуфрий говорил, что ТАМ каждому воздастся, что заслужил. Чингиз до Руси не дошел, нет на нем крови русичей. Правнук его Сартак, тот вообще был братом названным нашему новгородскому князю Александру Ярославичу и христианином. При себе хранил Писание, что ему князь с целованием подарил. А наши, русские, князья, что – не воюют и не грабят? А мы за них в церквах молимся. Нет, у каждого - свой путь, и одним мерилом все не обмеришь.

Видя, что Чуба, выцедившего уже пару добрых чарок крепкого заморского вина, потянуло на рассуждения, а мороз крепчал, и на землю опустилась звездная ночь, Ярый, который для себя уже принял решение, довольно резко оборвал своего названного брата.

- Ладно, Чуб. Потом договорим. Уговорил меня, едем к тебе. А там, на месте, виднее будет. Сейчас выступаем, или утром?

- Мы ночью даже лучше видим! Едем сейчас! – протрезвевший Чуб дал своим команду «В поход!». Ярый и Лекша помогли собрать вещи, посадив Гюльсан в мужском халате и закрывающей почти все лицо мохнатой шапке на коня в центре своего небольшого каравана. Береженого Бог бережет.

Ярый подозван Лекшу и одного из своих воинов, что-то быстро им сказал, и они вместе подъехали к Чубу.

- Брат, ты нас так быстро перехватил, что мы не успели доделать одно дело. На прошлой ночевке, на почтовой станции Лекша оставил на сохранение сундук с божьими книгами. Уж больно неудобно было везти его с собой, и сарай-баши согласился сохранить книги до нашего возвращения. Поскольку мы поменяли наш путь, Лекша, очень набожный человек, должен забрать книги. Ты же знаешь, брат, в этом мире ничего нельзя оставлять надолго без присмотра!

Ярый надеялся, что упоминание о книгах, очень редких и дорогих в то время, но не являющихся, как золото, предметом вожделения и страсти, подействует на Чуба. Тем более, что, если Левша – грамотный, это должно было придать ему значимость и вызвать доверие.

Чуб понимающе покачал головой, лихорадочно осмысливая своими не до конца трезвыми мозгами ситуацию.

- А он вернется? – он кивнул на Лекшу, - С книгами?

- Конечно, вернется, - спокойно ответил Ярый, - у меня ведь остается его жена. Да и сопровождать его будет мой воин.

- Тогда и мой воин поедет с ними. А вдруг помощь понадобится? Да и как они нас потом найдут? Эй, Губа!

Не дожидаясь ответа Ярого, Чуб подозвал одного из своих всадников и что-то долго объяснял тому на ухо, показывая обухом плети на Лекшу.

Ярый и Лекша незаметно обменялись взглядами. Губа подъехал к Лекше и его товарищу и весело подмигнул им. Редкие усики при этом вздернулись, открыв шрам, разделяющий его верхнюю губу пополам. «Так вот почему ты – Губа! Ну, что же, проверим тебя» - и Лекша также же лихо подмигнул в ответ.

- Ладно, ребята. Туда и обратно. Заберешь свои книги, раз без них не можешь, и Губа приведет вас в лагерь. За жену не беспокойся, сам присмотрю! – и Ярый, отвернув коня, поскакал к каравану. За ним наметом последовал Чуб.

Путь к лагерю был неблизкий, но Чуб и его люди хорошо знали местность, да и дорога была подмерзшая и малоснежная, так что отдохнувшие кони резво несли их к родным яслям.

Чуб все пытался разглядеть Гюльсан, подъезжая к ней то слева, то справа, но мохнатая шапка закрывала все девичье личико, а ехавший рядом Ярый весьма недружелюбно посматривал на своего

названного брата, когда тот пытался, было, поговорить с девушкой. Наконец, Чубу это надоело, и он поскакал к своим, в голову отряда, откуда вскоре раздались его раскатистый голос и хохот.

При подходе к лагерю Ярый смог оценить надежность и продуманность охраны. Их дважды окликали невидимые с дороги дозоры, требуя особое пропускное слово. В отдалении бывалый воин сумел разглядеть сложенные сторожевые вышки – костры.

Сам лагерь, как его называл Чуб, находился в излучине реки. Он не был похож на привычное ордынское становище. Жилища, в основном, были рублены из бревен, и над крышами курились дымы. Сквозь затянутые рыбьим пузырем оконца виднелся свет. На окраине, у огороженных загонов с лошадьми и скотом, были поставлены несколько юрт, рядом с которыми можно было различить поставленные, по ордынскому обычаю, коновязи и пирамиды копий. «Видать, воины в готовности живут» - опытный воин привычно оценивал знакомую ему картину укрепленного лагеря. Но это был не совсем лагерь. На берегу реки под снегом лежали лодки, видны были спускавшиеся к воде и пробитым во льду прорубям мостки. Над крышами домов возвышался темный купол церкви.

Селение было огорожено высоким тыном из заостренных бревен. Ворота отворили, только признав Чуба и его людей. Ярого и его спутников Чуб определи на ночлег в длинный сеновал, в дальнем углу которого было выгорожено место, где имелось выложенное камнем место для костра. «Видать, для сторожей. Или таких как мы, гостей» - Ярый поблагодарил Чуба.

- Пока здесь побудете. Только сено не пожгите. Завтра к атаману пойдем. Лучше, если твой друг к утру вернется. С книгами, - здесь, в лагере, Чуб словно потерял свое радушие. Ярого это не особо удивило. Он понимал, что здесь его названный брат был уже другим. Он был воином, сотником, атаманом. Да и уши кругом могут быть. Зачем каждому знать, что Чуб привел в лагерь чужака, с

которым у него хорошие отношения. А насчет ушей кругом – мысль хорошая. Громко дав указанием расседлывать, готовить еду и ночлег, он подошел к Гюльсан и тихо, чтобы не дай Бог, не услышал никто из посторонних, спросил, не надеясь на положительный ответ:

- Девочка, а нет ли случайно у тебя каких-нибудь книг?

Ярый посчитал, что, конечно, у Гюльсан, которую буквально выдернули из корзины, никаких книг нет, и девушку просто надо подготовить к тому, что, когда Лекша явится без книг, она должна будет подтвердить, что эти книги у них были. Но, к удивлению Ярого, Гюльсан кивнула головой и извлекла из пояса своих шаровар небольшую книжицу. Это так удивило Ярого, что он не сразу обратил внимание на то, что книжица была исписана изящной арабской вязью. То есть явно была не церковной, да и маловероятно, что Лекша умел читать на этом языке. Да он вообще не мог читать ни на одном из языков, как это было широко распространено в то время.

Но это был уже второй вопрос, и Ярый тихо, но быстро объяснил Гюльсан, что книжицу надо будет незаметно передать Левше и поблагодарить «мужа» за то, что он вернулся за оставленной на почтовой станции ею, Гюльсан, любимой книгой. Как это сделать в присутствии Губы, да и вообще, смогут ли Лекша с другом достать спрятанные деньги и привезти их, Ярый не знал, но надеялся, что Судьба и на этот раз им поможет.

Все трое так и не сомкнули глаз, а Ярый не выпустил из рук оружия, готовый к самому худшему развитию событий. Правда, какое оно – худшее, он и сам не мог бы ответить.

Уже почти рассвело, когда ворота лагеря распахнулись и пропустили трех коней. На одном из них сидел Лекша, на двух других лежали, крепко привязанные к седлам, два тела.

- Осторожно, они ранены! - крикнул Лекша подбежавшим к ним людям и, заметив вышедшего из сарая Ярого, подъехал к нему. Соскочив с коня, он быстро шепнул – «Мешок у седла» и побежал к оставленным товарищам, которых успели снять с коней и положить

на землю. Там уже командовал Чуб, перекрывавший своим зычным голосом причитания невесть откуда набежавших женщин.

- В сарай их несите! Осторожнее! Лекаря сюда!

Пока раненных осторожно переносили в сарай, Ярый сумел быстро завести в выделенный им закуток лекшиного коня и отвязать от седла увесистый кожаный мешок, спрятав его среди своей поклажи. Взяв у Гюльсан книжицу с арабской вязью, он незаметно положил ее в седельную сумку коня своего товарища.

Подбежавшего лекаря Чуб направил к Губе, голова и лицо которого были залиты кровью. Пока лекарь и Чуб осматривали рану слабо стенающего Губы, Лекша и Ярый склонились над своим товарищем, из предплечья которого торчал обломок стрелы. Ярый успел шепнуть Лекше про книгу, еще не зная, пригодится это или у того совсем другая история.

Раненый был в сознании, только тяжело дышал и с надеждой смотрел на них. Быстро разрезав на нем полушубок и рубаху, воины осмотрели рану, края которой уже начали гноиться. Приказав их третьему товарищу сесть раненому на ноги, а Лекше держать его руки, он попросил Гюльсан найти чистую тряпицу и накалить на углях нож. Сунув в зубы раненому рукоять плети, Ярый вывернул из предплечья обломок стрелы с наконечником, который, к счастью, засел не глубоко. Из раны хлынула темная кровь. По лицу страдальца катились пот и слезы; от боли он потерял сознание, так крепко стиснув зубы, что Ярому потом с трудом удалось вытащить свою плеть. На рукояти плети так и остались следы зубов, и Ярый потом часто рассматривал их, вспоминая былое… А пока раненый без сознания лежал перед ними, прижатый к земле телами своих товарищей. «Интересно, а что он сейчас видит своим внутренним оком?» - вдруг подумалось Ярому, который вспомнил, что сам он, находясь в таком же положении, видел себя и окружавших его словно со стороны и сверху, не чувствуя никакой боли, а только

покой и безмятежность. Боль пришла потом, когда он вернулся в свое тело. «Так и тебе, парень, будет скоро очень больно. Извини. Но, видимо, боль это и есть наша жизнь».

Гюльсан уже стояла рядом с раскаленным докрасна ножом и чистой белой тряпицей. Огромными испуганными глазами она смотрела на происходящее, но руки ее не дрожали, а вид был весьма решителен. Сделал знак еще сильнее прижать раненного к земле, Ярый с силой приложил раскаленное лезвие к кровоточащей ране. Крик рванулся из груди раненного и заполнил собой все вокруг. Он почти сбросил с себя Лекшу, и Ярому пришлось, не отнимая ножа от раны, коленом придавить раненного к земле. Даже Гюльсан бросилась сверху на Лекшу, пытаясь своим маленьким тельцем и хрупкими ручками помочь своему нареченному удержать раненного. Выгнутое дугой тело, наконец, ослабло, и страдалец вновь потерял сознание.

- Все, слезайте. Дайте ему подышать. Гюльсан, забинтуй ему рану и приготовь, на что лечь. Чуть позже отнесем, - Ярый с удивлением заметил, что его голос охрип, а руки подрагивают. «Да, старею. Уже не так равнодушен к чужой боли». Гюльсан направилась, было, делать перевязку, но ее остановил лекарь, закончивший осмотр Губы. Самого Губу, так и не пришедшего в себя, люди Чуба бережного подняли на попоне и перенести в соседний дом, как и велел их сотник.

- Погоди, дочка. Дай я сначала мазью целебной рану смажу. А потом бинтуй.

Сказал лекарь это на славянском, который Гюльсан еще не понимала, и она вопросительно посмотрела на Лекшу и Ярого. Лекша перевел слова лекаря на степной.

- О, друг, так твоя жена еще и по-нашему не понимает? Как же ты с ней говоришь? Только молча и под одеялом? - Чуб, поигрывая рукояткой сабли, уже нависал над ними, - давай-ка, дружок,

рассказывай, что случилось с моим другом Губой, да и с твоим товарищем.

Лекша посерьезнел, поправил одежду и пояс с саблей, молча показал Чубу и Ярому на места у костра, сам степенно прошел туда и сел, скрестив ноги, по-степному. Ярый оценил поведение своего десятника – «Да, парень, а ты заматерел. Молодца! Хорошо держишься.» Чуб и Ярый прошли к костру и сели напротив Лекши, ожидая рассказа. Тот выжидал, поскольку, как известно, торопливость нужна только при ловле блох, а в беседе серьезных мужчин она лишь роняет достоинство. Попросив воды и получив от Гюльсан пиалу чая, Лекша, не торопясь, выпил ее, вытерев рот рукавом, и неторопливо заговорил.

- Все было нормально, но на обратном пути, только отъехали от ямы, нас пытались ограбить. Я остановился в лесу по нужде, а на Ваньшу и Губу напали. Ваньшу сразу подстрелили, а Губа получил удар по голове. Я подрубил двух, еще один убежал. Ночью, в лесу, не смог догнать. Когда вернулся, и эти двое, раненые, ушли. Только Ваньша и Губа на земле лежат. Положил я их на коней и сюда пошел. Слава Богу, снега не было, по следам дошел, да и конь Губы родную дорогу почуял и точно вывел.

Чуб мотнул головой, словно не доверяя рассказу.

- Странно все это. Давай-ка, Лекша – так, кажется тебя кличут,-. подробно все расскажи. Я эти места хорошо знаю, может, зацепимся за что.

- Как скажешь, - Лекша пожал плечами, - я бы и сам этих гадов наказал.

Сев поудобнее, он начал свой рассказ с самого начала, стараясь, как просил Чуб, ничего не упускать.

- Подъехали мы к почтовой яме. Пайцзы у меня не было, поэтому сказал караульным, что были здесь два дня назад, и наш

караванщик оставил кое-что у сарай-баши, а нам велел забрать. Нас пустили. Ваньша с Губой остались у коней, а я пошел и забрал то, за чем ехал.

- А где эти книги? Покажи, - с подозрением спросил Чуб.

Пожав плечами, Лекша подошел к своему коню, достал из седельного мешка книжицу и протянул ее Чубу. Тот с осторожностью, как хрупкую вещь, взял ее и некоторое время разглядывал.

- Э, да это не церковная, как говорил Ярый, да и буквицы арабской вязью написаны. Ты же христианин. Крест еще мне показывал. И говорили, что целый ларец с книгами там? – Чуб нахмурился и крепче взялся за рукоять своей сабли.

- Прости, атаман. И ты, Ярый, прости, - Лекша потупил голову, - неправду сказал. Это любимая книга моей Гюльсан. Она ее забыла на почтовой станции. И сильно грустила. А чего не сделаешь ради любимой? Вот и сказал я Ярому, чтобы точно отпустил меня, что забыл я книги церковные. Ради жены… Вот ты бы, атаман Чуб, сделал?

Чуб смешался, не зная, что ответить. Ведь в конце концов Лекша не нарушил его приказ, не совершил противного проступка, а Губу он сам, Чуб, с Лекшей отправил проследить. Но он не мог так просто отступить, тем более, что за ними наблюдали много любопытных глаз.

- А ну-ка зови сюда свою жену – раскрасавицу. Пусть нам книжицу свою любимую зачтет! – и довольный своей находчивостью Чуб гордо посмотрел на своих людей. Те не преминули одобрить поступок своего сотника.

- А и то! Молодец, Чуб! Верно решил!

Лекша подозвал Гюльсан и, вручая ей книжицу, попросил прочесть. С накинутой на лицо полупрозрачной паранджой, девушка взяла книгу и неожиданно четким и музыкальным голосом стала

читать стихи. И эта стихотворная мелодия на незнакомом слушателям языке, звучащая в степном сеновале в толпе бородатых вооруженных мужчин, так увлекла их своим волшебством, гармонией и страстью читающей стихи девушки, что все замолчали. Даже кони перестали жевать сено, словно завороженные этой магией прекрасного. И сама Гюльсан, эта худенькая девушка-подросток выпрямилась под скрывающем ее халатом – чалпаном и стала похожа на звенящую своим волшебным голосом птицу Сирин, каждый вечер умирающую и утром возрождающуюся к новой жизни. И любви.

Закончив читать, Гюльсан спрятала свою книжицу под халат, поклонилась Лекше (все поняли – в знак благодарности за возвращенную любимую вещь) и тихо скрылась в полумраке помещения. Это стало последней точкой в допросе Лекши. Кряхтя, Чуб поднялся из непривычной для него сидячей позы. Понимая, что все ждут от него завершающих слов, сказал, добавив в свой голос всю возможную значимость:

- Ладно. Так и порешим. Завтра уж пойдем к атаману. Пока отдыхайте и выхаживайте своего Ваньшу. Пойду, Губу навещу. Может, в себя пришел.

И, отдельно, Лекше:

- А жена у тебя молодца. Огонь! И умна. Береги и берегись! – и ткнул Лекшу кнутовищем в ребро. Не больно, но со значением. Чуб и его свита, включая лекаря, вышли из сенника и, перейдя площадь, зашли в дом напротив, куда до этого отнесли Губу. Пробыли там недолго и вскоре ушли. Площадь понемногу затихла. Солнце уже перевалило в сторону заката, со всех сторон потянуло запахом готовящейся еды. На окраинах лагеря слышались голоса, ржание коней. Отдавались команды, слышался топот копыт. «Ночные дозоры пошли на рубежи» - отметил Ярый, приглашая всех своих в угол их закутка, где на заботливо приготовленной Гюльсам постели

лежал Ваньша. Он спал, или просто лежал без сознания, но дыхание было ровным, а лицо вернуло свой прежний румянец.

Убедившись, что их не слышат посторонние, Ярый обратился к Лекше:

- А теперь давай, рассказывай, что на самом деле было.

И Лекша рассказал.

- Только отъехали от вас, Губа все лез с расспросами – кто мы такие на самом деле? Что здесь делаем? Зачем едем на почтовую станцию? Потом вроде утихомирился, и мы с ним разговорились. У них тут слух степью пошел, что кто-то несколько караванов ограбил, много людей порубил и большую казну взял. Нас-то они сначала за тех разбойничков и приняли. Если бы Чуб Ярого не признал, нас еще в том лесу порубили бы, да караван наш себе забрали, - Лекша помрачнел, представив, что стало бы с его Гюльсан.

- Но все равно понятно было, что ни Губа, ни сам Чуб до конца нам не верят. Понял я, что не удастся мне его обмануть. И Ваньша понял, что крепко мы попали с этим Губой, а вы у Чуба вроде как в заложниках остались. И плюнули бы на эти деньги тураевские, да назад пути уже не было. Но Бог, видимо, все-таки есть, и он на нашей стороне. У самой ямы встретили мы караван, к нам подъехали несколько стражников и вдруг, вроде как признав Губу, кинулись на него. Он пытался, было, уйти, но даже коня повернуть не успел и саблю вытащить, как получил удар кистенем по голове. Мы с Ваньшей не стали ввязываться. Да и было бы за кого…Стражники каравана, человек десять, нас окружили. Подъехал их старший. И я его узнал. По прежним, еще ордынским временам. Когда-то вместе ходили в охране. Он не из ордынских, а как Актай, за плату нанимается караваны водить. Кстати, и Актая он хорошо знает. Звал вместе на свадьбу к тому ехать. Хорошо, я имя невесты Актая запомнил – Айгуль. Помогло! Так вот Губа луны две назад грабил их караван. Караван они сохранили, но Губу, по его губе, запомнили. И еще, - Лекша наклонился к самому уху Ярого, - они сказали, что вел

отряд разбойников огромный и бородатый атаман с громким голосом. Уж не Чуб ли?

- Так вот. Упросили мы с Ваньшей Губу не добивать, сказали, что он нам живой нужен. На том и разошлись. Я Ваньшу с Губой в лесу оставил, наказав бить разбойника по голове, если очнется, а сам с караваном в яму пошел. Подозрения не вызвал, нашел мешок и вернулся к Ваньше. Он сказал, что пару раз прикладывал Губу по башке. Не слабо и с удовольствием. Так что, думаю, не скоро Губа в себя придет.

- А где Ваньша стрелу получил?

- Да уже почти у лагеря. На самом рассвете. Стрелу пустили, но нападать не стали. Странно как-то. Словно слабый кто-то мстил – и стрела неглубоко вошла и не мог на нас двоих напасть.

- Уж не дозор ли местный? Могут потом на вас указать.

- Нет, дозор потом был. Окликали нас, но я им Губу и Ваньшу раненых показывал и Чуба называл. Пропускали… С книжицей ты хорошо придумал. А Гюльсан-то какова! – в голосе Лекши явно слышалась гордость за свою невесту.

- Ладно, пока повезло. Но Губа все равно в себя придет, может рассказать, что было. Надо его опередить и Чубу с глазу на глаз правду сказать. Чую, не нужно ему, чтобы эту правду все слышали. Авось, вывезет нелегкая. Идите спать! Завтра опять трудный день.

Но тут взмолился их доселе безмолвный третий товарищ. По-юношески худощавый, он был самым младшим из них, и в ордынскую сотню Ярого попал перед самым их уходом из Сарая. И в свою личную охрану, к десятнику Лекше, Ярый его определил просто потому, что просто пожалел этого белобрысого и голубоглазого паренька, которого, попади он в юрту с матерыми кочевниками, запросто могли обидеть. Но служил он справно, показал себя лихим всадником и был просто незаменим там, где

требовались ловкость и неприметность – в дозоре и разведке. Его так и звали – Малой. И вот Малой, честно молчавший, пока говорили старшие, тихо попросил:

- Можно хоть в полглаза взглянуть на мешок, что Лекша привез? Хоть знать, из-за чего жизнью своей рискуем. Никакой доли мне не надо, понимаю, не до дележа сейчас, но просто посмотреть….

- Справедливо, - молвил Ярый, поднялся, пошарил в своем тюке и принес к костру увесистый кожаный мешочек, размером с детскую голову.

- Лекша, встань на входе. Посторонние нам не нужны. Тебе потом покажу.

Лекша безмолвно сел у входа, оглядывая своими зоркими глазами двор. А Ярый, развязав горловину, высыпал на попону перед изумленными Гюльсан и Малым около трети содержимого волшебного мешочка. Их закуток буквально залучился от блеска золотых и серебряных монет, женских украшений и камней. Небесно-синие, ярко-зеленые и багрово красные они служили и частью украшений, и просто сияли в гордом одиночестве в огне мерцающего костра. Зрелище было завораживающим и притягивало к себе, не давая оторваться. Даже повидавший кое-что в своей жизни Ярый не мог скрыть своего восхищения, а уж молодежь просто растворилась в этом чудном видении. Дав им пару минут насладиться зрелищем, Ярый ссыпал богатства в мешок.

- Не время и не место всем этим любоваться. Не ровен час, увидит кто. Это же смерть наша.

Малой и Гюльсан согласно кивнули, еще не стряхнув с себя оцепенения.

- Это все – наше. Нас пятерых. И мы будем хранить это наше богатство до тех пор, пока каждому не понадобится его доля. Смотрите, злато – страшная вещь и редко доводит до добра. Может,

когда и пожалеем, что обрели его. Просто знайте, пока молчим и храним, мы – живы.

Ярый повернулся к сидевшему у входа и, казалось, не обращающего на них внимания своего десятника.

- Лекша, будешь смотреть?

- А что его смотреть? Ты правду сказал. Прячь пока у себя. Словно и нет его. Место здесь для схрона ненадежное. Вот вырвемся на волю, тогда и решим, куда его девать. Мы же не расходимся. Пусть этот мешок нас пока вместе держит.

И все с этим согласились. «Вот тебе и молодой десятник! Мудрые слова сказал!» Ярый был по-отцовски горд за Лекшу, хотя по возрасту их отделяло не так уж много лет.

Так и легли спать. Лекше с Гюльсан деликатно предоставили отдельный угол, где молодые еще долго шептались. Уж какие слова и на каком языке они там говорили, одному Богу известно. Он ведь один, Бог – то. И неважно, кто как его в своих молитвах называет….

Утром, едва солнце показалось над кольями тына и осветило чуть присыпанный утренней порошей двор, к ним вошел Чуб. «Вошел, а не ворвался, и один, без своих людей. Это уже хорошо» - Ярый, не торопясь, встал и пригласил Чуба к уже потухшему костру, который тут же стал раздувать подскочивший Малой.

- Хорошо, что зашел. Сам хотел к тебе идти. Разговор не для посторонних людей есть. Губа очнулся?

- Нет еще. Без памяти. Мечется, бредит. Видно, сильно по голове получил. Как твой?

- Ваньше лучше. Пусть лекарь зайдет, повязку поменяет. Но вижу, что на поправку идет.

- Да вы и сами лекари. Видел, как вы с этой красавицей управляетесь. Как там она? Еще с Лекшей любуется? Пора вставать, гостя кормить!

- Ты их, брат, не трогай. Вчера у них был тяжелый день. А вот зачем я хотел тебя одного видеть.

И Ярый рассказал все, что вчера поведал ему Лекша. И про караван, охранники которого опознали в Губе разбойника. И про бородатого и громогласного атамана разбойников, так похожего по описанию на Чуба. И про стрелу у самого лагеря, которой явно мстил кто-то из обиженных.

- Так что, брат мой, крепко заплатили мы. Я – за то, что ребят своих отпустил. Лекша-то сам решил за безделицей той ехать, это его выбор. А вот то, что Ваньшу я с ним отправил, моя вина. Ну а ты за Губу перед Богом ответишь, если не оправится он.

Чуб задумчиво мял бороду.

- То, что в Губе разбойника опознали, так ведь и ошибиться могли. Атаман у разбойников был бородатый, так мало ли бородатых сейчас по степи бродит. Свидетелей нет, да и, надеюсь, не будет, - он со значением посмотрел на Ярого.

- Лекша твой пусть рот на замке держит. А то не ровён час… Вчера он складно все поведал, пусть так всё и будет. Сейчас мы с тобой и Лекшей к атаману идем. Буду за вас ручаться, чтобы оставили здесь. Так что смотрите…

- Ладно, понимаем. А вот кто мог стрелу в Ваньшу пустить? Ведь у самого лагеря…

- Да мало ли здесь недовольных тем, что мы эти земли заняли и не пускаем никого. Здесь и пастбища, и ловы, и борти. Кто-то ведь раньше ими пользовался. А теперь это всё наше. У нас тут часто бывали сшибки с местными, хотя, вроде, и покорились они. Всё, идем. Атаман ждать не любит.

Кликнув Лекшу, возившегося в углу с конями, вышли втроем из сарая и неспешно, как и положено серьезным людям, зашагали к самому большому дому, перед которым высились, воткнутые в землю, бунчуки с привязанными волчьими и лисьими хвостами, и стояли два воина в сбитых на бок меховых шапках, широких шароварах, заправленных в кожаные сапоги. Правые руки они держали на рукояти сабель, а левыми опирались на пики, которые они и скрестили перед подошедшими.

- К атаману Ухо, - громко сказал Чуб, - ждет нас.

Пики разомкнулись, и они вошли, наклонив головы, в просторную комнату. Чуб перекрестил лоб на висевший в углу образ Божий, перед которым теплилась лампадка. Ярый и Лекша, чуть помедлив, тоже перекрестились и осмотрелись. В комнате была сложена большая печь, в которой весело потрескивали дрова. Помимо печи и лампады, свет давали два затянутых рыбьим пузырем оконца, под которыми стоял массивный стол, окруженный скамьями. На бревенчатых стенах висело оружие – шашки, ножи, шишаки, булавы и луки. Лекша, более всего ценивший в этой жизни коней и оружие (а теперь, пожалуй, и Гюльсан), замер, не в силах отвести взгляда от этого богатства.

- Так какой дубиной нашего Губу по башке достали? – твердый, чуть насмешливый голос принадлежал, очевидно самому атаману Ухо. Он сидел на лавке прямо под лампадой. «Ловко. Все вошедшие прямо на него крестятся,» - подумал Ярый, пытающийся разглядеть атамана в лицо. А вдруг знакомец? Тоже ведь из Орды. Рассмотреть черты лица атамана мешала высокая шапка, отороченная мехом и сильно сдвинутая набок и на лоб. Из-под шапки на них в упор смотрели жесткие серые глаза. Под прямым, с легкой горбинкой, носом росли светлые усы, висящие по краям четко очерченных губ до самого подбородка. Бороды Ухо не носил.

Не зная, как вести себя в этой непривычной для них обстановке, Ярый и Лекша, по ордынской еще привычке, слегка поклонились атаману, прижав правую руку кулаком к груди.

- Ну, здравы будьте, люди добрые, коли вы добрые, - на славянском приветствовал их атаман, легко поднявшись со своего места и подходя к ним. Был он высок, статен, двигался быстро и пружинисто, не то, что степняки на своих кривоватых, привыкших к лошади, ногах.

- Это ты ездил с Губой за книгой своей жены? – обратился он к Лекше, показывая, что он уже все знает в деталях, как и положено Хозяину.

- Так чем его степняки достали? Ты ведь говорил, что на вас напали степняки? А лекарь показал, что удар на голове Губы не от сабли, а либо от булавы, либо от кистеня. Не камнем же его били, а вмятина в черепушке аккурат круглая и не рваная, как от камня. Степняки только саблей рубятся. Так кто на вас напал?

- Не говорил я, что это точно степняки были. Темно было. Когда я на помощь подоспел, на меня один с саблей, а один с кистенем кинулись. Видно, им и Губу по голове приласкали. Я двух подрубил, но пока за третьим метнулся, эти подраненные, видать, ушли. В ночном лесу особо не поскачешь, да и товарищей не мог оставить. Потому и лиц их не видел. А по одежде… Здесь все всадники одинаковы.

- Да, темная история, - атаман стоял перед ними, пристально глядя то на Лекшу, то на Ярого, - если бы не ваш подстреленный товарищ… Да и оружия вы иного, кроме сабель и луков, не имеете. Или имеете?

- Имею, атаман, - Ярый сделал шаг вперед, - самострел есть у меня. С железными стрелами. У ливонцев отбил. Вот стрелы заканчиваются, не подскажешь, где разжиться можно?

Ухо усмехнулся, разглядывая шрам Ярого.

- Подскажу, воин. Коль у нас останетесь, то найдешь кузнеца нашего. Скажешь, от меня. Может, и придумает чего.

Атаман прошелся по комнате, поскрипывая досками пола.

- Чуб рассказал мне про нас. Рассказал, как рубился ты с ним против ливонцев и Миндовга за князя новгородского, как ушел из Орды, не захотев очередного хана в Белый шатер сажать. Много вас таких сейчас по степи ходят. Разный у всех путь. И у нас такие есть. Некоторые заходят, осматриваются и дальше идут. Мы не держим, только советуем подальше от наших земель держаться. Да, НАШИХ земель. Пришли мы сюда по ханскому ярлыку границу Орды от набегов непокорных племен охранять. И был у нас темник от самого хана Сартака, который следил, чтобы всё по ордынскому порядку было. Но уехал темник однажды в Сарай, да и канул. Доехал, не доехал, может, решил забыть о нас, не знаю. Но больше никто из Орды к нам не заезжал. И припаса, что обещали, не привозил. И стали мы жить своим умом. Фирман у нас от хана есть, баскаки за данью к нам не ездят, других войск Орды даже птицы с высоты не видят. Но порядок здесь должен быть. И этот порядок – мы! Встали мы здесь крепко, землю, реки, озера и леса взяли под себя. Кто был не согласен – подчинили. Именем Орды, но своей рукой!

Распалил себя атаман своими словами. Глаза его горели, рукой словно рубил каждую фразу. Когда он остановился, чтобы испить воды из ковша, Ярый тихо спросил:

- Сам-то в Орду в тамге пришел? У какого хана служил? На Русь ходил?

Сразу не ответил атаман Ухо. Допил воду, сел на свою лавку, поставив саблю между ног и опершись на нее.

- Да, взяли прямо из отцовой лодки, когда пытались уйти от всадников Батыя. Батя рыбалил на Истре, как и всё наше место. Его сразу срубили, когда он весло на них поднял, меня защищая. А меня

– в Орду. Дошел до сотника в Большой Орде. Стояли в Китае, бились с хунгузами, ходили в Хорезм и Бухару. Потом, видать, за заслуги послали с моей сотней сюда, разрешили набирать еще всадников. Условие – сохранять военную организацию, быть всегда в полной боевой готовности. Отдали землю, рыбу и птицу, но запретили оседать на земле. Потому не пашем и не сеем, только траву на зиму скоту собираем.

Ты же сам, Ярый, сотником был. Да и есть – сотник. Это на всю жизнь. Можно выше, но ниже – нельзя. Тебе не обещали такого счастья в конце службы?

- Обещали, но дать не успели. Потому и ушел вот со своим десятником Лекшей искать это обещанное счастье. Было еще с десяток ребятишек, да остались мы вчетвером, - Ярый сел на лавку у стола. Не приглашали, но сам сел. Как равный с равным разговор пошел. Чуб покосился, но сесть не осмелился. А Лекша просто стоял у стены, рассматривая и трогая оружие.

- И куда шел? В те, прежние, родные места? А ты их помнишь? Они тебя ждут? – видно было, что эти вопросы самому атаману давно не давали покоя.

- Сам не знаю. Сначала просто уходил от Орды, почти вот ушел. Теперь честно – не знаю.

- Вот что я тебе скажу, сотник Ярый. Я тоже прошел этот путь, пусть и мысленно. Тоже искал волю и воздух родных мест. Их нет. Ты уже пришел. Здесь рубеж. Здесь заканчивается Орда. Но дальше воли тоже нет. Дальше – подневольные люди, с которых свои князья выдавливают двойную дань – себе и Орде. Князья дерутся за ярлыки на княжение, идут друг на друга. И бьется насмерть в той битве наш народ. Брат на брата. Ты хочешь в этом поучаствовать? Омыть свою саблю русской кровью? И зачем тогда бежал?

Молчал Ярый, умом понимая, что есть в словах атамана правда. Горькая, но есть. Куда ему идти? Уже не молодому, израненному и никому не нужному. Вот, Лекша. Нашел свою

Гюльсан, вон, аж лицо светится радостью. Куда ему с молодой иноземной женой идти в неведомое, где они оба будут изгоями? А Ваньше надо полностью излечиться, а уж потом пусть сам решает.

Атаман словно прочитал его мысли.

- Вы с Лекшей подумайте, куда он свою красавицу повезет? Князю на забаву? Непокорным степнякам?

Лекша молчал, стиснув зубы и сжимая рукоять сабли.

- А за пареньков своих, израненного и молоденького, ты сам решишь их судьбу? Они ведь за тобой пойдут.

Молчал Ярый.

- Значит, так, - атаман стукнул саблей об пол, - остаётесь пока здесь. Выделю пока вам две юрты. Одну – Лекше с женой, вторую тебе, Ярый. Не взыщи, возьмешь раненого к себе. Лекарь за ним присмотрит, но взять к себе не сможет – у него семья. Вон Чуб своего Губу у себя в доме держит. Если деньги есть, построите себе дома. У нас как раз два бродника мастеровых есть. Скакать не могут, но топором хорошо работают. Если денег нет, скажи, дам в долг.

- Не надо. Немного есть. Накопил за службу.

- Прохлаждаться не дам. Лекшу поставлю десятником над дозорными. Уж извини, десятник, не каждую ночь будешь жену обнимать, надо и охранять.

- Дело привычное, - буркнул Лекша, еще не зная, радоваться или сильно радоваться обретению собственного жилища.

- И воина своего, молодого, что не подстрелили, к себе возьмешь. Да не к тебе в юрту, к молодой жене, не хмурься. В отряд свой, дозорный. У молодых воинов, кто еще семьей не обзавелся, своя юрта есть. Как его кличут-то?

- Малой.

- Ну Малой так Малой. Пусть подрастает под твоей рукой. Готовь себе замену, когда выше десятника залетишь. По глазам вижу, не засидишься…

- А тебя, Ярый, ставлю сотником над молодыми. К нам приходят многие, не знающие ни коня, ни сабельного боя. Надо их пристроить, посмотреть, кто на что годен, и сделать из них воинов. Даже не спрашиваю, знаю, что справишься. За службу будете получать припас. И еще, воины, вы люди служивые, вам объяснять не надо. У нас военный лагерь, где есть атаман. Меня выбрали на общем круге, и только круг может меня убрать из этого атаманского куреня. А потому должны вы принесли клятву верности всему нашему обществу и лично мне, атаману. Согласны?

Задумчивый Ярый и радостный Лекша кивнули головами.

- Вы ведь крещеные? Тогда вели, Чуб, кликнуть отца Онуфрия.

- А как же ты, атаман, у других клятву берешь? Не только же крещеные в лагере у тебя? – не удержался Лекша.

- На воде клянутся. На молоке. Лучше – на крови. Но многие потом в нашу веру переходят. Отец Онуфрий умеет с людьми разговаривать.

Пока ждали батюшку, атаман пригласил Лекшу и Чуба присесть за стол и плеснул всем из кувшина по чарке медовухи.

- Попробуйте. Наши бортники добрую медовуху варят. Мед здесь духмяный, целебный, недаром его купцы и для Орды, и для фрязов охотно у местных покупают. Говорят, сам их Папа, в Риме - городе очень этот душистый мед уважает. Раньше-то его только бродяги - бродники да башкиры продавали, теперь мы у них часть лесов с медовым промыслом себе забрали. Побузили сначала, но потом успокоились. Если с нами в дружбе жить, мы им помогаем против набегов от кипчаков да ногаев.

Немного поговорили о прежней ратной службе в Орде. Выпили по второй чарке. Раскрасневшийся Чуб попытался, было, вставить слово, но Ухо его оборвал.

- Погоди, Чуб, ты мне еще толком не поведал, что ты с людьми в том лесу делал, где Ярого встретил. Я вас за другим делом посылал.

И бывший новгородский дружинник замолчал, искоса поглядывая на Ярого. Тот поддержал своего названного брата:

- И хорошо, что оказался. Мы погони ждали. Вот он нас и оберег. Видно, Бог послал.

- А какой погони? Набедокурили где? – насторожился Ухо.

И Ярый рассказал ему историю с похищением у баскака невесты Лекши. Почти всю историю. Это позабавило атамана.

- Так она пока не жена ему законная? Это поправимо. Отец Онуфрий их живо обвенчает. На свадьбе погуляем!

- Так она ж не крещеная, - робко возразил Лекша.

- Да еще и покрестим! Снова погуляем! Я ей крестным отцом стану! – атаману эта идея понравилась, и он налил еще по одной, - и приданое дам!

Неизвестно, да чего бы еще договорились уважаемые атаман, сотники да десятник, но в избу с крестным знамением вошел батюшка. В пыльной, сильно потертой рясе, на которой висел серебряный крест, с окладистой и почти седой бородой. Волосы были забраны под скуфейку, из-под которой сзади висел хвостик таких же белых волос. Был он высок, поджар и костист. Произнеся сильным и басовитым голосом – «Мир дому сему!», батюшка подошел к столу и глядя не столько на атамана, сколько на кувшин с медовухой, изрек;

- Здорово, атаман! Чего звал, от молитвы оторвал?

Атаман молча налил чарку медовухи и поднес ее святому отцу.

- Не побрезгуй, отец Онуфрий. За прием новых братьев! Да и к клятве их привести надо.

Держа одной рукой чарку, а второй разглаживая усы, батюшка сурово глянул на Лекшу и Ярого.

- Крещены ли? Веруете в Бога единого, спасителя нашего?

Оба достали из-под ворота рубах кресты, показали отцу Онуфрию и склонили головы. Тот, не торопясь, выцедил всю чарку, промокнул рукавом рясы рот и достал откуда-то из складок своей рясы книгу в затертом кожаном переплете с тисненным крестом.

- Клянитесь на Священном писании в верности братству нашему вольному и его атаману. Клянитесь биться за него до последней капли крови! Клянитесь жить по справедливости и выполнять решения войскового круга, приказы атамана и Божью волю! И пусть смерть покарает вас, если нарушите эту клятву.

Положите руки на Писание и глагольте – Клянусь! Да какую руку, не одесную, а ошую! – видя, что Ярый с Лекшой потянули к Писанию правые руки, закричал батюшка, - не к сабле тянетесь, лешаки, а к слову Божию. Ошую руку надо, от сердца!

После того, как Ярый с Лекшей поклялись, отец Онуфрий успокоился и уж заговорил уже примирительно.

- И ко мне в церкву ходить не забывайте. А то кресты-то, небось, на вас при рождении повесили, а правил да обрядов наших не знаете. Креститься хоть умеете? А ну, перекреститесь! – увидев, как старательно Ярый с Лекшей перекрестились справа налево, батюшка совсем смягчился.

По-свойски присев к столу и выразительно взглянув на атамана Ухо и на кувшин с медовухой, спросил:

- А знаете ли, неучи, почему мы крестимся справа налево, за что и речемся православные, а латиняне осеняют себя крестом слева

направо? – победно взглянув на недоуменных новых членов их степного вольного братства, отец Онуфрий лихо опростал чарку медовухи. Чуб с атаманом хитро улыбались, видимо, уже не раз слышавшие разгадку.

- А вот, братия мои! Все дело в том, что при накладывании на себя крестного знамения христиане должны произносить священную фразу – Во имя отца, и сына, и Святого духа! При слове «отца» касаемся мы лба своего, произнося «сын» - указуем на свою утробу, а слово «дух» требует указания на сердце свое. И поскольку в славянском языке это слово замыкает священную фразу, то и касаемся мы левой стороны своей, сиречь, сердца, последним. А в латинском языке фраза та звучит - «In nomine patris et filii et spiritus sancti», где «дух», сиречь, «spiritus» идет первым. И касаются латиняне его, сиречь, левого плеча первым! Ну, поняли, неучи?

И пока Ярый с Лекшей с трудом пытались понять, о чем идет речь, батюшка вылил остатки медовухи в чарку и лихо выпил ее. Пустую баклажку он демонстративно положил на стол, словно призывая хозяина наполнить ее. Но атаман Ухо сделал вид, что не замечает этого красноречивого предложения продолжить богословский диспут.

- Отец Онуфрий, тебе предстоят еще два обряда. Надо обвенчать вон Лекшу с его невестой…

- Благое дело. Дело молодое, отлагательств не терпит, - по батюшке было видно, что он готов обвенчать хоть сейчас.

- Но дело в том, что невеста не крещена, - продолжил Ухо, - откуда она, десятник?

- Из Белой Орды, из Хорезма. Ханского рода, - не преминул похвастаться Лекша. Ухо и Чуб тревожно переглянулись. Лекша это увидел и поспешил их успокоить.

- Не ордынского хана. Ее отца монголы убили, когда Хорезм воевали. Пленница она.

- Другое дело. А то, не дай Бог, нам с Ордой ссорится. Так как, отец Онуфрий, что скажешь?

- Венчать могу только крещенных. Ежели будут жить без таинства - то смертный грех, и дети их будут грешны. Хочет иметь жену, а не наложницу, должны венчаться. Надо мне с дщерью поговорить. Сама должна принять веру, без принуждения. Думай, сын мой. Знаешь, где меня найти. И друзья твои пусть придут. И клятву дать должны, да и в вере их укрепить надо. Они ведь тоже крещеные?

Отец Онуфрий легко поднялся, перекрестился на образ и, не прощаясь, вышел.

Ярый не удержался.

- А батюшка ваш – орел! И чарку держать умеет, и речёт складно.

- Ты еще не видел, как он саблей рубится. О прошлую зиму, когда башкиры на нас напали… – начал, было, Чуб, но осекся под жестким взглядом атамана.

- Хватит на сегодня и слов и медовухи. Дело делать надо. Тебе, сотник, и тебе, десятник, идти к себе и собираться. Подойдет мой помощник, Дьячок, поставит на кошт – и, видя недоуменный взгляд Лекши, объяснил, - внесет в список, скажет, где и как припас получать. Он же поможет юрты поставить, да и вообще, объяснит, как будете жить дальше. А ты, Чуб, задержись. Разговор к тебе есть…

Ярый с Лекшой поспешили к себе. Ярый-то шел медленно, степенно, припадая на калеченную ногу, а Лекше не терпелось побежать, рассказать Гюльсан, что обрели они защиту и собственный дом. Правда, смущали Лекшу предстоящая свадьба и крещение Гюльсан, но он гнал от себя эти мысли. Ведь он же хочет взять её в жены, а не жить как с рабыней – наложницей! Разве это не должно перекрыть любые её отговорки?

У встретившей их Гюльсан вид был сияющий.

- Ваньша в себя пришел. Разговаривает, даже навара попил. Я из вяленого мяса приготовила. Ему надо молока и свежего мяса. Лекарь приходил, повязку менял, сказал, всё купить можно. Вон Малой может пойти. Можно ему денег? - он с надеждой посмотрела на Ярого. Половину слов она сказала уже по-славянски, что не могло не тронуть душу воинов и, особенно, Лекши.

Ярый достал из-под пояса свой не очень тугой кошель, достал из него несколько серебряных и медных монет (спасибо Тураю и за них, пригодились!) и протянул Малому,

- Возьми всё, что надо Ваньше. Да и нам на обзаведение.

И видя нетерпеливые глаза Лекшы, разрешил.

- Ну, давай, десятник, рассказывай.

И счастливый Лекша сбивчиво, то толково, рассказал и про атамана Ухо, и про новую службу и клятву, и – главное – про новое жилье. Про свадьбу и крещение Гюльсан, правда, умолчал, справедливо решив обговорить этот не простой вопрос потом, в новой юрте.

Оглядев своих, а Ваньша тоже внимательно слушал с открытыми глазами, Ярый спросил:

- Ну что, все остаемся?

Вопрос этот Ярый обратил, конечно, к Малому и Ваньше, поскольку они со своим десятником уже приняли решение, а мнение Гюльсан было видно по ее счастливым глазам. Малой решительно подтянул пояс и сказав баском – Куда вы, туда и я! – вышел на площадь. За покупками.

Ваньша, помолчав, только спросил:

- Точно не выдадут?

Видать недавнее общение с людьми Чуба и, особенно, Губой, не вызывало у него особой радости. Еще подумал, закрыл глаза и сказал:

- Да куда же я без вас… Остаюсь.

На том и порешили.

Только собрались, от атамана Ухо подъехал его хмурый помощник. Обращаясь к Ярому, в котором сразу же угадал нового сотника, поздоровался и сказал, что юрты уже подготовлены и отвезены к местам, где будут жить новые воины их лагеря. Увидев, они не торопятся сесть на коней и следовать за ним, пытался, было поторопить, но был резко поставлен на место Ярым.

- Стой спокойно! На небо всегда успеешь. Мы ждем нашего товарища. За едой для раненого пошел. Помочь ему не хочешь?

Хотел уже подручный атамана так же резко ответить сотнику – не любит ведь челядь при высоком начальнике, когда ее величие пытаются попрать, но тут вышла Гюльсан в новом, шитом золотом халате, небольшой чалме, к которой была прикреплена прозрачная вуаль, не столько скрывавшая, сколько подчеркивающая красоту её точеного личика и огромных глаз. Девушка решила, что, если её избранник и его старший товарищ назначены большими воинскими начальниками, она может не опасаться за себя. Особенно если ее охраняют Ярый и Лекша, такие грозные в полном боевом облачении.

Увидев Гюльсан, приветливо глянувшую на него, посланец атамана раздумал ссориться. Девушка спросила его, тщательно подбирая и выговаривая слова:

- Как звать тебя?

- Дьячком кличут.

Тут на площадь вышел Малой, сгибающийся под тяжестью большого мешка.

- Хорошо ест ваш раненый, - не удержался Дьячок.

- А еще лучше рубится. Увидишь, когда он на ноги встанет, - ответил ему Лекша, помогая погрузить мешок на спину вьючного коня. Раненого Ваньшу, отказавшегося ехать в носилках, подсадили на коня, и, поддерживаемый ехавшим рядом Малым, он занял свое место за груженными их скарбом конями.

Они выехали за ограду лагеря и свернули вдоль неё к хорошо видимой на заснеженной степи реке, темные воды которой еще не везде были скованы льдом. В ложбине стояли десятка полтора юрт, вокруг которых горели костры и ходили люди.

- Это лагерь для тех, кто приходит к нам и хочет стать нашим воином. Здесь только мужчины. Их учат военному делу. Потом они уходят в наши боевые сотни или в дозорные.

- А если не способны к ратному делу? Прогоняете? – Ярый пытался разобраться в местной жизни.

- Способны или нет, теперь решать будешь ты. Здесь они живут две луны. Больше кормить их всех не можем. Воинов ведешь к атаману, после проверки он их распределяет по местам службы. Остальные уходят.

- И куда уходят?

- Кто хочет, уходит совсем. Многие просто остаются на наших землях, но живут уже своим трудом, землей. Припаса не получают. Охота и лов рыбы им тоже не разрешен. Нас местные называют касаки, так те, что не стал воином, не считается касаком. На круг не ходят, атамана не выбирают, в разделе земли не участвуют. Берут ту землю, что мы им выделяем. Но мы их охраняем.

- Дань вам платят?

- Когда землю получают, на третий год должны нам припас доставлять. Я учет веду. Еще не давали. На грядущий урожай срок придет, повезут те, кто землю первыми получили. А вон и юрта твоя, сотник, сложена. Поставить её помогут, сам проследишь.

- А моя где? – подъехал к ним Лекша.

- В другом конце лагеря. Стан дозорных там. Там же и табуны для дозоров пасутся.

- Ну что, сотник. Пока расстаемся. Но мы же рядом. Будем наведываться.

- Конечно. Если время будет.

Они поделили коней с поклажей, и разъехались.

Казалось, обычное дело. Воины определены к местам службы и разъехались по своим служебным делам. И не привыкать им к самостоятельной жизни. Но столько времени провели они вместе, через столько невзгод прошли плечом к плечу, что иногда казалось, что так и буду дальше они идти по жизни вместе. На душе Ярого было тревожно и неспокойно. И не было уверенности в правильности всего содеянного. И пропала цель – идти. Идти к смутным очертаниям чего-то несбыточного. И сама мысль о том, что они ПРИШЛИ, тоже неприятно сверлила голову.

И даже Лекша, счастливый оттого, что едет в их собственный с Гюльсан дом, тоже вдруг почувствовал прохладный ветерок, повеявший по спине. Эта недолгая разлука показалась ему преддверием большого расставания. Словно жизненные пути, так долго ведшие их рядом, вдруг разошлись, каждый к своей судьбе. Но тут Гюльсан, ехавшая на коне рядом, повернулась к нему и улыбнулась так сладко и загадочно, что Лекша тряхнул головой, отгоняя мешающие ему мысли и сжал бока верного коня, устремляясь в такое манящее будущее!

Стан дозорных находился не так далеко от основного лагеря. В распадке между двумя увалами был разбросан десяток юрт, возле которых были поставлены коновязи с привязанными оседланными конями. Въехав на ближайший увал, они смогли подробно рассмотреть бивачный быт своих новых соратников. У юрт горели костры, над которыми висели котлы. Здесь же были расставлены и развешены копья и луки. Все это живо напомнило Лекше их стан в Орде, разве что там юрты были поставлены строгими рядами, а здесь они стояли в беспорядке, словно ребенок разбросал по белому ковру степи горсть разноцветных игрушек. Да и ковер был не белым, в грязно – серым, вытоптанный ногами и копытами. Но эта картина только казалась хаотичной и беззаботной. Опытный взгляд Лекши сразу отметил и стоящие на противоположном увале сторожевые кострища и вышки, и конные патрули, медленно объезжающие стан по кругу, с четким интервалом времени.

- Здесь живут дозорные, не имеющие еще домов в основном лагере. Это или бессемейные или заведшие семьи совсем недавно. Здесь наши лучшие воины, и у них особый уклад жизни. Сами увидите. Твоя юрта вот та, на отшибе, с белым пологом.

- Когда успели поставить, - спросил, было, Лекша, но увидев, что снег вокруг юрты не утоптан, понял, что стоит здесь их новый дом уже давно.

- Здесь жил тоже десятник. Он погиб несколько дней назад, а жена его с детьми перебралась в основной лагерь. Успел дом поставить, - по голосу и виду Дьячка не было понятно, жалеет ли он вдову или завидует их новому дому.

- И что? Нового десятника из своих не нашли?

- Не заслужил никто. Да и своих, что с атаманом сюда пришли, не так много осталось. Все достойные уже при деле, - было явно заметно, что себя он причислял к самым достойным.

- Пусть пока жена обставляет жилье, а мы поедем к твоей смене. Я тебя представлю. А воин твой там жить будет, - Дьячок

показал на самую большую юрту, составленную из двух конусообразных шатров.

- Это те, у кого десятника убили? – не хотелось Лекше принимать чужой отряд, потерявший своего командира. Но ничего не изменишь. Это – служба.

Вопрос не требовал ответа.

Гюльсан взяла вьючных лошадей, и, повинуясь указанию Лекши, покорно поехала к своему новому жилью.

- Я помогу ей? – Малой хотел, было, повернуть коня вслед за Гюльсан.

- Не надо. Сама управится. Она – хозяйка. А ты со мной поедешь, - остановил его Лекша резким голосом, и Малому стало ясно, что его товарищ вновь стал командиром. Это – служба.

Подъехали к большому костру, вокруг которого сидели и стояли около двух десятков воинов, хорошо вооруженных, в справной, ладно подогнанной одежде. Не сходя с коня и не здороваясь, Дьячок кратко представил воинам Лекшу:

- Это – ваш новый десятник. Атаман его поставил. Это – его воин, будет в вашей смене. Когда выходите? Завтра? Уже он поведет. Чалый, расскажи, что и как.

Развернул коня и ускакал. Лекша и Малой сошли с коней, подошли к костру. Воины подвинулись, пропуская и уступая место на лежащем у костра бревне. Лекша сел. Малой остался стоять за его спиной. Новому десятнику подали ковш с горячим варевом из котла, что было совсем не лишним в этот уже по-зимнему морозный день, да и по законам гостеприимства так было положено. Лекша сделал два больших глотка. Хорошо! Можно было и говорить. Отдав ковш Малому, Лекша вытер усы и прочистил горло.

- Зовусь Лекшой. В Орду попал в тамге, в коннице дослужился до десятника. Бывал в походах, ходил с караванами. Знаю дозорную службу. Мой сотник – Ярый –тоже пришел с нами. Сейчас назначен сотником в стане, где готовят новых воинов. С нами сюда дошли еще двое. Один, вот он – Малой, будет служить и жить пока с вами. Еще один наш товарищ, Ваньша, оправляется от раны у Ярого.

Видя, как затихли, слушая его, воины, неожиданно для самого себя вдруг добавил:

- На пути сюда добыл себе невесту, из ордынских пленниц. Окрещю ее и повенчаемся у отца Онуфрия. Всех приглашу на свадьбу.

Воины разулыбались. Словно упала какая-то стена, доселе их разделявшая.

- Почему из Орды ушли, чего ищите? – спросил кто-то из задних рядов.

- Как и вы все – воли ищем.

- И как, нашли? – продолжил настырный голос.

- Не знаю пока. Поживем - увидим. Мы ведь свободны в поиске своей судьбы, - твердо ответил Лекша, упруго поднимаясь на ноги, - Завтра в дозор? Когда и где встречаемся?

- На рассвете. Здесь, - по голосу Лекша узнал задававшего ему вопросы. Тот вышел из толпы. Оказался худощав, подтянут, на горском армяке сиял серебряный наборный пояс, на котором, помимо сабли, висел длинный кинжал.

- Меня здесь зовут Чалый. Был прежнему десятнику помощником. И кунаком… - уже тише добавил он. И уже громче, для всех:

- Иди к невесте. Или уже жене? Негоже надолго оставлять красавиц одних. Здесь много лихих джигитов!

Воины засмеялись. Лекша увидел, что рука Малого сжала рукоять сабли, и поспешил увести того от костра. Когда отъехали, тихо сказал Малому:

- Не вскипай. Мы для них еще чужаки. Привыкнем…. Давай, езжай к себе. Вещи твои, - он со значением посмотрел на воина, - пока у нас останутся. Не в общую же юрту их везти.

Малой согласно кивнул головой и поскакал к двуглавому шатру. Лекша неспешно, как и подобает десятнику, направился к СВОЕЙ юрте, подавляя желание пустить коня вскачь.

Расседланные и развьюченные кони стояли у коновязи, уткнувшись мордами в доверху засыпанную кормушку, Над центром юрты вился белый дымок. Лекше даже показалось, что он почувствовал запах еды, на который звучно заурчал его голодный желудок. Как это, оказывается, приятно – приехать к себе домой! Услышав стук копыт, из юрты выбежала Гюльсан. Пряча одну руку за спину, она придержала для Лекши полог, закрывающий вход. Обняв невесту, десятник быстро нащупал её спрятанную за спину руку и даже вскрикнул от боли и удивления, уколовшись об острое лезвие.

- Что это там у тебя? Нож? Для меня?

- Нет, что ты! Как ты мог так подумать! Просто, пока тебя не было, к юрте подъезжали люди, заглядывали и спрашивали, кто я такая и что здесь делаю. Страшно было одной. Вот я и взяла нож.

- Ну-ка, покажи нож!

Гюльсан протянула ему нож. Взяв в руки острый нож с рукоятью из резного моржового клыка, Лекша сразу его вспомнил. Этот нож в серебряном с финифтью чехле подарил Ярому встреченный ими на дороге русский князь. Василько, кажется его звали. Точно, рязанский князь Василько, что вез очередную дань в Орду.

- Постой, а как у тебя нож Ярого оказался?

- Он мне сам его дал, когда мы Чуба и его людей встретили. Страшно мне было одной тогда сидеть под халатами. Вот Ярый и дал мне нож, велев кричать, если что…

Похвалив мысленно сотника за заботу о своей невесте, Лекша впервые задумался о том, сколько натерпелась эта девочка в своей жизни и о своей ответственности за неё. И сразу перешел к теме, которую хотел обсудить позже, подготовив Гюльсан к трудному разговору.

- Гюльсан, ты станешь моей женой?

По её заблестевшим глазам и покрасневшим щекам он, конечно, понял её положительный ответ. Но попросил:

- Ответь. По-славянски ответь – «Да!»

- Да!

- Ты ведь знаешь, Гюльсан, я – христианин и живем мы здесь среди христиан. А, значит, у меня будет только одна жена. Никакого гарема и наложниц. Понимаешь?

Счастливая Гюльсан радостно закивала головой.

-Да! Да!

Посчитав первую часть вопроса решенным, Лекша вытер выступивший на лбу от напряжения пот и продолжил:

- Но, чтобы ты смогла стать моей женой, ты должна перейти в мою веру. Иначе нас не смогут обвенчать.

- Об-вен-чать? А что это?

- Это значит провести церемонию в нашем храме и объявить нас перед Богом мужем и женой.

Гюльсан задумалась, и Лекша приготовился к длинному разговору, полный решимости не сейчас, так позже, всё же убедить невесту. И тем неожиданнее для него стали её слова.

- Я тебе говорила, что я из ханского рода. И две мои старшие сестры были выданы замуж. Одна – за богдыхана из китайской императорской династии Юань, вторая – за раджу из индийского княжества. Они стали женами и должны были дать своим мужам наследников их трона. Поэтому им тоже пришлось поменять религию. Один из моих учителей, философ и поэт – это его книгу я всегда вожу с собой – говорил мне, что Бог един для всех людей, и просим мы его об одном и то же. И если он милосерден и призывает жить в мире и любви, то его можно принять и носить в своем сердце воспоминания о других. И хоть трона у тебя пока нет, я хочу дать тебе наследника, и мне очень нравится, что у тебя не будет гарема. Я готова поменять веру и стать твоей женой по твоим законам. Что надо делать?

Ошеломленный Лекша не знал, что и ответить. Все доводы, которые он приготовил для убеждения Гюльсан, оказались не нужными. Даже как-то обидно стало. Но в душе он ликовал. Они станут мужем и женой! Он крепко обнял и поцеловал эту хрупкую, такую нежную, храбрую и мудрую девушку, чувствуя себя совершенно счастливым.

– Мы пойдем с тобой к отцу Онуфрию. Это наш батюшка. Ну, тот, кто в храме божьем с людьми разговаривает. Он тебя крестить и нас венчать будет.

Видя по глазам Гюльсан, что она не понимает и доли того, что он сказал, Лекша просто еще раз обнял девушку.

- Да всё теперь хорошо будет! Здесь спокойно. Воины уже знают, что ты – жена их нового десятника, и не обидят тебя. Но нож носи при себе. Чехол-то есть? А то вон какой он острый! Будешь помогать мне голову брить.

Потом они рассматривали, как красиво Гюльсан обиходила юрту, расстелив ковры, которые они так долго возили за собой. Лекша отметил, что девушка не стала расставлять красивую серебряную и медную посуду, которой тоже было немало у них в

обозе, а часть вьюков старательно припрятала в углу шатра под кучей бараньих шкур. «Умна, ханская дочь! Повезло…» - мысленно хвалил её Лекша, инстинктивно понимая, что излишняя похвала может и навредить. Не менее умному мужчине. Потом он отдал должное её кулинарным способностям. А потом… Потом они мечтали, как построят дом в основном лагере, за крепким забором, где Гюльсан не надо будет бояться оставаться одной, и где смогут вырастить своих детей.

Так мечтали они, молодые, в юрте на краю Великой Степи и на окраине не менее Великого мира, над которым кружили ветры перемен, людских перемещений, смены властей и религий, где звенели мечи, рождались, утверждались и уходили в прах великие и незаметные.

А они мечтали.

И, казалось, не успели они и глаз сомкнуть, как первые лучи солнца осветили кромку земли, и по чуть посветлевшему небу над юртой Лекша понял, что пришел новый день. Его первый день в этой новой жизни.

Когда он, в полном походном снаряжении прискакал к месту сбора своего дозора, у кострища уже ожидали его десятка полтора всадников, среди которых был и Малой. К наконечникам их пик были привязаны лисьи и волчьи хвосты, мохнатые шапки – шлемы плотно, до самых глаз, натянуты на головы. На седле, за спиной каждого всадника, как и у Лекши, крепко подвязана баранья шкура и вторая попона. Ведь только через сутки их должен сменить другой дозор, а по опыту сторожевой службы в Орде Лекша знал, что иногда и двое, и трое суток приходилось либо сидеть в засаде, либо преследовать тех, кто посмел нарушить неприкосновенность рубежей Империи. Правда, рубежи эти ничем не были обозначены, и трактовались лишь волей того, кто брал на себя смелость решать вопросы войны или мира. Видимо, и воины его нового дозора знали

о том, что время их похода может затянуться, поскольку один из них вел в поводу запасного коня, навьюченного мешками с припасами и даже небольшим котлом.

- Что, десятник, готов охранять свою волю? Трогай, по пути расскажу, что успею, - Чалый пустил своего коня в намёт. Лекша пристроился рядом, чувствуя за спиной Малого.

По пути они встретили возвращающийся дозор, десятник которого обратился, было, к Чалому, но тот представил своего нового командира. Кивнув Лекше в знак приветствия и уважения к равному себе положению, тот коротко рассказал:

- Со стороны ногаев близко подошло большое становище. Подозрительно, что под зиму начали кочевье. Я оставил двух следить с увала, где вышка стоит. Смените их. Как бы ногаи на наши пастбища на нацелились. Здесь, у реки кони еще могут траву из-под снега выбивать. Бродников отогнали от наших ловов. Ну, там, где полыньи с сетями. А так все тихо. Спокойного вам дозора! Даст Бог, через сутки увидимся.

- А если дозоры не встретятся? – поинтересовался Лекша у Чалого.

- Тогда идем по обычным местам и там уже решаем, как службу нести. Есть несколько мест, откуда наблюдаем и сигнальные дымы пускаем в случае тревоги. Там по двое сидят. И еще конных пускаем по два – три человека. Одиночек и караванщиков допрашиваем, охочих до чужого добра от ловов отгоняем. С большими отрядами в бой не вступаем. Наше дело – основной лагерь предупредить и следить, куда неприятель идет.

- И часто неприятель идет?

- Бывает. На этих землях раньше много родов кочевало. Все поделено было старейшинами. И ловы на реке, и охота – многие здесь кормились. И враждовали, не без этого. Теперь всё это наше, и атаман Ухо жесткой рукой навел и поддерживает здесь порядок.

Все в округе вроде смирились. С Ордой не поспоришь, но иногда и на нас ополчаются. Многих уже потеряли. Из тех, кто сначала пришел, совсем немногие остались.

- А прежний ваш десятник как погиб?

- Стрелу получил в дозоре. Прямо в сердце. Ночью уже, у костра. Кто-то одну стрелу пустил и убежал. Мы бросились искать, но ночью, в лесу никого не нашли.

- А по стреле?

- Здесь у всех степняков стрелы похожие, не всегда определишь, какого она рода – племени.

Лекша подумал о том, что в Ваньшу стреляли так же, но не стал об этом говорить.

- И что думаете? Кто это мог сделать?

- Скорее всего, кто-то из местных. Кто раньше на этих землях кочевал или промышлял. Тогда многих обидели… Ладно, Лекша - бек, мы приехали. С этого места мы разъезжаемся по местам. Уж извини, но сегодня я людей разведу, ты их еще не знаешь. Ты с Малым проезжайте по всем сторожевым вышкам и засадам нашим. Я дам вам человека, он покажет, а потом с ним в конный дозор пойдете. Я за ногаями присмотрю. Не доверяю и им. Коварный народ. Знаю по прежней жизни… Вечером встретимся у костра.

Так началась служба Лекши. К концу дозора, который прошел спокойно, он уже изучил все места наблюдения, нашел еще несколько мест, с которых можно было незаметно наблюдать за удобными для передвижения распадками. По его распоряжению воины сложили еще пару сторожевых костров, которые было бы удобно поджигать в случае тревоги. Многих из воинов он уже знал по именам, чему немало помогал Малой, неизменно следовавший рядом.

- Малой, когда ты успел всех узнать? – удивлялся этому Лекша.

- Так ведь я с ними в одном шатре живу, а вечером, перед тем, как уснуть, язык у всех развязывается.

- И у тебя тоже?

- Знаю, о чем говорить можно, - напускал на себя серьезность Малой.

Вечерний костер, памятуя о судьбе своего предшественника, Лекша велел развести в поле.

- Нам здесь скрываться не от кого, а всякого, кто к нам крадется, мы увидим и поймаем.

Утром, перед тем как вернуться в лагерь, Лекша с Чалым и, конечно, Малым, вновь проверили становище ногайцев. Несмотря на такую рань, становище пришло в движение. Вокруг юрт суетились люди, ржали кони, число которых значительно прибавилась.

- Мне кажется, их стало больше. Ночью, что-ли, подошли? – своим внутренним чутьем воина Лекша чувствовал тревогу, - оставляй здесь двоих. Если двинутся к нам, один пусть скачет в лагерь, а второй продолжить наблюдать и отойдет к кострам. Если увидит, что это набег, пусть сразу запаливает. Я предупрежу в лагере, чтобы на всякий случай готовились.

Оставив Чалого с несколькими воинами на месте, Лекша с Малым поскакали в лагерь. За изгородь их пропустили, когда Лекша назвал себя. Доехав до дома атамана, Лекша пошел мимо стражников, молча кивнувших десятнику. За атаманским столом кроме его самого, сидели уже знакомый Лекше помощник атамана Дьячок и еще один, по виду степняк. Средних лет, с наголо бритой головой и длинными висячими усами, он как-то неловко сидел на скамье, не зная, куда деть свои кривоватые ноги в расписных кожаных сапогах.

- А вот и сам десятник наших дозорных! Заходи, Лекша, рассказывай, что там ногайцы? Просто бузят или уже к нам пошли?

- Их много. Лагерь в движении. Когда пойдут, мой дозорный прискачет. Если увидят, что это воины в набег идут, дым сигнальный запалят.

- Молодец, десятник. Все правильно разложил. К нам вот Керим-бек, сын верховного хана ногаев и племянник самого Ногай - хана, прискакал, рассказывает, что один из родов его улуса взбунтовался, пошел против воли хана и хочет свои земли отобрать. А на этих землях сейчас мы стоим, то есть Великая Орда, с которой у ногайского улуса договор есть, самим ханом Ногаем утвержденный. Так ведь, дорогой бек?

По красной бычьей шее ногайца текли крупные капли пота. Он кивал головой.

- И еще Керим-бек говорит, что восставший род хочет силой отобрать свои земли. Сколько, говоришь, у них всадников. Триста? Даже больше?

В комнату вбежал один из охранников.

- Там дым сигнальный.

- Поднимай мою сотню и сотню Чуба, - атаман поднялся, не торопясь расправил свои усы и насмешливо спросил у ногайца:

- А твои воины где? Ждут за увалом? Мои разведчики их видели. С кем биться будешь? С бунтовщиками или с нами?

- С ними! С изменниками, - Керим–бек тоже встал на пол и преданно смотрел в глаза атамана.

- Ну смотри! Мои воины с вас глаз не спустят, пока я с теми разберусь. Да, пока вопрос не решим, побудь моим гостем. Не могу я твоей драгоценной головой рисковать, - и добавил, обращаясь к стражнику, - принесите ему еды и питья. Да побудьте с ним, чтобы не скучал.

Кивнув Дьячку и Лекше, чтобы следовали за ним, атаман стремительно вышел из дома. На площади выстроилась, готовая выступить, атаманская сотня.

- Так, Лекша, скачи к Ярому. Пусть своих готовит в битве и подходит к нам. Пошли своего Малого поднимать стан дозорных. Тоже к нам пусть подходят. Жаль, самого Чуба и часть его людей я отправил из лагеря. Остальных из его сотни поднять и присоединить к атаманцам! Ты, - он ткнул перстом в грудь Дьячку, - поднимай всех резервных и ставь их напротив отряда Керим-бека, запри их в распадке. Сознался, таки, собака, что не один сюда пришел. Не верю я ему. Точно, пес степной, сам подбил этот род на выступление и хочет всеми своими силами на нас навалиться. Где это видано, чтобы в ногайском роду было аж триста всадников? Видать, он все силы свои подтянул и хочет нас по частям разбить.

К ним подошел отец Онуфрий.

- Командуй, атаман.

- Хорошо, батюшка, что пришел. Бей в колокол, собирай всех. На тебе оборона лагеря. С лекарем приготовьте всё, что надо.

- Не сомневайся. Всё сделаем.

Осенив атамана и воинов крестным знамением, батюшка заспешил в церкву, с колокольни которой уже через несколько мгновений полился звучный набат колокола. Уже садясь в седло, Лекша успел сказать Малому:

-Пусть Гюльсан сюда едет. К отцу Онуфрию. Пусть все бросает, лишь бы сама спаслась.

И, отъезжая от лагеря, десятник отметил про себя, как деловито, без суеты, двигались в лагере люди при звуке набата. Женщины просто забрали детей с улицы, закрывали двери и ворота. Мужчины выходили из домов полностью вооруженные, неспешно

садились в седла и сразу разъезжались по известным местам сбора. В несколько минут лагерь опустел, превратившись в военный городок.

Звук набата был хорошо слышен в лагере Ярого, поэтому, когда Лекша туда подъехал, сотник уже поднял и вооружил всех своих воинов. Часть посадил на имеющихся лошадей. Оставшихся безлошадными вооружил всем подручным оружием - пиками, дубинами, шестоперами и кистенями, построил шеренгами и готов был уже выступить в сторону хорошо видного сторожевого дыма. Даже слабый еще Ваньша пытался подняться и идти с ними, но Ярый сурово приказал:

- Лежи. Еще с тобой возиться. Успеешь еще здесь повоевать. Вижу, здесь без сечи не скучают.

Решили, что Лекша поскачет поднимать стан дозорных, Ярый, со своим конным отрядом, присоединится к сотне атамана, а пешие, с одним из подручных Ярого, знающим местность, подойдут, как смогут.

Дозорные тоже видели дым и слышали набат. Бывалые воины, они в полном вооружении стояли у стана, ожидая команды атамана. Вскоре и дозорные, и воины Ярого присоединились к атаманской сотне.

Путь ногайцам, орда которых была хорошо видна на заснеженном поле, преграждал небольшой увал. По его гребню атаман и расставил своих людей, выстроив их цепью, что зрительно увеличивало их число. К атаману подскакал гонец и сообщил, что отряд Керим-бека числом около двух сотен сабель стоит в распадке в десяти полетах стрелы, готов к выступлению, но пока воины не в седле, очевидно, ожидая команды. Все, кого удалось собрать в лагере, числом около четырех десятков, стоят напротив и готовы атаковать, если этот отряд двинется на лагерь или на помощь «восставшему» роду.

- Не начинайте битву раньше времени! Бить – только если кинутся на лагерь. Если пойдут сюда, следовать за ними, и не нападать, пока не втянутся в битву. Если битва будет...- атаман пристально вглядывался в приближающуюся толпу ногайцев.

- Медленно идут. Не вижу впереди всадников. Да они гонят перед собой женщин и детей! Вот сучьи дети! Это чтобы мы их стрелами не посекли и пиками не достали. Ну да ладно. Лекша, со мной! Дьяк, случись что, знаешь, что делать. Ярый, помоги ему!

Помощник атамана, гордый тем, что атаман повысил его до «Дьяка», важно кивнул головой.

Атаман, взяв у сопровождавшего его всадника свой бунчук, из трех волчьих хвостов, привязанных к острию длинной пики, в сопровождении Лекши медленно поехал навстречу ногайцам. От их толпы тоже отделились двое всадников и двинулись к атаману. Орда продолжала двигаться, остановившись по знаку руки одного из всадников шагах в пятидесяти от переговорщиков. И хотя ногайцы оказались ближе, чем цепь всадников атамана, что являлось нарушением чтимых правил войны, атаман не стал «терять лицо» и подзывать своих ближе.

Один из ногайцев был настоящим батыром и, сидя на своей низкорослой степной лошадке, почти доставал своими ногами до снега. Второй, уже с седой бородой, гордо сидел в богато украшенном седле.

- Салам тебе, атаман, - поздоровался седобородый.

- Салам, салам. Извини, не знаю твоего имени, - так же степенно отозвался атаман.

- Мой хозяин – почтенный Бектемир - бек, брат хана Ногая, хозяин сотен кибиток и тысяч коней! – прохрипел батыр.

- Уважаемый Бектемир - бек, зачем пришел в наши земли, земли Великой империи монголов?

- Это – мои земли. Мои отцы и деды владели этой землей с момента её сотворения. И реки, и леса тоже были нашими. Вы отобрали их, и настало время всё вернуть. Хан Ногай выделил наш улус из Орды, а значит и эти земли принадлежат теперь снова нам!

- Уважаемый Бектемир-бек, а разве великий хан Сартак, правнук самого Чингизхана и сын могучего Бату-хана, не взял своей саблей эти земли, вручив вашему верховному хану ярлык на ханство от имени Империи монголов? Верховный хан ногаев, как и его сын Керим – бек, обещали исправно платить дань и не требовать назад эти земли. У меня тоже есть ярлык хана Сартака, севшего в Белую юрту Орды, где прописано, что что эти земли принадлежат Орде, а я надзираю здесь за порядком и охраняю собственность Орды.

- Керим-бек и его отец – проклятые шакалы, обманом захватившие белую юрту после великого хана Ногая. Они не имели и не имеют на это права, поэтому наш род и еще несколько родов великого племени ногаев не признаем ни их власть, ни ярлык Орды, - Бектемир - бек почти прокричал эти слова, а его телохранитель-великан схватился за рукоять своей сабли. Лекша сделал то же самое, но атаман поднял руки в знак того, что не хочет ссориться.

- Уважаемый бек! Мы сейчас обсуждаем с вами соглашения, заключенные самыми верховными правителями наших народов. Я не могу нарушить клятву и пустить вас на эти земли. Если вы попытаетесь сделать это силой, будем биться. У меня здесь почти четыре сотни опытных всадником. Еще сюда идут две сотни пеших воинов. А вы знаете, как дерутся наши пешие воины. А главное – через день – два здесь пройдет в землю русов отряд хана Неврюя, около трех тысяч сабель. Что он сделает с теми, кто пытается отобрать у Орды её земли? Подумайте о своем роде. Неврюй истребит всех.

Видя, что Бектемир-бек колеблется, атаман продолжил:

- Вас подбил на этот поход Керим-бек. Не знаю, как, но он обманул вас. Сегодня он пришел ко мне и сказал, что ваш род идет на нас войной и хочет всех вырезать. Сам он пришел с отрядом в двести сабель, который спрятал в распадке, не так далеко отсюда. По его замыслу, мы должны были посечь друг друга в битве, а потом он добил бы и вас, и нас. Так он убил бы сразу двух сайгаков – избавился бы от врагов в стане ногайцев, и пограбил бы потом наш лагерь. А Орде, которая не спускает таких оскорблений, сказал бы, что на лагерь напал изменник Бектемир-бек, а он пытался защитить нас, - дожимал атаман бека. В этот момент на гребне показались копья воинов Ярого, вставших в одну линию с всадниками. Прибытие дополнительных сил окончательно убедило бека в пользу мирного решения вопроса с атаманом.

- А где сам Керим-бек? Я должен посмотреть в глаза предателю и заставить его сказать правду, - бек пытался «сохранить лицо».

- Я ему сразу не поверил и оставил в лагере под охраной. Если мы договоримся о мире, уважаемый, я подарю вам Керим-бека. И если вы правильно решите с ним вопрос, то ваше старшинство среди ногаев будет неоспоримо, а земли его рода отойдут вашему.

- Где его люди? Они или подчинятся мне, или я их уничтожу, - седоволосый грозно взмахнул саблей, и воины за его спиной повторили его жест.

- Поехали, уважаемый. Мои люди покажут вам дорогу и проследят, чтобы никто из этих негодяев не ушел от вашего справедливого гнева. Только надо спешить, пока его отряд не решил отбить презренного Керим-бека. А вашему доблестному воинству кто-то мешает двигаться быстро.

- Да, это пленные русы. Мы отбили их по пути.

Видя, как нахмурился атаман, бек быстро добавил:

- Я дарю их вам. В обмен за Керим - бека.

- Спасибо. Тогда, уважаемый Бектемир-бек, давайте обнимемся в знак того, что у нас нет вражды. Пусть и воины наши это увидят. И я очень надеюсь, что, когда верховный хан всех ногаев Бектемир-бек вновь посетит нас, наша встреча будет еще сердечнее.

Атаман и бек сошли с коней и обнялись, что было встречено громкими криками ликования с двух сторон. Умирать в этот день никому не хотелось… Правда, ногайцы еще не знали, что их битва – впереди.

Атаман и бек сели на коней и так же, не спеша, вернулись к своим. Подъехав, атаман приказал Дьяку:

- Пусть ногайцем покажут путь к отряду Керим-бека. Они должны напасть друг на друга. Вы оба, - обратился он к Дьяку и Ярому, - идете туда же. Идите рядом с ногайцами и не высовывайтесь. Если начнется сеча, следите, чтобы никто не прорвался к лагерю. Если вдруг замирятся… В общем, они не должны объединиться против нас! Понял, Дьяк?

Тот кивнул головой и поскакал выполнять приказ.

- Я – в лагерь, Керим-бека проведать. Лекша, со мной! – атаман рванул коня и, не оглядываясь, поскакал прочь.

Ногайцы оставили пленных, которых гнали перед собой и столпились вокруг бека. Тот, по всей видимости, нашел нужные слова, понятные их сердцам. После короткой, но яростной, речи бека, степняки взметнули в воздух сабли и показали полную готовность умереть за своего властелина. После чего, ведомые проводниками из отряда дозорных, они поскакали в направлении притаившегося отряда Керим-бека. Оставшись без охраны, пленные русичи, тяжело опускались прямо на снег, не веря в свое неожиданное освобождение. Перед тем, как во главе отряда своих конников отправиться, как наказал атаман, сопровождать ногайцев,

Ярый успел дать указание своим пешим воинам помочь пленным дойти до лагеря.

Пока ногайцы, скрытно сопровождаемые атаманцами, шли к отряду Керим-бека и не знали, ждет ли их братание или битва, - а если битва, то с кем? – атаман, Лекша и, конечно, Малой на взмыленных конях ворвались в лагерь. Когда атаман взбежал на крыльцо дома, он увидел смущенные лица стражников.

- Что? Ушел? – и рука атамана до белых костяшек сжала рукоять сабли.

- Нет, атаман, убили мы его. Как вы ушли, человек Керим-бека, с которым он прискакал утром, стал рваться к беку, кричал, что должен его видеть. Бек, услышав, что его человека не пускают, схватился за саблю и пошел на нас. Ну, мы его... пиками. Верткий был, собака, не давался. Зарубить мог.

- Ну, туда ему и дорога, - неожиданно спокойно сказал атаман, - вот оно само и сложилось. А второй где? Тоже – пикой?

- Нет. Взяли его. Народ на площади помог. Навалились, только помяли малость. В холодной сидит. На цепи. Пойдешь допрашивать?

- Не до него сейчас. Пусть сидит. Там решим, что с ним делать.

- Но мы-то не виноваты, отец – атаман? – стражники мялись, закрывая своими широкими плечами вход в дом.

- Не виноваты! Еще по чарке налью. Да дайте вы пройти, медведи! – атаман раздвинул стражников и зашел в дом, где на полу, залитый кровью, лежало тело грозного некогда Керим-бека, так хотевшего стать верховным ханом ногаев.

- Да отнесите вы его в сарай! И здесь приберите! Не могли одного степняка вдвоем тихонько убрать. Хорошо, пиками своими образ не повредили, - ворчал атаман, лихорадочно выстраивая варианты поведения в этой ситуации. «А ничего! По меньшей мере,

мертвый Керим лишнего не наговорит!» Эта мысль его успокоила, и он налил себе ковшик медовухи. И с удовольствием выпил.

Вспомнив про Лекшу и Малого, вышел к ним на крыльцо.

- Здесь пока останьтесь. Если там управятся, то и без вас управятся. А коль, не дай Бог, сюда ногайцы нагрянут, лишние сабли здесь не помешают.

Площадь была безлюдна и непривычно тиха. Даже колокол молчал.

- Лекша, Лекша, - услышал вдруг десятник такой родной голос. От дверей церкви через площадь к нему бежала Гюльсан, не обращая внимания на грязь и лужи. Подхватив её на руки, он целовал её, не замечая смотрящих на них Малого, стражников, атамана и еще с десяток любопытных глаз, невесть откуда появившихся вокруг.

- Молодец, что приехала. Нашло отца Онуфрия?

- Да, нашла. Мы с ним много говорили, - она перешла на шепот, - а у него там, в церкви, за занавеской, булава стоит и сабля. Большая…

Но не выдержала и снова защебетала:

- Как у вас там? Отец Онуфрий говорит, что беда была близко, но всё почти обошлось. Это так?

- Так, всё так.

- Лекша, а я монеты и камешки с собой взяла. Вот, в мешочке. А то на что мы дом строить будем? – и она лукаво взглянула на Лекшу.

Тот даже не нашел, что ответить. Из двери церкви вышел отец Онуфрий.

- Чего вцепился в девицу? Иди, дела свои воинские твори! У нас с Марией еще долгий разговор.

- Какой такой Марией? – не понял Лекша.

- Крестить её так буду. Аккурат поминанье святой Марии, - батюшка перекрестился, - грядет. Ступай, ступай! Пойдем, дщерь моя. Здесь всё мирское, а нам о душе поговорить надо. Самое время.

Сидевший в распадке отряд Керим-бека уже начинал волноваться. Только командир отряда Буртай, близкий родственник Керим-бека, был посвящен в тайну их похода. Воинам было объявлено, что они ограбят лагерь, когда все его защитники уйдут на битву с другим врагом, где будут разбиты. И только он, Буртай, знал, что его хитромудрый родственник Керим – не даром он уже почти сумел занять юрту верховного хана ногаев, - придумал этот план и сейчас сам – о храбрый! –осуществляет его.

Керим-бек подстроил поход своего давнего недруга Бектемир-бека на свои родовые, но ранее отвоеванные Ордой, земли. Он знал, что атаман Ухо (давно считавший эти земли на окраине Орды своими) не отдаст их без боя. Керим хотел, чтобы в предстоящей битве Бектемир и Ухо истребили свои силы. Потом их можно было добить и ограбить лагерь, свалив вину на Бектемира. А смерть самого Бектемира отдавала Кериму белую юрту верховного хана и все, чем владел его недруг. Керим–бек понимал, что атаман Ухо поверит только ему, племяннику великого Ногая, и вынужден был рискнуть и самому отправиться в лагерь. Кто не рискует…

Керим–бек приказал в случае битвы, которую его отряд непременно услышит, незаметно подойти к месту и истребить всех выживших, прежде всего Бектемир–бека и атамана Ухо. Потом – напасть на лагерь и уничтожить всех. Если битвы не будет, Керим–бек велел просто подъехать к лагерю и вытащить его, силой или миром.

Ожидание длилось томительно долго, и Буртай уже хотел оправить к месту предполагаемой битвы еще кого–нибудь из своих

людей, когда его прискакавший лазутчик сообщил, что ногайцы Бектемир - бека приближаются к месту их засады. Не зная, что делать в такой ситуации, Буртай решил выполнить приказ Керим–бека и двинуться на лагерь, но, когда его воины, вскочив на коней, уже готовы были выполнить этот его приказ, они увидели вставший на их пути лес пик засады. Его отряд оказался зажатым между двумя противниками. Буртай колебался, отгоняя от себя единственную спасительную мысль – «Бежать!» - только из страха перед своим могущественным родичем, Керим–беком. Выполняя приказ атамана, засада не нападала на противника, а просто стояла на его пути к лагерю. Ногайцы Бектемир–бека, увидев отряд Буртая, направились, не меняя своей походной рыси, на него. Сам бек, на своем длинноногом аргамаке, сверкая бородой и не вынимая сабли, скакал во главе своих воодушевленных воинов. Он был полон решимости строго спросить с воинов Керим–бека, за кого они хотят сражаться, и в случае их подчинения, милостливо простить их и принять в число своих сторонников.

И в тот момент, когда он уже почти доскакал до воинов Буртая, которые тоже пока не обнажали сабель, из придорожного подлеска вылетела стрела и сразила бека Бектемира. Седобородый откинулся в седле, и аргамак скинул тело на землю.

- Бека убили! Керим–бек убил Бектемира! - истошно завопил батыр – охранник, соскакивая со своего конька у бездыханного тела своего хозяина. Этого оказалось достаточно. Ногайцы Бектемира, не пришедшие в себя после долгой скачки, выхватили сабли и кинулись на всадников Буртая. Тем ничего не оставалось делать, как принять бой. И завязалась кровавая сеча! Ногайцы, потомки свирепых степных воинов – половцев, славно бились в тот день. И когда вечернее солнце, тоже уставшее за этот длинный и непростой день, озарило своими красными лучами такой же красный от пролитой крови снег, совсем немного всадников как с одной, так и с другой стороны остались на поле. Уже не крича пронзительными голосами боевые кличи своих родов, они молча рубились, с хрипом поднимая

и бросая вниз свои вдруг потяжелевшие сабли. Давно лежал с разрубленным черепом Буртай, и могучий стражник в последнем усилии подполз и прикрыл своим иссечёным телом своего властелина Бектемира.

Атаманцы, по команде Дьяка, окружили поле брани, на которое уже опускались вечерние сумерки, и добивали тех, кто пытался уйти. Не важно, в сторону ли лагеря, или к себе в степь. Никто не должен был унести с собой тайну неудачного похода ногайцев. И не должно было остаться на поле тел иных, кроме тел ногайцев, побитых в смертельной битве друг с другом.

И когда битва закончилась, пошли атаманцы, с запаленными факелами, по кровавому полю, добивая раненных ногайцев и следя, нет ли среди них своих. Только двух человек потеряли они в тот день. Двух дозорных, не добежавших до сигнального костра, которых успели отследить и проткнуть стрелами люди Буртая. Да ранил одного всадника из новичков Ярого ловкий ногаец, пытавшийся уйти от погони. Дьяк строго – настрого приказал не обыскивать, как это было принято, тела убитых, а быстрее вернуться в лагерь. Правда, проследить за выполнением этого приказа он уже не мог. Темно, да и вообще…

Но собрать и перегнать в лагерь коней и припасы как Бектемира, так и Керим-бека, Дьяк, конечно, распорядился. Не пропадать же добру!

Первыми радостную весть о том, что атаману удалось избежать битвы и отвернуть орду Бектемира, принесли освобожденные из полона русичи, которых привели в лагерь ратники Ярого. Освобожденных от оков, до крови стерших их кожу, изможденных, грязных и оборванных русичей разместили в том же сарае, который ранее приютил Ярого и его людей.

Было их около трех десятков человек, молодых мужчин и женщин. Из их сбивчивых рассказов поняли, что родом они из-под

Чернигова и были взяты в полон кипчаками во время очередного набега. Кипчаки намеревались продать их крымским татарам, которые держали всю торговлю живым товаром на морском побережье. По пути в Таврию их отбили ногайцы, у которых их снова забрали ногайцы, но другого рода. Последним их хозяином стал Бектемир-бек. К тому времени из более чем ста человек пленников осталось меньше трети. Уже понимая за долгое странствие язык степняков, они услышали, что люди Бектемира шли в набег за новой добычей, а потом хотели продать весь свой живой товар тем же татарам. Толком еще не понимая, куда попали, были они счастливы уже тем, что их объявили свободными. Лекарь осмотрел и оказал посильную помощь нуждающимся. С отеческим словом приходил и отец Онуфрий. Сердобольные женщины из лагеря принесли еды и что могли, из одежды.

Опросив освобожденных, атаман Ухо вынес им свое решение:

- Пока вы здесь, вы вольны поступать так, как решите сами. Захотите вернуться, идите. Но едва ли сможете одолеть весь путь без защиты. Через нас проходят отряды князей из русских земель. Идут как в Орду, так и обратно. Если им повезет... Можете пойти к ним и поменять одно ярмо на другое. Захотите остаться, примем. Наши люди вам расскажут, как мы здесь живем. Любо вам так жить – милости просим! Здесь есть земля и воля. Остальное добудете сами. Ночь проведете здесь, а завтра должны определиться. Даром кормить не можем.

Забегая вперед, хочу поведать, что эту первую ночь на свободе провели они, почти не смыкая глаз. Вспоминая пережитое, сами удивлялись, что выжили, и роняли слезу над памятью своих товарищей, не перенесших полон и оставленных в степи, без отпевания и погребения. Трудно им было вот так, сразу, решить свою судьбу. Да и кто смог бы… Еще, казалось, вчера было детство и отрочество в родном доме, семья, близкие, первая любовь. Потом – набег, кровь, жестокость, побои и унижения. Смена хозяев, а значит, новые побои и унижения. И вдруг, как прыжок в пропасть,

освобождение. И впереди – стена, с которой надо прыгнуть. Куда? Зачем? И подсказать некому. Очень хотелось домой, но умом понимали, что сами не дойдут. Да и что там, дома? Пепелища? Прах некогда родных людей? Остаться здесь? А что это – здесь? Кто эти люди? Известно лишь, что они не степняки и не вешают ярмо. Пока не вешают…

Свое судьбоносное решение мало кто из них принял в ту ночь. Утро вечера мудренее.

А утром к сараю потянулись люди. Они все по-разному пришли в этот лагерь, у каждого за плечами своя история. Были и такие, кто тоже прошел тропою рабства и помнил тяжесть колодок. Путь человека извилист, но кто одолевает его собственными потом и кровью, знает, как важна поддержка и совет. И, принося еду и одежку, люди заговаривали со вчерашними пленниками, у которых уже прошел первый озноб свободы, и они могли спокойно и связно говорить. И нашли люди собеседников, и потекла беседа, и уходили уже вместе.

Так, нашли подмастерьев кузнец и бондарь. Послушав рассказы воинов, несколько парней решили попробовать себя в ратном деле. А первым делом разобрали по домам вчерашних пленниц. Уводили их с собой за руку женщины лагеря, жены, матери и сестры воинов и ремесленников этого приграничного городка Орды, где их мужчины защищали и строили уже не столько будущее далеких ханов, сколько свое собственное. Женщины, они понимали, каково это – остаться беззащитной в этом жестоком мире.

Рабства в лагере не было. Прежним рабам, что с первым отрядом привезли сюда монголы, атаман Ухо и сход давно дали свободу, и, сделав свой выбор, они либо разошлись по родной степи, либо остались на правах прочих жителей лагеря. Сами монголы давно ушли, а из тех, кто остался, кто не был когда-то рабом? Не по доброй же воле пришли они сначала в Орду, а потом

сюда, в земли, прежде им не принадлежавшие, но уже ставшие им родными.

А пока освобожденные русичи переживали свою первую ночь свободы, в лагерь вернулись воины. Нагнав в пути отбитые у ногайцев припасы, их объединенный отряд являл собой внушительное воинство. Освещая факелами путь и распугивая тишину торжествующими криками, они влились через распахнутые ворота в лагерь, сразу наполнив его до краев своей радостью и гордостью за почти бескровную победу. Эти чувства еще не знали пафоса фанфар, барабанов и торжественного строя, но ликование встречавших – а на площадь сбежалось все население городка, - было искренним, а к ногам вышедшего им навстречу атамана бросили бунчуки Буртая и Бектемира. В те поры был еще обычай приносить в подарок отсеченные головы побежденных врагов, но в этом случае делать этого не стали. А то как же потом объяснить проверяющим из Орды или представителям кровожадных и мстительных ногайцев, что мятежные беки сначала посекли друг друга, а потом отрезали друг у друга головы.

Поставив служку бить в колокол, к воинам поспешил отец Онуфрий. Найдя и произнеся приличиствующие случаю слова, он освятил воинов крестным знамением. Затем, установив поднятой рукой молчание, говорил атаман.

- Други мои! Злые силы шли на нас, дабы стереть с лица земли и нас самих, и плоды трудов наших. Но Бог на нашей стороне! Он столкнул в жестокой битве врагов наших и даровал нам победу.

К атаману тихо подошел Дьяк и сказал тому на ухо несколько слов. Атаман кивнул и продолжил:

- Мы отбили у ногайцев наших братьев – русичей, и по обычаю нашему предложим им наше радушие. И свободу!

Переждав, пока стихнут восторженные крики, атаман добавил:

- Дабы отпраздновать нашу победу, хочу предложить накрыть завтра здесь, на площади, большой дастархан для всех, кто хочет поднять чарку за лагерь, за волю и острую саблю её защитников. Не грех будет и провианта, отбитого у врага, попробовать. А медовуху я выкатываю! Как, други, любо вам такое решение?

И под громогласные крики всей площади, атаман направился в свой дом. С ним привычно направились Дьяк и сотника - атаманец, но Ухо остановился и кратко позвал Ярого с Лекшей:

- Вы тоже.

Когда все расселись по лавкам, Дьяк, было, потянулся к кувшину, но Ухо резко остановил его.

- Погоди, не время сейчас. Удар по лагерю мы отвели, но это только полдела. Неспокойные времена начинаются. Пока Орда, которую привел в эти земли хан Сартак, сын великого Батыя, крепко стояла от китайских стен до Фряжского моря, мы, как воины Орды, чувствовали за собой её мощь и были непобедимы. Сейчас же, когда Орда распадается еще и на Белую, и на Синюю, а в каждой из них появляются отдельные ханства, сила Орды слабеет. Все, кого она покорила, и кто исправно платил дань, это чувствуют. Когда ко мне прискакал Керим-бек, натравливая меня на своего врага Бектемира, он много чего рассказал. Важность свою показывал. По его словам, а врать он едва бы стал, хан Ногай, действительно занимавший видное место в Сарае, успел получить у Сартака ярлык на все эти земли. К счастью для нас, правящий сейчас в Орде хан Берке не признал этот ярлык. Но ногаи, люто ненавидящие монголов, считают ярлык Сартака действующим и хотят вернуть себе свои земли.

- А чего ногаи так монголов ненавидят? Вроде тоже степняки, - не сдержал любопытства сидевший на краю скамьи Лекша.

- Ладно, паря, молодой ты еще и новичок у нас, потому отвечу, - атаман Ухо разгладил свои усы, - ногаями они стали называть себя

недавно. По имени того самого знаменитого хана Ногая, объединившего все их родовые племена. До этого русичи знали их как половцев. И когда Батый шел на Русь, они выступили против монголов вместе с русскими князьями. И полегли все на Калке – реке. И русичи, не сумевшие всех своих собрать в единую рать, и половцы, не сумевшие поднять против монголов другие степные народы. Так, порознь, Батый всех и покорил.

- И чего теперь ногаи хотят? Сюда вернуться? –теперь уже Ярый пытался вникнуть в суть происходящих вокруг событий.

- Вернуться, конечно, хотят. Да и как им было свыкнуться с утратой таких благодатных земель! Но еще боятся Орды, напрямую против Берке им не хватит сил выступить. А вот пограбить, прикрываясь тем самым ярлыком, что Ногай им оставил, это они вполне могут. И будут нападать, пока очередной хан из Белой юрты не пройдет походом по этим землям и не вырежет в гневе своем непокорных. Но пока в самой Орде идет борьба между чингизидами, прямыми потомками Чингиз-хана, имеющими право на верховное ханство, им не до нас. И ногаи это знают и не успокоятся. Потому, сразу после беседы с Керим-беком, и направил я сотника Чуба в дальний дозор по самым крупным стойбищам ногаев. Дабы знать, не готовятся ли они в большой набег на нас. Пока Чуб не вернется, удваиваем дозоры и не расхолаживаемся. Запомните и своим передайте – завтра, конечно, гуляем, но оружие и коней наготове держать. Ты, Лекша, возвращайся с дозорными в свой лагерь. Знаешь, что делать. Ты, Ярый, пока своих отсюда не уводи. Поставь на постой. Завтра эти, которых мы отбили, разойдутся, пусть твои сарай занимают. Дня два – три здесь похарчитесь. Погоняй их вокруг стен, пусть покричат, да пыль попускают. Всем видно будет, что много нас, и мы готовы.

Атаман встал, давая понять, что разговор окончен.

- Но, главное, доведите до всех – мы не били ногаев. Они друг с дружкой рубились, чтобы потом на нас идти! Так оно и было, а потому так и сказывать надо. Если спросят…

И, видя, что все собрались уходить, атаман вдруг улыбнулся и с хитринкой взглянул на своих сподвижников:

- Так и уйдете? Не хотите и чарки выпить с атаманом, что ногаев стравил и тем самым беду от нас отвел? Дьяк, а у тебя что, и руки отсохли?

И все снова шумно плюхнулись обратно на скамьи, почувствовав вдруг страшную усталость. И благодарность. Атаману. Нашел ведь слова…

И выпили по первой, помянув павших.

И по второй – за атамана, что развел врагов и не допустил разорения.

И по третьей – чтоб и впредь!

Теперь уж точно, пора расходиться, тем более что черный купол бездонного неба уже лизнул розовый язычок солнца, предвещая новый день. И новую жизнь. Ибо не могла она уже быть прежней после того, как удалось им не умереть и не испытать стыда за поражение.

В дверях атаман задержал Дьяка:

- Как столкнул ногаев?

- Заранее посадил лучников и сбили стрелой Бектемира, вроде как со стороны Керима.

- Стрела-то хоть ногайская?

- А то!

- Молодца!

И, завершая этот день, атаман наказал своим охранникам:

- Возьмите тело Керим-бека и отвезите к месту сечи. Подбросьте с саблей в руке.

- А второго?

- Туда же.

- Так ведь жив еще!

- Почему?

Вышел атаман на крыльцо, с удовольствием глотнул свежего, с морозцем, воздуха. Хорошо! В избе-то накурили, надышали, черти горячие. Красный диск солнца уже вовсю поджаривал черный платок ночи, готовясь окончательно пронзить лучами всю поднебесную высь. «И будет так всегда, - думал атаман, - уйдем мы, уйдут в свои степи небесные и ногаи. Уйдет даже великая империя монголов, как ушли те неведомые народы, чьи курганы и каменные идолища до сих пор стоят в степи. А солнце и земля эта останутся. И потомки наши, глядя на рассвет, так же будут думать о вечном круговороте жизни!»

Но круговорот жизни – это вечно, а значит просто, а вот как отвести от себя ногаев, обхитрить Орду и сохранить с таким трудом налаженный уклад жизни – это действительно серьезные вопросы, над которыми надо будет и свою голову ломать, да и собратьев своих, таких незатейливых с первого взгляда, но далеко не простых внутри, тоже послушать надо. Ведь все они, и Дьяк, и Чуб, да и другие, выбившиеся своими головой и умением из остальных, много чего знали, и каждый таил в душе до поры до времени свою правду. Да и эти, недавно бежавшие из Орды, Ярый с Лекшой, тоже ой какие крученые ребята! Не один пуд соли с ними надо съесть, пока поймешь, надежны ли. А именно этим, надежностью, и определяется ценность каждого в окружении вожака. Ибо таков закон жизни – вожак не терпит в своем окружении равных себе по силе и уму сподвижников, нутром чувствуя исходящую от них угрозу

соперничества, и лишь надежность этих людей, их доказанная готовность подчиняться позволяет им сохранить команду.

С первым ударом колокола в церкву потянулись люди. Сегодня их было больше, чем обычно. «Свечи ставить за то, что уберег Господь от беды, что мужчины вернулись, что степняки поселение не спалили, в полон не забрали. Вечное есть вечное, но живем сегодня. И вечером гулять будем и славить не вечное, а сегодняшнюю жизнь. И это правильно. Как бы еще ногаев стравить побольше…» С этими мыслями и пошел атаман в дом с твердым желанием поспать хоть пару часов после такого непростого дня.

Поспать ему не дала его хозяюшка, луноликая и крутобедрая Су-линь, так призывно взглянувшая на него из-за занавески своей части дома, что лихой атаман тут же забыл о своей усталости. Потом, лежа в сладкой истоме на шелковом одеяле и нежно обнимая спящую у него на груди женщину, он снова и снова вспоминал их недлинную, но такую счастливую совместную жизнь.

Дочь русской невольницы и китайского чиновника, Су-линь была отдана сначала в один, а потом в другой шатер ордынских военачальников. Красивая невольница не смогла дать детей ни одному из своих хозяев, и скоро должна была перейти в разряд простой прислуги и разового подарка отличившимся воинам. Но Судьба распорядилась иначе. Её последний хозяин – темник, под бунчуком которого в Орде было десять тысяч воинов, получил приказ идти на дальний рубеж Орды и основать там несколько укрепленных лагерей для устрашения врагов Великой империи монголов и обеспечения потока поступающей в Орду дани. В этот отряд, состоявший из десяти сотен монгольской конницы и каравана отобранных мастеровых и прислуживающих, попала и Су-линь. Хозяин взял её с собой как искусную кухарку и мастерицу играть на китайской цитре, заунывные звуки которой так славно убаюкивали его в этом дальнем походе. Другие интересы хозяина

ограничивались двумя молоденькими, но визгливыми и жадными, наложницами-уйгурками, не дававшими убеленному сединами хозяину тихо наслаждаться радостями заслуженной старости.

Ночью Су-линь любила сидеть у порока свой юрты и, глядя на звезды, тихо напевать слышанные ей от матери мотивы. Там её сначала услышал, но потом и увидел тогда еще просто сотник Ухо.

Прозвище свое он получил за то, что увезенный в самом раннем возрасте с родины в составе очередной тамги, он несколько раз пытался бежать, и вконец обозленный конвоир отсек ему саблей левое ухо. Слух он не потерял, прошел все препоны военной подготовки, и за доблесть и преданность своему начальнику - темнику был назначен со своей сотней в этот отряд. По некоторым намекам темника сотник понимал, что после создания нескольких укрепленных лагерей на этом рубеже Орды он и его коллега – сотник некоторое время останутся там служить. А сколько эта служба продлится, никто не знал. Ушли они из Орды еще при хане Батые и его сыне Сартаке, когда большие белые шатры еще не сотрясал ветер перемен, а могучая и единая монгольская конница стремительно завоевывала государства Азии и Европы. Сартак, которому его отец, великий хан Батый, отдал Орду и повелел расширять её на запад, лично приказал своему темнику создать эти несколько пограничных поселений и вручил большую ханскую пайцзу, обеспечивающие её обладателю самые широкие полномочия. И темник рассчитывал по окончании этой миссии на благосклонность хана Сартака и достойное место в его новой ставке.

Сотник не надеялся на благосклонность хана Сартака, тем более что степные ветры уже занесли в их отряд слухи о недобрых событиях в Орде. Он понимал, что едет сейчас к своему последнему месту службы, и судьба уже подводит его к переломному моменту. И мысли его, ранее привычные к военной дисциплине и четкому пониманию окружающего мира, как раз и навсегда выстроенной структуре монгольской империи, стали со скрипом перестраиваться, пытаясь охватить новую, открывающуюся перед ним реальность

Та короткая встреча у юрты Су-линь, когда они едва смогли обменяться парой слов, но посмотрели в глаза друг друга, изменила всю их жизнь. Она, уже, было, смирившаяся со своей судьбой, расцвела. Лицо словно светилось изнутри; зеленые глаза, прелестные в своем миндалевидном разрезе, лучились светом и улыбкой. Стан распрямился, походка стала упругой и стремительной. Если бы не мешковатый халат и платок, закрывающий лицо, это преображение вызвало бы подозрение и ненужный интерес окружающих, особенно всегда замечающих такие метаморфозы соперниц. Даже потенциальных. И даже не соперниц. Просто женщин. И некоторых мужчин. Не тех, которым это предназначается.

Сотник вдруг увидел себя и свою жизнь со стороны. Кто он и зачем? Вот были вопросы, ответы на которые он искал и не находил. Он хотел её видеть, просто видеть. О другом он и мечтать не мог. Иногда они, словно случайно, видели друг друга, глазами рассказывая всё то, что нельзя было сказать словами. Но часто видеться было нельзя, слишком много вокруг было глаз и ушей, и слишком дорого могла за это заплатить она. Ему, бывалому воину, было ясно только одно – помочь в этом, практически безнадежном деле, мог только случай. И он, этот случай, мог быть только один. И его внезапность должна быть хорошо подготовлена.

И сотник стал готовить этот Случай.

Они уже основали шесть лагерей по рубежу ордынских земель, и у темника остались две сотни воинов и около сотни хозяйственных людей, нужных для обустройства. В их плане остались еще два лагеря, после чего поход можно было считать благополучно завершенным. И рассчитывать на награду.

За пару дней до подхода к очередному рубежу, которому надлежало обеспечить охрану, сотник, находясь на ежедневном

вечернем докладе у темника, указал тому на карте три точки, ранее выбранных ими как удобные для организации лагерей.

- Мы сначала дойдем до одного, разобьем лагерь там, потом дойдём и устроим второй лагерь. Устройство лагерей и переходы между ними с нашим караваном и обозом переселенцев, который мы везем с собой, займет три – четыре луны. Через пару лун наступят холода и степь уйдет под снег. Будут проблемы с кормом для коней и пищей для людей. Надо будет организовывать снабжение. Мы здесь застрянем на год, - словно размышляя вслух, говорил сотник, - а за год в Орде многое может измениться…

Темнику явно не нравилась идея оставаться в чужой степи на год. Ему надо было спешить домой, который, если верить слухам, мог разрушиться в борьбе великих мира сего. Поглаживая свою седую бороденку, он обратился к сидящим у его ног на ковре перед картой двум сотникам и беку, отвечающему за караван переселенцев.

- А как можно ускорить выполнение распоряжения нашего досточтимого хана Сартака? Нельзя заставлять ждать его так долго.

- Ухо прав. Быстрее мы не управимся, - второй сотник был лаконичен.

- Людей кормить зимой будет сложно. Пайцза едва ли поможет нам забирать корм и пищу у местных. Да и не особо они здесь пайцзу уважают, - начал, было, бек, но осекся под строгим взглядом темника.

- У нас двести с лишним сабель, и мы представляем Великую империю монголов! Мы отберем всё, что нам надо!

Все склонили головы в знак послушания и одобрения.

- А ты, Ухо, что можешь еще сказать?

- Есть только один способ ускорить выполнение воли хана Сартака…

-Какой? Говори быстрее! – темник даже стукнул кулаком по колену.

- Надо разделить наш отряд на две группы и пойти сразу в два места. Поставим оба лагеря одновременно. Вы, - Ухо поклонился темнику, - примете их и отправитесь к Великому хану с сообщением о выполнении его воли. Еще до снегов.

Темник задумался. Ему явно понравилась мысль вернуться в Сарай до снегов, но идея дробить отряд на две части в этой беспокойной степи…И целый год провести в степи…

Он встал с седла, на котором по степному обычаю сидел перед своими подчиненными и поднял руку.

- Я решил! Делим отряд на две части. В каждой по сотне всадников и по половине поселенцев. Я и сотник Ухо идем ставить главный лагерь. Ты и ты, - он ткнул пальцем во второго сотника и бека, - идете и ставите второй лагерь. Вот здесь, - он ткнул кармой в отметку на карте.

- Поставим два, они отстоят зиму, а весной совместно поставят третий. Если надо будет... Идите, готовьтесь. Утром выступаем.

Так сотник Ухо выполнил первую часть своего плана.

На выходе из юрты его остановил темник.

- Погоди, Ухо. Иду с тобой, потому что доверяю. Отбери самых надежных людей в охрану. И самых искусных ремесленников. И поселенцев поздоровее. И припас получше возьми. Ты меня понимаешь?

Конечно, сотник Ухо прекрасно понимал своего темника.

У своей юрты его остановил второй сотник, алан по национальности. Они хорошо знали друг друга, часто ходили в одни походы, рубились рядом в битвах, но особо дружны не были.

- Здесь наши пути расходятся. Ты мне как брат, Ухо. Брат по судьбе и по оружию. Лукавить перед тобой не стану. У меня – иной путь, не совпадающий с судьбой нашего темника. Ухожу на волю. Знаю, не донесешь, да и доносить некому. Сейчас разойдемся, и только Боги знают, увидимся ли. Доверять можем только своим братьям-воинам, а здесь важно быть в них уверенными. Голос крови здесь важнее, чем дисциплина монгольской конницы. Ты меня понимаешь?

- Да, Гирей, понимаю. Ты выбор сделал. Теперь пусть выбор сделают сами воины. Я скажу своим, ты – своим. Завтра сбор у твоей и моей юрты, кто кого выберет. Поселенцев поделим также. Мне темник разрешил отбирать людей, но пусть выберут сами. Не возражаешь?

Гирей согласно кивнул головой.

- Якши.

Хорошо иметь дело с военными. Коротко и ясно. Гирей продолжил.

- Темнику скажешь, что воины сами решают свою судьбу? Он возражать не будет?

- Пусть попробует! Ему же с нами дальше идти. Давай, брат, обнимемся. Завтра сухо попрощаемся, чтобы в сговоре темник не заподозрил. А то взбрыкнет на прощание, скакун монгольский!

Воины обнялись.

- Авось свидимся!

- Иншалла!

И началось на стоянке сумбурное движение. Вполголоса переговаривались люди, переходя от одной группы к другой, перегружались вещи, скрипя, перекатывались арбы и повозки, с колокольным треньканьем медленно поднимались, медленно шли и так же медленно опускались на колени верблюды.

Лишь у юрт темника было тихо. Даже стражники отвернулись в сторону, словно не замечая перемещений в стойбище. Там не волновались. Почти никто.

Первые лучи солнца увидели уже разделенный на две части отряд, готовый начать движение в неведомое. Воины разделились почти поровну, а вот большая часть поселенцев перешла на сторону отряда сотника Ухо. Темник, конечно, заметил это, но промолчал. Это же естественно, что большая и, несомненно, лучшая часть ремесленников шла с ним! Тем более, что массу отряду добавлял и сам караван темника. С продуктами, утварью, коврами, челядью, наложницами. И еще кое-кем. О чем хорошо знал Ухо.

Без лишних слов, по знаку руки темника, отряды разошлись. Сотники Ухо и Гирей просто махнули друг другу рукой.

Через два дня пути они прибыли на место. Выбранное ими по карте как идеально подходящее для рубежного лагеря, в реальности оно оказалось еще лучше. Две сходящиеся речки образовывали удобную пойму, которую с юга защищал от знойного ветра невысокий кряж. Высокий берег, с которого к воде вели удобные склоны, порос деревьями и колыхался уже осенним разноцветьем трав. Опытным глазом сотник разглядел, конечно, и натоптанные тропы водопоя, и торчащие из воды у поросшего камышом берега вешки с поставленными неводами. Видел он и кострища под кронами деревьев и летние шалаши пастухов. Он понимал, что такие богатые земли не могут не быть обихожены, и наверняка числятся за каким-нибудь местным кочевым родом. Знал он и то, что это были традиционные земли половцев, или, как они стали сами себя называть по имени своего хана – ногайцев. Но у них была Большая пайцза Орды, дающая право на любые земли и доход с них. А, кроме того, со слов темника, которому об этом поведал хан Сартак, ногаи были данниками Орды, исправно платили Сараю, а когда вдруг

какой – либо из родов бунтовал, его жестоко карали и сами ногайские ханы, и монгольская конница.

По приказу темника сразу приступили к сооружению лагеря. Валили деревья и сразу врывали стволы в частокол, в строгом порядке ставили юрты. У юрт сразу поставили бунчуки, чтобы ясно было, что это – монгольское войско. В дозор были посланы воины, остальная часть которых, не отходя от оружия, помогала обустраивать лагерь. Бывалый воин, темник знал, что местные должны появиться.

И они появились. Уже на закате, когда горячее солнце намеревалось остудить свой огненный диск в водах Вечного моря, к лагерю подъехала, перейдя реку вброд, группа всадников в богато расшитых халатах, с дорогим оружием. Подскакав к украшенному белыми шкурами шатру темника, у бунчуков которого с грозным видом скрестили копья два гиганта – стражника, гости спешились и неторопливо направились к входу. Стражники не разомкнули копий, пока подскакавший с группой своих воинов сотник Ухо, тоже спешившись и поздоровавшись с подъехавшими, не узнал у них, кто они и с какой целью прибыли.

Представившись посланниками Бектемир–бека, ногайского властителя местных земель, приехавшие сказали, что хотели бы выразить свое уважение представителю Великой империи монголов, посетившего их землю. Сотник пригласил их войти, оставив свои сабли у входа. Приехавшие с явной неохотой подчинились, после чего стражники разомкнули копья, и все вошли в шатер, причем сотник и его люди остались при оружии.

Монголы умели подчеркивать свое величие, научившись этому у покоренных ими китайцев. Юрта была устлана роскошными коврами и ярко освещена бронзовыми светильниками, нещадно чадящими залитым в них бараньим жиром. Темник, в расшитом золотом халате и парадном боевом шлеме с нашитыми бронзовыми

пластинами, гордо восседал на резном стуле, выставив вперед изумительной работы широкую саблю в ножнах, украшенных самородными камнями. От вида такой роскоши у прибывших степняков стали видны глаза, ранее спрятанные за узкими прорезями глазниц. Величие дополняли обе наложницы, грациозно сидевшие одна в шелковом зеленом, вторая – тоже в шелковом, но красном платье по обе стороны резного стула, у его поручней, вырезанных в виде грозно рычащих львов. Их лица, нарисованные черной и красной краской по густому белиловому покрытию, были прекрасны и подчеркивали разницу между небожителем на троне и смертными, осмелившимися лицезреть его.

Прибывшие не рухнули ниц, чем вызвали легкое недовольство темника, явно жаждущего этой ханской почести. Не было у них и подарков, что не понравилось и наложницам. Правда, по их лицам этого понять было нельзя. Видимо, для того и красили.

Выждав паузу, нужную для того, чтобы пришедшие успели оценить важность этого момента, темник устремил свой взгляд на своего сотника. Тот, следуя отработанной процедуре, смиренно доложил.

- К тебе, о досточтимый хан, посланники ногайского бека Бектемира. Хотят засвидетельствовать свое уважение и приветствовать на этой земле.

Темник медленно перевел взгляд на стоящих перед ним ногайцев.

- Почему я не вижу среди вас самого Бектемир – бека, смиренного данника Орды? Только смертельная болезнь могла помешать ему лично приветствовать посланца Великой империи монголов и носителя Большой пайцзы. Так ли болен Бектемир? – темник сурово сдвинул брови и буквально вонзил взгляд своих темных глаз в ногайцев. Воины сотника и сам он широко расставили ноги и положили руки на рукояти сабель, всем своим видом являя

готовность порвать любого, неуважительно отнесшегося к посланцу Орды.

К чести ногаев, они не дрогнули. Старший из них, склонив голову в почтительном полупоклоне, прижал левую руку к груди и сделал шаг к трону темника. Два воина за спиной монгола предупредительно опустили копья.

- О досточтимый хан! Судя по твоему бунчуку, ты являешься темником в войске Великой Орды и ведешь за собой десять тысяч всадников. Большая пайцза, - ногаец кивнул на висящую на отдельном шесте у трона большую золотую пластину с выгравированным на ней орлом. К пластине был прикреплен кожаный свиток, - говорит о том, что ты являешься полноправным представителем Империи монголов, и в этом качестве прими наши искренние заверения в уважении и гостеприимстве, которое будет тебе оказано.

Досточтимый Бектемир-бек, хотя и пребывает в почтенном возрасте, жив и здоров. Он не был предупрежден о твоем приходе и потому не смог сам прибыть. Он объезжает свои обширные земли и многочисленные стада и табуны. Земли, на которых ты находишься и начал возведение укрепленного лагеря, тоже принадлежат Бектемир-беку, но он позволяет тебе возвести эти временные укрепления на своей земле. Сам он готов принять тебя в своем становище как дорогого гостя со всем уважением и радушием. Позволь лишь уведомить его о цели твоего появления здесь и той помощи, которую ты хотел бы получить от досточтимого Бектемир-бека.

Спокойно выслушал ногайца монгольский темник. Да и действительно, зачем злиться на невежественного степняка, никогда ранее не встречавшего посланника своего властелина – Империи монголов?

Когда посланец ногайского бека закончил говорить, а его последний вопрос словно повис в воздухе, монгол медленно

расправил плечи и похрустел затекшими мышцами шеи, положив свою роскошную саблю себе на колени. Он держал паузу. О, да, пауза – прекрасный способ унизить собеседника, заставить его заострить внимание к твоим последующим словам и проникнуться к тебе уважением.

- А теперь слушай меня, недостойный кочевник Великой степи, пылинка на сапоге монгольского воина, завоевавшего полмира и готового завоевать его целиком! Ты не умрешь сейчас, только потому, что я пощажу тебя. Я хочу, чтобы ты донес мои слова всем свои родичам. И ты, и твой бек Бектемир, и ваш верховный хан Ногай являетесь смиренными данниками Орды, её послушными рабами, обязанными своей жизнью только воле монголов.

И потому я, посланник Верховного хана Батыя и сына его, хана Орды Сартака, объявляю земли отсюда и во все стороны на расстоянии дневного бега монгольского скакуна собственностью Орды. Слышите – все земли! И то, что находится под ними, и над ними, и в водах, и под водою, и над водою. Здесь будет основан новый укрепленный лагерь Орды, воины которого будут охранять рубежи Орды и вершить на её землях порядок, завещанный нам Великим Чингизханом в его Яссах.

Начальник этого лагеря получит пайцзу, дающую ему право собирать дань в пользу Орды. И горе тому, кто осмелится посягнуть на собственность и законы Орды! Ибо падет на него гнев Великого хана монголов, и сотрут его в порошок копыта монгольской конницы!

А теперь идите и донесите всем волю Великой империи монголов!

Сотник Ухо проводил посланцев Бектемир-бека до их коней, где им вернули оружие. Уже садясь в седло, старший из ногаев тихо сказал сотнику:

- Вас всего сотня воинов и полсотни рабов. Второй отряд далеко, да и не до вас ему будет. Те земли спорные, там бьются

крымчаки, булгары и калмыки. Горячо там вашим будет! Не боитесь противостоять степи? Нас – многие тысячи.

И спокойно отвечал ему сотник:

- Скоро новый поход Орды пройдет здесь. Нас все равно будет больше. И кони наши выпьют эти реки и съедят всю траву. Вашим коням и скоту она не понадобится. Их самих съедят воины Орды.

И, уже отъезжая, крикнул ногаец:

- В степи говорят, что в Сарае хана Батыя убил его брат Берке и теперь идет на сына Батыя, хана Сартака. Не будет похода сюда. Вашим саблям крови в самой Орде хватит!

Ожидали в ту ночь нападения ногаев. И в следующую ночь ожидали. Но, видимо, не посмели ногаи трогать за усы ордынского льва. Хоть и больной, но – Лев. Несколько раз нападали на группы ремесленников, что выезжали за стволами, да метали стрелы в тех, кто осмеливался рыбалить да дичь ловить. Первые могилы появились на погосте. «Зацепились за землю» - думал сотник Ухо, - «теперь наш лагерь будет жить дальше». Даже в мыслях он уже называл этот лагерь «своим», поскольку с молчаливого согласия темника давно взвалил на себя все заботы по хозяйственному и военному оснащению их поселения. Несколько раз виделся с Су-линь, даже разговаривал с ней. Здесь, в поселении это стало проще, поскольку посторонних глаз стало меньше, а прислуга сильно скучающего темника стала менее внимательной и занялась налаживанием собственной жизни. И вот однажды ночью пришло к нему ясное осознание того, что именно здесь, в этом лагере, и пройдет их с Су-линь дальнейшая жизнь. А значит, пришло время осуществлять второй этап его плана.

Не успела еще отзеленеть трава, а её метелки только налились зернами, как вокруг лагеря поставили изгородь, наладили дозорную службу. Стали подъезжать к караванам, рассказывать о лагере, где

можно было спокойно переночевать, да и стражу нанять. Первые караваны пришли в лагерь под ордынскую защиту. А где караваны, там и торг пошел. Темник понемногу платил воинам и ремесленникам, те стали покупать у купцов товары. В лагере появилась дичь и рыба, нашедшиеся среди переселенцев бортники принесли первый мед.

Заметное оживление в торг вносили наложницы темника. Получающие теперь у своего хозяина только звонкую монету, которой изрядно еще был набит его дорожный сундук, они скупали у купцов ткани и украшения, щедро платили за новые яства и специи. Но им было скучно. К тому же одна из них носила ребенка и боялась за его, да и свою, жизнь в этом отдаленном лагере. Они стали ссориться и сильно докучать своему стареющему хозяину.

По совету сотника Су-линь стала подзуживать каждую из наложниц разговорами о скуке в лагере, его ужасном климате, грядущей зиме и прелестях жизни в столице Орды. Те, в свою очередь, с помощью только им известных маленьких хитростей, настроили темника на необходимость скорейшего возвращения в Сарай. Ибо, как убеждали они монгола, его задача выполнена, лагерь построен и действует. Ведь в ставке Сартака, как шептали прелестницы на поросшее седым волосом ухо монгола, ждет его щедрая благодарность хана, который «пока еще помнит своего преданного и надежного воина».

Женщины всегда добьются своего, особенно если это совпадает с желанием мужчины. И темник принял решение. В один из дней, когда сотник, по обыкновению, зашел в шатер темника, чтобы подвести итоги прошедшего дня и наметить дела на день грядущий, старый монгол вдруг заговорил о своем предстоящем отъезде.

- Лагерь мы поставили, и жизнь в нем налаживается. Мне надо до зимних снегов вернуться в Сарай. Я возьму два десятка воинов из твоей сотни и еще два десятка сотни Гирея. Кстати, настало время

проверить, как они с беком поставили второй лагерь. Просьб о помощи от них не поступало, а значит, можно считать, что им тоже удалось закрепиться на той земле. Я должен сам увидеть тот лагерь, чтобы рассказать хану Сартаку о том, как выполнена его воля. Проверив второй лагерь, я отправлюсь в Сарай, откуда, как запланировано, вскоре подойдет большой караван с чиновниками, воинами и новыми поселенцами для укрепления этого рубежа и продвижения вперед. Я пришлю кого-либо из беков возглавить эти поселения, а вы с Гиреем вернетесь в Сарай. Вы еще мне понадобитесь.

Да, но в планы сотника это не входило. По-другому он рассчитывал завершить пребывание здесь темника и начать свою счастливую жизнь в этом месте. С трудом ему удалось уговорить темника не брать пока с собой весь свой обоз, включающий и его возлюбленную, а просто посетить лагерь Гирея, а затем вернуться и уже тогда забрать весь свой караван.

- Сейчас верблюды с поклажей свяжут ваш отряд, уважаемый. А, кроме того, пока вы проверите лагерь, мы подготовим караван в дорогу, соберем припасы, чтобы вы ни в чем не нуждались в пути. Кроме того, через несколько дней через нас должен пойти большой караван с сильной охраной. Они идут в Сарай и будут счастливы сопроводить вас!

Последний довод убедил темника, и он поручил сотнику подготовить отряд всадников к утреннему выступлению.

Конечно, сотник знал, что Гирей с беком не строили никакого лагеря. Едва отделившись от отряда темника, горячий сотник - алан и надменный монгол смертельно поссорились, и в короткой, но яростной схватке, сотник зарубил бека. После чего воины Гирея порубили всю свиту бека. Перепуганных переселенцев они не тронули, отобрали у них почти всю еду и позволили идти, куда угодно. Сами же всадники Гирея растаяли в темноте.

Об этом сотнику Ухо рассказали несколько дошедших до них переселенцев, которых перехватили в пути дозорные его лагеря. Ухо взял страшную клятву у своих воинов сохранить это в тайне и позволил беженцам организовать временное жилье в лесу. Он дал им охрану, еду и право вести лов рыбы и зверя, не показываясь в лагере и храня молчание о произошедшем.

Конечно, он не рассказал об этом темнику, совершив тем самым тяжкое преступление. Но как он мог это сделать, если услышав правду о Гирее, убившем монгола – бека, темник начал бы активные действия по поимке преступника, что в любом случае означало конец их с Су-линь мечты о счастливой уединенной жизни здесь?

И еще был у сотника Ухо тайный посланец Гирея, бывший воин его сотни черкес Давлат. Встретив сотника в поле, вдали от лагеря, Давлат передал привет от Гирея.

- Ушли мы в степь. Кто-то пошел в родные места, к горам. Большинство остались с беком Гиреем. Помогаем местным родам в междуусобицах, кормимся с караванов. Гирей передал – вас не тронем, помним наше братство. Нужна будет помощь – зовите. Степь имеет уши, услышим!

- Спасибо, брат! Гирею, вернее, беку Гирею привет передай. Я его услышал, и память у меня хорошая. Помощь нужна?

- Пока нет. Но близко зима. Всегда надо знать, где тебя накормят и дадут место у огня!

- Гирей знает, где нас найти.

Потому и направил в степь сотник Ухо своего подручного, Дьячка, сразу же после разговора с темником. Куда направил и что передать велел – о том дальше.

На рассвете темник с двумя десятками воинов двинулись в путь. Предполагалось, что уже к вечеру они достигнут цели. Воины не брали с собой запасных коней и не обременяли себя поклажей.

Лишь бурдюки с водой, да привязанные к луке седла холщовые мешочки с просоленным мясом. Мясо вялилось на скаку, на горячей коже скакуна, под степным ветром, наполненным ароматами вольных трав. Что может быть вкуснее для всадника, которому даже не надо было делать привал для утоления жажды и голода! Но привал все-таки был запланирован. Для тучного темника, отвыкшего уже от многочасовой скачки, которому полагался отдых в тени раскидистого дерева, жаренная на углях баранина и глоток холодного кумыса.

В это время в лагере, помимо повседневной работы и службы, шли сборы поклажи темника, отъезд которого с караваном должен был состояться через несколько дней. Коптили и солили мясо, заливали фляги медовухой, под завистливыми взглядами наложниц упаковывали щедрые подарки ордынским чинушам и их женщинам. Накануне сотнику удалось накоротке переговорить с Су-линь, и она следовала его совету. Сначала, покашливая и словно вытирая пот со лба, она обратила на себя внимание одной из наложниц темника. Той, что ждала ребенка.

- Ты что, Су-линь? Не заболела ли?

- Что-то нездоровится. Видимо, эти сборы… Бегаю, то во двор, то к огню. Как бы этой простудой вас не заразить. Ребеночку-то это вредно.

- Да, уходи к себе! Эй, пришлите ей лекаря!

Лекарь - китаец осмотрел Су-линь, не нашел ничего тревожного, но рекомендовал полежать пару дней и не приближаться к будущей мамаше. Су-линь выделили отдельную юрту, где она быстро собрала свои немногочисленные, но такие ценные для женщины вещи и стала ждать.

Была уже ночь, когда сторожевые у главных ворот, освещенных двумя кострами, ударили в висящее на цепи било и, услышав с той

стороны знакомые голоса, спешно открыли ворота. На площадь лагеря въехал отряд воинов, утром отправившийся в лагерь Гирея. Меж двух лошадей, на сплетенных из веток и ремней носилках лежало грузное тело темника. Тело громко стонало, но позволило занести себя в свой шатер. Сотник Ухо, раскидав и выкинув из шатра причитавшую и визжавшую челядь, приказал привести лекаря и наклонился к лежащему на ковре монголу.

- Что случилось?

К чести старого воина, он превозмог боль и даже попытался приподняться, схватившись за руку сотника. Тот подложил под голову монгола кожаную подушку и снял с седой головы шлем.

- Стрелами… На привале…, - только и успел прошептать темник, провалившись в беспамятство.

Пока лекарь с помощником снимали с темника боевое облачение и осматривали раны, сотник отвел в сторону десятника, командовавшего отрядом.

- Рассказывай!

- У дуба предложил ему привал. Тот сразу согласился. Видать, устал такое брюхо на коне трясти. Спешились. Он сразу отошел в траву, видать, по нужде. Как стрелы метали, мы сразу не увидели. Услышали его стон. Подбежали – две стрелы торчат. Из груди и из ноги. Хорошо стреляли – прямо в нагрудник и в ногу навылет.

Сотник сразу пресек насмешливые нотки в голосе десятника.

- Искали?

- Сразу бросились. Да где там. Трава - в рост воина. Копыт не слышали. Если после стрел залегли, могли рядом пройти и не увидеть. Да и темника спасти хотели, носилки сплели и сразу сюда.

- Ну и молодцы! Стрелы где?

- Вот они. Сломать пришлось одну. Ту, что в ногу. Иначе не выходила, - десятник протянул две завернутые в тряпицу стрелы, одну - сломанную пополам.

- Чьи стрелы? Не узнаешь?

- Да кто его знает? Камыш местный, перо птичье, а било каменное примотано…

- Так это ногайская стрела. Такие в наших пускали, помнишь? – сотник в упор посмотрел на своего воина. Тот в задумчивости поскреб, было, а затылке, но быстро понял.

- Конечно, ногайская! Чья же еще…

- Так и говори всем – стреляли ногаи. Стреляли специально по монгольскому темнику. Аж две стрелы пустили в него. Мстили за землю.

- Да понял я, Ухо, не сомневайся.

Осмотрев темника, лекарь смазал раны какой-то вонючей жидкостью и перевязал.

- Раны не смертельны. Хорошо, что доспехи были на нем. Но тело уже не молодо, нужен покой и хорошее питание. Я буду за ним ухаживать.

- Спасибо. Я очень переживаю за своего начальника. Вот тебе, - он дал лекарю золотую монетку, которую тот стремительно спрятал в широком рукаве своего халата, - когда досточтимый темник поправится, ты будешь вознагражден.

- Да, кстати, он сможет перенести путешествие домой? В караване, в удобной кибитке. С любимыми женщинами и тобой, драгоценный?

- Я не совсем уверен…

- Вот и прекрасно, - сотник кинул лекарю еще одну монету, которую тот поймал с ловкостью фокусника, - он так хочет домой, где его действительно смогут вылечить. А то здесь, не дай Бог…

- Да, да, конечно, - лекарь изогнулся в поклоне.

И. уже подходя к выходу из шатра, сотник повернулся к лекарю.

- Мне сказали, что в прислуге досточтимого господина есть еще одна больная? Не опасно ли это для его здоровья?

- Нет, нет. Она просто простудилась.

- Не надо рисковать здоровьем хозяина. Пусть он едет без лишней больной, под вашим присмотром. А её я пришлю позже. Если выздоровеет.

Третью монету сотник достал и показал лекарю, который был готов даже прыгнуть за блесткой золота. Но Ухо опять спрятал монету в кошель.

- Когда сядете в повозку каравана, и я увижу, что мне не о чем беспокоится.

Лекарь покорно кивнул. А что еще ему оставалось делать?

Вечером в юрту сотника пришел Дьячок в сопровождении густо заросшего бородой человека в низко надвинутой на глаза мохнатой шапке. Всмотревшись в пришедшего, сотник обнял его.

- Ну, здорово, брат.

По знаку сотника, Дьячок пошел проверять, нет ли посторонних ушей у юрты, а сотник и его «брат» еще долго о чем-то тихо переговаривались у мерцающего костра. После чего сотник позвал Дьячка, и тот вывел гостя за ворота. Уже отъезжая, гость спросил:

- Эй, уважаемый, а чего это Ухо тебя Дьячком зовет? Раньше, как я помню, у тебя другое имя было.

- В Орде называли Бикташем. Но какой я Бикташ, я-христианин, крещеный, здесь помогаю в церкви нашему батюшке, отцу Онуфрию. Тоже из наших, из ордынских. Так и кличут теперь с его легкой руки – Дьячок. Мне нравится! Всё лучше, чем Бикташ.

Утром темник действительно почувствовал себя лучше. К чести старого воина, он не стал исполнять роль героя, который мечтает только о мести и готов остаться здесь, в лагере, до тех пор, пока лично не убедиться, что Орда стоит здесь незыблемо. Свое воздействие оказали и нашептывания наложниц, и увещевания лекаря, которые очень уж хотелось уехать из этой глуши в роскошь и привычную среду Сарая. Пришедший к нему днем сотник Ухо поведал, что усилил наряд дозорных, пообещал награду за сведения о тех, кто посмел напасть на посланника Великой Орды.

- Напали ногаи. Мы узнали стрелы. Такими убили и ранили несколько наших, как вы помните. Отношения у нас с ними напряженные, встретиться и поговорить не получится, но я послал лазутчиков к их стойбищам проследить, не готовят ли они большого похода. А еще я направил гонца в лагерь Гирея и пригласил его и бека, от вашего имени, разумеется, прибыть сюда. Вы – их начальник, и они должны сообщать, как выполняется приказ ваш.

Раненый монгол качнул головой в знак согласия и показал еще слабой рукой, что сотник может идти.

Два дня лагерь гудел, ожидая вестей от посланных к ногаям лазутчиков. Но тревожных дымов не было, а вернувшиеся разведчики сообщили, что в стойбищах все спокойно.

- Видимо, стрелял кто-то из одиночек, как и раньше. Надо усиливать охрану, дозорную службу и готовить новых воинов из растущих подростков и тех горемык, что бродят по степи и прибиваются к нам, - и далее Ухо подробно рассказывал темнику, что именно он делает для укрепления лагеря. Естественно, в интересах Орды.

К концу второго дня темнику сообщили, что прибыл сотник Гирей с десятком всадников.

- Великий господин, что с вами? – заросший по самые глаза черной бородой, сотник Гирей встал на колено у ложа темника и стащил черную меховую шапку с бритой головы.

- Да тебя не узнать, Гирей! Зарос, как зверь. И шапка звериная. Как лагерь? Построили? Дозор наладили? А где бек, почему не приехал?

- Начну с печальной новости – бек ушел в лучший мир. Ветер с южных пустынь принес к нам страшную болезнь, и мы многих потеряли.

Увидев, как отшатнулся от него темник, Гирей поспешил его успокоить:

- Не тревожьтесь. Болезнь ушла, мы научились с ней бороться. Но местные говорят, что раз в несколько лет она возвращается.

Далее Гирей подробно рассказал, как они обустроили лагерь и как несут службу. Но было видно, что после рассказа о «страшной болезни из южных пустынь» темник не захотел более задерживать сотника и спешно попрощался с ним. Уже выходя, Гирей набрался наглости и попросил денег на содержание лагеря, сказав, что всё, «ранее привезенное беком», они истратили. Хитрый темник, которому деньги были нужны самому, сказал, что выдаст Гирею пайцзу, позволяющую брать дань на содержание лагеря с окрестных стойбищ. Услышав такую приятную весть, «сотник» Гирей повеселел и, выходя из шатра, лихо подмигнул смиренно стоящему действующему сотнику Ухо. Вечером они по-настоящему отпраздновали встречу, и щедро разведенный в юрте костер услышал и хвалебные речи, и стук сдвигаемых чашей, и даже гортанные степные песни их прошлого, ибо других совместных песен у них не было. Им вторили их воины, сидящие у костров вокруг

юрты и заглушавшие свои неподдельным весельем все беседы, которые велись сотниками. За воинами внимательно смотрел Дьячок, точно знавший, что ничто так не радует чужие уши, как развязанный в хмеле язык.

Наутро, когда еще не отошедший после вечернего пира Гирей только оторвал голову от ковра и припал к чаше с кислым молоком, сотнику доложили о том, что в лагерь к вечеру подойдет тот самый караван, с которым Ухо планировал отправить в Сарай темника и его челядь. Естественно, без Су-линь. Об этом караване, самом большом караване перед снегами, знал не только сотник Ухо, но и весь лагерь. Оживленная торговля, которую поддерживали его обитатели и окрестные племена, сделала их участниками большой товаро - денежной цепочки, которая сложилась вдоль этого участка торгового пути от Китая до берегов Египетского и Финикийского морей. У купцов заказывали необходимые товары, те, в свою очередь, заказывали товары у местных, точно определяя, к какому времени должен состояться обмен или купля – продажа. Путь этого каравана проходил через новый Сарай, основанный ханом Сартаком между реками Итиль и Шир.

Караван прибыл. Целый следующий день на площади шумела торговля. К лагерю подошло множества представителей кочевых родов и лесных обитателей, и сотнику Ухо, скрепя сердце, пришлось открыть ворота и разрешить торжище у самых стен лагеря. Здесь действовало незыблемое правило – на время торга забывались все распри. И даже удвоить дозорную службу Ухо не мог. Все хотели быть на большом торге, и дозоры поменялись в полдень, дабы все воины смогли окунуться в волнующий мир восточного базара. Вся свита темника кинулась на рынок, как в последнюю свою битву, стремясь запастить диковинными для Сарая товарами с севера – рыбной костью, медом, мехами. На целый день все забыли о Су-линь, чем и воспользовался сотник, тихо перевезший её в церковь к своему старому товарищу – отцу Онуфрию. Пока все бились за товары и цены, сотник Ухо привел к темнику старшего караванщика.

Конечно, он заранее подготовил и одного и второго к этой встрече, поэтому договаривающиеся стороны быстро пришли к согласию, обеспечивающему интересы обеих сторон. Да и действительно, о чем тут говорить? Караван-баши получил темника с большой ордынской пайцзой, дающей неограниченные возможности на территории Империи монголов, а темник – возможность в комфорте, медленно и со всеми удобствами следовать домой, к ожидаемой награде.

Вечером, когда все собирались в дорогу, к темнику пришел сотник. Прощание было недолгим. Темник назначил сотника командиром лагеря и вручил тому малую пайцзу, дающую право собирать дань с окрестных стойбищ и родов в интересах Орды, а также объявляющую власть сотника, как представителя Орды, на все земли «на расстоянии дневного бега скакуна во все стороны от лагеря».

Еще слабым голосом темник отдавал последние распоряжения:

- Денег на содержание лагеря тебе не оставляю. Мы все потратили. (Ухо сам видел, как тяжеленный кованный сундук с казной темника грузили на двух верблюдов, а две его наложницы носились по торжищу с увесистыми мешочками со звенящей монетой). Вернусь в Сарай, договорюсь с ханом, чтобы прислали тебе замену, тогда и новый представитель Орды с деньгами приедет. Тебе доверяю, потому и оставляю пока лагерь на тебя («А кому же еще доверять, пузо ты монгольское?» - думал при этом сотник, сохраняя на лице смиренное выражение).

Наступал решающий момент беседы. Сотник уже, было, хотел заговорить сам, но темник его опередил.

- За твою службу и умение держать язык за зубами, - он многозначительно посмотрел на сотника. Тот всё понял. «Не хочет, чтобы я рассказывал о том, что второй лагерь он так и не видел. А

деньги, небось, себе взял!» - хочу наградить тебя. Говори, чего ты хочешь?

- Здесь остается твоя больная повариха, Су-линь. Если отойдет в лучший мир, не вини меня. А если выживет, отдай её мне. Пусть готовит и ведет мой дом. Я уже не молод и одинок.

Темник, лет на десять старше сотника, некоторое время глядел на него с недоверием. «Если откажет, поясом задушу! Скажу, сам от ран умер!» - рука сотника уже начала потихоньку развязывать боковой узел суконного пояса, но темник вдруг улыбнулся:

- Ладно, шайтан. Бери! Эй, писарь! – из-за неприметной ширмы за спиной темника выскочил невзрачный человечек с ящиком для письменных принадлежностей. – Напиши ему бумагу, какую надо, на Су-линь!

И, обращаясь к сотнику, добавил, стараясь спрятать в своих узеньких глазках радость от того, что сумел так задешево отделаться.

– От себя отрываю. Моя лучшая служанка… Береги её!

По спине сотника побежали холодные струйки пота. «А я думал, мы в шатре одни. Там, небось, еще и стражники есть…»

Поблагодарив темника и сжимая в руке свиток, скрепленный личной печатью монгола, Ухо вышел на свежий воздух. «Всё! Дело сделано! Удалось! И лагерь мой, и Су-линь, моя ненаглядная. И всё законно. Вот бы еще подмена не подошла. Но, думаю, хану Сартаку сейчас не до дальних рубежей, а там видно будет. В любом случае, год у нас есть. А там, либо темник умрет, либо хан, нам и то и другое – хорошо.»

И ведь как в воду смотрел тогда сотник Ухо.

Пользуясь привилегией рассказчика, отойдем от нити повествования и заглянем вперед и далеко от того рубежного лагеря.

Темник благополучно дойдет в караване до Сарая и сразу попадет в водоворот дворцовых интриг. Против ордынского хана Сартака плел заговор его дядя Берке, уже убивший отца Сартака великого хана Батыя. Бывалый воин, но плохой царедворец, темник не разобрался в текущем моменте, сгоряча объявил себя и своих десять тысяч сабель сторонниками Сартака. Видимо, крепко надеялся на награду за основание рубежных лагерей. Но его отравили. Прямо на пиру в его доме в честь прибытия. Отравили вместе с женами, детьми и наложницами. Да и теми, кто не удержался и попробовал тех яств.

Сам Сартак был отравлен через день. Много было яду у сторонников хана Берке. Может, не только ковры и меха привез тот караван от хитроумных италийцев, уже тогда известных всему миру как умелые парфюмеры – отравители? Но история о том умалчивает. А то вдруг обидятся китайцы, тоже не простаки в деле подпортить какими-нибудь хитрыми присадками чужое здоровье. Особенно монголам, когда-то завоевавшим их Поднебесную империю.

А про рубежный лагерь, подмену его команды, как и жалование в Орде забыли. По крайней мере, на описываемый нами период.

Все эти мысли и воспоминания приятной волной пронеслись в памяти атамана, но не успел он прикрыть глаза, как третий петушиный крик возвестил о начале нового дня. И хотелось понежится с рядом с такой теплой и щемяще-родной Су-линь, которую он уже давно в мыслях называл «Василёк», но такой ворох дел ждал его впереди, что, не раздумывая, он открыл глаза и вылез из-под покрывала. Плеснув в лицо ледяной водой и наскоро одевшись, он вышел в морозную свежесть. Толкнув зевающих в дремоте стражников, посмотрел на площадь. Жизнь в лагере уже вовсю кипела. Женщины гнали скот на выпас, над кузней клубился дым горнила, спешили по своим делам всадники, вокруг церквы

толпился народ. Из-за бревенчатых стен городка слышались воинственные крики, удары сабель, и клубилась пыль. «Ярый своих тренирует и показывает, что лагерь хорошо охраняется. Молодец, точно выполняет приказ» - атаман отметил про себя дисциплинированность нового сотника. Прибыли посланные еще ночью к месту вчерашней сечи лазутчики. Сообщили, что на рассвете туда подтянулись несколько отрядов ногаев и целый обоз женщин. Воины внимательно осмотрели всех павших и увезли с собой тела Бектемира, Керима и еще нескольких знатных ногаев. Женщины искали своих родственников и увозили их в стойбища. Никаких недружественных в адрес лагеря криков и действий лазутчики не заметили.

Когда солнце уже было в зените, прискакал Чуб со своим отрядом. Ему было поручено отследить обстановку в нескольких крупных стойбищах ногаев, поскольку атаман всерьез опасался большого похода против себя. Чуб заверил, что в стойбищах все спокойно, и воины находятся на своих обычных местах, с отарами, стадами и табунами.

Не было только гонца, которого атаман посылал в отряд Гирея, но это было уже не так важно. Просто атаман хотел знать, поможет ли ему Гирей в случае большого нападения ногаев на лагерь. Гонец прибыл только к ночи, подтвердив, что Гирей со своими людьми придет на помощь, если она понадобится.

Ближе к вечеру на площади начались приготовления к празднику, обещанному атаманом по случаю «Божьего промысла по отводу нечистой угрозы от лагеря», как об этом торжественно огласил с крыльца церкви отец Онуфрий. Колотили и ставили длинные столы и скамьи, развели несколько костров, над которыми поставили вертела для уже освежеванных бараньих туш. Варился сбитень и душистые травяные взвары. Выкатили и установили две

бочки с медовухой и, лично от атамана, бочонок фряжского вина, который поставили на главный стол.

Как стемнело, по краям площади зажгли факелы. После отслуженного молебна радостный и нарядный народ выкатился к столам и, рассевшись по скамьям, начал торжество. В отличие от ордынских традиций, славянские женщины и мужчины сидели за одними столами. Исключение составлял лишь атаманский стол, где сидели командиры, и стоящий несколько в стороне так называемый дастархан – накрытый коврами помост, где в привычной позе сидели, скрестив по себя ноги, мужчины - степняки, еще не освоившие славянские застольные традиции. Их женщины, пряча лица за шелковыми платками, подавали на дастархан еду и питье, ибо отнюдь не чурались гордые сыны степей хмельных напитков.

Лекша, свободный в этот вечер от дозора, привез в лагерь Гюльсан. Ему самому было выделено место за атаманским столом, а Гюльсан наотрез отказалась как сидеть за общим столом, так и присоединиться к женщинам – степнячкам. Возникшую, было, неловкость сгладила Су-линь, взявшая Гюльсан за руку.

- Пойдем со мной. Я тоже не хочу сидеть с мужчинами за столом. Я пока тебе все расскажу и покажу. Пусть гуляют! А мы походим, а потом в доме у нас посидим, пироги попробуем. Любишь пироги? Не пробовала? Так пойдем пробовать!

Эту сцену видел отец Онуфрий, сказавший атаману:

- Правильная у тебя жена. Да, да, жена! Всё равно окрещу её и обвенчаю вас. Нет таких грехов, чтобы отмолить нельзя было.

Был за атаманским столом и Ярый, чьи новички тоже нашли себе место на площади. Ярый привез в лагерь Ваньшу, которого хотел показать лекарю. Раненый чувствовал себя лучше, но был так слаб, что недолгая поездка верхом отняла все силы и он едва доковылял до лекарской избы, сложенной из толстых бревен. Принявший его лекарь уложил раненого на лавку и осмотрел рану. Бормоча себе под нос какие-то непонятные заклинания,

нелюдимый с виду знахарь поменял повязку, положив под неё на рану кашицу из трав и корешков.

- Полежишь здесь. Потом другую повязку тебе дочь моя сделает. Мне еще надо других осмотреть. Много вас, увечных, нынче развелось.

И, накинув на плечо холщовую суму, сутулясь и косолапя, вышел из дома. Ваньша прикрыв глаза, чувствуя, как на него накатывает волна жара. Захотелось пить, но он не мог даже пошевелиться, чтобы встать и поискать воды. Вдруг он почувствовал маленькую прохладную руку на своем пылающем лбу. Потом к его рту поднесли ковш с прохладной водой, и он стал жадно пить. Жар постепенно спал. В доме приятно пахло травами, в печи уютно потрескивали дрова. Горница была опрятной и казалось маленькой из-за развешанных на всех стенах пучков трав и связок сухих грибов и корешков. Ваньша поискал глазами образ в углу, над столом, ставший для него уже привычным в деревянных домах русичей. Но угол был закрыт занавеской. Зато за столом, лицом к нему, сидела молодая девушка, молча перебиравшая ворох трав, лежащий перед ней. Увидев, что Ваньша пришел в себя и смотрит на неё, она улыбнулась ему. И столько доброты, спокойствия и нежности было в той улыбке, что воин просто растворился в ней. Голова девушки была крыта белым платком с кружевной оборкой, закрывавшей её лоб до самых бровей. Из-под платка на высокую грудь девушки падала толстая, в руку, темно-русая коса. В сумраке избы Ваньша не смог разглядеть, какого цвета были у девушки глаза, но они были прекрасны, а ямочки у уголков рта, особенно заметные, когда она улыбалась, делали её образ неизъяснимо притягательным.

- Ты кто? Это ты давала мне воды? - спросил он хриплым от долгого молчания голосом.

Девушка не ответила, взяла ковш, стоявший рядом с ней и знаком спросила, не надо ли ему еще воды.

- Пока не хочу, спасибо. А ты что не говоришь? Языка нашего не знаешь?

Девушка печально покачала головой, поднесла ладошку ко рту и показала, что не может говорить.

- Но ты ведь меня слышишь и понимаешь?

Она утвердительно покачала головой. Ваньша приподнялся поудобнее на лавке, намереваясь продолжить свои расспросы, но в этот момент дверь отворилась, и в избу вошел лекарь. Увидев сидящего Ваньшу и девушку с ковшом воды, он буркнул:

- Вижу, познакомились. Давай, паря, я тебе повязку поменяю. Бой-траву уберу, а положу сон-траву. Спать хорошо будешь, да и рана заживет быстрее. Надо бы тебе её дома положить, но ехать к тебе далеко. Так что или сонного тебя твой Ярый отвезет, или поспишь здесь.

Пока лекарь менял повязку, Ваньша спрашивал:

- Это твоя дочь? Почему она не говорит?

Долго лекарь не отвечал, потом тихо начал:

- Не хотел твое любопытство тешить, но все равно узнаешь. Лучше от меня… Дочь моя Рада замолчала, когда на её глазах мать её, жену мою, татары срубили. Она Раду телом свои защищала и получила удар саблей. Раду хотели в полон забрать, но зашлась она в крике, упала без движения как мертвая. Пена пошла изо рта. Татары испугались и бросили её. Я в лесу на промысле был, не видел этого. Мне потом сосед, спрятавшийся тогда в яме, всё рассказал. Я Раду отпоил травами, выходил, но речь к ней не вернулась. Из тех мест ушли, не могла она там быть. Прибились к атаману, дом вот поставил. Людей пользую. Рада сердцем отошла, мне помогает. Не обижай её, не то…

- Да что ты, старик. Я сам за неё…

- Здесь меня Ведун кличут. Иное имя уж забыл. А дочку свою уж сам как-нибудь защищу. Сил еще хватит! Дочка, дай–ка болезному отвара целебного.

И снова эта прохладная рука, эти бездонные глаза. А они, оказывается, зеленые…

И провалился Ваньша в сон. И снилось ему бесконечное поле, дышащее спелыми колосьями. И он, Ваньша, в простой рубашке, без оружия, идет по полю об руку с Радой. Идут они туда, где солнце встаёт над полем, давая своими лучами свет и жизнь.

Пробудился Ваньша от прикосновения уже другой руки. Жесткой и холодной. Она трясла его за плечо, вытряхивая из кокона мечтаний.

- Пора, Ваньша. Поехали домой. Спасибо, лекарь, - Ярый попытался дать Ведуну монету, но тот спокойным жестом отверг плату.

- Ничего не надо. Когда сам на коня взлетит птицей, тогда сквитаемся. И, может, не только деньгами… - и на обычно хмуром лице старого лекаря на мгновенье появилась озорная улыбка, и он подмигнул Ярому.

Такое поведение Ведуна могло бы озадачить Ярого, но он всецело был погружен в свои мысли, пытаясь понять, что же произошло на площади. А на площади пировали от всей души, как умеет это делать раздольная славянская душа и примкнувшие к ней «братские» народы. Сказано, выпито и съедено было немало. Притащили и третий бочонок медовухи, и атаман разошелся еще на один большой кувшин латинянского вина. Вокруг костров слились в хмельных танцах все, кто мог не только стоять, но и изобразить ногами какое-либо коленце. В разных концах площади раздавались песни. Слова, язык и напевы могли быть разные, но их объединяла общность их лагеря и совместная победа. Ибо ничто так не

сплачивает людей, как труп убитого врага. И даже отец Онуфрий, в расстегнутой рясе, под которой многие увидели не снятую кольчугу, не смог перекрыть свои громовым голосом и ссылками на слово и промысел Божьи веселье народных масс.

И тут, как черт из табакерки, выскочил сотник Чуб. Сначала посидевший и хорошо выпивший за столом атамана, он ушел потом к своему отряду, так и сидевшему особняком за одним из столов. Там, под здравницы в свою честь, на которые не скупились его люди, он быстро дошел до сильнохмельного состояния. Покачиваясь, он вышел на середину, и, внезапно выхватив саблю, рубанул ею по блюду, стоявшему перед атаманом, отцом Онуфрием и Дьяком. Те отшатнулись. Ухо и батюшка лишь побледнели лицом, а Дьяк схватился за боевой нож у себя за поясом. Площадь замолкла.

Чуб медленно убрал шашку в ножны и, покачиваясь, начал бросать слова в лицо атаману.

- Думаешь, если тебя тогда круг прокричал атаманом, ты и сейчас атаман? Расскажи всем, как ты крутишь шашни с ногаями, стравливаешь их меж собой, и они тебе за это платят. А потом убивают наших людей, мечут в них стрелы возле самого лагеря. Как ты сговариваешься с латинянами, чтобы пустить их отсюда, со стороны Фряжского моря, в земли русичей? Откуда у тебя вино фряжское, и монеты на торжище ходят фряжские? И дом твой набит добром, а воины нищие ходят. Караваны охраняешь, а плату за это себе берешь? Таишь ото всех, что нету никакого лагеря гиреева рядом, и одни мы в этой степи, а сам Гирей давно караваны грабит и с тобой в доле? Отказался из-за китаянки своей от кошта ордынского! А сам с ней в грехе живешь, с инородкой невенчанной! Не люб ты нам более, как атаман! Правду говорю, браты?

От стола, где сидели люди Чуба, донеслись, было, нестройные хмельные крики – «Не люб! Чуба атаманом! Даешь добычу всем!» Но крики эти быстро замолкли, потонув в общей тишине. Ярый с Лекшей растерянно смотрели вокруг, не понимая, что происходит.

Народ на площади стал быстро расходиться, и скоро среди покинутых столов и лавок остались лишь несколько островков людей, вдруг почувствовавших разобщение. Чуб, которому так никто не сказал ни слова, резко развернулся и пошел к своим людям, сразу образовавшим кольцо вокруг своего сотника. Несколько десятков воинов подошли поближе к атаману, ожидая от него если не распоряжений, то хотя бы слов. Ухо молчал, играя желваками и сжимая кулаки.

Пауза затянулась. Чувствуя необходимость разрядить обстановку, отец Онуфрий начал, откашлявшись:

- Однако, выпил сотник лишнего. Много ереси наговорил…

Атаман прервал его.

- Если говорят, значит, ответ держать надо. На трезвую голову. Завтра, по полудню, созывай, отче, круг.

И. обращаясь ко всем:

- Помогите порядок здесь навести. Как друзей прошу. И службу нести надо. Ногаям наши дрязги только в радость.

Лекша хотел забрать Гюльсан домой, но Су-линь попросила оставить её у себя до завтра. Десятник вопросительно посмотрел на атамана. Тот кивнул головой. Женщины легли на кровать за полог и еще долго шептались о чем-то своем, сокровенном. Атаман бросил себе на пол у скамьи пару бараньих шкур и лоскутное одеяло. Мысли снова пытались лишить его сна, но два тяжелых дня и бессонная ночь взяли своё, и он уснул, словно провалившись в омут.

Утром жизнь потекла по, казалась, налаженному уже распорядку. Женщины отогнали скот на выпас, раздул своё горнило кузнец, распахнутая дверь церкви впускала и выпускала прихожан, сверявших свою жизнь с божьими заповедями и своей совестью. Но не было слышно ни веселых криков гарцующих на горячих конях

парней, ни смеха, ни детского щебетанья. Даже куры, словно предчувствуя что-то необычное, прекратили свое вечное квохтанье, и только петухи, исполняя, как воины, свой долг, отмеряли своими криками ход времени. Лекша со своим десятком направился в дозор, немного жалея о том, что не сможет вечером воочию убедиться в справедливости решений, принимаемых на круге. Ярый же был готов принять участие в этом народном форуме, мысли о котором ему навевали смутные воспоминания из далекого детства, где рассказы о новгородском вече были частью жизни и гордости русичей. Его новобранцы, которые еще не были приняты в воинское братство и потому не имели права голоса на круге и не допускались туда, с тревогой спрашивали у своих наставников о том, что может для них означать решение круга. О своем решении принять участие в круге решительно заявил и Ваньша, добавивший, что заодно ему надо зайти к лекарю и «сменить повязку».

Активно готовился к кругу и Чуб, люди которого обходили воинов, ругая атамана Ухо и превознося достоинства сотника Чуба. И если в атаманской сотне их выгнали взашей, то в других местах к их словам прислушивались. К отцу Онуфрию, самому влиятельному, после, разумеется, атамана, человеку в лагере, зашел сам Чуб. Размашисто перекрестившись на образ в углу маленькой комнатки при церкви, где жил батюшка, сотник начал свою речь. Перечислив все просчеты атамана, Чуб сделал особый упор на греховном сожительстве атамана с некрещеной женщиной, а также на дружбе Уха с разбойником Гиреем.

Батюшка внимательно, не перебивая, выслушал сотника, дождался, когда тот, иссякнув, замолчал.

- Что сказать тебе, сын мой? Всё, что ты наговорил мне про атамана, суть есть вымысел и тщеславие твое. Я атамана знаю много лет, еще по Сараю, где он молодым еще воином пришел ко мне в церковь. С тех пор жизненные пути наши идут рядом, и никто не сможет это изменить, разве что оборвав наши жизни. И из Сарая вместе пришли мы сюда, и даже секлись пару раз вместе, спина к

спине. Да, сын мой, я – служитель Бога, взял в руку саблю, чтобы отразить неприятеля. Был когда-то воином, тоже в Орду в тамге пришел… Атаман крут, упрям, силен своим нравом. Потому и прокричали его единодушно атаманом тогда, на первом нашем круге. Те прокричали, кто знал его хорошо, и знал его всякого. Но не подлого, вора или предателя. И такой он нам нужен. Всем нужен, кто хочет здесь жить по совести и закону Божьему.

Теперь по порядку. Насчет сговора с ногаями. Это такая чушь, что и говорить о ней не буду. Сам ты был на военных советах и всё знаешь. Здесь ты просто врешь.

Да, Гирей не стал ставить лагеря, ушел со своими людьми на вольный промысел. Живет своим станом, законы соблюдает, степняки его уважают. И крови он беспричинно не проливает. Иначе сами степняки его давно бы извели. С атаманом они знаются еще с Орды, вместе шли сюда, и людей того, первого, отряда разделили по воле их. Каждый сам выбрал свой путь. У Гирея – не русичи. Аланы, черкесы, кумыки, булгары и даже ногаи. Живут, как издревле привыкли. И нам они не враги, а союзники. Может, когда и к нам присоединятся. Пока же Гирей не пойдет под нашего атамана. Гордый! Они оба были равными, сотниками. И здесь ты, сотник Чуб, не прав.

Теперь о Су-линь. Она наполовину китаянка, наполовину наша, из русичей. Веру выбирает серьезно. Она – моя духовная дочь, исповедуется. О том и на круге скажу. Придет время, сама захочет креститься. Тогда и повенчаю их.

Бузу ты затеял серьезную. Всё решит круг. Не думаю я, что большинство встанет на твою сторону и прокричит против атамана. Ты проиграешь. Но прошу тебя, как собрат твой, как служитель Божий, прошу – не вбивай клин дальше, не уводи людей своих из лагеря. В тебе гордыня вскипела, натура твоя буйная. Ты – вожак, и под другим тебе ходить несподручно. Не затевай войну, не лей крови в угоду собственным порокам, не рушь храм, который мы с

атаманом стали строить здесь. Прокляну! Атаман мстить не будет, обещаю, но и ты… Надумаешь уходить – иди с миром. Останешься – помни, что жизнь изменилась, и прежней уже не будет. Ты зародил в головах людей крамольные мысли мнимого обогащения и мнимой воли. Их не бывает! Ты призываешь к вольнице, к вседозволенности, к власти сабли над установившем укладом. Он даже не установился еще, мы только пытаемся это сделать. А ты открываешь в людях их звериное нутро! Одумайся, Николай! Тебя ведь именем Николая – Чудотворца нарекли, что словом и добрым делом исцелял. А ты? Что делаешь ты? Кто ты есть? Что ты несешь этим людям, своей судьбою поставленных на рубеж двух миров? Подумай, крепко подумай, с чем на круг выйдешь. А сейчас иди! Мне на службу надо.

Мятежный сотник, выслушавший отца Онуфрия молча и с упертым в стол взором, выпрямился во весь свой могучий рост и, тряхнув своей буйной головой, гордо заявил:

- Не Николай я, не прежний Кольша! Я – Чуб, атаман Чуб, и другим мне не бывать! Увидимся на круге, отче. Обиды подленькой ни на кого не держу, но свою правду имею и биться за неё буду!

Вышел из горенки, не перекрестив лба, и, грузно вбив свое мощное тело в седло, направил коня прочь от церкви.

Над поселеньем нависла тягостная тишина. Даже небо, с утра решившее, было, засыпать свежим снегом истоптанные улочки и центральную площадь, вдруг задумалось, разогнало снежные облако и просто засияло холодной синевой. Когда солнце встало точно над головами, прогнав тень от церковного креста, ударил колокол, три удара которого созывали на круг всех, имевших право громкого голоса. Народ ждал этого сигнала, и не успел еще отзвук последнего колокольного удара замереть в морозном воздухе, как площадь стала быстро заполняться людьми. Ближе к атаманскому крыльцу столпились те, кто был принят в их сообщество и мог участвовать в обсуждении и принятии решения. Их набралось около

двух сотен мужчин. Некоторые из воинов были с бунчаками своих отрядов. Это означало, что они представляли своих сотоварищей, несших в этот момент дозорную службу. В переулках, втекавших в площадь, толпились те, кто не имел права голоса, но хотел своими глазами видеть, и хотя бы гулом и ропотом принять участие в решении своей участи. Ибо все понимали, что решается не просто судьба атамана Уха, но и вопрос их будущего, такого неясного в этом беспокойном уголке Степи. Это были женщины, старшие дети и те, кто еще не был принят в «круг».

На крыльцо вышел атаман Ухо. В простом бараньем тулупе, белоснежной меховой папахе, он был величав и спокоен. Лишь рука его, крепко, до белых костяшек пальцев, сжимавшая рукоять боевой сабли, выдавала его волнение. За спиной атамана стояли Дьяк и отец Онуфрий, осенивший толпу крестным знамением. Ярый, пришедший на площадь одним из первых и занявший место на высоком церковном крыльце, внимательно смотрел за происходящим. Он видел, как подошел Лекша со своим десятком и встал у самого атаманского дома, как там же заняли место свободные от службы воины атаманской сотни. Ярый заметил, как на площадь вышел прихрамывающий Ваньша, которого поддерживала за локоть невысокая статная девица в повязанном на самые глаза платком. Ярый признал в ней ту самую дочь лекаря, что накануне меняла его воину повязку. Он заметил, что собиравшиеся на площадь люди словно разбиваются на три неравные группы. Одна столпилась вокруг воинов атаманской сотни, к которой примкнули и Лекша со своими людьми. Вторая – явно менее многочисленная, но внешне более активная и озлобленная, стояла в другом конце площади вокруг сотника Чуба. Третья же группа, самая многолюдная, занимала весь центр площади, Люди там переговаривались друг с другом, сходились в группы и вновь расходились, отчего складывалось впечатление, что это – живой, шевелящийся клубок, мерно гудящий и ищущий места, куда можно тихо перекатиться и застыть.

Ярый обратил внимание, что при появлении на крыльце Уха толпа не разразилась приветственными криками, как вчера, когда атаман вышел к ним после победы над ногаями. Лишь со стороны атаманцев раздалось несколько голосов, но они не были подхвачены остальными.

Площадь выжидательно застыла.

Атаман сделал шаг вперед, и, подняв над головой сжатую в кулак руку, начал говорить.

- Братья! Вчера, когда мы отмечали нашу бескровную победу, один из вас бросил мне в лицо обвинения и предложил сместить меня с места атамана. По нашим неписанным, но уже утвердившимся законам, данные обвинения подлежат рассмотрению на Большом Круге, который и решит судьбу как обвинителя, так и атаманства.

Итак, сотник Чуб! Выходи и повтори всему Кругу, что ты ставишь мне в вину. Я отвечу, а люди, братья наши, будут решать нашу судьбу.

В толпе атаманце раздались негодующие слова в адрес Чуба, но Ухо движением руки остановил их.

Сотник горделиво выпрямился во весь свой немалый рост и разгладил рукой усы.

- Выходить к тебе не стану. Меня и отсюда видно, а правду слышно всегда.

Один из его сторонников подставил Чубу подставку под ноги, и теперь сотник почти по пояс возвышался над толпой, гремя своим голосом.

- Я обвиняю тебя, Ухо, в следующем.

Первое и самое главное – ты тайно сговорился с ногаями, поддерживаешь их в междуусобной войне, получая за это деньги.

Ты разрешаешь им убивать потихоньку наших людей, не ищешь виноватых, держишь тем самым всех нас в страхе и под своей властью.

Ты снюхался и с латинянами, сговариваясь с их легатами, что идут в караванах купцов. Что ты им обещал за их вино и деньги фряжские, что уже ходят по нашему торжищу? Что религию их сюда пустишь? Или что рубеж откроешь очередному походу их крестовому, что затевает Папа в своем Риме?

Дом твой набит добром, что ты от братьев тащишь. За караваны плату берешь, а с кругом не делишься.

Таишь ото всех, что нет никакого лагеря Гиреева, а сам Гирей давно разбоем живет и с тобой делится за молчание.

И последнее. Ты нарушаешь заповеди наши церковные. В грехе живешь с китаянкой своей, бусурманкой, Ордой нам оставленной для тайных доносов в Сарай!

Что скажешь? А вы, братья, решайте, может ли он быть вашим атаманом. Мне он уже не атаман!

Тишина застыла на площади после слов сотника. Закончив говорить, сам он, не слезая со своего помоста, повернулся к своим людям, и те сразу закричали - «Долой Уха! Не люб он нам! Вражина и вор! Чуба – в атаманы!»

Атаманцы сразу стали орать в ответ, безмолвная до тех пор середина снова зашевелилась. Раздались крики в пользу Чуба и против атамана. Часть людей перешла ближе к группе сотника, люди которого, видя себе поддержку, все сильнее напрягали глотки, размахивая в воздухе саблями, нагайками и палицами. Кто-то из середины придвинулся к атаманцам, которые, как увидел со своего места Ярый, уже охрипнув, стали хвататься за рукояти сабель.

Ситуацию разрядил атаман Ухо.

- Братья, вы что, тут сечься хотите? Чтобы враги наши возрадовались? Забыли наше правило – решать всё меж собой без крови? – сильным голосом крикнул он в толпу. Атаманцы умолкли сразу. Остальные, не тотчас, но тоже замолчали.

- Мой черед говорить. Но сразу предупреждаю – сечи меж своими не допущу. Нас и так мало в этой степи. Порешим так: я отвечаю на обвинения Чуба, а потом те, кто верит мне, переходит сюда, - он показал на стоявшую рядом группу атаманцев, - ну а те, кому я не люб, подойдет к Чубу. Так и решим, кому атаманить, а кому - либо смириться, либо…

Начну с главного. В обвинении во мздоимстве. Ваши выборные могут пройти в мой дом и убедиться, что никаких богатств у меня нет. Моя жизнь – у вас на виду, кладов я не зарывал. Почти все из вас бывали по делам службы, да и просто так, у меня в доме и увидят, что я ничего не прячу. У нас есть войсковой сундук, где хранятся деньги нашего рубежного отряда. Все деньги и товары, которые я как ваш атаман получаю за проводку караванов, за торжища и на содержание нашего порубежья от окрестных стойбищ, заносятся в запись, которую ведет Дьяк. Мы с отцом Онуфрием её проверяем.

Священник и Дьяк подтвердили это кивками голов.

- Не забывайте, что для всех мы являемся передовой заставой Орды, которая в любой момент может вспомнить о нас, да и просто направить очередной свой поход через нас. Там будут баскаки, которые очень тщательно проверят все записи. Вы это знаете. Как и то, что фирманом направившего нас сюда хана Сартака, да будет он упокоен в раю, я назначен командиром этого лагеря, и мне ответ держать перед Ордой. А там с вором церемониться не будут.

Это был очевидный факт, о котором многие уже забыли, и теперь многие из собравшихся на площади в смущении почесывали себе головы.

Атаман Ухо продолжал развивать успех.

- Касательно сговора с ногаями и латинянами. Это всё слова. Если есть прямые доказательство такого сговора, пусть их предоставят вам. Деньги и вино завозят купцы, вы это знаете, у каждого в кошеле хоть по одной фризской монете да есть. С ногаями будем и дружить, и пользоваться их междуусобицей. Другого пути нет. Не дать им объединиться против нас. Сколько их и сколько нас… Это пока они Орды боятся. А не дай Бог, одумаются, да и хлынут на заставу отбирать свои земли? Ну а Папе из Рима дела до нашего порубежья, как вам до…. куриного помета.

В толпе, заметно изменившей свое настроение после слов атамана, раздался смех.

Не выдержал Чуб.

- А невенчаная жена твоя? Бусурманка ордынская?

Ответить хотели и атаман, и отец Онуфрий. Но их опередила сама Су-линь. Выскочив из дома на крыльцо, она буквально прокричала в толпу:

- Не бусурманка я! Мама моя была русской, невольницей! Я исповедуюсь отцу Онуфрию и буду его крестной дочерью. Он и повенчает нас с атаманом.

Священник важно кивнул головой, подтверждая слова женщины и осенил её размашисто крестом.

Теперь свистели уже сотнику Чубу, группа сторонников которого заметно поредела. Но буйный сотник не хотел сдаваться:

- А разбойник Гирей? Почему скрыл, что он не основал второго порубежья и промышляет теперь разбоем? Люди видели, как ты с ним встречался.

- Да, встречался. Просил у него помощи на случай войны с ногаями. Он не основал второго лагеря потому, что он и его люди выбрали свободу от Орды. Он отпустил всех бывших у него

работников, и они почти все пришли к нам. Я дал им землю за оградой нашего поселения, и они наши, в случае войны биться будут за нас. Гирей – не разбойник. Он живет в мире со всеми степными родами, живет скотоводством. Это у него мы берем дешево хороших коней и баранов.

Немного кривил душой атаман, ибо и сам не знал, чем промышляет в это беспокойное время и в таком беспокойном месте лихой вояка Гирей со своими джигитами. Да и не хотел знать. Какой ни есть, а союзник, который не предаст в силу общего ордынского прошлого. Наверно…

Группа сторонников Чуба осталась на площади в таком меньшинстве, что её уже нельзя было назвать сотней. Атаман хотел уже завершить Круг вопросом о том, что же делать с клеветником Чубом и даже решил помиловать его, отведя положенную по правилам публичную порку и неизбежное изгнание. Но в это время охранники на сторожевой башне забили в тревожное било и закричали – «Огни! Ногаи!»

Люди с площади бросились по своим местам. Атаман со свитой ушел в дом, позвав рукой Ярого и других сотников, а также Лекшу, следовать за ним. Раздосадованный Чуб, который даже не надеялся на то, что будет приглашен на совет, быстро прошел с оставшимися возле него несколькими воинами с площади. Проходя мимо Ваньши, который замешкался из-за своей хромоты, он зло бросил раненому:

- Ну уж тебя-то я достану! Губа приходит в себя, всё расскажет, - и, обращаясь к своим, бросил, - глаз с него не спускайте. Чтоб не убёг, да и к Губе не приближался!

И не заметил в спешке и гневе своем Чуб, как сверкнули под низко надвинутом платком глаза спутницы Ваньши. Низко наклонив голову, Рада спрятала свое лицо, делая вид, что изо всех сил поддерживает побледневшего юношу.

На собравшемся военном совете никто и словом не упомянул о круге и судьбе Чуба. Пока ждали гонца с вестями о том, какая очередная беда приближается к поселенью, атаман отдал распоряжения по выдвижению передовых отрядов и организации обороны. Повезло, что ратники Ярого были в лагере, да и с полсотни дозорных во главе с Лекшой, прибывшие ранее на круг, были здесь.

Не выдержал Дьяк.

- Что делать с сотней Чуба?

- Не трогать пока. Будет дело, пусть сами решат, с кем они, - атаман был сух и сдержан. Все разошлись отдавать распоряжения, условившись собраться по получению известий.

Пока атаман менял одежду на боевые доспехи, в комнату тихо вошла Су-линь. Тихо подойдя к любимому, она молча обняла его. А что здесь говорить?

- Когда крестины? – тихо, одними губами прямо в заветное ушко, спросил атаман.

- Будем живы, хоть завтра. Вместе с Гюльсан креститься будем. Она пока здесь останется, я ее подготовлю.

- Хорошо.

Только Ухо надел кольчугу, в комнату вбежал запыхавшийся гонец из дозорных.

- Ногаи. Сотни две. В боевом облачении. Но в пути не грабят и не жгут. Идут быстро.

- Хорошо. Иди отдыхай. Потом – к Лекше. Он здесь отрядом дозорных командует.

К дому атамана подъехали, уже в боевом облачении, сотники, Ярый и Лекша. Ухо рассказал о приближении отряда ногаев, добавив, что на нападение это не похоже.

- Я их встречу за воротами. Лекша, ты с десятком своих - со мной! Остальные – как договаривались.

Когда отряд ногаев подошел к поселенью, уже совсем стемнело. На мостках за частоколом стояли воины с факелами. Выехавшая вместе с атаманом свита тоже освещала путь факелами, что придавало всей картине вид торжественный и устрашающий. Впереди отряда ехал незнакомый атаману ногаец в богато украшенной одежде. Рядом с ним на горячем черном скакуне гарцевал … Гирей.

Остановив отряд движением руки, ногаец подъехал к атаману, неподвижно и спокойно ждавшему его недалеко от ворот. Лекша со своими людьми расположились вокруг атамана, освещая своими факелами место встречи.

- Приветствую тебя, досточтимый атаман – бек Ухо. Мы еще не знакомы. Я – бек Нарыш из рода хана Ногая. Мои становища кочуют в трех переходах отсюда, - степняк слегка склонил голову, выражая почтение, но не покорность.

- Приветствую тебя, бек Нарыш из рода Ногая. Что привело тебя со столь многочисленной свитой к рубежной заставе Великой Орды? – с достоинством ответил атаман.

- Прежде позволь узнать, удобно ли мне называть тебя так, или следует обращаться к тебе, посланцу Великой Орды, иным титулом? В пайцзе, которую ты и твой друг бек Гирей показали нам, не указаны ваши титулы, но говорится, что вы являетесь полномочными представителями Орды. Хан Гирей взял себе этот титул, но не сказал нам твоего.

- Называй меня атаманом.

- Как скажешь, уважаемый атаман. Не буду утомлять тебе в этот поздний час. Недавно на одно из становищ моего рода было совершено нападение. Угнаны кони, имущество разграблено,

женщины обесчещены и убиты. Мужчин дома не было. Несколько стариков и детей тоже убито. В степи такое не прощают. У убийц были подкованные кони, и в одном из тел была стрела с железным наконечником. Мои следопыты взяли след, который привел нас в ставку бека Гирея, - степняк, не оборачиваясь, показал нагайкой на угрюмого бывшего ордынца. Тот кивком подтвердил слова бека. – Воины хана показали, что к ним действительно приезжали люди, хотевшие продать табун лошадей. Им, якобы, отказали, и они ускакали. И эти люди – из твоего лагеря, атаман Ухо. Требую расследования и выдачи виновных. Ты знаешь, я как послушный данник Великой Орды имею на это право. В противном случае через своего дядю хана Ногая извещу Великого Хана Берке о том, что в его рубежном лагере нарушают законы Яссы.

- Имена моих людей, Гирей, - атаман обратился прямо к своему собрату по ордынскому воинству, соблюдая при ногайце этикет. Ведь для Нарыша они с Гиреем – еще представители Великой Орды.

- Мои их не знают. Они не из первого отряда. Но в разговоре дали понять, что они отсюда. Между собой говорили на славянском. Имен не называли.

- Ты привел тех, кто их видел? Опознать могут?

- Да. Вот они, - по знаку его руки к нему подъехали двое заросших бородой по самые глаза всадника, - Махмуд и Оглу. Они дежурили тогда по лагерю.

Атаман заметил, что на этих двух, в отличие от самого Гирея, не было оружия, а их кони были в поводу у ногайцев.

- Это – серьезное обвинение, бек Нарыш. И преступление, если оно было совершено моими людьми, будет раскрыто. Я сам заинтересован в наказании виновных и не буду их от тебя прятать. Сейчас мы пройдем в поселение, в мой дом, где обсудим план поиска. Извини, весь твой отряд впустить не могу. Да и дом мой больше десятка людей не вместит. Предлагаю тебе, беку Гирею, этим двум, - он кивнул на понурых Махмуда и Оглу, - и еще кому-то

из твоей свиты пройти внутрь. Остальной отряд будет ждать тебя здесь. Что, неужели боишься, бек, пройти в дом твоего повелителя – представителя Великой Орды? – атаман насмешливо посмотрел на бека Нарыша. Колебание ногайца длилось только мгновенье, и знаком подозвав к себе одного из всадников, он показал, что готов ехать.

Но атаман остановил его.

- Этим двум свидетелям, чтобы их раньше времени не узнали разбойники, предлагаю закрыть лица. Но сначала пусть они посмотрят на мою стражу. Те всё равно их видели, но будут молчать. Если не виновны.

Свидетели обошли строй стражников, отрицательно покачав головами. Им натянули их бараньи шапки до подбородков, и их маленький отряд въехал в ворота. Остальные ногайцы расположились неподалеку в пойме замерзшей реки, откуда вскоре потянуло запахом жаренного на огне мяса.

А в своем доме атаман начал обсуждать, каким образом можно предъявить на опознание всех людей.

Сначала определились, что сразу всех представить на опознание невозможно. Хитроумный атаман вдвое завысил число своих людей, что произвело впечатление на ногайцев и вызвало искорку смеха в глазах Гирея. Затем выяснили, в какой именно день был совершен разбой, и кого из людей не было в тот день в лагере и на глазах у сотников. Дозорных и ратников Ярого отмели сразу, поскольку у первых не было столько времени, а вторые еще не сели на лошадей, да и стрелы еще метать хорошо не научились. Число нужных для опознания заметно сократилось, но всё равно их оставалось больше полутора сотен. Было ясно, что собрать их всех сейчас и провести перед свидетелями не представлялось возможным. А если делать это несколько дней подряд, то

подозреваемые могут уйти. К тому же Махмуд и Оглу видели их ночью, у костра, и днём могут просто не узнать.

У атамана и Дьяка давно уже формировалась какая-то мысль, но атаман гнал её от себя, а Дьяк не решался произнести. Затянувшуюся паузу нарушил Ярый.

- А вы коней их видели? На которых они прискакали? И оружие?

Он знал, что степняк может не запомнить лица, особенно славянского, но коней и оружие разглядит и запомнит надолго.

И Махмуд, и Оглу словно очнулись ото сна, в который уже начали впадать, и наперебой, перебивая друг друга, точно описали масть и упряжь коней, вплетеные в гривы и хвосты ремешки и ленты, переметные сумки и стремена. А уж оружие! Ничто не укрылось от зорких глаз воинов Степи. Рукояти и сталь сабель, формы и ножны боевых ножей, лезвия копий, материал и формы луков, орнамент колчанов и наконечники стрел. Через минуту атаман со товарищи уже знали, что злодеи – из сотни Чуба, которых как раз не было в тот день, да и ночь, в лагере. Сотня, кроме самого сотника и двух его десятников, живших в собственных домах в поселке, стояла лагерем за стеной детинца и размещалась в пяти больших юртах. Подозреваемых взяли быстро, просто посыльный атамана вызвал весь десяток якобы на охрану атаманского дома, пока все остальные воины направлены в усиленные караулы. Чубовцы знали, что весь лагерь поднят по тревоге, и этот приказ не вызвал у них подозрения. Позевывая и шутя о том, как они будут досыпать в теплом доме атамана и смогут, наконец, посмотреть на его добро, атаманский денежный сундук и его красавицу – наложницу, они вошли в дом. В темноте и тесноте были немедленно разоружены атаманом и сотниками, и посажены на скамью для опознания. Трех разбойников быстро опознали и начали допрос. Те были так ошеломлены своим задержанием, что не понадобились даже приготовленные для прижига и сговорчивости железки. Сначала они указали на своего четвертого товарища, который был с ними в набеге, но не подошел

к костру в лагере Гирея, поскольку сторожил табун и лошадей с награбленными вещами. Четвертый был в том же десятке, и его быстро повязали.

Также показали, что на тот набег они пошли самовольно, поскольку думали, что все спишут на внутренние дрязги ногаев. Ярый начал, было расспрашивать о том, первый ли у них такой набег, что брали еще, и кто руководил ими, но атаман быстро пресек его, благо, что Ярый спрашивал на славянском, а ногайцы плохо его понимали, целиком сосредоточившись на мыслях о том, что именно теперь они потребуют сделать со злодеями.

Уже рассветало, когда уставший атаман встал со скамьи и сказал, обращаясь к беку Нарышу:

- Уважаемый бек. Я очень сожалею о том, что столь тяжкое преступление совершили люди, примкнувшие к моему отряду. Вы видели, что мы, представляющие здесь Империю монголов, - он показал на своих сотников и бека Гирея, - всегда готовы восстановить справедливость, как это записано в Великой Яссе. Так было, есть и так будет всегда, пока встает солнце над нашей степью. Запомните это и передайте своим сородичам – Орда милостлива и справедлива к тем, кто чтит ее власть и законы. В знак нашего особого расположения и доверия к вам, послушному даннику Орды и в назидание всем, у кого в голове зародится одна только мысль нарушить закон, мы передаем этих злодеев вам, на ваш суд. Они еще должны рассказать вам, где находится похищенное.

Со скамьи, где, понурясь, сидели злодеи, раздался вопль. Они поняли, что их отдают на расправу ногаям и вместо порки и изгнания, к которым их могли приговорить на родном Круге, их ждет долгая и мучительная смерть. Кинулись на пол, пытаясь обнять и целовать сапоги своих бывших братьев, но атаман был жесток:

- Знали, на что идете. Благодарите того, кто вас благословил.

Несмотря на раннее утро, собралась целая площадь, чтобы посмотреть, как визжащих и обделавшихся злодеев волокли к

воротам и там бросили подбежавшим ногайцам. До этого Дьяк объявил с крыльца, за что они подвергнуты такому наказанию, и из толпы не донеслось ни одного слова сочувствия насильникам и убийцам.

Как только ногайцы отъехали от ворот, атаман приказал своей сотне доставить к нему Чуба и его десятников. Через некоторое время ему сообщили, что Чуб, два его десятника и несколько воинов исчезли из лагеря с конями, оружием и походным запасом.

«Эх, Кольша, Кольша, душа твоя неприкаянная. Где найдешь свое успокоение? С такой гордыней мучительно, поди, жить на свете…»

Ярый, конечно, понимал, почему на том допросе атаман не захотел, чтобы злодеи указали на Чуба, как организатора разбойной жизни своих молодцов. Негоже ему, и как вольному атаману, и как всё еще посланцу Орды, признавать, что у него под крылом процветают разбойники. Да и кто без греха… Вот вроде бы и очистилась их буйная обитель от скверны, а на душе легче не стало. Люди, чай, не ангелы. Хищники они по природе своей. И как ни смиряй естество своё звериное под заповеди, оно всё равно прорвется. А прорвется у одного, и другие, как бирюльки в детской игре, следом попадают.

Вечером собрались, как привыкли за последние дни, у атамана. Ближний круг – атаман, отец Онуфрий, Дьяк, Ярый, сотник - атаманец и Лекша. Так привыкли к быстрому решению возникающих задач, что теперь, обсудив пару ничтожных, по сравнению с пережитым, вопросов, просто расслабились, словно воздух из них выпустили. Выпили, как водится, по паре чарок и замолчали.

Тишину нарушил атаман:

- Вот что, браты мои. Накопились у меня мысли. Сейчас расскажу. Если есть возражения, говорить сразу. Сразу не сказал – исполняешь.

Начну с главного, с духовного. Отец Онуфрий, завтра крестишь Су-линь и Гюльсан? Кивнул. Молодец, понимаешь, что тянуть не надо. Народ видеть должен, что слово держим и по слову Божьему живем. Мою окрестишь Василисой. Неважно, что там в святцах. Да, так и будет. Давно решил. Эй, Лекша, не спи. Твою Гюльсан как окрестим? Не знаешь? А ты, батюшка, что скажешь?

- По святцам Мария подходит.

- Лекша, ты как, не возражаешь? Пусть будет Мария. И потом обвенчаемся. Сразу две пары. Первое такое венчание будет в храме. Разом и подновим его. Последний караван привез мне иконы священные из Ирусалима и красок для росписей. Вон в сундуке лежат. Не успел раньше отдать, извини, отче. Не гневайся. На, вот лучше медку выкушай.

- Теперь ты, Ярый. Лихо ты этих гиреевцев размотал, на конях да на оружии... Сразу на злодеев вышли. Да и ратников своих славно подготовил. Завтра приеду к вам, смотр устроим. Разделим на воинов и поселенцев. Воинов определим в бывшую сотню Чуба. Там народу теперь – едва десятка четыре наберется. Да и саму сотню бери. Эта подготовка ратников последней была. Хлопотное это и ненужное дело. Воинов сами растить будем, с детства. Уже подрастают свои мальцы. А пришлых будем сразу определять, либо в воины, если навык имеет, либо в трудяги. И еще, Ярый, негоже сотнику моей первой сотни, а она теперь так и будет называться – первой, жить в юрте. Возьмешь дом либо Чуба, либо одного из сбежавших с ним десятников. Они утратили это имущество, потому что выбыли из нашего братства, и их дома стали собственностью Круга. А Круг может продать их. Если нет денег, дам взаймы. Есть? Вот и ладно.

- У меня нет семьи. Зачем мне дом? – пытался возразить Ярый.

- А куда ты будешь своих десятников приглашать? И меня с женой? В юрту? Не в кочевье, чай, живем. Ладно, уговорил. Возьмешь пока дом поменьше, а дом Чуба, он побольше будет, пусть берет Лекша. Они молодые. Скоро воинов новых рожать будут. А с ценой договоримся. Правда, Дьяк?

- А почему меня спрашиваешь, атаман?

- Потому что теперь ты будешь за нашу казну отвечать. Я сказал на Круге, что все наши доходы и траты записаны, и могут быть представлены к проверке. Я, конечно, кое-что нацарапал для памяти, да вон отец Онуфрий помогал по доброте своей духовной… Но не больно я в этом мастак, да и некогда было. А ну как действительно баскаки да писцы из Орды нагрянут? Тьфу – тьфу, не дай Бог... Да и сами браты проверить решат, как их выборный атаман дела ведет, не ворует ли? Их право. Так что, Дьяк, будешь ведать у нас монетными, а заодно и всеми хозяйственными делами. Поселенье наше разрастается, надо и землям учет вести, и дани, как с наших, кто работает вокруг, так и кочевых. Заведи записи, вспомним все наши прибытки и расходы аж с темникова отъезда. Можешь писца подобрать из мальцов посмышленее, коли самому не по чину. Как, отец Онуфрий, одобряешь?

- Правильно, атаман, - кивнул головой батюшка, - надо учет иметь. Не ровён час… А мальца толкового я дам. Есть у меня один. Башковитый. Для воина слабоват, но грамоту и счет знает крепко. Если это всё, пойду я, атаман. Завтра – большой день. Крестятся две вновь обретенные Богом души. Помолиться надо. Да и купель приготовить.

В дверях атаман задержал сотника своей, атаманской сотни.

- Сашко! Мой старый друг! Не держи обиды, что я все больше пришлым внимание оказываю. Ты как был моей верной правой рукой, так и останешься. Как тебе они? Доверять можно?

- Показали себя хорошо, но что там, в душе, только время покажет.

- Ты присматривай за ними. Они еще чужие, но воины бывалые. Неизвестно, какой след за ними тянется. От Орды сюда – путь немалый. И вот еще, что сказать хотел. На отбор ратников Ярого вместо меня езжай. Не всех хороших ему отдавай. Половину возьми себе.

- У меня же полная сотня!?

- Силу наращивать нам надо. Выдели из своих два – три десятка, разбавь все молодыми и создай новую сотню. Подыщи сотника. Вперед смотри, Сашко! Может статься, не нам, так сынам нашим надо будет эту часть степи под свою руку брать. И рука должна быть крепкая! И последнее на сегодня – пошли гонца к Гирею. Встретиться надо.

И уже совсем в спину уходившего сотника, атаман добавил:

- И проведай завтра Губу. Мнится мне, когда он очнется, много интересного нам рассказать сможет. И о Лекше с Ярым. Да и о Чубе.

Многие не спали в ту ночь в их стане. Не спали ратники Ярого, оповещенные о том, что завтра им проведут смотр и разделят на воинов и поселенцев. Кипела молодая кровь, хотелось лихо скакать на конях и разить врага, но у многих, особенно пришедших в этот уголок степи разными путями из лесных и пахотных уголков Руси, все сильнее проявлялась мысль о том, что есть и другая стезя, кроме сечевой, и вовсе не так плохо вести спокойную жизнь мирного селянина, иметь семью, детей, добывать пропитание руками своими.

Оглядываясь сейчас назад, на те далекие времена, порой кажется, что они все были заполнены войнами, набегами, смутой и кровью. То же скажут потомки и о наших временах. Но ведь была и мирная, спокойная жизнь. Щедро колосились поля, люди любили и радовались детям. Старшие учили молодых, а те уважали старых. И

это и была – Жизнь. И не мудрено, что не все мечтали о воинской славе, а просто хотели простого человеческого счастья.

Не спал в ту ночь Ярый, ворочаясь в своей юрте на ставших вдруг жесткими бараньих шкурах. Ему предстояло завтра показать своих ратников. И хотя готовил их не он, но на последнее дело вел их он, ему и ответ держать. Спору нет, они неплохо показали себя в ногайской истории, но ведь не бились же, и не может он поручиться за то, как они поведут себя в настоящем деле.

И это предложение – стать сотником, уже не молодых, а боевой сотни. Опять сотником… И сотником чего? Формально – это застава Орды, и он снова станет частью монгольской империи. Но ведь он её уже предал. Но если сам атаман Ухо – не Орда, то кто он?

А этот дом? Надо будет отдать за него хорошую долю припрятанных денег и привязать себя к этому месту? Не был Ярый уверен, что он пришел к конечной цели своего пути, и явно не нашел он спокойствия и умиротворения в своем сердце.

Радостно не спали в ту ночь Лекша и Гюльсан. Она припала раскрасневшимся лицом к плечу своего любимого, а он, сжимая ее милые пальчики в своих руках, жарко шептал ей о том, как они обвенчаются, и она станет его любимой и единственной женой, как купят они дом и заживут в нем счастливо, как будет у них много детей с русыми и темными головами…. Много чего еще наобещал ей Лекша в ту ночь, и она искренне во все это верила. Потому что любила и хотела верить.

Проворочался всю ночь, не зная, как убаюкать ноющую руку, Ваньша. Всё мерещились ему в горячечном бреду то бездонные глаза Рады и её ласковые руки, то злой прищур и голос Чуба, обещавшего ему мучительную смерть за покушение на Губу.

Сама Рада тоже не спала в эту ночь. Её отец допоздна сидел в тот вечер за своим столом, перебирая, перетирая и смешивая корешки и мази. Дождавшись, когда он, наконец, лег и мерно, с присвистом, засопел, она неслышно встала, подошла к ларю, где

хранился весь запас снадобий, что-то взяла и спрятала в свою суму, с которой они с отцом ходили к хворым.

Утром, когда лекарь собрался в свой ежедневный обход, она взяла его суму и вышла с ним. Лекарь не возражал. Ему было спокойнее, когда дочь, еще не вполне, по его мнению, пришедшая в себя, была с ним. Да и помогала она ему, особенно при осмотре женщин и детей, пугавшихся угрюмого с виду Вещуна.

Первым они навестили Губу, по-прежнему лежавшего в доме сбежавшего Чуба. С раненым был один из воинов их сотни. Он еще не знал о бегстве своего сотника и захвате своих сотоварищей, а потому был не особо рад раннему визиту лекаря, явно его разбудившего. Не обращая внимание на его ворчание, Ведун осмотрел хрипло дышащего Губу, по-прежнему бывшему без сознания. Пока лекарь менял раненому повязку, а Рада готовила в деревянной миске питье, охранник вышел по своим делам во двор. Губа не мог пить сам, и пока Ведун держал с трудом разжатый рот увечного, Рада влила ему питье, стараясь не проронить ни капли мимо. Не успели лекарь и Рада собрать свои вещи и выйти из дома, как их остановил звук странного хрипа. Ведун оглянулся. Тело Губы выгнулось дугой, лицо, обмотанное съехавшей повязкой, перекосила судорога. Увечный пару раз дернулся и затих, высунув язык. Ведун подскочил к лавке, взял Губу за руку. Рука безвольно висела. Взглянув в неподвижные зрачки и язык, лекарь резко повернулся к дочери. Рада, необыкновенно бледная, с прикрытыми глазами, неподвижно стояла в углу комнаты, прижимая суму к груди дрожавшими руками.

В это время снаружи у двери загромыхал стражник, сбивая с сапог налипшую грязь. В мгновенье ока Ведун кинулся к телу, вправил тому обратно язык и водрузил повязку на место. Показав кулак дочери – «Тихо!», он обратился к вошедшему стражнику:

- Вот и отмучился раб Божий.

- Когда? Только ведь дышал! – не мог прийти в себя охранник.

- Да уже не дышал. Я начал, было, ему повязку менять, смотрю, отошел,- голос лекаря был ровен, ничем не выдавая его волнения.

- Побегу, Чубу расскажу!

- Беги, беги. Да только Чуба нет в лагере. Как ваших из сотни взяли, так он и пропал.

- Как – Чуб пропал? Кого взяли? – охранник тих сполз на лавку.

Ведун коротко рассказал, что знал. Знал он немного, но в маленьком поселении слухи бегут быстро и обрастают самыми невероятными подробностями. Воин выслушал лекаря, поскрипел мозгами и вылетел из дома. Судя по тому, в какой стороне стали слышны копыта его коня, поскакал он не к атаману.

Ведун подошел к дочери и, глядя ей прямо в глаза, медленно и раздельно выговаривая слова, спросил:

- Ты его… Я видел язык и красные глаза. Я тебе показывал тот корешок и говорил, сколько и для чего его надо намешать. За что? Покажи!

Рада подняла на отца глаза и тихо прошептала:

- За Ваньшу… Выдать мог, убили бы…

- Ты говоришь?! Господи, спасибо тебе! Услышал мои молитвы. Ну говори, говори, доченька, тебе надо много мне сказать. У нас мало времени, мне надо к атаману идти, о Губе рассказать, да так, чтобы нас не заподозрили. Ну, дочь! Ты подсыпала ему в питье тот порошок?

Рада кивнула.

- Сама говори!

Сначала с трудом подбирая слова, потом освоившись, заговорила:

- Слышала, как сотник Чуб грозил Ваньше, что как Губа придет в себя и всё расскажет, то он, Чуб, замучит Ваньшу. А раньше слышала, как Ваньша в жару бредил, всё кричал, что Губу надо заставить замолчать, не дать ему говорить. И еще Лекшу звал, обещал, что выполнит, что должен.

- Ничего не понял, - Ведун почесал в затылке, - ну да ладно, потом разберемся. А пока собственную шкуру спасать надо. Иди домой, приди в себя. Пока молчи, ни с кем не говори. А я пойду к атаману.

И, перекрестившись на висевший в углу образ, попросил у Бога:

- Ну, спасай еще раз.

В дом атамана вошел уже спокойный, как всегда хмурый и суровый.

- Отмучился Губа.

Сидевший за столом за нехитрой снедью атаман лишь спросил:

- В себя приходил? Что сказал?

- При мне последний вздох испустил. Был в забытьи. Ничего не говорил. Говорил ли ночью, не знаю.

- А что охранник?

- Ничего не сказал. Я пришел, он только с лавки встал. А потом и вовсе ускакал.

- Куда?

- Да кто ж его знает. Он же воин. Думал, к тебе либо к сотнику своему.

Атаман нахмурился.

- Ладно, Ведун, иди. Я скажу, чтобы тело прибрали.

- Я прослежу. Никак, я его пользовал.

- А и то дело. Скажи отцу Онуфрию, пусть отпоёт, как положено. Как – никак, христианская душа отлетела.

И Ведун проследил, чтобы никто не увидел черного и вспухшего языка убиенного, который так и ушел в мир иной со своими тайнами. Да и у кого их нет?

А за грехи Там воздастся.

Утром в лагере ратников начался смотр. Ярый сам отобрал около полусотни человек, которые и прошли благополучно все испытания. А были там и скачки, и владение пикой и саблей. Был и ножевой бой, и умение ползти в траве, не выдавая своего присутствия. Все они были мирно поделены между сотней Ярого и атаманской сотней, и отец Онуфрий благословил их со вступлением в Круг, в воинское братство.

Остальных же определили, как вольных поселенцев и направили к Дьяку, который, на правах управляющего хозяйством, должен будет определить каждому его дальнейшую судьбу. С учетом потребностей и возможностей поселенья, а также воли самого Дьяка.

Таков закон власть имущих. Всегда и везде. Какой бы маленькой эта власть ни была. Власть – это люди, а человек всегда всё делает так, как считает нужным, то есть по своему видению, которое, конечно, должно совпадать с общей целью и законом, им же, человеком, установленным. Совпадать – то должно, но всё равно человек делает всё так, как ему представляется правильным.

Да и то, будь всё ровно, по общему Закону, который всегда один, только в разные времена, у разных народов и просто групп людей называется по-разному, то не было бы в Истории вождей, пророков и негодяев. И кто их разберет, кто там пророк – мессия, а кто злодей? Время было такое, да и власть каждый мерял по-своему…

А в селении каждый получил свой удел, и жизнь продолжилась.

Губу отпели и похоронили на погосте, который заметно расширился за последний год, и чьи неровно торчащие в небо кресты напоминали идущим и скачущим мимо о бренности бытия и неотвратности последнего дня. Кресты хоть напоминали, а безымянные могилы, в первое время отмеченные холмиком земли или положенным сверху камнем, тихо сравнялись с землей, словно завершая жизненный круг земного бытия.

Пришел человек ниоткуда, и уходит в никуда. Остается только память, да и то, только у тех, кто еще помнит.

Су-линь и Гюльсан батюшка окрестил в разряженной по такому поводу церкви. Малая церквушка не смогла вместить всех желающих увидеть таинство, а потому и часть площади была заполнена людьми. И не потому, конечно, что так радостно им было от появления у Бога еще двух чад, Василисы и Марии, а потому, что атаман и не поскупившийся Лекша выкатили по такому поводу по бочонку медовухи и зажарили на вертелах пару баранов.

Народ отдал должное и тому и другому, но, когда особо веселые осмеливались обращаться к атаману с просьбой «не скупиться», тот дружелюбно, но строго говорил о необходимости воздержания.

Крестным Марии стал, как и обещал, атаман Ухо, подаривший крестнице колечко с яхонтом. Крестным же новоявленной Василисы записался сам отец Онуфрий, призвавший обретенных дочерей Божьих регулярно ходить в церковь, читать и чтить закон Божий и Священное писание.

Василиса уже знала азы славянской грамоты и, хотя и медленно, но писала и даже читала Писание, которое им дал батюшка. Она и дала первые уроки Гюльсан, то есть теперь Марии. Та, свободно владевшая арабским, фарси и прошедшая хорошую школу домашних учителей в доме своего отца, на удивление легко

осваивала славянскую письменность и даже осмелилась как-то поправить Василису. О эта жизнь! О эти женщины! Силен и непреступен ваш внутренний мир, и горе тому, кто посмеет поправлять женщину, особенно, если он младше её по возрасту и положению. Вспыхнув от дерзости «этой девчонки», Василиса хотела, было, резко поставить Марию на место, но взглянув на задорно блестевшие глаза худенькой, как подросток, девушки, она передумала. Вспомнив о непростой судьбе Гюльсан – Марии, она испытала неожиданную нежность и поняла, что ни за что не хочет оттолкнуть её от себя. Она улыбнулась и положили свою руку на тоненькие пальчики Марии.

- Ну что, всезнайка. А это ты тоже знаешь? – и она стала выводить гусиным пером по мелованной бумаге дивно красивые и непонятные иероглифы. Выстраиваясь в идеально ровный столбик, эти неведомые Марии письмена таили в себе какую-то чарующую тайну, познать которую могли только избранные…

- Нет, не знаю. Но очень красиво. Это, наверно, стихи? О любви?

- Почти. Здесь написано, что если ты меня еще раз попробуешь так грубо поправить, я тебе надаю тумаков!

Закатившись звонким смехом, Мария выскользнула из-за стола и завертелась по горнице.

- А вот и не надаешь! Не сможешь! Меня Лекша научил таким приемам…

Она, резвясь, вытащила Василису на середину горницы и стала показывать, как надо бить и отражать удары. С улыбкой глядя на резвившуюся девушку и вспомнила себя, такую же молодую. Как жаль, что она встретила своего атамана так поздно..

- Стой! Хватит! Своими ужимками ты только рассмешишь обидчика. Хорошо, если он умрёт от смеха. А если нет? Смотри!

И Василиса встала в стойку «разящего аиста», как её когда-то учил старый мастер Ли. Вместе с искусством каллиграфии он хотел научить её быть сильной. И пару раз это искусство её выручало.

Застыв на мгновенье на одной ноге, «аист» сделал несколько стремительных ударов второй ногой. Её руки тоже нанесли два моментальных удара такой силы, что даже воздух перед ладонями сначала загустел, а потом хлопнул, как лопнувший бычий пузырь. Было ясно, что противник, если бы он стоял перед Василисой, был бы повержен. Как зачарованная, стояла перед своей старшей подругой Мария. Потом вдруг кинулась перед ней на колени:

- Никогда, слышь, никогда, не обижу тебя словом! Только научи так сражаться. И тем письменам красивым… И еще пироги такие вкусные печь… И еще…

- Да ладно, ладно, - смеясь, Василиса подняла её с колен, - научу. Только и ты покажешь мне свою арабскую вязь и будешь читать те красивые стихи. А потом обвенчаетесь со своим Лекшой, заведете детишек, и не будет у тебя времени на свою старую подругу…

- Да какая ты старая! Вы тоже с атаманом обвенчаетесь! Тоже детки будут. Вместе с нашими расти будут!

- Нет, девочка, - грустно обняла её за плечи Василиса, - видно, пустая я. Давно бы уже дети были. Видно, не дал мне Бог этого счастья.

И, обнявшись, долго бы еще плакали они, но пришел отец Онуфрий проведать своих крестных и узнать, как идет их обучение. Василиса, наскоро утерев слезы, похвасталась успехами Марии. Та, под впечатлением всего узнанного и снедаемая желанием узнать больше, сразу забросала своего крестного вопросами:

- А почему так много языков на свете? Люди ведь похожи, и языки у них должны быть похожие? Потому, видно и пишут по-

разному, что говорят, друг друга не понимая? А почему в Сарае пишут то одними знаками, то другими? И Империя называется монгольской, а в ней больше татар, почему? И мы, кто мы теперь?

- Тихо, тихо, дочь моя! Засыпала вопросами. На все сразу не отвечу, но на некоторые – попробую, - батюшка поудобнее устроился на лавке, поближе к печке, от которой исходило такое спокойно, умиротворяющее тепло.

- Да будет вам известно, дщери мои, что монголы издревле жили к северу от Китая, и жили они стойбищами, семьями. Семьи собирались в роды только для войны с другими родами. Войны за выпасы, еду и невест. Поскольку жениться внутри одной семьи запрещалось, как и в других народах. Роды образовывали племена. На тех землях жили племена татар, кереитов, найманов, меркитов, лесных и степных монголов. Самым большим и богатым было племя татар, а самым маленьким племенем были степные монголы. Так об этом рассказывал мне в сердце Орды, в Каракоруме, старый шаман Торжба. Так вот. Степные монголы, коих иногда называют еще и тайчжиутами, хоть и были самым малым племенем, но родился в их стойбище Тимучин, которого потом назовут Великим Чингисханом. Он и стал основателем Империи. Подчинив себе все окрестные племена, он создал непобедимую армию из степняков, воинов, не знавших страха, жалости и богатства. Эта армия завоевала сначала Тибет, затем Малый Китай, потом Большой. Потом под копытами монгольской конницы исчезло самое богатое царство тех не так давних времен – Хорезмское, потом…

Тепло от печки делало свое дело. Глаза батюшки потихоньку стали закрываться, голова склонилась и легла на бороду, вместо слов раздался могучий храп.

- Батюшка, батюшка, не спи! Хорезм – родина моего отца. Он сам был из рода хорезмских правителей и рассказывал мне, что тогда хорезмшах Моххамед не смог сдержать монгольскую конницу и сбежал на какой-то остров, где его не смогли найти.

- Да не сплю я! Помолиться нельзя, - отец Онуфрий оттер набежавшую сонную слюну и продолжил, - да, Могамед убежал, но его сын продолжил биться с монголами. Но силы были неравны, и ему пришлось уйти с группой самых близких воинов к уграм. Сильный монгольский отряд кинулся искать хорезмшаха Могамеда, а заодно по пути разбил половцев. Те кочевали по этим землям, и наши нынешние неспокойные соседи – ногаи, это их потомки. Половцы кинулись за помощью к русичам, с которыми дружили и даже были в родстве. Часть русичей вышла с половцами на битву с монгольской конницей. Это тогда монголы первый раз столкнулись с русичами и разбили их на реке Калка. Сложили они тогда плененных русских князей на землю, накрыли древами и устроили на том помосте пир…

- И тогда русичи стали данниками Орды?

- Нет, тогда монголы, разбив русичей и взяв много добычи, вернулись назад. Потом уже внук Чингизхана, Бату – хан, взял Киев, Владимир и другие города русичей, обложив их данью. Только до севера, до Новгорода не дошел, но и тот и без этого признал власть Орды и откупился от неё. Так и платит ей, чтобы сохранить свои богатства и головы от раззора и жестокой смерти.

Так что, дщери мои, мы сейчас на земле Орды, мы – часть Орды, хотя и оторванная. И даст Бог, и не вспомнят о нас.

- Обещал еще про разные языки рассказать и про монгольский язык, - не унималась Мария.

- Про разные языки сами потом в Писании прочитаете. Там это всё описано в притче о башне в граде Вавилоне. А письмена у монголов сначала был от племени найманов, те одни грамотные тогда были. На нём, найманском, и Ясса написана, главный закон Чингисхана, по которому жила, живет и жить будет вся Империя. Потом взяли письмена у кипчаков. Похожи на прежние, но складнее и проще. А еще в Империи есть и китайский, и фарси, и много других письменностей и языков, подвластных Орде.

- Язык никому не подвластен! – гордо вскинула голову Мария.

- Забудь пока слова эти, дочь моя, не ровен час…

- А слова Бога? Тоже Орде подвластны? – не сдавалась девушка.

- Вот неугомонная! Где он её нашел? – бормотал батюшка, вылезая из-за стола и направляясь к двери. Уже выходя, повернулся, перекрестился на образ, и сказал, ни к кому не обращаясь:

- Хотя и права…

Долго еще после ухода батюшки говорили новообращенные христианки. Василиса рассказывала, что помнила и знала со слов своего учителя о тех временах, когда монголы захватили Китай, где переняли многие науки, включая военную. Мария же, хорошо знавшая от своих домашних учителей историю хорезмского царства, говорила о сказочно богатых когда-то Самарканде, Бухаре и Ургенче, жители которых были вырезаны монголами, а искусные ремесленники и красивые девушки – уведены в Орду. Закрыв глаза и покачиваясь, путая славянские и родные слова, она рассказывала легенду о храбром сыне несчастного хорезмшаха Моххамеда – принце Джалал-ад-дине, всю свою короткую жизнь боровшимся с монголами, сначала в родных местах, потом в далеких угрских горах, куда докатились набеги монгольской конницы.

Было уже совсем темно, когда в жарко натопленную и хорошо освещенную печкой, лампадами и зажжёнными в причудливом фряжском канделябре свечами горницу с шумом вошли атаман Ухо и Лекша.

- Ну, вот, говорил тебе, что еще не спят наши невесты. Еще и поесть дадут, если нос мой меня не обманывает - сказал атаман, устало опускаясь на скамью и отстегивая от пояса свою грозную саблю.

Василиса тут же метнулась к поставцу с посудой и к печи, где томился горшок с вкусно пахнущей снедью. На столе моментально появились нехитрые заедки, миски и пара чарок с глиняной корчагой. Увидев её, атаман лихо подкрутил свои усы.

- И то дело. Как Лекша, не возражаешь по чарочке пропустить после тяжелого дня?

Лекша не возражал, и они дружно выпили, промокнув рты тыльной стороной ладоней. Мария тут же поднесла им плошку с водой и рушник. Атаман одобрительно посмотрел на неё и сполоснул свои руки. То же сделал и Лекша. Потом женщины подносили им еду и следили за порядком за столом. Когда мужчины насытились, они убрали посуду, но, когда Василиса протянула руку, чтобы забрать чарки и корчагу, атаман остановил её.

- Оставь пока. Да и сама с Гюльсан, то бишь, Марией, присядь, - он показал на лавку, - надо нам обсудить венчание. Назначено оно на ближайший праздник Покрова Богородицы, через три дня. Венчаемся сразу двумя парами, единый и пир закатим. Столы навертим в большом сарае. Там просторно и огонь есть, где развести. Всякие детали обсудите с отцом Онуфрием. Мне важно одно – куда Лекша свою молодую жену поведет после застолья? Что с домом решил, десятник? Предлагаю тебе выкупить у Круга дом Чуба. Я его Ярому, как сотнику, предлагал. Он отказался от такого большого. Ты тоже будешь когда – нибудь сотником, так что бери. Сам строиться не успеешь. Захочешь потом поменять – твоё право. Денег нет, одолжу.

- Это где Губа преставился? – тихо спросил Лекша.

- Губу давно схоронили. А что тебе Губа? – атаман внимательно посмотрел на Лекшу. – «А, паря, а тебе есть, что скрывать. Ну да Бог с тобой, придет время – узнаем.»

- Ну так что? Решай сейчас.

Лекша быстро взглянул на Марию. Та, чувствуя необходимость своей поддержки, быстро сказала:

- Мы хотим купить этот дом. И деньги найдем. Если не очень много…

- Да ладно. О цене сговоримся. Своя рука – владыка. А деньги-то откуда? Хорошо, видать в Орде десятникам платить стали? – хитро посмотрел атаман на Лекшу.

Пока тот собирался ответить, Мария быстро нашлась.

- Это мои деньги. Осталось после отца. Как это… Свадебный калым!

- Калым платит жених за невесту, а с неё берут приданное. Твои так твои, пусть будет так, - атаман хлопнул ладонью по столу, - деньгу потом занесешь. Дом – твой, Лекша. Можешь обживать. А Мария пусть у нас пока побудет, до венчания. Больно стрёмно её в юрту отвозить. Где деньги лежат, - атаман откровенно улыбался.

- Зачем потом? Вот деньги, - Мария проворно достала неведомо откуда узелок, быстро его развязала и высыпала на стол перед опешившими атаманом, Василисой и Лекшей кучку золотых монет и разноцветных камней, сразу озаривших своим блеском всю горницу.

Первым пришел в себя атаман.

-Ай да Мария! Ай да девица! Видел, что умница, но чтобы так!

Наклонившись над столом, он быстро – что значит опыт! – оценил высыпанное на него, отодвинул к себе все монеты и пару камушков, остальные пододвинул к Лекше.

- На дом хватит. Остальное приданное оставь себе на обзаведенье.

Пришедший в себя Лекша придвинул к атаману еще пару камней.

- Это на пиршество и отцу Онуфрию. На убранство церкви.

Он тоже умел считать и знал правила этой жизни.

Выпили с атаманом еще по одной. Мария проводила Лекшу на крыльцо, где быстро дотянулась до его уха и прошептала:

- Я не всё отдала. Меньшую половину.

Так же тихо он ответил:

- Умница! – и, громко, - Пойду готовить дом и перевозить вещи.

Вечером, в кровати, Василиса, тоже тихо, чтобы не услышал спящий за пологом атаман, спросила:

- Как ты не боялась такой клад с собой носить? Не дай Бог!

Мария беззвучно улыбнулась.

- Бог не даст! А если он не усмотрит, я ему помогу.

И, выхватив откуда-то свой нож, сверкнула им, как молнией, перед глазами Василисы. Та с уважением посмотрела на младшую подругу.

Ночью выпал свежий снег, да так много, что разом завалил всю дорожную грязь, покрыл почерневшую солому крыш, превратив селенье в сказочное царство, сверкающее льдинками под яркими лучами солнца. Раде, вставшей с первыми петухами, даже не хотелось уходить с улицы, так красиво было кругом. Ей даже жалко стало эту снежную нетронутость, которую истопчут сейчас сотни ног, копыт и колес. Но ничего не поделать! Надо только знать, что завтра, или послезавтра, снова выпадет снег и снова подарит людям это волшебство.

Рада приготовила на столе чистые тряпицы для перевязки, смешала свежую мазь и тихо села у стола. Ей надо было подтопить печь да поставить греть вчерашний кулеш для отца, но не хотелось ей будить его, такого усталого и всё понимающего. А старый Ведун,

делая вид, что спит, давно уже наблюдал за дочкой сквозь прищуренные ресницы, подмечая, как нарядно она приоделась и как заботливо всё приготовила. Для него, для Ваньши… Видно, чуяла своим девичьим чутьем, что должен прийти. А, может, и не просто девичьим чутьем. Недаром ведь в их роду все женщины были знахарками да ведуньями, и лишь некоторым мужчинам выпадал дар врачевать.

Рада вдруг встрепенулась.

- Вставай, отец. Пора уже. Уж третьи петухи пропели.

И метнулась к печи раздувать огонь. Через мгновенье во дворе послышался топот копыт. Коня остановили у крыльца. Хлопнула входная дверь, и в горницу вошел, в белом морозном облаке и припорошенный снегом, Ваньша.

Пока Ведун выходил во двор, задавая корм скоту и стараясь задержаться, чтобы молодые успели поговорить, Рада сменила повязку. Ваньша молчал, боясь неосторожным словом обидеть девушку. Вдруг она заговорила. Звук её голоса был для молодого воина, как гром среди ясного неба. Он был настолько изумлен, что не сразу понял, что именно она ему сказала. Хорошо, что сидел на скамье, а так бы и упал.

- Губа не сам упокоился. Я Богу помогла. Корешком тайным.

- Как… Как ты… Почему? Он тебя обижал?

- Не меня, тебя мог обидеть. Чуб не отстал бы, на казнь лютую тебя обрек бы, если бы Губа заговорил и всё рассказал…

- Что рассказал? Почему на казнь?

- Пока ты в жару был, много говорил. Я поняла, что ты Губу зашиб, спасая своих. А Губа, известное дело, злодей и душегуб. Люди плохо о нем говорят.

Ваньша в смущении опустил голову.

- А что, что я говорил?

- Что говорил, то уже сказал. А теперь расскажи мне правду, чтобы знала я, что не напрасно грех смертный на душу приняла.

И Ваньша начал рассказывать. Сначала хотел, было, умолчать о деньгах Турая, которые сначала украли его собственные слуги, а потом они… Но запутался в словах, не готов был складно лукавить. Да и Рада смотрела на него такими ясными глазами, словно читая его мысли. И он рассказал всё. Про уход из Орды, про Турая, про Гюльсан, про деньги, про то, как встретили отряд Чуба, как тот приставил к ним наглого и приставучего Губу, как опознали Губу стражники каравана и как он дважды, с удовольствием, приложил Губу по голове.

И словно камень с души упал. Стало легко и просто. И ничего не было больше на свете, кроме этих глаз и её самой - Рады.

- Если бы Губа очнулся и заговорил, схватили бы меня и судили. Товарищи мои, Ярый, Лекша и Малой, наверно, вступились бы, но что они могут втроем против Чуба и атамана! Спасибо тебе. Жизнью тебе обязан. Всё, что угодно, для тебя сделаю!

- Всё не надо делать. Женись на мне!

Ваньша потерял дар речи. Не зная, как ответить, он просто схватил руки Рады и, сжимая её ладони, просто молчал. Так бы они долго сидели, но в горницу, покряхтывая, вошел Ведун.

Увидев их сияющие глаза и руки дочери в руках Ваньши, он только улыбнулся в бородищу и пробурчал:

- Ты ей руки – то не сломай, воин. Ей еще людей врачевать…

Помолчав, добавил:

- Тайну –то страшную тебе открыла? Сама так испугалась, что даже речь к ней вернулась. И ведь не за себя испугалась, а за тебя, парень. Лишнего мне не говорите, а то сбрехну где ненароком. Скажите только, стоило оно того, чтобы дочь моя единственная такой грех на душу взяла?

Не отводя глаз от Ваньши, Рада твердо сказала:

- Стоило.

- Ну и ладно. Забыли. Не самый хороший человек был Губа, да, видать, судьба у него такая. Ты сам – то как, Ваньша, в вере крепок? Отцу Онуфрию на исповедь пойдешь? По Писанию судить, так ложь тоже грех. Так ты уж просто молчи, будто и не было ничего.

- Да не знаю я ничего о вере. Привезен был в Орду с крестом, так его и ношу. В храм наш в Сарае как – то хаживал, но просто посмотрел на лики и всё. Креститься Ярый научил. А про то, что было, я уж забыл.

- Вот и хорошо. Ну, смотрю я, у вас всё сладилось. Надо мне тебя благославлять, дочка?

- Надо, батюшка. Так ведь, Ваньша?

Словно опомнившись, воин опустил руки Рады и подошел к Ведуну.

- Не знаю, как это надо делать по правилам, но прошу отдать за меня Раду. Клянусь быть ей опорой и защитой. Люба она мне. В степи калым за невесту платят, я готов заплатить. Скажи, сколько.

- Да, степняк ты и есть степняк. У нас калым не платят, но подарок родителям невесты делают. Ты мне уже подарок сделал, самый дорогой. Дочь заговорила, и я снова вижу её счастливой. Так что, благославляю вас. Живите и плодитесь, и пусть Ярило и другие боги будут к вам милостливы.

Не удивляйся, Ваньша, что призвал я Ярилу. Он – наш, древний, славянский Бог. Деды и прадеды наши поклонялись ему. И он помогал. А уж нам, врачевателям, никак без него нельзя. Ибо в лесах и полях, где берем мы травы и коренья целебные, свои боги. Мы с Радой приняли, конечно, веру в Бога единого. Иначе нас не пустили бы в селенье и не разрешили врачевать. Но в душе почитаем наших богов и славим их. И отец Онуфрий про то знает и не требует полного

отреченья от наших хранителей. Говорит, человек должен сам прийти к вере. Может, дети ваши и придут.

Захотите вы венчаться в церкви или нет, ваше дело. Я вас свяжу в семью по нашим обычаям. И поверьте, нет ничего сильнее тех уз, что вы сами себе избрали. Неси, Рада, тот рушник, что мать твоя выткала и расшила!

Рада достала из сундука домотканый рушник, расшитый по краям васильками, и протянула отцу.

- А ну, Ваньша и Рада, встаньте передо мной и дайте ваши руки!

Он связал их руки рушником.

- Всё, дети мои. Теперь вы муж и жена. Живите и радуйтесь, да меня, старого, не забывайте!

Вытерев скупую слезу, все-таки набежавшую на глаза, Ведун заговорил нарочито деловым голосом.

- Ты, Ваньша, что делать дальше станешь? Чем жить?

- В сотне Ярого служить буду. Туда молодых воинов набрали. Меня десятником Ярый обещал сделать.

- Жить можете здесь, со мной. Места хватит.

- Я свой дом построить могу, - робко начал Ваньша.

- Свой дом? Откуда такие деньги? Еще, вроде, не десятник. Иль от прежней жизни? Ладно, в душу не лезу. Скажи только – деньги чистые, без крови?

- Без крови, батюшка. А чистые ли или нет, один Бог знает. Деньги чистыми не бывают. Ими зло меряют, а добро теплотой человеческой отмеряют, - Рада прямо взглянула в глаза отцу и не отвела взгляд, пока тот не согласился.

- Ладно, пусть будет так. А про дом потом поговорим. Пока привози пожитки сюда. Или жену в юрту свою повезешь? Вон даже

твой Лекша с новокрещенной Марией дом у Круга откупили. Да и Ярый ваш, говорят, дом покупает. Люди не зря говорят - богатые эти пришлые, видать, в Орде или по дороге сюда хорошо им привалило!

Так что, не дразни гусей и переезжай сюда. А деньгу свою пока припрячь, пригодится!

На том и порешили. И ускакал радостный Ваньша за своими вещами, а Рада и Ведун допоздна сидели за столом. Долгой и обстоятельной была беседа, пока привычные руки перебирали травы и коренья, готовили смеси, раскладывали их по полотняным мешочкам с вышитыми Радой специальными метками.

А то, не дай Бог, перепутаешь Жизнь и Смерть. Говорят, и такое бывает…

Зима вступила в свои права. Селенье и округу засыпало снегом. Степняки прекратили кочевье, остановили движение по степи караваны. Редкие всадники изредка появлялись на белом покрывале земли, и опытный взгляд дозорных сразу определял, кому не сидится у теплого огня –охотнику ли, гонцу, или своему брату – воину. Злые степные ветры так зализали поверхность степи, что уж не видно стало, где бархан, а где впадина. И горе было тому, кто плохо ориентировался в зимней степи. Их скрюченные тела часто находили потом, когда весеннее солнце растапливало ледяную корку.

Дозоры уходили в степь на двое суток. Иногда, когда небо затягивала степь метелью, сидели они на своих постах, у сложенных сигнальных дровниц и дольше, поддерживая в своих шалашах огонь.

В такую вот метель и прибыл в селение Гирей, за которым посылал атаман. Прибыл, уже не таясь, поскольку перестало быть тайной то, что не основывал он по воле Орды рубежного поселения, а живет своей жизнью.

Оставив коня и двух своих спутников, в запорошенных снегом бараньих бурках, у крыльца атаманского дома, он с шумом ввалился в тепло горницы, распространяя запах мороза, конского пота и чего – то дикого, необузданного. Сбросив свою заледеневшую бурку на пол, он весело сказал неодобрительно смотревшей на это Василисе:

- Не сердись, хозяйка! Снег – чистый, умываться можно!

Умная Василиса ничего не ответила, подняла бурку, чтобы вынести на крыльцо и ласково сказала:

- И ты, здоров будь, бек Гирей. Давай уж и папаху. Умываться пойду.

Сорвав с головы и бросив ей папаху, Гирей крепко пригладил бритую голову двумя руками и захохотал, сверкая крепкими белыми зубами:

- Ах, шайтан девка! Язык, как сабля моя! Как тебя Ухо раньше меня заметил тогда в караване? Была бы сейчас моей первой женой!

- А сколько их у тебя? – спросил сидевший на лавке атаман.

- Четыре, аллахом клянусь, четыре. Как Кораном предписано.

- А наложниц? – не унимался атаман, искоса поглядывая на задержавшуюся в дверях Василису.

- А кто их считает? – сделал вид, что удивился, хан Гирей. – Они же, как цветы в степи. Сорвал, полюбовался, запах вдохнул, и можешь наклоняться за новым!

И, сразу посерьёзнев, присел к столу напротив атамана.

- Чего звал так спешно? Но прежде, чем начнешь говорить и угощать меня, скажи, пусть позаботятся о моих людях. Они у входа. Мы сутки в седле.

Отдав необходимые распоряжения, атаман повернулся к Гирею.

- Угощенье и чай будут потом. Чарку налить? Или Коран не велит?

- Коран – это закон Бога, а чарка в метель – закон гостеприимства русичей. Я так понимаю?

- Так, так, - и Ухо щедро налил две чарки. Вкусно выпили, оттерев рот ладонью.

- Теперь о деле, - атаман демонстративно отодвинул рукой в сторону флягу и чарки, показывая серьезность разговора, - Чуб ушел. Хотел сам атаманом стать, оговорить меня пытался. Люди меня на круге поддержали. Ты сам видел, что его люди разбойничали. Говорят, что и сам он караваны брал. Его человека, Губу, царствие ему небесное, караванщики опознали, да и приметы самого Чуба показали. Для нас это - как нож к горлу. Если караваны мимо пойдут, дохода лишимся, и всю торговлю нашу оборвут. А, не дай Бог, ордынцы прознают, что здесь творится... Или на баскаков с собранной данью Чуб нападет. Сам знаешь, что с Ордой мне ссорится нельзя. Да и тебе тоже. Ты ведь вокруг нашего огня тоже греешься! Не случайно ведь ногаи сразу к тебе пошли, когда люди Чуба их кочевье разорили.

- Чуб много людей с собой увёл? – Гирей задумчиво поглаживал свою бороду. - Думаешь, тебе мстить будет? Интересно, куда он в зимней степи пойдёт, как думаешь?

От внимательного взгляда атамана не ускользнуло, что Гирей слишком спокойно воспринял весть о бегстве Чуба. Не взволновало его и то, что атаман прямо указал на возможную связь Гирея и разбоев в кочевьях.

«Мутишь, старый степной волк! Ох, мутишь!» Но лишь когда Гирей стал пространно рассуждать о том, что Чубу некуда деваться в степи и лучшее для него, это попытаться уйти в родные леса, атаман не выдержал.

- Ну, вот что, мой старый ордынский друг! Мы давно друг друга знаем, и прошли одну школу выживания. Пустые слова плести будешь перед своими. У нас с тобой нет зависти друг к другу, взаимных долгов и обид. Или есть? Молчишь, значит нет. Мы нужны друг другу, поскольку прикрываем друг другу спину. Чтобы не ударил враг. Поэтому говори прямо – Чуб ведь к тебе пришел? К тебе, к тебе! Больше некуда. Я зла на него не держу и мстить не буду. Он – тоже вожак, и ищет свою стаю. Мы с тобой нашли, а он пока нет. Потому и мечется. Может глупостей наделать. А ни тебе, ни мне это не надо. И так по лезвию клинка ходим. Ну, говори!

Гирей не долго думал. Хлопнув кулаком по столу, заговорил резко, отбросив напускную усталую истому:

- Ты прав, атаман, во всем прав. Ко мне прибежал Чуб. С ним еще восемь воинов. Просили убежища до весны. Про тебя плохого не говорил, сказал лишь, что два медведя в одной берлоге не уживутся. Я им дал ночлег, а рано утром выделил провожатых, из местных, чтобы провести мимо ногайских становищ, и они ушли.

- Куда?

- Сказал – к крымчакам. Те издревле враждебны и ногаям, и русичам, так что оттуда Чуба не выдадут. Если только за голову Чуба не объявят большой бакшиш. А за большой бакшиш крымчаки и мать родную отдадут! – громко рассмеялся Гирей. - Так что не бойся, атаман. Ушел с твоих земель Чуб.

- Да рано еще радоваться.

- Ты не знаешь главного. Тех двух злодеев, что ты выдал ногаям, перед смертью страшно пытали, и они показали, что на кочевье их навел Чуб. И еще сознались они в других злодействах – под пыткой чего не скажешь! – где главным зачинщиком был Чуб. И ногаи объявили Чуба кровником, а это значит, что не сможет он показаться на их земле или в месте, где они его достать смогут! Я ему это сказал, и он понял. До Таврии, где кончаются земли ногаев и начинаются владения крымчаков, им идти долго, да еще зима, снег и метели.

Мои провожатые вернутся не скоро, но как придут, я тебе сразу сообщу, что Чуб ушел из наших земель.

- Хорошо. И еще – скажи, Гирей, а почему Чуб к тебе пошел? У вас с ним какие-то общие дела были?

Прищурился хитрый бек, совсем стал похож на степного жителя.

- А вот это, атаман, тебя не касается. И Чуба не касается, какие у нас с тобой были и будут общие дела. Я сказал тебе всё, что мог. Если будешь угощать, давай, я голодный. Если раздумал, я к своим воинам пойду. Здесь ночуем. Завтра утром уйдем. Наш договор по караванам остается в силе?

- Конечно, в силе, хан Гирей. И угощать тебя я буду. И одеяло постелю здесь, на лавке у самой печки, чтобы тепло тебе было. А завтра у меня венчание с Василисой. Не удивляйся. Василиса и есть моя Су-линь. Она получила новое имя после крещения, и будет моей единственной женой. Приглашаю тебя и твоих джигитов завтра ко мне на свадьбу.

- Василиса… Единственная жена… Чудные вы всё – таки, христиане. Спасибо за приглашение, но завтра меня ждут уже в другом месте. Но подарок за мной!

Ночевать у тебя в доме не стану, извини. Угощенье твое приму, но спать пойду к воинам. Спокойнее мне так.

- Понимаю.

Уже совсем поздно, когда Мария уснула, Василиса пробралась к спящему атаману и, тихонько разбудив его, шепотом, на самое ухо, спросила:

- А какие у тебя дела с Гиреем? О каком договоре он говорил? Злые дела творите?

- Нет, не творим. Гирей принимает караваны почти от моря и сопровождает сюда. Договаривается с караванщиками и передает

их под охрану мне, и мы ведем до первых почтовых станций. И мы, принимая там караваны, доводим их сюда и передаем Гирею, который ведет их к морю. Заодно сообщаем друг другу, что за люди и какой груз следует в тех караванах, и куда они идут. Чтобы спокойно здесь жить, всё знать надо. Мы караваны не берем на саблю, а охраняем. Тем и кормимся. Спи давай!

Не сразу, но поверила Василиса атаману. А куда деваться?

Накануне венчания отец Онуфрий потребовал, чтобы будущие супруги исповедались у него.

На исповеди Василиса была честна, искренне покаялась в грехах своих мелких. И была прощена, выйдя из церкви просветлённой и воодушевленной. Такой же она себя чувствовала и после крещения. Словно приобщилась к чему – то необычайно светлому, открыла для себя окошко в тот мир, где она уже не одна, со своими печалями и заботами, а может всегда найти себе поддержку и обещание вечного мира своей душе. Она едва ли могла представить себе, что это такое – «вечное», лишь зная со слов своего учителя Ли о живших больше века людях. Но само обещание этого вечного, то есть не знающего последней грани, за которой начинается пугающая неизвестность, уже было приятным и успокаивающим.

Мария и Лекша тоже были честны. Просто не рассказали правду о деньгах тураевских. Но ведь батюшка про них и не спрашивал. Отпущение грехов получили. И тут же забыли об этом, поскольку их молодые головы были заняты только мыслями о предстоящем венчании и совместной жизни в собственном дом. И что такое – спасение, и зачем оно будет нужно потом, да и когда оно будет, это «потом», думать просто не хотелось.

Что уж там рассказывал на исповеди атаман, мы никогда не узнаем. На то она и есть – тайна исповеди. Но говорили они с батюшкой долго. И голос у отца Онуфрия, произносившего

традиционное – «Иди с миром, сын мой. Грехи твои отпускаю!», был суровый. Он попытался, было, добавить – «А во искупление грехов прочитай, сын мой, молитву «Отче наш» двенадцать…», но запнулся, махнул рукой и отпустил атамана.

Венчание было красивым и торжественным. Большому колоколу вторили два небольших, подаренных церкви атаманом. И звук колоколов уже не был тревожно – набатным, к которому привыкли жители этого затерянного в центре большой Степи и на перекрестке малых степей славянского поселения. Скрестив руки венчающихся, батюшка обвел пары вокруг аналоя, произнес необходимые слова и объявил, что отныне они становятся семьями. Для всех, присутствовавших на венчании, а церковь была забита людьми так, что от нехватки воздуха чадили свечи, а по стенам струились капли оттаявшей воды, было неожиданным узнать, что «раб божий Михей» - это и есть их атаман Ухо. Да атаман и сам, видать, давно забыл свое нареченное имя, поскольку, услышав его из уст отца Онуфрия, даже покрутил головой, пытаясь увидеть, а кто такой этот «раб божий Михей», что венчается с его невестой?

И было застолье, где за столами сидели принаряженные приглашенные гости, а остальные «браты» вольно расположились вокруг разведенных костров. Не входившие в Круг поселенцы тоже могли подойти, поздравить новобрачных и вкусить свою долю праздничного угощения. Было и несколько ногайских беков, восседавших на специально для них расстеленном ковре. Главные подарки степняков – бараны – жарились тут же на вертелах, обволакивая пиршество, всё поселение и, казалось, всю Степь таким запахом, что он разом затмевал все тяготы и невзгоды бытия.

Ярый, Ваньша и Малой, приглашенные Лекшой, тоже сидели за столом почетных гостей. Ярый, как сотник, занимал место ближе к атаману, а два других, не достигших еще заметного положения в военной иерархии Круга, занимали места на краю стола. Ваньша, не отрываясь, смотрел на Раду и Ведуна, устроившихся около одного из

костров, а Малой просто рассматривал всех, не зная, как себя вести в этой непривычной для него обстановке.

Незадолго до этого, в церкви, где Ваньша и Рада стояли рядом, тесно придвинутые друг к другу толпой людей, он прошептал ей на ухо:

- А мы с тобой будем так венчаться?

Девушка не сразу, но ответила:

- А зачем? Но если ты хочешь, я согласна.

После застолья, которое, к счастью, никто не испортил дерзкими словами или поступками, все разошлись к своим домам и заботам. Ваньша, наконец, увел свою Раду. Ведун, давая им возможность побыть одним, пошел навешать нескольких болезных, сказав, что вернется утром.

Лекша отвез Марию в новый дом. Она была в нем первый раз и сразу решила, что именно она в доме переделает, перевесит, переставит. Потом… Когда Лекша будет на службе….

Атаману, наконец, досталось его место на супружеском ложе, где он с удовольствием растянулся, нежно обняв рукой так уютно сопящую ему в плечо Василису. Шайтан этот Гирей. Как он сказал напоследок? «Надоест только одна жена, переходи в нашу веру! У нас всё можно!» Даже думать об этом не хочется….

Ярый ушел в свой, недавно купленный дом, стоявший на самом краю поселенья. Было холодно, поскольку печь он не топил. Зачем, когда он целый день со своей сотней, а спать в холоде ему привычнее. В горнице была лежанка и пара лавок, но Ярый бросил на ковер несколько бараньих шкур и улегся на спину. Тихо и одиноко. И опять в голову полезли мысли. О судьбе, о смысле его жизни, и о своем пути. Всё яснее он понимал, что еще не пришел к

цели. Но что такое – эта цель, где она, он не знал. Но знал одно. Он еще не пришел.

Малой же, выйдя после застолья на морозный воздух, сел на верного коня и, нахлестывая, погнал верного друга к своей юрте. Пробившись к ней сквозь позёмку, не стал сразу ложиться на свое место среди спящих и храпящих соратников, а сел у тлеющего посреди большой юрты костра и задумался. Надолго задумался. Может, впервые в жизни. Думал сразу обо всем. Но потом одна мысль затмила все остальные. Мысль о том, что у каждого в жизни своя судьба, свой путь. И уже не будет «нас», а будет «я». Будут приказы, помощь, доверие, но идти надо будет одному. И он это сможет.

Малой взрослел.

Долгой зиме, как и всему приевшемуся в этой жизни, наступила…весна. На вчерашнем снежном покрове степи вытаяли проталины, холмы и барханы выпростали из-под посеревшего снега свои верхушки, на которых сразу же зазеленела трава. В еще облачном, но уже поголубевшем небе стало заметно больше пернатых хищников. Почуяли, что вот – вот на волю из зимних нор выпустят степные и лесные матки своих еще неопытных детенышей. Да и падальщикам будет чем поживиться, когда тающий снег откроет тела тех, кому этот снег стал последним покрывалом.

В поселке, или как его всё чаще стали называть, станице (и на татарское «стан», то бишь, лагерь, похоже, и от степного «становища» отличается. Поскольку главное в нем – воины и дисциплина) первыми весну почуяли петухи. Народ сердился на их слишком раннее и яростное пение, на постоянные драки на птичьих дворах, но в душе тоже был рад солнышку и концу этой долгой, всем надоевшей, зимы.

Атаман с Дьяком, отрастившем за зиму пышные усы и приличное пузцо, затеяли учет в хозяйстве, готовясь к приходу

первых караванов. Да и запасы проверить надо было, рассчитать, сколько дани с окрестных становищ взять, и в чем особая нужда была.

Дозорные получили задание обновить вышки и сигнальные дровницы, проверить свои старые схроны и засеки, подготовить новые. Лекша, которого атаман всё больше выделял среди прочих дозорных, сбился с ног, проводя дни, а то и ночи в седле, к великому недовольству Марии. Сама Мария была в тягости, и, ожидая своего первенца, с утроенной энергией взялась за хозяйство.

Воины уже трех сотен приводили в порядок амуницию и оружие, готовясь к самому активному времени своей службы. Засидевшись в спокойную зиму в домах и юртах, они с удовольствием чинили сбрую и выезжали застоявшихся за зиму коней.

Больше всего работы было, наверное, у кузнеца. Старый алан Шамиль, пришедший в станицу еще с первым караваном и не пожелавший в свое время уйти с сородичем Гиреем, взял себе еще двух молодых помощников и хвалил себя за то, что зимой не поленился и расширил кузню. Хвалил себя и Ярый за то, что еще зимой, пока у Шамиля было не так много работы, он заказал тому два десятка новых стрел к своему арбалету. Увидев диковину, да еще украшенную причудливой резьбой, кузнец долго цокал языком. Была лишь одна проблема – у кузнеца не было столько железа. Поэтому договорились, что на наконечники Ярый отдает две имеющиеся у него не особо ценные сабли, а сами стрелы Шамиль обещал сделать из прочного черного дерева. Сломанный сундук из этого дерева когда-то оставили у него купцы – караванщики, которым кузнец сделал новый сундук из местной древесины. Стрелы получились удобные и красивые, но легче прежних, кованных. Ярому пришлось заново учиться их пускать, но опытный воин быстро освоил новое оружие. Пока Шамиль делал стрелы, а делал он их не быстро, с удовольствием, Ярый, которому нечего было делать в пустом доме, часто заходил в кузню. Шамиль тоже

был одинок, тоже имел не простое ордынское прошлое, и они сдружились. Сдружились настолько, что Шамиль не захотел брать с Ярого плату за свою работу. По законам Степи, настаивать на плате нельзя, и сотник просто прижал левую руку к сердцу и склонил голову. Это означало – «Ты мой кунак».

И вот, в один из весенних вечеров, когда Ярый, по обыкновению, заехал в кузню проведать своего друга, Шамиль передал молот своему подмастерью и пригласил Ярого присесть у низкого стола.

- Слушай меня, брат. Вчера у меня были два мои сородича, что ушли тогда с Гиреем. Им надо было оружие поправить. Пока работал, они рассказали, что под растаявшим снегом ногаи нашли два тела. Лица были уже расклеваны воронами, но по оружию ногаи признали людей Гирея и отвезли тела к беку в лагерь. По словам моих сородичей, это были те люди, которых Гирей отправил с Чубом через ногайские земли. Их зарубили и сняли теплую одежду. Я знаю, что ты братался с Чубом и не ссорился с ним. Просто предупреждаю. Гирей сильно разозлился и назвал Чуба своим кровником. Ты знаешь, что это означает. Гирей – страшный человек. Не становись у него на дороге!

- Спасибо, брат. Я тебя услышал.

По пути домой Ярый обдумывал ситуацию, но не смог определить для себя, плохо это или никак не отразится на нем и на станице. Так ничего и не решил, но на сердце осталась какая-то тревога. Атаману Ярый ничего не сказал. Не утаил, а просто не знал, зачем это атаману. Да и не нужно «рабу божьему Михею» знать, что у него, у Ярого, есть свои уши в станице. И в лагере Гирея. Мало ли как жизнь повернется…

Прошло еще немного времени. Снег в степи почти исчез, и через станицу прошел первый караван. Судя по загорелым лицам караванщиков, в тех странах, откуда они совсем недавно вышли, не

знают, что такое снег, ветры и вьюга. Провели первое торжище. Не такое активное, поскольку у местных еще не было ни лишних денег, ни товара для обмена. Но в торговом деле важен почин. Это понимали и купцы, разминающие на немногих покупателях свое красноречие и проверяя их реакцию на новые и традиционные товары. Караван привели люди Гирея, сразу же ускакавшие обратно. Они даже не общались с атаманом, а значит, решил Ярый, Гирей тоже решил скрыть историю с найденными телами.

Атаман Ухо принял у себя караван – баши и купцов, следующих в караване, пообещал им от имени Орды безопасность в дальнейшем переходе. Караван шел в Китай, через Сарай, где после смерти Бату-хана, или, как его называли в разоренных им русских землях, Батыя, ханствовал над Ордой его младший брат хан Берке. Степная молва уже разнесла весть о том, что Берке отравил хана Батыя, убил его сына Сартака и внука, малолетнего Улугчи. Говорили, что Берке жесток и злопамятен. Атаман был особо заинтересован в том, чтобы караван не принес неприятных для Берке новостей об их лагере и всячески подчеркивал, что он обеспечивает закон Орды на этих землях.

Сопровождать караван должны были два десятка из сотни Ярого. Отобрав людей, Ярый нарочно взял один из десятков, командир которого накануне сильно повредил себе ногу, и назначил десятником и главным над охраной Ваньшу. Не всем воинам это понравилось, но Ярый заставил недовольных замолчать, добавив, что Ваньша знает места, по которым пойдет караван, знает главного на почтовой станции и людей, которым передадут караван на охрану. Довольный своим назначением, Ваньша приосанился в седле, гордо поглядывая на стоявшую неподалеку Раду. Та улыбалась своему мужу, одной рукой заслоняя глаза от уже припекавшего солнца, а другой – придерживая заметно округлившийся живот.

Отведя Ваньшу в сторону, Ярый наказал ему:

- Пойдете через яму Михайлы. Осторожно, не нарвись на знакомых из Орды. Узнай, как там наш товарищ, что у Мирона вместо сына остался. Дальше не ходите, опасно. Попробуй на станции Михайлы передать караван Актаю. Надо новобрачному приятное сделать. Да что тебя учить! Сам всё знаешь. Давай, десятник! Держи судьбу на аркане!

Караван ушел, и жизнь в станице потекла по обычному руслу повседневных забот. Атаман готовил свою сотню для объезда ближайших кочевий и сбора так называемой малой дани на содержание лагеря. Малой она называлась потому, что после зимы с кочевий брать было особо нечего, да и нельзя, ибо если выгрести все подчистую, то голод мог поднять и без того неспокойных ногаев на восстание. Брали, прикрываясь ордынской пайцзой, только необходимое – мясо, в живом и блеющем виде, коней для воинов и то из продуктов, что ногаи могли выделить сами. Воинов должен был сопровождать Дьяк со своим писцом, аккуратно занося всё взятое в специальный свиток. Этот свиток, по мнению атамана, должен был придать всему сбору дани официальный вид и подчеркнуть, что они действуют по указу и на благо Орды. Кроме того, Дьяк должен был после объезда представить атаману подробный отчет о настроениях в кочевьях и любых изменениях, которые могли представлять угрозу для их лагеря.

Охрану станицы, вместо уходившей за данью атаманской сотни, должна была нести первая сотня Ярого, который уже начал необходимые приготовления.

Но поздно вечером следующего после ухода каравана дня в станицу прискакал на взмыленном коне один из воинов, ушедших с Ваньшей. Вбежав в дом атамана, он рассказал, что к ним движутся два тумена хана Берке, вышедших в боевой поход, и уже через два перехода этот отряд может быть здесь. Цель похода держится в тайне, но с туменами идут сборщики податей, баскаки, и чиновники

«дарюги» - ордынской канцелярии, занимающейся захваченными территориями. Как бывалому ордынскому воину, атаману было ясно, что отряд в двадцать тысяч всадников с чиновниками Сарая может идти либо на завоевания новых земель, либо на покорение уже завоеванных, но непокорных. Что замыслил в своей Белой юрте хан Берке – одному Богу известно, но проход его конницы через эти земли сулил тревожную неизвестность и много угроз для атамана и его станицы.

Прежде всего он пересмотрел свое решение об отправке людей за данью и охране станицы. За данью атаман отправил сотню Ярого, сказав тому взять с собой Лекшу, Малого и еще несколько воинов, самовольно ушедших когда – то из Орды. Сотнику строго было приказано, под угрозой прихода монгольской конницы, брать больше припасов и коней и сразу переправлять их в лагерь. Ногайским бекам также должно быть наказано не прятать воинов от призыва присоединиться к монгольскому войску, а наоборот, подготовить их для этого. Иначе…

Ногаи хорошо знали, что значит неповиновению монголам в боевом походе.

Дьяк с его учетными записями и атаманской сотней остались в лагере, где спешно занялись подготовкой к встрече и приведением в порядок запасов. Срочно был отправлен гонец к Гирею, хотя атаман не сомневался в том, что бек давно уже был оповещен об ордынском походе и принял необходимые меры предосторожности. Ведь ему было, чего бояться… Атаман понимал, что монголы узнают об отсутствии второго лагеря, и уже решил для себя, что не станет выгораживать Гирея.

Ордынское войско показалось к концу следующего дня. Еще влажная земля не давала того облака пыли, которое заранее предупреждало о приближении многих тысяч коней, и только нарастание гула самой земли подсказало, что войско уже рядом.

Станица словно вымерла. Уже отвыкшие от Орды люди, под строжайшим запретом атамана, не могли убежать, и лишь заперлись в своих домах, молясь своим богам.

Атаман со свитой, в степной одежде и с развевающимися монгольскими воинскими бунчаками, выехал навстречу войску. Когда они выехали на гребень очередного увала, с которого могли видеть походную колонну, они были остановлены боковым разъездом монголов, старший которого, узнав, кто они такие, сопроводил атамана к походному шатру командующего походом. Хан Ахмат, как сообщил атаману сопровождающий его воин, был двоюродным племянником хана Берке. Походный шатер хана Ахмата установили, по его распоряжению, в четырех полетах стрелы от станицы атамана. Конница и обоз стали обустраиваться на ночлег вокруг ставки хана. Подъезжая к шатру, атаман не переставал удивляться слаженности и дисциплине монгольского войска, от которой он успел отвыкнуть за эти годы своего полувольного пребывания в этих землях. Воины четко и быстро ставили ровные ряды юрт, выстраивали в охранный периметр кибитки и повозки обоза. Около юрт быстро разводили костры, готовя котлы и припасы. Для коней уже были поставлены поилки и кормушки, в которые засыпали зерно. Чуть поодаль располагался лагерь следовавших в обозе чиновников, где не так четко, но тоже быстро ставили юрты и разводили огонь.

Войдя в шатер хана Ахмата, атаман увидел совсем молодого монгола на походном стуле, в боевом снаряжении, около которого стояли несколько более пожилых воинов в богатом вооружении. Атаман преклонил колено – сотник же, не просто так! – и поприветствовал хана, назвав себя. Тот, разрешая знаком подняться, отрывисто, как и положено хану из рода чингизидов, спросил:

- Откуда ты здесь, сотник? Кто тебя прислал и что здесь делаешь?

- По воле хана Сартака основал здесь рубежное поселение и охраняю границу Орды. Храню караванные пути и помогаю в сборе и отправке дани в Сарай.

- Сколько у тебя людей?

- Была сотня. Сейчас, во исполнение ханской воли, обучил и посадил в седло еще почти сотню, - слукавил атаман.

- Эй, Ибрагим, сколько они получают от нас на содержание своего лагеря? – не оборачиваясь, бросил хан вопрос людям, почтительно стоящим позади него.

- Ничего, досточтимый хан. У нас не числится этот лагерь, и мы ничего им не платим, - с низким поклоном ответил ему один и стоящих.

- Как – не платим? Чем живете, сотник? – грозно посмотрел хан на атамана.

- Хан Сартак вручил мне пайцзу, по которой я собираю с местных становищ малую дань на содержание этого отряда рубежной стражи, - атаман достал и показал хану Ахмату медный знак с прикрепленным к нему свитком, - вся дань записана в учетные списки, которые ваша светлость может проверить.

- На обратном пути мои баскаки обязательно всё проверят, сотник. Но ты молодец! Завтра пришлешь нам голов двести коней и десяток повозок провианта. Сможешь?

- Смогу, ваша светлость. Воины охранной стражи великой Орды останутся без коней и еды, но я не смогу ослушаться досточтимого хана Ахмата.

- Да ты смел!? Нам нужны кони и еда для похода…

- Я знаю, где их взять. В одном переходе начинаются богатые земли ногаев. Недавно мне удалось примирить их внутренние склоки и напомнить, что они являются данниками Орды. Они могут дать коней, еду и даже воинов. К тому же, полезно будет показать

им силу Орды и вашу мощь, хан Ахмат, чтобы отбить у них желание выйти из-под руки Сарая.

- Смелый и умный! Хорошо, сотник. Завтра пришлешь проводников, и я отправлю сотню своих воинов взять у ногаев то, что мне нужно. Иди! Сегодня ты – гость моей ставки. Накормить сотника и его людей!

Когда атаман, пятясь задом, вышел из шатра, хан Ахмат в ярости ударил нагайкой по ковру перед своим троном.

- Смотрите, сучьи дети! Этот безродный сотник, без наших денег и помощи, верно служит Орде и не требует от нас ничего! Вы же, - он повернулся к жмущимся за его спиной чиновникам в полосатых халатах, - постоянно просите денег и твердите о трудностях.

Хан нервно прошел по ковру к выходу из шатра, но внезапно остановился.

- Но всё равно, напомните мне, что на обратном пути надо будет проверить его лагерь и то, как он выполняет приказы Орды. Хотя и были они отданы моим безвременно ушедшим братцем Сартаком, земля ему пухом. Внесите этот лагерь в список наших военных лагерей! И заберите завтра у ногаев больше коней, воинов и баранов. Не обеднеют. Их много по степи, и все время бунтуют, хотят вырваться из-под дани.

Когда атаман вышел из шатра, к нему подошел один из сотников хана Ахмата и пригласил атамана и его людей к своим шатрам. Атаман понимал, что сотник сделал это по приказу своего хана, но отказать не мог. Слова хана Ахмета - «Будешь моим гостем» означали – «Никуда не уезжай, пока не отпущу!». Так было в Орде, да и не только в Орде. Но не успел атаман расположиться у костра, как прибыл посланец от одного из темников с приглашением в свою юрту. Ослушаться командира десяти тысяч всадников атаман не мог.

Темник, немолодой и грузный монгол с заплетенной на бритой голове косичкой сидел на ковре в своей юрте. Остановив рукой атамана, который начал, было, витиеватое приветствие, он показал рукой на место перед собой. Налив себе в пиалу кумыса, он молча выпил.

- Тот темник, что привел тебя сюда, был из моего рода. Он рассказывал о своем походе, и о тебе говорил. Хорошо говорил. Перед тем, как умереть.

- Он умер? Как?

- Не тем и не то рассказывал. Хватит о нем. Я тебя позвал, чтобы ты рассказал о местных землях, по которым пойдут мои воины.

Атаман долго и обстоятельно говорил о местности, колодцах, становищах, ногаях и других племенах. Спросил лишь:

- А в какую сторону пойдут воины?

Монгол, пивший всё это время хмельной кумыс, хитро посмотрел на атамана уже пьяными глазами:

- А зачем ты хочешь знать? Это – тайна.

Атаман честно ответил:

- Степь большая, и от того, куда будет путь, зависит, с кем встретитесь и какой будет дорога. Не хочешь знать – не говори.

Монгол задумался и налил себе еще. Подумал, и налил немного атаману. Наклонился к нему и почти шепотом сказал

- Ты прав. Идем к Горам Мрака (Примечание автора – старое название Кавказа). Надо усмирить, наконец, вечно бунтующих алан. Да и эти два царства, грузинское и армянское, тоже плохо дань платят. Нет на них грозного Бату – хана. Или сына его, храброго хана Сартака! Давно бы покорили и русов, и угров, и франков, а не только этих жалких алан. Но хану Берке нет дела до слабых и нищих русов. А сильных франков и угров он просто боится. Связался со своими имамами. Всю Орду заставит в мечети ходить…

И пока атаман рассказывал об особенностях пути к землям алан, темник допил остатки кумыса из бурдюка.

- Извини, сотник. Большим угостить не могу. В походе, сам знаешь, пить нельзя. Голова должна быть трезвая, а рука твердой! Езжай домой и жди к себе в гости на обратном пути. С богатой добычей пойдем, тебе подарок привезу. За твой рассказ. Где, говоришь, тот колодец у трех барханов?

Задумчивый прискакал атаман домой. Вроде, всё обошлось. Как говорят в степи, сабля над головой просвистела, только макушку малахая задела. Но если хан Ахмат вспомнит и проверит на обратном пути их станицу? От пронырливых глаз этих исламских баскаков трудно будет спрятаться. Что-нибудь да разнюхают. И атаман стал планировать, что надо сделать им с Дьяком, чтобы выжить.

А Ярый со своими людьми ездил по стойбищам. Ногаи уже знали о прибытии в их земли конницы Орды. Поэтому были приветливы, гостеприимны и щедры. Беспрекословно отдавали всё необходимое, и даже брались сами доставить всё в станицу. Юноши, вопреки ожиданиям Ярого, не только не стремились спрятаться, но с удовольствием собирались присоединиться к монгольской коннице, ладили свои луки и ножи. Все почему-то решили, что монголы идут воевать богатые греческие поселенья в Крыму, а затем – в Египет, и не хотели терять свою часть военной добычи. Ярый же думал, что монголы, как хотел этого Батый, да и сын его Сартак, решили пойти на земли франков, угров и германцев. Зная тактику монгольской конницы – наступать тремя или четырьмя колоннами, он думал, что через них идет самая южная колонна, тогда как остальные пойдут севернее, через русские земли. Представляя, сколько крови и горя это принесет народу, он в глубине души боялся, что монголы дойдут и до Новгорода. Только теперь он признался себе, что тянет его именно туда. И именно это

место – северная русская земля с Новгородом и было его мечтой. И даже если он ошибется, и всё там окажется не таким, каким он мечтал это увидеть, он всё равно должен туда попасть. И приняв это решение, понял, что и жить стало легче, и встало всё на свои места.

К последнему из намеченных ногайских становищ, расположенному недалеко от станицы, Ярый подъехал только с Лекшой и Малым. Остальных он постепенно направлял с полученной данью в станицу, не особо доверяя степнякам, которые подозрительно охотно хотели сами везти дань атаману. Дорога к юртам шла вдоль небольшой речки, берега которой поросли уже начавшим цвести кустарником и небольшими деревьями. Они уже почти выехали на открытое пространство, когда ехавший рядом с Ярым Лекша вдруг вскрикнул от боли. Длинная ногайская стрела не смогла пробить толстый войлочный охабень, который Лекша надел поверх обычного кафтана, и кольчугу, лишь слегка ранив воина в плечо. Лекша выдернул стрелу и повернул коня в сторону, откуда прилетела стрела. Ярый и Малой кинулись за ним.

В густом кустарнике опытные охотники сразу заметили примятое место засады, но следов бегства по влажной земле не нашли. Порыскав кругом, хотели уже оставить поиски, как вдруг Малой, подняв глаза вверх увидел что-то темное в еще пробивавшейся кроне дерева. Малой поднял руку и показал это своим товарищам. Темная маленькая фигурка, заметив, видно, что её обнаружили, вдруг распрямилась и прыгнула на соседнее дерево. Потом еще на соседнее, и так до тех пор, пока деревья не кончились. Воины не стали доставать луки, а просто ехали за фигуркой, пораженные увиденным. У самого края подлеска фигурка спрыгнула с последнего дерево и, по-заячьи прыгая из стороны в сторону, побежала в сторону юрт. Если бы трава была повыше, беглецу, пожалуй, удалось бы ускользнуть, но травоцветье еще не началось.

Кони быстро догнали беглеца. Маленький, в рваной фуфайке и войлочных штанах, он крутился волчком в кругу окруживших его всадников, прижимая к груди маленький лук. Из-под низко надвинутой шапки гневно сверкали черные глаза.

Лекша, у которого всё еще ссаднила кожа от стрелы, уже поднял камчу, чтобы ударом осадить беглеца, но Ярый придержал его руку.

От ближайшей юрты к ним бежала немолодая женщина, размахивая своим малахаем и пронзительно крича.

- Наргиз! Наргиз! Пощадите её! Она больна!

Подбежав к ним, она пронырнула под шеей коня Малого, подбежала к беглецу и, закрыв его своим телом, продолжала кричать:

- Не надо её убивать! Она больна!

Воины спешились. Ярый подошел к женщине и опустил свою тяжелую руку ей на плечо.

- Успокойся. Никто никого не убивает. Этот, - он показал на беглеца, - ранил стрелой нашего товарища. Говори!

Обмякнув под рукой Ярого, женщина заговорила, не отпуская беглеца из своих рук.

- Это – Наргиз, моя внучка. Ей всего девять лет. Она с детства охотилась с отцом, моим сыном. Его убили в прошлом году, воины из станицы. Убили из-за шкурок добытых им зверей. Убили на её глазах. Она прибежала ко мне, всё рассказала. По её глазам я поняла, что у неё что-то с головой произошло. То песни поёт, то молчит целыми днями. Потом берет свой лук, который ей отец сделал, и уходит. Охотится, нам дичь и зверьков приносит. Даже волка подстрелила. Как только до юрты дотащила! Потом кто-то из наших видел, как она в воинов из вашей станицы целится. Я ей

говорила, что в людей стрелять нельзя, а она мне отвечает – «Так - то в людей…» Я как чуяла, что беда близка. Вот она и пришла…

Женщина заплакала, крепко обнимая внучку. Та немного успокоилась, по-прежнему затравленно глядя на воинов. Малой попробовал взять у нее лук, но Наргиз зарычала и попыталась укусить молодого воина.

- Ну, старая, что делать будем? – Ярый действительно не знал, что делать, - убивать девочку мы не будем, но и оставить её здесь, на свободе, не можем. У нас ранено уже несколько человек и неизвестно, скольких еще она подстрелить может.

В юрту вбежал запыхавшийся тучный ногаец, в богато расшитом халате.

- Опять эта девчонка! Я говорил тебе, старуха, что она принесёт беду на весь наш род! Нам не простят! Сейчас здесь монгольская конница, они не будут разбираться, безумная ли это девчонка или весь наш род бунтует. Её надо убить или на аркан посадить. И лук отобрать!

- Я новый сделаю! – подала голос девочка, с гневом глядя на бека.

- Я убью тебя! – схватившись за нож, бек бросился на Наргиз, но был остановлен её бабушкой.

- Не надо убивать! Я знаю, что надо делать. У нас есть родичи, которые кочуют далеко отсюда, на юге. Там мой брат, он должен приехать и забрать девочку к себе, и вы о ней не услышите. Бек, не бери невинной крови себе на руки!

- Твой брат? Когда он приедет?

- Ждем через пару дней.

- Но я ждать не буду. Вот ордынские воины свидетели, что я не стану оставлять эту безумную девчонку, которая может угрожать им. Ни дня больше, ни мгновения! Эй, там, - крикнул он в распахнутый

полог юрты. Вбежал низкорослый молодой степняк, едва не запнувшись своими кривыми ногами и огромной саблей о старый ковер.

- Возьмите девчонку, свяжите, чтобы не убежала и везите в кочевье её родичей. Старуха расскажет, где это, - и, подумав, добавил, - перед отъездом зайдешь ко мне.

Пока кривоногий вязал арканом руки и ноги Наргиз, Ярый шепнул женщине:

- Езжай с ними. Не довезут…

И женщина кинулась к беку, говоря, что сейчас соберется и поедет с ними. Тот хотел что-то возразить, но Ярый оборвал его вопросом о дани.

Потом, когда воины гнали груженых лошадей к станице, Лекша, еще морщившийся от раны, задумчиво произнес:

- А ведь она могла и в Ваньшу стрелу пустить. Тоже рука слабая была… Но глаз точный…

И еще через некоторое время:

- Убьёт бек девчонку. Вместе с бабкой.

Ничего не ответили ни Ярый, ни Малой. Так и доехали до станицы, и больше никогда об этом не вспоминали.

А ведь Наргиз могла выжить. И стать женой вождя какого-нибудь гордого и непокорного племени, и бороться всю свою жизнь с ордынцами. И смерть её могла быть красивой, в лихом бою, а не с перерезанным горлом, в степи, рядом с телом бездыханной бабушки. Но это была бы другая история….

Прошло еще не так много времени, и степь заколосилась всем своим многотравьем, засияла бездонной голубизной неба, брызгая

во все стороны лучами Солнца, этого повелителя и вершителя судеб всего сущего на земле.

Станица раздобрела и возмужала. Дома уже вышли за бревенчатый тын, подошли вплотную к реке. Русичи, в глубине души тосковавшие по лесам, сажали деревья у своих домов, защищая крыши от солнца сенью разраставшихся крон. Постепенно все воины обзаводились семьями и переезжали в дома, и лишь две большие юрты остались в излучине реки. Там жили бессемейные воины.

Шли караваны, воины ходили в дозоры. Ногайцы, заметно успокоившиеся после прохода через их земли хана Ахмата, забравшего с собой их самых горячих воинов, вели себя тихо и исправно платили малую дань станице. Главную дань – Орде ногайские ханы и беки возили в Сарай сами, минуя станицу. Атамана это не тревожило, ибо не входило в круг его обязанностей. Его дело – обеспечивать порядок, пресекать мелкие стычки и сообщать дальше, в Сарай, о приближении крупных отрядов потенциальных противников Орды. А в остальном – главное, чтобы не лезли в его дела.

Гирей пропал из округи, и даже всезнающие степняки потеряли его из виду. Говорили то про Крым, то про мамелюкские египетские земли. Кто-то принес слух о том, что Гирей присоединился к страшным хашишинам, которых идущие с караванами купцы шепотом называли ассасинами, но хорошо знавший Гирея атаман сомневался в этом. Уж больно горд и независим был бек Гирей, чтобы встать под чью-то властную руку. Даже если это рука всесильного Старца Гор.

Про Чуба тоже ничего не было слышно, а спрашивать о нем у ногаев было бесполезным и даже опасным занятием. Кровный враг он и есть кровный враг. На веки вечные. И даже спрашивающий о нем становился недругом. А ссориться со Степью нельзя. Особенно их маленькой станице, лишь формально считающейся частью

Великой Империи. Хорошо, хан Ахмат прошел, показал военную мощь монгольской конницы!

Именно к его, хана Ахмета, возвращению и готовил атаман свою станицу. Знал, что, если хан, такой же злопамятный, как и его дядя ордынский хан Берке, пройдет назад через станицу, он даст приказ своим баскакам и этим полосатым чиновникам из «дарюги» досконально всё проверить. А уж те точно что-то, да накопают. И носился атаман с неразлучным Дьяком по станице и её округе, доезжал до самых отдаленных стойбищ и кочевий, строго разговаривал с ханами и беками, подчеркивая, что является представителем Орды и готов от её лица, не только наказывать, но и прощать. Сопровождающие атамана или постоянно выполняющие его поручения воины атаманской сотни аж спали с лица, сутками не вылезая из седел. А по вечерам долго сидел атаман с Дьяком, своим сотником и отцом Онуфрием, что-то обсуждая и поглощая все домашние припасы, к неудовольствию Василисы.

Ярого к этим хлопотам не привлекали. Он давно понял, что не годится в наперсники атаману, до конца ему так и не доверявшему, а в случае прихода в станицу людей хана Ахмата, ему, Ярому, Лекше, Малому и Ваньше опять придется мотаться по степи или залечь где-то в укромном месте. «Как затравленному зверю» - лезло в голову Ярого грустное сравнение.

Прежние отношения боевого братства, когда-то связывавшие Ярого и трех его бывших воинов, сами собой распадались. Вопрос о доверии или подчинении, конечно, не вставал, но того духа сплоченности и единения, которое зародилось в ходе из бегства из Орды, уже не было. Они не собирались вчетвером у костра, не вспоминали былое, не просили, как раньше, у Ярого рассказов о походах и их по-прежнему далекой Родине. Он, как старший, мог бы их собрать в своем доме, попросить соседок приготовить им праздничный дастархан. Но он не делал этого.

И так складывалось, что Лекша всё свободное время проводил со своей Марией – Гюльсан, Ваньше не мог оторваться от своей Рады. Обе молодые женщины ждали потомства, которое даже появиться на свет должно было одновременно, и, когда мужья были заняты по службе, с удовольствием общались друг с другом. Третьей в этом женской обществе была атаманова Василиса. Сначала китаянка завидовала беременной Марии, потом ревновала её к Раде, а потом успокоилась, стала их старшей подругой и выговорила себе роль крестной матери их детям. Дружба женщин не прошла незамеченной, и атаман Ухо стал больше привечать Лекшу и Ваньшу, отодвигая в сторону Ярого.

И даже Малой, которого трое других продолжали считать младшеньким, несмотря на возмужалость и отросшие усы, заметно отдалился от них, предпочитая жить своей, отдельной от них жизнью.

Однажды вечером Ярый, по обыкновению, сидел в кузне у Шамиля и зачарованно смотрел, как из волшебного пламени горна искусные руки кузнеца вынимают клещами раскаленный кусок железа, аккуратно кладут на наковальню и несколькими ударами молота придают ему форму будущего творения. Он уже предвкушал, как заготовку снова предадут огню, доведут до красно-белого каления, а потом, опять на наковальне, два молота, Шамиля и его подмастерья, снова будут месить это железо, добиваясь от него стойкости и упругости. Затем – снова огонь и потом уже сам Мастер, красивыми и точными ударами своего молотка придаст металлу окончательный вид. И только потом, в зависимости от дальнейшего предназначения, заготовку остудят в воде и определят в нужное место. Шкворни, подковы и иные подручные железяки будут брошены в угол. Заготовки же для ножей, сабель и иных, достойных дальнейшей обработки Мастером, предметов, будут аккуратно сложены на рядно, где они отлежатся и будут терпеливо ждать, когда рука Шамиля и его верный глаз доведут их до той

степени готовности и совершенства, которые позволят Мастеру с достоинством вручить их новым хозяевам.

В этот момент дверь кузни распахнулась, и в помещение вошел Ваньша, добавляя в стойкий запах окалины ароматы степных трав и лошадиного пота.

- Мир этому дому! Ярый, тебя ищу. Пойдем или здесь говорить?

- Говори здесь. От друзей тайн нет.

- Довели караван до ямы Михайлы, передали людям Акая. Они доведут до Сарая. Акай кланяется тебе, жалеет, что нас на его свадьбе не было. К зиме тоже будет отцом. И Михайло с Любавой ждут первенца. Она веселая, смеется…

С их слов, у Мирона все нормально. Оба сына с ним. Старший почти полностью поправился, но на коня и к оружию Мирон его не пускает. Боится, что монголы в войско заберут.

Да, Ярый, назад мы шли с отрядом князя – русича, Александра. Не как охрана. У него свои воины и малый обоз. Его люди говорили, что он в Новгороде княжил, со свеями и ливонцами бился. Не про него ли ты нам тогда рассказывал? Он сейчас у атамана, ночует здесь, утром дальше идет, в русские земли.

Ну вот, вроде все сказал. Думал, много новостей, а в двух словах все и выложил. Если других дел нет, я домой поеду.

- Да, езжай, езжай. Рада уже заждалась, небось.

И уже в дверях Ваньша остановился и, повернувшись к Ярому, тихо сказал:

- Спасибо, что десятником и старшим поставил. С воинами сошлись. Вроде, приняли они меня…

- В добрый час. Старшим у них так и останешься. Прежний-то совсем охромел, не воин. Иди, десятник.

Когда Ваньша ушел, долго молча сидел Ярый, не отрываясь глядя в огонь. Шамиль не беспокоил его, изредка поглядывая на своего кунака. Потом, отложив молот, тихо сказал:

- Ну что, уходишь? По тебе вижу, что мыслями ты давно уже ушел отсюда. Маешься, места своего не найдешь. Может, и нет его, твоего места. Но искать надо, а то душа не успокоится. Не сомневайся, иди. Послушай старого Шамиля!

Возможно, именно этих слов не хватало Ярому для принятия решения. Он медленно поднялся со своего места и потуже затянул пояс с саблей.

- К князю пойду. Возьмет – уйду с ним.

Александр Ярославович, Великий князь Владимирский, возвращался в очередной раз из Сарая. Теперь это был Сарай – Берке. Новый хан Орды не захотел жить в столице, построенной его братом Бату – ханом, и велел возвести новый город, поражавший всех посещавших его роскошью и великолепием глинобитных дворцов, зеленью садов и журчащими фонтанами. Мудрый Александр сумел добиться расположения хана Берке и убедить того не посылать войско и баскаков в русские земли. Он обещал сам собирать и привозить в Орду дань, спасая, тем самым, людей и княжества от раззора. Это было очень непросто, учитывая ненависть хана Берке к убитому им Бату – хану и его сыну Сартаку, и вся немалая владимирская казна, взятая Александром с собой, была потрачена.

Князь Александр ненавидел ордынских захватчиков, но понимал, что у него нет сил вступать с ними в открытую борьбу. Он бил шведов, немцев, литовцев и тевтонцев, но даже если бы все разрозненные и грызущиеся между собой русские княжества объединились, их сил не хватило бы противостоять даже одной Орде, не говоря уже о всей монгольской империи.

Возвращаясь к себе во Владимир, он специально выбрал южный путь, намереваясь посетить Киев. Он вспоминал, как десять лет назад, после того как его отец – Ярослав Всеволодович бы отравлен в Орде, они с братом Андреем кинулись в Сарай – Батый, оспаривая друг у друга ярлык на Великое Владимирское княжество.

Тогда ярлык получил брат его Андрей, а ему, Александру, вручили ярлык на маленький и недавно разоренный самими же ордынцами Киев. Тогда Александр, сочтя себя обиженным, даже не поехал в Киев, а сразу направился в Новгород, верхушка которого тогда с радостью его приняла. Еще бы, ведь тогда шведы заняли Псков и подошли к воротам самого Новгорода!

Через год, когда его брат Андрей поднял смуту против Орды, Александр, жестко подавив бунт, бросился к Батыю и смог уговорить того не жечь Владимирское княжество. Он спас брата и получил ярлык на Великое Владимирское княжество. Тогда и началась его дружба с Батыем.

Свой отряд с заметно полегчавшим обозом Александр вел сам, поскольку его воевода, старый боевой товарищ еще по новгородским сражениям со шведами и тевтонами, тяжело заболел (или был отравлен?) в Сарае и ушел в чужую землю даже без отпевания. Ибо закрыл хан Берке все православные храмы в угоду имамам, и ни одного священника Александр не нашел.

Правда, смерть воеводы подвигла князя Александра на духовный подвиг. Он пришел тогда к хану Берке и сумел уговорить того учредить новую православную епархию в Орде. Убеждая хана, он убедительно говорил о том, что из русских земель в Орду идут все новые работники и воины, и будет лучше, если их будут окармлять в единой церкви, без риска создания новых, тайных, общин. Подозрительный Берке, боявшийся заговоров, согласился. Но и дальновидный Александр преследовал свои цели. Единая православная епархия в Орде подчинялась владимирскому

владыке, что давало князю новые возможности следить за обстановкой в Сарае и влиять на неё.

Свой походный шатер князь приказал разбить вне стен станицы, словно тесно ему было в этом ордынском стане. Стража беспрекословно выпустила Ярого из закрытых на ночь ворот, и он подъехал к княжескому шатру. Спешившись, сказал преградившим ему путь стражникам – гридням:

- К князю. Скажите, вместе рубились с литовцами, и он мне жизнь спас. Поблагодарить хочу.

Один из гридней скрылся в шатре. Вернувшись, откинул полог.

- Входи. Но оружие здесь оставь.

Ярый снял саблю и отдал вместе с ножом страже. Гридни его тщательно обысками и пропустили внутрь. Александр стоял в глубине шатра. Рядом, на столбе, висел его меч.

«Правильно опасается князь. Орда она и есть Орда!» - не приближаясь к Александру, Ярый степенно поклонился и сказал на славянском:

- Здрав будь, княже! Не знаю, помнишь ли, но я помню и хочу поблагодарить за то, что спас меня тогда после сечи с литовцами и тевтонами, из груды тел порубленных вынес, в лагерь свой взял, где выходил меня лекарь твой.

- Покажись! – Александр вгляделся в изуродованное лицо Ярого, - обличье не признаю, но битву ту помню хорошо. Помню, как степняк из ордынской конницы, что нам помогала, знатно рубился с рыцарями, как подрубили они его. Да, верно, после боя сам нашел его среди мертвяков и в лагерь свой взял. Так ты выжил! Хотя личину тебе попортили. Но не девка, не беда. Как звать – то тебя, степняк? Хотя по-нашему разговариваешь…

- Я – Ярый. Каким именем крещен был – не помню. Как с малолетства в степи звали, забыл. И вспоминать не хочу. Ярый!

- Из русичей? Добро! Да ты присаживайся вон к столу, на лавку. А то мне уже обрыдло на ковре сидеть.

Долго просидели они за разговором. Ярый всё рассказал о себе, о своём уходе из Орды, о станице, о прошедшем здесь хане Ахмате. Сказал и о том, что хочет уходить дальше, в северные русские земли.

- А почему туда? Сам оттуда?

- Не помню, откуда я. Но как побывал я там, у тебя, князь, под Новгородом, словно что-то надломилось во мне. Увидел, как русичи за землю и волю свою бьются, как живут свободно… Долго думал, но понял, что только там душа может успокоиться. Прямо спрошу – дозволишь с тобой идти? Если нет, буду ждать другой оказии. Одному не дойти…

- Да, воин, поставил ты меня на распутье, - князь задумчиво потер подбородок, - с одной стороны, ты, вроде, крестник мой, раз я тебя с того света вытащил. Да и воины такие мне нужны. С другой стороны – беглого из Орды привечать мне особо не с руки. Сам знаешь, что за это бывает.

Сделаем так – ты мне про Орду ничего не рассказывал, примкнул к моей дружине в пути, сказался вольным ратником. Будет это наша с тобой тайна. А там посмотрим. Авось кривая вынесет. Погуляем еще! А пока так – ночь тебе на решение всех дел. Утром, если не передумаешь, догонишь нас в пути. Идем мы до реки Славутич, или как его еще называют, Днепр. Там садимся на лодьи и плывем до Киева. Потом, перекатами и конно, добираемся до моего стольного Владимира. А там видно будет. Чую, в Новгороде затевается новая буза и придется мне идти со всей дружиной туда. Не могут свободные новгородцы спокойно жить! Тогда вместе пойдем. Задержусь во Владимире – твоя воля, со мной ли остаться, либо дальше одному судьбу свою искать. Ладно, иди пока, думай.

Ярый покинул княжеский шатер и направился в станицу. Чего там думать! Решение принято, и нет ни одной причины его менять.

Сначала – к атаману. Негоже было так, без прощанья, ехать от человека, который тебя принял, оказал радушие, да и вообще – ничего плохого тебе не сделал. Атаман принял его уже по-домашнему, в исподней рубашке, на которую успел накинуть кафтан. Выслушал молча, ничего не сказал. Кликнув Василису, налил по чарке себе и Ярому.

- Держать не буду, да и не могу. Каждый ищет свой путь, и лишь Бог знает, куда он ведет. Когда уходишь?

- Утром.

- С князем? Не отвечай, и так ясно. Твои воины с тобой идут?

- Еще не знаю. Но у Лекши и Ваньши жены в тягости, куда им идти. Да и прикипели они к станице. Скажу им, но по всему видать, с тобой останутся.

- Да, славные воины. А Малой?

- Не знаю. Скажу ему. Если захочет, со мной пойдет. Отпустишь?

- Никого не держу. Хотя жалко терять такого. Дом кому оставишь или выкуп хочешь?

- Дом оставляю Ваньше. Дальше пусть сам решает. И еще прошу – оставь его десятником, не пожалеешь.

- Добро. А кого на твою сотню поставил бы?

- Лекшу.

- Согласен, - атаман встал и подошел к Ярому, - давай обниму на прощанье и на удачу. Кто знает, свидимся ли. С Богом!

В своем пустом доме Ярый быстро собрался. Да и что там собирать одинокому воину? Не оброс добром… Достав из-под притолоки заветный ларец, разложил его содержимое на три узелка, спрятав их за пазуху. Выходя и притворяя за собой дверь,

даже не оглянулся. Никого он здесь не оставлял, ни живых людей, ни воспоминаний. Словно и не было этого дома, да и двух лет, проведенных в станице…

Лекшу поднял с постели. Коротко попрощался. К чему мужчинам слова? Всё и так понятно. Десятник, было, обиделся, что Ярый не предложил с собой ехать, но быстро подумал и понял, что их старший опять прав. Лекша уже нашел своё место, свою Марию – Гюльсан, а Ярый еще в пути. Из-за спины Лекши вышла закутанная в покрывало жена, протянула Ярому нож.

- Ты мне давал. Спасибо. С ним чувствовала себя сильной. Теперь он тебе нужнее.

Ярый узнал нож, который когда-то ему передали от рязанского князя Василько.

- Сохранила… Молодец. Прощевайте. Может, когда и свидимся. Храни вас Бог.

- Возвращайся, - тихо сказала Мария.

- Как сложится. Но, если вернусь, чтобы у вас много детей было! И воинов, и девок! Чтобы жизнь новую этой земле дали! – уже отъезжая, крикнул на прощанье Ярый.

В оконце дома лекаря мерцал свет. Ярый только дотронулся нагайкой до двери, как она открылась. Ведун, в накинутом бараньем тулупе, посторонился, пропуская Ярого в натопленную горенку. На столе были разложены травы и снадобья. На огне в печи булькал котелок, от которого приятно пахло мятой и еще какими-то степными травами.

- Ворожишь? Зелье приворотное варишь? – Ярый окинул горницу взглядом. Ведун был один.

- Ваньша с Радой там, - знахарь кивнул на занавеску у печи, - в котелке – травы целебные, будущему внуку полезные. Я тебе ждал, знал, что придешь. Знаю, что уходишь. Что ждет тебя – не знаю, но

идти ты должен, а то душа не успокоится. Ваньшу даже не зови. Они здесь гнездо навсегда свили. Да и меня дочки и внуков не лишай.

- И не думаю. Знаю, что это только мой путь. Пришел попрощаться и сказать, что свой дом им с Радой оставляю. И еще кое – что передать Ваньше хотел. Разбуди!

- Встал уже, - лохматый, но уже в портах, Ваньша вышел из-за занавески, - спасибо, сотник, что пришел. Еще когда князя этого русского увидел, сразу почувствовал, что с ним уйдешь. Много думал и понимаю тебя.

- С собой не зову. Рад за вас. Вот, возьми, - Ярый протянул Ваньше один из узелков. И, обращаясь к Ведуну, сказал:

- Это – его деньги. Из Орды еще. Деньги чистые.

Ведун пожал плечами.

- Им жить. И решать, что чистое, а что нет. Тебе верю, ибо вижу тебя насквозь. Иди, куда тебя судьба зовет. Бог у нас всё равно один, и пусть он хранит тебя. А от меня возьми вот эту мазь. Рану любую затянет. Главное – верить в неё. А ты – верь!

Ведун протянул Ярому туесок, перевитый тесьмой.

- Спасибо, - Ярый неуклюже поклонился, - может, свидимся.

Ведун усмехнулся в свою густую, наполовину седую, бороду.

- Их увидишь. А со мною – только там, - и кивнул головой куда-то наверх, - или там, - палец его ткнул вниз, на половик под его ногами.

Весь их разговор слышала Рада, стоявшая, не дыша, за пологом. Прижимая руки к груди, шептала про себя: «Не уходи, любый мой! Только не уходи!». Когда Ярый вышел, один, а Ваньша тихо присел за стол рядом с Ведуном, она сползла по стене, глотая слёзы.

Край ночного небо уже лизали первый отблески восходящего солнца, когда Ярый подъехал к юрте неженатых воинов, где обитал Малой. Тот сразу выбрался наружу по первому тихому окрику Ярого – что значит чуткий сон воина! Ярый достал из-за пазухи узелок, протянул его их «младшенькому», начал говорить о князе, о Новгороде, о своем пути, но Малой остановил его решительным жестом руки.

- Да ясно всё. С тобой иду. Долю потом возьму. Здесь хорошо, но это - не моя последняя стоянка.

Не успело еще солнце как следует расправить свои лучи во все концы необъятной степи, как два всадника, ведя в поводу груженых нехитрым воинским скарбом запасных коней, поскакали прочь от станицы. Они миновали два дозора, но те даже не окликнули всадников. Может, узнали, а может, просто проводили их задумчивым взглядом, как провожают степное видение, марево, которое то ли отражает явь, то ли просто показывает тебе твои же мысли и чаяния, давая повод задуматься.

Отряд князя они нагнали, когда полуденное солнце, вставшее точно над головами всадников и убившее их тень, посоветовало Александру остановиться на краткий отдых и водопой ровно в том месте, на которое накануне указал ему Ярый. Княжеская охрана, гридни, сначала, было, наставившие свои пики на подъехавших всадников, были остановлены властным голосом князя.

- Охолонь! Свои…

И это - «свои» - очень понравилось Ярому, да и Малому, спокойно спешившихся и направивших своих коней к водопою.

Князь сам подошел к воинам, окружившим Ярого и Малого, молча посмотрел на подъехавших и, встретив спокойный взгляд Ярого, просто сказал своим.

- Эти русичи с нами пойдут.

Дружина Александра, много чего повидавшая за годы служения своему беспокойному князю, просто приняла эти слова как приказ, и не докучала пришлым расспросами. Жизнь, она покажет…

Дальше русичей повели Ярый и Малой, хорошо знавшие эти места. Они показывали ручьи и колодцы, подводили к знакомым стойбищам, где за малую плату им давали еду и приют. Жарким утром третьего дня пути Ярый подошел к князю, собиравшемуся сесть на коня в обычной рубахе и красном плаще.

- Княже, входим на спорные земли кипчаков и крымчаков. И тех, и других много, бьются зло. Недавно здесь прошел ордынский хан Ахмат. Он шел на алан и горцев, но прошел здесь и оставил много разоренных стойбищ и обездоленных степняков. Они будут бросаться на любую добычу. Вели своим людям надеть кольчуги и шлемы, и соблюдать боевой походный строй. До Днепра еще день пути, и дай нам Бог пережить спокойно этот день.

Опытный Александр не стал спорить, надел доспехи сам и велел сделать это воинам. Опытные вои не стали роптать, зная цену каждого колечка их кольчуг в безбрежной степи под стрелами её обитателей. К Ярому подъехал один из гридней, личных охранников Александра, и передал ему две кольчуги.

- Возьми, князь велел. Тебе и Малому.

Ярый опять удивился, как быстро его «младшенький» нашел общий язык с дружинниками князя, которые уже знали его имя. Но кольчугу надел и передал вторую Малому.

Эти места были уже незнакомы Ярому, и они шли по солнцу. Светило уже завершало свой дневной обход и перевалило на вечерний путь. Тени от всадников стали длиннее, и едущие сзади уже стали топтать копытами своих коней вытянутые фигуры едущих впереди. Дневного отдыха не было, поскольку найденный колодец был засыпан, и люди, да и кони, устали. Поднявшись на один из курганов, они увидели дымы и юрты. Князь не стал раздумывать.

- Идем туда. У меня есть пайцза от Сарая, обязаны принять. За отдых, еду и воду заплатим.

Ярый пытался возразить.

- Я могу узнать, что за люди. Негоже так рисковать всеми.

Князь уперся.

- Угрозы не вижу. Там – либо караван, либо становище. Дымов и юрт мало. У нас дружина. Идем сразу.

Если говорит князь, как-то неловко возражать.

Дружина направилась к дымам. Ярый, на всякий случай, зарядил арбалет и передвинул поудобнее саблю. Глядя на него, Малой приготовил лук и копьё. Увидев это, некоторые воины тоже привели оружие в состояние готовности. Это спасло им жизнь.

Не успел отряд спуститься с холма, из придорожного кустарника, что отделял гряду от дымов и юрт, вылетел плотный рой стрел, нацеленных на дружину. Если бы не кольчуги и плотные охабни, надетые воинами, Александр остался бы без дружины. Ему самому стрела попала в плечо, но была остановлена наплечником и кольчугой. Ярый получил стрелу в грудь, но она, не пробив кольчуги, отскочила. Меньше повезло Малому. Его конь был сбит стрелой и, падая, придавил воину ногу. Еще несколько воинов дружины попадали наземь, но основная их часть с криками и ярость помчалась на засевших в кустах лучников. Опытные Ярый, князь Александр и несколько княжеских гридней остались на месте, у повозок их малочисленного обоза, настороженно оглядывая окрестности. Опыт не подвел их. Через мгновенье откуда – то сбоку вылетела группа всадников числом до трех десятков и молча понеслась на них. Ярый сразу отметил, что всадники нападали без обычного для степняков визгливого крика. Не сговариваясь, Ярый и Александр с гриднями отошли за повозки, спешились и приготовили луки. К ним присоединился прихрамывающий Малой. Метать

стрелы из-за укрытия было удобно, стрелки были опытные, и нападавшие, даже не достигнув ряда повозок, уже потеряли до половины всадников. На большом расстоянии лук удобнее и быстрее заряжается, но, когда всадники приблизились к повозкам, Ярый взял в руки свой арбалет. По опыту он знал, что в ближнем бою это оружие удобнее, и пока дело дойдет до сабельной сечи, у него есть два, а то и три, выстрела. Двумя стрелами он снял двух передних всадников, и, зарядив третью стрелу, стал выцеливать нового противника. Тут его внимание зацепилось за крупного всадника на красивом гнедом коне. Всадник, а с ним еще пару неотступно следовавших за ним воина, скакали несколько сбоку от основной лавы и явно собирался зайти с незащищенной стороны обоза. Что-то в облике этого всадника показалось Ярому знакомым, но в пылу боя раздумывать было некогда. Сотник выстрелил, целя в грудь всадника. Стрела попала тому в горло. Он откинулся в седле, удерживаемый лишь стременами, и конь унес его в сторону от сечи.

Отбросив арбалет, Ярый выхватил саблю и бросился на первого подскакавшего к повозкам всадника. В сабельный бой вступили и князь со своими гриднями. Не сумев проломить конями строй повозок, нападавшие крутились на конях, пытаясь достать саблями и пиками осажденных, но те были слишком опытными воинами и хорошо бились в пешем строю. Поняв, что им не взять добычу, нападавшие, число которых заметно уменьшилось, повернули вспять, но наткнулись на дружину князя, посекшую стрелков и повернувшую на выручку Александра. Сеча была короткой и яростной. Только двое из напавших уцелели и поскакали в степь, нахлестывая своих коней. Александр остановил погоню за ними, посчитав, что битва выиграна, а терять своих воинов ему не хотелось.

Воины князя пошли по полю, собирая своих и разыскивая, по приказу князя, кого–нибудь из напавших, кто еще мог говорить. Несколько коней стояли на поле, привязанные к телам своих павших хозяев кто преданностью, в кто - уздой или стременами. Ярый узнал

гнедого красавца, в стремени которого застряла нога его поверженного хозяина. Подойдя поближе, Ярый узнал залитое кровью лицо своего названного брата Чуба. Стрела арбалета вошла тому прямо в горло, чуть выше кольчужного воротника.

«Эх, легкая стрела, деревянная, не железная. По привычке целил, а она выше пошла. Так бы прямо в кольчугу ты её поймал. Может, и жив бы остался, братушка… Извини, не держал на тебя зла, ты сам на нас с мечом пошел. Видишь, как вышло!»

Погруженный в эти грустные мысли, Ярый не заметил, как сзади к нему подошел князь. Александр тоже ходил по полю, переживая за смерть своих павших воинов и следя за тем, чтобы увечные были подняты и размещены на повозках под присмотр лекаря.

- Что, Ярый, ищешь кого? Твой –то, Малой, живой! Вы теперь с ним оба хромаете. Он лихо стрелы метал и саблей бился. Чувствую, твоя выучка. На кого смотришь? Этот, вроде, не степняк. Как и многие из них. Сейчас подберут кого, кто говорить может, узнаем, откуда они и почему на нас напали.

- А ты, княже, его не узнаёшь?

Александр пристальнее посмотрел на залитое кровью лицо Чуба.

- Что-то мнится знакомое, но не признаю. А кто это?

- Был твоим гриднем, звался тогда Кольшей. Когда мы с ордынцами пришли тогда тебе помогать против тевтонцев и латов, я с ним вместе рубился, даже побратались мы. Потом он ушел от тебя. Я встретил его уже в станице, где он был вольным сотником и назывался Чубом. Потом он и оттуда ушел. Вот и встретились снова…

- Давно, видать, это было, - князь нахмурил брови, - многие люди у меня через дружину прошли, пока я за Новгород воевал, да со своими князьями русскими ссорился да мирился. Но этого вроде припомнил. Молодой я тогда был, воины мои, малая дружина, как

братья мне были. Этот, Кольша, лихой был. Вроде надумал жениться в Новгороде, да не приняли его в богатой новгородской семье. Вот он и ушел. Прихватив казну несостоявшегося тестя. И еще убил кого-то из той семьи, точно не помню. Меня потом за этот его проступок само Великое вече новгородское выгнало. В который раз… Правда, потом опять позвали, когда литовец Витовт грозить стал. Вот, Ярый, это и есть их свобода. Хотят – зовут князя, поклоны ему отвешивают и в верности клянутся, чуть захотел князь немного по своей воле покняжить – взашей его!

Князь нахмурился, с силой сжав рукоять боевого меча.

- Ладно, Ярый, пойдем. Там, кажется, кого-то живого нашли. Да и в лагерь их, пустой теперь, надо до темноты зайти.

Дружинники Александра и вправду нашли в куче посеченных тел одного, еще живого, и подтащили его к одной из повозок, оперев спиной о колесо.

- Кто вы? Пошто на нас напали? – голос Александра был тверд и жесток. Для ускорения ответа один из воинов ткнул пленника в кровоточащую рану. Тот крикнул от боли, но князь жестом велел оставить раненого в покое.

- Ну? Говори!

- Мы – вольные люди. Собрал нас атаман Чуб. Как прошел здесь монгольский хан Ахмат, много людей из разоренных стойбищ вольными стали. Чуб водил нас на караваны и кочевья, хотели потом на Хопер идти, где сейчас много таких собралось. Чуб говорил, потом большой силой можно на греческие города у Понтийского моря идти…

- Это – ваш лагерь? Зачем засаду готовили? Нас ждали?

- Чуб всё придумал. Колодцы вокруг засыпал, сказал, все караваны сюда сами пойдут. На мирные дымы и юрты. Как заманка была… Вас увидели, за торговцев приняли.

- Там, в лагере, есть кто?

- Никого. Было несколько человек, дымы поддерживать и меж юрт ходить, наверно, разбежались уже.

- Вода там есть?

- Да, родник бьет.

Александр отошел от пленного и приказал выслать к лагерю дозор, а потом и всем идти туда.

- А что с этим делать? – один из воинов показал князю на пленника.

- Мне лишние рты не нужны. И отпустить разбойника не могу. Он против нас зло творил, - и Александр снова с силой сжал рукоять меча. Уже уходя, услышал последний крик раненого и хруст вонзаемого в тело ножа.

Лагерь разбойников был пуст. Нашли нескольких лошадей, немного еды и какие-то вещи, явно награбленные в кочевьях. Своих убитых предали земле, раненых разместили в юртах, где ими занялся лекарь, напоили лошадей и наполнили водой все фляги и бурдюки. Дружинники расставили дозоры и стали готовить пищу. Вкусно запахло варевом. Князь пригласил Ярого в свой шатер.

Словно продолжая прерванный на поле брани разговор, Александр спросил:

- Видел, как ты стрелу из убитого вынул и себе взял.

- Да, то моя стрела. От самострела. У меня их не так много. Потому и собираю, если могу.

- Так это ты брата названного подстрелил?

- Не узнал.

- А узнал бы, не стрелял?

Ярый не ответил. Вошел гридень, принес на подносе немного еды. Александр жестом пригласил сотника разделить с ним скромную трапезу. Тот поблагодарил и взял кусок лепешки.

- Вина не предлагаю. Закон – в походе не пьем, - князь тоже взял лепешку, отломил край.

- И всё же, - продолжил он прерванный разговор, - стрелял бы в брата, если он на тебя с мечом идет?

Видно было, что вопрос этот далеко не праздный для князя, и сам он не может найти на него ответа.

- Не знаю я, - с трудом ответил Ярый, - что было, то уже было. Не рви мне душу князь. За все грехи ТАМ отвечу. Их у меня много. Одним больше…

- Ладно, забыли. А что за самострел у тебя такой? В степи таких нет, - сменил тему князь.

- Самострел – добыча от тех тевтонцев, с которыми мы с тобой рубились. В той сече, где меня подрубил этот, весь в железе и с крестом, я успел достать его чеканом и прорубить ему грудь вместе с латами.

- Точно, я это видел, - подтвердил Александр, загоревшиеся глаза которого показали, что он действительно вспомнил и словно заново переживает ту славную для него битву.

- Это видели и другие воины. И уже после битвы, когда ты меня велел перенести в лагерь, они привели мне коня того латника, к седлу которого были приторочены длинный меч и этот самопал со стрелами. Потом узнал, что фрязины называют его арбалет. Меч я куда-то дел за ненадобностью, а конь и арбалет до сих пор у меня.

- То-то я смотрю, конь у тебя не степной, явно тевтонских кровей. Жеребят – то породистых много в степи оставил?

- Да уж, он – не как я, старый бобыль, - всласть погулял.

И два воина рассмеялись, словно снимая с себя всё напряжение этого дня.

Дальше они шли спокойно. Степь их видела, но лихие люди опасались нападать на дружину князя, в редких кочевьях они справедливо расплачивались за еду, и степь их мирно пропустила. В пути умерли еще один воин из раненных в схватке с разбойниками, и очередной крест отметил место упокоения его души.

Так, мирно, следовали они к могучему Славутичу – Днепру, где князь намерен был погрузиться на лодьи и плыть в Киев. Воины дружины уже привыкли к Ярому, который не лез в их дела и не пытался командовать, хотя уже разошлись слухи о том, что они давно дружны с князем и вместе рубились в боях с тевтонами и свеями. Причем молва наделяла Ярого непревзойденной воинской доблестью. А то, как вел себя Ярый в недавней сече, его хромота и шрам лишь подтверждали эти слухи. Ставший всеобщим любимцем неунывающий и бесстрашный Малой лишь загадочно улыбался, когда его спрашивали о Яром, да пару раз якобы ошибочно назвал Ярого сотником, что еще больше поднимало авторитет последнего в глазах воинов дружины.

Беседуя во время пути с Александром, Ярый поражался уму князя, его памяти и знаниям. Хотя с самых ранних лет князь стал удачливым полководцем и храбрым воином, он был прирожденным дипломатом и политиком, прекрасно разбираясь и используя хитросплетения тогдашнего сложного мира. Позаимствовав эти способности от своего отца, Ярослава Всеволодовича, которого не зря прозвали «Мудрым», Александр успел пройти в отеческом доме хорошую школу, где свои знания в него вложили привозимые ему учителя – греки, латиняне. А еще были свои старцы, волхвы, старые вои. Потом, в своих странствиях по русским княжествам, он переложил эти знания на окружившую его жизнь и составил для себя достаточно четкую, жесткую, но

реальную, схему выживания Руси, которую он не отделял от своих личных устремлений. В эту схему вписывалась и его непримиримая борьба с братьями и другими родичами по многочисленному клану Рюриковичей за власть, служба в Новгороде по охране северных пределов Руси, хорошие личные отношения с Батыем, захватившем всю русскую землю, но не приславшем свою конницу в богатый Новгород. Александр побратался с сыном Батыя, Сартаком, которому отец отдал весь запад своего улуса, то есть Русь и Европу. И если бы не смерть Сартака и приход к власти в Орде принявшего ислам Берке, у Александра был бы шанс спасти русские земли от княжеских усобиц и объединить их под единой рукой. Пусть и под ордынским прикрытием, но без пролития крови русичей и угрозы их ограбления еще и со стороны западных соседей. При этом, если Орда была веротерпима и даже поощряла православную церковь, то Запад нес иной крест.

В лице Ярого князь Александр Ярославович нашел внимательного и умного слушателя, знавшего изнанку ордынской жизни и живо интересовавшегося положением в родных землях.

Обсуждая только что прошедший по этим землям поход хана Ахмата, князь объяснил Ярому, почему хан Берке направил конницу на земли алан, грузин и армян, а не на фризов, франков и угров.

- Пойми, воин. Хан Берке принял ислам и отрекся от завещанного Великим Чингиз-ханом уважения ко всем религиям. Сейчас он закрыл в Орде все христианские церкви, и наши, православные, и папские. Выгнал также всех язычников. И даже монгольские шаманы уже не могут свободно камлать в Сарае. Имамы, коих хан Берке привез из Хорезма, Ургенча и Самарканда, направляют его на христиан и иудеев, видя в них наибольшую опасность для себя. Русские земли сейчас хана Берке не интересуют. Слишком бедные, да и князья сами исправно буду дань собирать и через меня в Орду отправлять. И вера наша пока не набрала силу после того, как прадед мой князь Владимир крестил Киев. Своих пока не всех воцерковили. Многие еще пням кланяются. Не несём

мы, русичи, свою веру другим народам, оттого и неопасны мы имамам. А вот аланы уже шесть веков как Христа приняли. А армяне и грузины – еще раньше. И государства у них единые, и церковь - активная, поднимает паству свою на сопротивление Орде. Потому и направил хан Берке своего племянника, злобного и кровожадного, в этот поход. Не столько ему дань нужна, сколько имамы крови жаждут. Но Берке и от дани не откажется. Вчистую разорят эти земли.

- А вот отец Онуфрий в станице говорил о том, что Бог для всех один. А почему веры разные? Всё хотел его спросить, да не успел...

- Да веры - то, действительно, разные. Кто к чему привык… Но государству, если оно хочет быть единым и сильным, нужна и вера такая. В единого и сильного Бога. Таких верований, с единым Богом, не так много. Мой пращур Владимир не зря выбирал, какая нашим людям подойдет. Уж его и имамы, и огнепоклонники, и иудеи, кои давно сильны были в Киеве, обхаживали. Но он принял Христа, как это сделала его бабка Ольга. Батюшка мой говаривал, что за красоту и душевность церковной службы, которую он у греков видел.

- Так и латиняне верят в Христа. Чего же мы делим церковь на нашу и папскую?

- Души, и их кошельки, не поделили Папа в Риме и император в Византии, - горько усмехнулся князь, - потому и рассорились и церковь разделили. Напридумывали отличий. И тот, и другой с крестом друг на друга лезут. Но мы, русичи, остались за византийской, греческой то бишь, церковью. Ближе она нам. Да и привыкли, за три то века… Правда, не все русичи за свою веру держатся, особенно те, кто власть да богатство больше души своей почитают. В Смоленке, Полоцке и Чернигове князья и верхушка веру меняют как кушаки.

- А пошто так?

- На тех землях сильны поляки и литвины, давно под руку Папы перешедшие. Вот наши и мечутся, то в костел, то в церкву. Ищут, где

им выгоднее быть. Да и сами поляки и литы часто в православие переходят. Их князь Витовт раз пять веру менял. Захочет быть русским князем и все земли русичей под себя подмять, кличет наших попов, как нужны ему рыцари тевтонские, да ливонские с нами биться, так ксендза приглашает. Только бы не перепутать, с какой стороны на себя крест класть. Знаешь, почему мы разно крестимся?

- Знаю. Отец Онуфрий в станице сказывал. Что-то с духом святым.

- Ну да, Бог – всему голова, сын – единоутробный, а дух – он у сердца. Меня так отец в детстве учил.

Некое время ехали молча, погруженные каждый в свои мысли.

- А что, Папа и император и святых поделили? Детишек – то по святкам называют, - нарушил молчание Ярый.

- Ишь ты, воин, мыслить умеешь. Да, и святых поделили. Те, что до раскола были, так общими и остались, а когда разошлись, то у каждой церкви свой список появился.

Так, в разговорах, дошли они до Днепра – Славутича. Широка и красива река. Берега лесами поросли, с одного берега другой не видно. Множество лодей и расшив стояли у торговых пристаней, принимая и разгружая выращенное, добытое и сделанное людьми во всех уголках этого огромного мира. Княжеский тиун – управитель, на высокую должность которого указывала связка ключей на поясе, быстро сторговал три ладьи с гребцами. Идти надо было вверх по течению, да и пару волоков – перекатов предстояло преодолеть, и кормчие хотели брать больше гребцов. Это увеличивало число лодей до пяти, но князь твердо сказал:

- Три. Воины помогут и грести, и тащить ладьи на волоках.

И не потому так сказал, что хотел дать свои воинам возможность размяться после длинного похода, а просто не было у него денег на дополнительные ладьи. Дорого стоила поездка в Сарай с его завидущими глазами и загребущими руками.

Часть повозок расторопный тиун тут же распродал на торжище, коней и припасы погрузили на грузно осевшие в воде ладьи, гребцы налегли на весла, правя на середину. Там, поймав благоприятный ветер, кормчие распустили ветрила, и три ладьи заскользили по глади, вспенивая своими грациозными лебедиными шеями днепровскую воду.

Ярый подошел к кормчему.

- Пошто идем по середине? Здесь стремнина, идти тяжелее.

- Зато целее будем. Стрела с берега сюда не долетит. Лихих людей много, купеческое добро многих манит.

Ярый обратился к князю.

- Прикажи, княже, свой стяг вывесить. Чтобы с берега видели, что не купцы идут, но твоя княжеская дружина.

- Тогда еще больше стрел может с берега прилететь, да и на перекате может нас другая рать встретить. А нас мало. Нет мира меж князьями, Ярый. Но копья и щиты можем показать, дабы не думали, что мы – легкая добыча.

По приказу князя воины вывесили щиты на борта, а копья закрепили стоймя. Ладьи сразу ощетинились, и даже неопытному глазу было понятно, что перед ним точно не купеческий караван.

Шли ходко, и под вечер, когда ветер стих, подошли на веслах к малому островку, известному кормчим. Закрепили лодьи, запалили сторожевые огни и выставили дозоры. Свой походный шатер Александр велел не ставить. Ночевали по – простому, на попонах у костра, в обнимку с оружием. Князю постелили под огромным дубом, каким – то чудом выросшем на маленьком острове. Здесь

же, у костра, расстелил свою постель Ярый. Малой, насобиравший кучу хвороста, присел рядом на корневище дерева и время от времени подкидывал ветки в костер, не давая затухнуть огню. Не спалось. Глядя в бездонное, бархатно – черное небо с мириадами звезд, воины словно растворялись в этом безбрежье. Кто думал о хрустальном куполе, накрывавшем эту звездную темноту, и царящем там Вседержателе, смотрящем в это время на него, ничтожного человечка, которому так никогда и не познать Истину.

Кто-то просто смотрел на звезды, представляя их душами ушедших людей, и думал о том, что когда-то и сам засветится вот такой звездой, самой маленькой, но вносящей свою лепту света в небесное сияние. Вспоминал всех, ушедших на его веку, и других, кого он не знал, и тех, иных, когда – то тоже живших и смотревших на это звездное небо, где было столько же неисчислимых звезд…

- А ведь мои пращуры, и Игорь, и Олег, да и Святослав, тоже могли лежать под этим дубом. Они ведь ходили этим путем. И на византийцев, и на печенегов, и на хазар. От Киева к Понтийскому морю по воде – самый удобный путь, а с лодьями они управлялись хорошо. Недаром их родоначальник, Рюрик, на лодьях по северным морям ходил, да и в Новгород на лодьях пришел. Дракарами они их называли…

- И Киев он заложил? – подал голос Ярый.

- Нет, Киев до него стоял. Отец рассказывал, что город встал на месте переправы и торжища, где сходились для мены лесные и степные племена. А потом и греки продлили туда свои торговые пути. Киев разбогател, и стал лакомой добычей. И когда в Новгороде уже княжил Рюрик, Киев захватили иудеи – хазары, кочевавшие в этих самых местах. В сказаниях говорится, что тогда Киев просил Новгород о помощи, и князь Рюрик прислал по воде дружину во главе со своим верным другом Аскольдом. Тот хазар разбил, а сам в Киеве княжить остался. Не пропадать же такому добру…

- А хазары куда делись? – робко спросил Малой, с огромным вниманием слушавший князя.

- Куда же они денутся, кочевники? Степь - то большая. Раны зализали, новых воинов нарожали. И снова Киев взяли. Аскольд к тому времени ушел в свою Валгаллу, царство славных теней, и защитить Киев было некому. Правда, говорят, что тогда ворота города хазарам открыли их единоверцы, иудеи, коих уже достаточно было в Киеве среди торгового люда. Потом мы Киев снова отбили, и больше уж не отдавали. А потом пришли татары…

- А хазары куда отошли? Где они теперь? – не унимался Малой.

- Да дались тебе эти хазары! – князь даже приподнялся на локте, разглядывая, кто это там такой любопытный у костра. - Сам не из них будешь? Да нет, вреде косичек нет, да и не чернявый…

- Просто интересно. Я такого народа не встречал, хотя в Орде кого только нет.

- Было у хазар свое государство – каганат со столицей Итиль. Царь их назывался Великий каган. Интересно, что сами они были иудейской веры, а гвардия этого Великого кагана были набрана из хорезмийцев – мусульман, враждебных иудеям. Не доверял каган даже своим, потому и держал у своего трона мусульман, натравливая их на своих противников – иудеев. Видать, таким недоверием и расколол свое государство. Сгинуло оно, растаскали его другие, более сильные племена. Только в сказаниях о нем и поминают.

Ладно, спать давайте. А то скоро уже светать начнет.

На исходе пятого дня увидели купола киевских церквей. Уставшие гребцы и помогавшие им воины дружины дружно налегли на весла, и лодьи заскользили к пристани. Когда подошли, Александр спросил у сразу подошедшего к ним мытаря со свитком и писалом в руке, и увесистой мошной на поясе.

- Князь Ярослав Всеволодович у себя ли?

Мытарь распластался в подобострастном поклоне.

-Прости, княже, не сразу признал. У себя, у себя светлый наш князь Ярослав Всеволодович. Сейчас пошлем гонца сообщить ему радостную весть!

Но гонец, видать, уже убежал, и пока дружинники Александра разминали спины и ноги, вытаскивая из лодей небогатые пожитки, на пристань прискакал князь Киевский Ярослав с двумя гриднями. Спрыгнув с лошади, он бросился к Александру и обнял его. Сейчас было видно, как они похожи – высокие, статные. Рюриковичи! Только волосы Александра обильно покрылись сединой, да поступь была поосновательнее. Поздоровавшись с Ярославом, Александр обернулся к своим.

- Не расходиться. Завтра отходим.

И, обращаясь к киевскому князю:

- Припасов дашь, княже? А то поиздержались…

- Конечно, всё дам. Да и людей твоих накормлю. А почему завтра уходите? Думал, попируем, на ловы съездим.

- Не до веселья, князь. Пойдем, много чего обговорить надо.

Уже в княжеском тереме, откушав и едва пригубив хмельного, Александр попросил Ярослава отпустить всех из горницы:

- Разговор будет у нас серьезный, не для посторонних ушей. Не сердись, что не могу с тобой побыть дольше. Вести получил из новгородских земель. Там шведские рыцари нагло себя ведут. Видать, опять от Папы знак получили на нас идти. Войско собирают, в набеги на наши земли ходят. Мало им моего прошлого похода, когда я их крепости порушил! Новгород полк уже собрал, меня ждет. Хоть и ты там недавно княжил, но войском командовать зовут опять меня. Не взыщи…

- Какие обиды, князь! От меня помощь нужна? Большую рать не обещаю... Мне еще надо до конца с Даниилом Галицким и Полоцком разобраться, но Киев может полк выставить.

- Понимаю тебя, княже. Буду рад и малой помощи. Я получил от хана Берке слово, что отныне он не будет на Русь войска и баскаков своих направлять. Сами будем ему дань возить. Потому с этой стороны можно не ожидать нападения. Хоть города целы будут, до поля непожжёны и нетоптаны останутся. Хоть и нельзя Орде верить, но не до нас им. Берке своего племянника Ахмата на алан и горцев отправил. Оттуда им к нам идти не с руки. А сам он глаз свой хитрый на южный удел положил. Чем бедная Русь, его больше богатые Персия да Индия интересуют.

- Сам Берке, правду ли говорят, весь улус свой, всю Орду, исламской сделал?

- Так это, - Александр поудобнее уселся на скамье, положив под ноющий от давней раны бок мягкую подушку.

Долго еще говорили они, вспоминая былое и строя планы на будущее. Князь Ярослав, чей отец, князь Всеволод, получил имя «Большое Гнездо» за ум и многочисленных сыновей, понимал дальновидную политику Александра, сколачивающего под ордынской рукой сильное государство русичей, и старался, чем мог, поддержать его.

Отзвенели церковные колокола, и тихая ночь опустилась на Киев. Лишь колотушки ночных сторожей нарушали эту тишину, да полный месяц сиял в бархатном небе, когда усталого Александра проводили в его опочивальню.

А Ярый с Малым, пользуясь случаем, вышли посмотреть городище. За почти двадцать лет ордынского ига Киев пережил три больших пожарища, уничтоживших почти все постройки, и невесть сколько мелких. Но город жил, отстраивался. Место было бойкое,

привычное. Княжеский престол, хоть и уступил первенство, то есть Великое княжение, Владимиру, но оставался значимым. А потому строились заново терема, боярские и купеческие хоромы, склады, торговые ряды и пристани. И церкви.

Пока воины шли по мощеной улице от пристаней вверх, к детинцу, над их головами висел переливчатый колокольный звон. Не понимая еще всего смысла этих колокольных переливов – то ли на службу созывают? То ли праздник свой знаменуют? – они просто радовались этому звону, как гимну своей земли, чувствуя в нем силу и уверенность. В торговых рядах, открытых до последнего луча солнца, они поражались обилию и разнообразию товаров. И если к дамасской стали, персидским коврам и китайским диковинам они привыкли, то здесь они впервые увидели греческие узкогорлые кувшины, в которых продавали вино и масло, фряжскую посуду из стекла и олова, свежие дары садов и полей, горками рассыпанные перед разномастными торговцами. Не было привычного визга ишаков и верблюдов, мало было пестрых халатов и тюрбанов, а вместо привычных воды и чая разносчики весело предлагали горячий медовый сбитень и кисели.

Ярый купил им с Малым по чашке сбитня, который они выпили с удовольствием. А кисель пробовать не рискнули, ибо не поняли, как им есть это густое варево. Хотя запах так и притягивал их голодные желудки! Купив по привычной лепешке, хотели уже, было взять и кисель, но продавец уже унес свой товар позвавшим его купцам. Увидев, как те едят кисель из своих мисок специальными деревянными черпаками, Ярый с Малым переглянулись. «Хороши бы мы были с нашими лепешками!» - читалось в их взглядах. Чтобы не есть сухую лепешку, взяли еще по чашке сбитня, и уже довольные жизнью, вернулись на пристань. Ходили ли бы и смотрели еще, но стемнело, торжище закрылось, люди разошлись. На улицу вышел ночной сторож с колотушкой и увесистой дубиной. Благоразумно не став приставать к двум вооруженным путникам, он

предупредительно потряс колотушкой и дополнил оглушительный деревянный треск не менее громким – «Киев спит! Спит Киев!»

Взойдя на лодью, улеглись рядом с другими воями и гребцами, и приятно согретые сбитнем, сразу уснули.

Утром, поеживаясь от речной свежести, помогали грузить на лодьи припасы, которые князь Ярослав Всеволодович, сам наблюдавший за погрузкой, прислал Великому Владимирскому князю. Вскоре подъехал и сам князь Александр. Спешившись у сходен, обнял собрата и, пока гридни заводили его коня на лодью, говорил что-то тому на ухо. Видимо, приятное, потому как князь Ярослав широко улыбался:

- Всё сделаю, княже! Не подведём!

Когда лодьи вышли на стремнину, Александр подошел к Ярому, смотревшему на остающийся позади город.

- Что, хорош Киев? А ведь только татары полностью сожгли его дважды. А сколько зла ему принес князь Даниил Галицкий! Несколько раз пытался взять город. А ты знаешь, что этого Даниила сам Папа Иннокентий два года назад короновал как Киевского короля! Круля – как говорят поляки. Сам Даниил принял латинскую веру и обещал возглавить крестовый поход на русские земли.

- И как, возглавил? – Ярый с интересом повернулся к князю.

- Да, через год выступил вместе с литовцами Миндовга.

- Это, с которым мы тогда под Новгородом секлись?

- Да, с тем самым. Снова хотел с нами сразиться. Большое войско собрал. Хорошо, мне тогда половецкий хан Атрак помог. Мы с его воинами разметали войско Даниила и Миндовга. Эх, и пограбили тогда половцы Галицию и Литву! Я свою рать туда не пустил. Земли-то наши, русские. Но хана удержать не мог. Уговор у нас такой перед битвой был. Иначе бы не помог… Да и Полоцк мне тогда без боя достался. Испугался тамошний литовский правитель

Товтивал, что разбил я самого Миндовга, и отдал мне всё княжество. Вот уж туда я половцев не допустил!

- Выходит, опять русичи за своих князей страдание приняли. Но хоть князей этих, Даниила и Миндовга, поймали? За зло они ответили?

- Ушли они. К ордену тевтонскому. Сейчас, знаю, Даниил новый стольный град строит для своего Киевского королевства, у рубежей польских. В честь сына своего, Льва, назвал. Чую, хлебнем еще горя с этими князьями галицкими! Меж двух крестов вертятся, и от Папы помощь хотят, и на Руси кусок урвать пожирнее. Ничего, Бог даст – сладим! Поможешь? – князь пристально посмотрел на Ярого.

- Помогу! Тебе – помогу!

И опять был безбрежный Днепр – Славутич, хотя воины замечали, что местами уже и берега видны, да и ветер не так резво надувает ветрила, и все чаще гребцам приходится налегать на весла. Утром третьего дня подошли к первым перекатам. Каменные ступени были совсем близко к поверхности бегущих по ним струй, и лодьи, да еще груженые, не смогли бы преодолеть это препятствие.

Суда приткнули к берегу загодя. Кормчий княжьей лодьи точно подвел их к месту, где был оборудован волок. Короткие брёвна лежали, тесно пригнанные друг к другу, пропуская через себя выбитые топорами устья для лодейного хода. Часть гребцов стали выносить с лодей грузы, часть людей кормчий отправил вперед, проверить, цел ли волок, и, если надо, заменить пришедшие в негодность бревна. Александр направил нескольких воинов, включая хромого Ярого и еще прихрамывающего Малого в дозор. Остальные воины ладили к коням волокуши для перевозки грузов и готовились к перекату лодей снова к чистой воде. Пути там было, как прикинул проскакавший весь волок Ярый, три полета стрелы.

Работали споро, сноровисто, и скоро лодьи были вытащены из воды, затащены на бревна, а кили закреплены в устьях. Устья смазали жиром, несколько бочек которого специально везли с собой. Дружно впряглись гребцы, воины и кони, и первая лодья легко сдвинулась вперед, горделиво покачивая своей лебединой шеей. В конце пути, куда уже был доставлен груз, её плавно столкнули в воду, быстро загрузили. И отправились за второй.

К вечеру уже все три лодьи стояли на воде, груженые и готовые к походу. Люди валились с ног от усталости, и князь принял решение о ночевке. Места эти были тихие, беспокойное Дикое поле осталось позади, и спать легли с легким дозором.

До Смоленска дошли еще с одним волоком, и на четвертый день увидели смоленский детинец на высоком берегу.

- Да, славный город выстроил князь Глеб Ростиславович из рода Мономахова. Что значит, в стороне от Киева и Владимира, главных для татар городов Руси. Смоленск от набега только раз пострадал, да еще такой отпор дал, что отбил у Орды охоту нападать. Правда, и победнее других городов будет, но зато уже который год князь в Орду не ездит, ярлык не просит и дань не возит. Трудно будет Глеба уговорить самому дань собирать да через меня в Орду отдавать… Но войско у него славное!

Здесь князь не приехал на пристань к приставшим лодьям. То ли не предупредил никто, то ли гордый был, ровней себя великому князю Владимирскому чувствовал. Александр опять велел держать лодьи наготове и сам поехал с гриднями к княжескому терему. Через некоторое время прискакал от него гонец с наказом тиуну – лодьи разгрузить и отпустить, рассчитавшись с кормчими. Воинам было велено встать малым лагерем на ночевку и быть готовыми с утра выступить в поход к Владимиру.

Еще не совсем стемнело, когда приехал и сам князь Александр. Был он хмур и молчалив. Махнув рукой на тиуна, который пытался объяснить, что они не ждали князя сегодня и не ставили его шатер,

поскольку «малый лагерь» означал ночевку воинов в поле, Александр сел у ближайшего костра. Сидевшие там воины быстро отошли, а гридни постелили походное ложе князя, встав в темноте вокруг.

Утром, когда грузы были уложены на повозки, которые расторопный тиун где-то расстарался ночью, отряд выступил в поход. Александр сам подъехал к Ярому, который стал его постоянным собеседником, и, помолчав, заговорил.

- В Смоленск подъехали послы от литовцев. Не хотел с ними встречаться в чужом доме.

Опять замолчал. Ярый тоже молчал, чувствуя, что у князя есть ещё что-то на душе. И, действительно, тот заговорил:

- Литовцы привезли весть, что Даниил Галицкий порвал с Римом и снова вошел в лоно нашей церкви. Литовцы говорят, что Даниил готовит на них поход, теперь уже с монгольским ханом Бурундаем, и просят помощи у Смоленска. Видишь, Ярый, как все запутано у нас, в землях русских. Порой сам не пойму, кто за кого и с кем бьется. Не будет порядка, пока под одной сильной рукой всех не собрать!

- И Глеб будет помогать литовцам?

- Против Бурундая? Против Орды? Князь Глеб гордый, но не дурак. Согласился со мной, что литовцам помогать нельзя, но полки надо держать наготове, дабы Даниил, уже давший клятву данника Орды, не надумал и Смоленск прибрать к рукам при помощи Бурундая.

- Прав, княже. Запутано тут всё у вас. В Орде – то всё яснее было, как в войске. Есть монгольская империя, с Верховным ханом в Каракоруме. В ней есть улусы, подчиненные Верховному хану. Каждый из улусов имеет в подчинении завоеванные земли, с которых собирает дань. Один из улусов – Орда, которая держит Русь.

Сын ордынского хана Батыя, Сартак, хотел продлить Орду до самого Рима, но теперь хан Берке решил сначала подмять Восток.

- Силы есть, чего бы не подмять, - задумчиво молвил Александр, - вот и нам бы Русь так обустроить, чтобы все земли подчинялись одному княжескому столу. А пока своих сил на это нет, надо ловчить и Орду использовать.

Шли лесами, перелесками, дубравами. Отвыкшие от такого обилия деревьев, Ярый и, особенно, Малой, с интересом осматривали местность. Лето уже перевалило за середину. Пышная листва смыкалась над головами всадников, оставляя свету и осколкам голубого неба лишь крохотные просветы. Когда выходили на открытые участки, удивлялись кудрявым, как барашки, белым облакам, приветливо плывущим или застывшем в родном небе. Трава пестрела разноцветными цветами; зоркие глаза различали с высоты конского седла красные и черные точки ягод, коричневые шляпки грибов. На стоянках дружинники князя собирали эти дары полей и лесов, с удовольствием поедая их. Угощали они и степняков, но если ягоды очень понравились и Ярому, и Малому, то от поджаренных на веточках грибов они с отвращением отказывались.

Шли, поспешая, и уже на шестой день пути дошли до маленького городка, уютно устроившегося в излучине двух речек. Деревянные домишки окружали небольшой детинец. Торчали несколько маковок церквей. Улицы сбегали к воде, обрываясь мостками. По воде скользили рыбачьи челны.

- Москва! Мал городок, но расположен ладно. В центре моих земель. Пока боярина ставлю сюда, для князя маловат будет. Вот родится сын, сюда посажу, помогу укрепиться, - Александр снял шлем, вытер потный лоб ладонью и долго смотрел на Москву, словно представляя себе будущее этой вотчины своего еще не рожденного еще сына.

Не заезжая в Москву – а что там делать? – пошли дальше, к стольному Владимиру. Александр оставил обозы следовать под охраной тиуна и нескольких воинов, а сам, налегке, со своей охраной, поспешил домой.

Ярый с Малым, которых князь не позвал с собой, остались с обозом и так вот, тихо созерцая всё вокруг, шли до стольного града. Оставшийся без князя говорливый тиун нашел в них благодарных слушателей, рассказывая о родном для него городе.

- Град наш основал Владимир Креститель. Своим же именем и нарек. Надоело, видать, в Киеве княжить, сюда пришел. Место понравилось, видать. Но из Киева много людей привел, уже крещеных, мастеровых да торговых. Они и заложили град. А еще, люди сказывают, привел того батюшку из Корсуни, что самого князя Владимира крестил. Тот первый храм и поставил. А там и всех местных окрестили, кто в лес не убёг. Людишки те, киевские, тоже корни пустили, так потом и не разберешь, кто коренной, а кто пришлый. Хоть и теперь говорят – «А, хитрован киевский!» Так всегда в стольном граде, все мешаются, кто за властными прибыл…

А храм наш каменный, что на всю Русь прославлен, так тот князем Андреем Боголюбским заложен. И жжён был татарами, да стоят каменные стены! Господь бережет, да икона Божьей Матери, что князь Боголюбский собственноручно привез. И отец князя нашего, Александра Ярославича, там погребен.

Вот уж пять годков скоро минет, как князь наш, Александр Ярославович, во Владимире княжит, и дай ему Бог долгих лет!

- А и в Новгороде он княжил, и в Киеве, и в Суздале князем был, это как? – Ярый пытался разобраться в хитросплетении судеб русских князей.

- Э, воин, видать, давно ты на Руси не был. Род Рюриковичей – плодовитый! Дочек там вообще не считали, а сыновей рождалось много. Воевали они земли и везде своих сыновей ставили на княжение. Сыновья новые рождались, а земель – то больше не

становилось. Чтоб сыну землю дать, град нужен! А град в один день не строится. Вот и расплодилось их, и Рюриковичей, и городищ тоже! А потом и воевать меж собой стали, города делить, да новые закладывать, чтобы было, что сынам оставлять. Так и пошла рознь меж ними. А потом еще и ваши, татары, пришли, стали ярлыки на княжение давать, тут князья совсем распоясались…, - испугавшись, что сболтнул лишнее, тиун прикрыл рот и поспешил отъехать.

- Да не наши они, татары - то! Русичи мы! - запоздало крикнул ему вослед Малой и посмотрел на притихшего Ярого. Тот лишь усмехнулся:

- Что, браток, понял, что не только нам в Орде тяжело жилось? А каково им было, здесь, в Руси, среди княжьей распри жить, да еще набегов ждать? А они живут! И прав князь Александр – нужно единое и сильное княжество, единый закон и защита. А правила и подати – они есть везде. И в тереме, и в храме, и в юрте.

Когда обоз прибыл во Владимир, повозки сразу отогнали на княжеский двор, воины разошлись по своим привычным местам, и Ярый с Малым вдруг остались одни перед воротами княжеского детинца. Хотели уже, было, повернуть в городище, чтобы искать кров и еду, но вдруг появившийся тиун грозно, как и подобает управляющему великокняжеским двором, прикрикнул:

- Что стоите! Езжайте на княжеский двор! Там вас разместят!

Там их действительно встретили, коней поставили в стойлы, задав корма. А самим воинам показали комнатенку в пристройке, куда они поднялись по лестнице. Проводивший их отрок молча зажег кресалом лучину, сказав перед уходом, что поесть они могут в общей поварне, внизу. Бросив узлы с барахлом на лавки, Ярый с Малым сели тут же. Молодой воин не утерпел:

- Пойду, посмотрю, что за терем, да и есть хочется.

- Иди, а я спать лягу.

Не успел закрыть глаза, в створку двери кто-то сильно стукнул, и, не дожидаясь разрешения, в комнатенку вошел кряжистый и бородатый мужчина, в богатой кольчуге, с саблей на поясе. Заполнив собой всё помещение, сильным и хриплым голосом спросил:

- Ты, что-ль, Ярый?

- Ну, я, - сотник медленно встал с лавки, жалея о том, что саблю оставил у двери, а нож забыл положить под подушку. Расслабился в княжьем тереме…

- Дай, взгляну на тебя, - бородач подошел к Ярому, поворачивая того лицом к лучине. – Да, что года делают… Если бы твой малый в поварне не сказал, что ты с князем в той битве рубился, и князь тебя, порубленного, вынес, не узнал бы тебя. А так, вблизи, вроде признаю. Если бы не шрам… Меня не помнишь ли?

Ярый вгляделся в заросшее по щеки бородатое лицо, но не признал.

- А гридня Кольшу помнишь? Вы, вроде, даже братались, а я свидетелем вашей клятвы был. Ну, признал? Митяй я! Тебя – то, слышал, теперь Ярым кличут?

И Ярый вспомнил молодого, с едва пробивавшейся пушистой бородкой, воина из княжеской дружины, что был при их с Кольшей – Чубом обряде братания.

- Да тебя тоже не узнать. Эко, зарос, как медведь, да и погрузнел. Конь – то держит?

- Медведкой меня и кличут! – захохотал в голос Митяй, - а конь у меня - могучих ливонских кровей, рыцарей в броне носил. Теперь вот меня, воеводу, носит.

- Так ты уже воевода?

- Да, воевода князя Александра Ярославича Большого полка! – с гордостью произнес Митяй – Медведко. - И на Чудовом озере с

князем был, и на Неве вместе шведов месили, и в той битве с Миндовгом, где тебя подрубили, князя оберегал. Мы тебя вместе с Кольшей после сечи искал, да сам князь нас опередил. Нас тогда сразу в Новгород послали, о победе сообщить, вот и разошлись наши с тобой пути.

Знаешь ли, что твой названный брат Кольша в бега ушел? В невесте ему один новгородский купчина отказал, так он обидчика зарубил, казну из дома прихватил – и был таков!

- Мы встретились, - Ярый кратко рассказал о Чубе, умолчав лишь о том, что именно он убил своего непутевого побратима.

- Да, судьбина… А тогда новгородская верхушка не поверила, что князь Александр не может выдать ей на смерть своего дружинника, да и изгнала князя из Новгорода. Потом, правда, опять пригласила. И так много раз, со счета уж сбился, сколько раз мы новгородские и псковские земли спасали.

- Так с тевтонцами, да и литовцами, бьетесь?

- И со своями, и с ливонцами, и с поляками, и с Данилой Галицким. А сколько русских князей на Александра Ярославича меч поднимали! Даже его родной брал Андрей Ярославович супротив князя Александра пошел, на Орду взбунтовался…

- И что, князь на брата пошел? – вспомнил Ярый, как Александр всё допытывался у него, пошел бы он брата убивать.

- Нет, брата тогда не тронул. Бунт задавил, иных зачинщиков покарал сурово, а князя Андрея заставил уехать за северное море. А сам в Орду метнулся, вымолил у хана прощение для Андрея. Мол, подставили младшего Ярославича по недоумию. Шесть лет тогда провел князь Андрей в изгнании, потом вернулся, прощенья у князя Александра просил. Сейчас в Суздале княжит.

Долго еще проговорили бывалые воины. Ярый рассказывал о жизни в Орде, порядках в ордынской коннице, незаметно для себя даже хвастаясь её дисциплиной, выучкой и тактикой ведения

боевых действий. Митяю – Медведке биться против ордынцев не приходилось, лишь видел их в качестве союзников князя Александра, и он с интересом слушал. Сам он подробно говорил о битвах Александра, особенно о давнем лихом разгроме шведов на реке Неве, где совсем молодой еще князь своей малой дружиной пленил шведские дракары и наголову разбил захватчиков.

- Это был мой первый бой, а князь Александр получил почетный титул – Невский!

Но еще больше говорил Медведко о вероломстве своих, русских князей, кладущих головы своих воинов в битвах друг с другом, за власть и малые наделы. С горечью говорил воин об отсутствии единства у князей, их распрях и взаимных обидах. Ярый уже давно запутался в этих перечисленных Мстиславичах, Владимировичах и Константиновичах, а Митяй все перечислял, кто на кого и в союзе с кем выступает.

Наговорившись, Медведко поднялся со скамьи, едва не задевая притолоку своей мохнатой головой.

- Ну, бывай, друже. Отдыхай пока. Еще увидимся.

И, уже выходя, повернулся и молвил, понизив голос.

- Особо много не говори, да и малому своему рот вели прикрыть. Ушей здесь много разных. Не все князю Александру преданы, как я. Держать беглых из Орды и приближать их к себе – для него опасно. Всегда найдется тайный недруг, всё переврёт и донесет в Сарай! А, вообще, мой тебе совет. Уходи в Новгород, или еще дальше, в Ладогу. Там тоже не всё так спокойно, но тебя Орда там точно не достанет. А рядом с князем уж больно ты приметен. Бывай!

После ухода Медведко долго думал Ярый, ворочаясь на лавке.

А ведь прав был воевода - негоже им с Малым вот так при Великом владимирском князе красоваться. И так уже многие знали, что они из Орды самовольно ушли. Александр, видать, и сам это понял, когда оставил их с обозом и в отдаленном углу разместил. Ему, великодушному князю, неловко так вот и отправить их. А, может, и Медведко не просто так пришел? Понимает ближний к князю круг, что опасны для него пригретые ордынские беглецы. Надо уходить!

Дождавшись Малого, который с порога начал рассказывать, как красив терем и церкви, как вкусно готовят в поварне и какие там бойкие и красивые девки, Ярый оборвал его.

- Придержи язык! Мы – на земле ордынского данника и верного союзника Сарая. Спасибо тебе, уже все знают, что мы ушли из Орды, и сам князь Александр нас привечает. Просочись весть об этом в Орду, нашей выдачи тут же потребуют. И князь нас отдаст, чтобы себя и Владимир спасти. Меня уже предупредили, что нам лучше тихо уходить.

- Куда дальше – то? – Малый притих на лавке, поеживаясь. Видимо, вспомнил, что в Орде с беглецами делают.

- В Новгород. Или еще дальше. Аль хочешь остаться?

- Нет. Я с тобой. До конца, - голос Малого был тверд.

- Конца чего – земли или жизни? – в голосе Ярого звучала отеческая насмешка.

- А и того, и другого!

Утром, лишь петухи возвестили о первых лучах солнца, к Ярому и Малому пришел тиун и укромно, затейливыми переходами, провел на княжескую половину. Александр принял их по – домашнему, в маленькой горенке, стол и полки в которой были заставлены книгами и свитками. В углу висела икона Божьей матери, перед которой теплилась лампада. Приведя гостей, тиун хотел выйти, но князь велел ему остаться. Сам Александр сидел в резном

кресле за столом. Лавок в горенке не было, так что все пришедшие стояли перед князем.

- Ну, что, воины. Как и обещал, довел вас до Владимира. Я сразу в Новгород не иду. Тут много забот скопилось. Что думаете делать дальше? Сразу говорю, в дружину свою взять не могу. Почему – сами знаете, - голос у князя Александра бы ровный, звучный и властный, - гнать вас не гоню, но скажу прямо, что быть в стольном граде Великого княжества беглым ордынцам не с руки. Я – союзник и данник Орды, и дорожу с таким трудом налаженным миром. Скажите, чего хотели бы, и мы постараемся помочь.

«Точно, от него был Митяй – Медведко. Умен князь, подготовил меня к разговору. И тиуна оставил, как свидетеля…»

Поклонившись князю, Ярый спокойно произнес:

- Спасибо, княже, что довел нас под своей защитой сюда, в центр земель русских. Кормил и опекал в пути. Спасибо вам, - он поклонился и тиуну, - что просвещали по пути нас, неучей степных, уже забывших свою родину.

Князь нахмурился - «Издевается ли?»

- Не гневайся князь. Не хотел обидеть, но сердечно благодарен. Если отпустишь, пойти хотели бы дальше. К Ладоге – граду, или к Новгороду, если дозволишь. Лезть на рожон не будем. Хотим сесть тихо на землю и добывать свой хлеб честным трудом.

- А умеете? – в голосе князя звучало недоверие.

- Научимся! – твердо ответили Ярый и Малой.

Договорились, что уйдут завтра. Уйдут тихо, еще затемно, на своих конях. Тиун выделит им малый припас в дорогу. Никаких охранных грамот им дать не могут, но для прохода по землям владимирского княжества Александр вручил Ярому перстень с выбитым на нем изображении барса – личным знаком князя.

- Попадете к недругам, лучше сказать, что перстень сняли с руки убитого, или украли! Про Орду забудьте. На владимирской земле сказывайтесь увечными ратниками из-под Новгорода. В тех землях говорите, что были в полку смоленского князя Глеба, – строго предупреждал их тиун, провожая их через потайную калитку и поеживаясь от утренней прохлады. И уже совсем в спины отъезжавшим:

- Храни вас, Бог. Мало вы похожи на увечных ратников с новгородчины или смоленщины, ну да выкрутитесь. Не впервой…

Отъезжая от града вдоль Клязьмы – реки, оглянулись на возвышающийся над раскидистыми деревьями княжеский терем и перекрестились на каменную громаду собора. Ехать по кудрявым владимирским березовым рощам и дубравам было легко. Всадники, ведя в поводу запасных коней с навьюченной поклажей, больше молчали, с интересом осматривая русские земли. Наезженный тракт шел мимо полей с уже наметанными копнами, мимо небольших селений, жители которых не убегали прочь, но долго смотрели им вслед, гадая, куда едут, не спеша, два воина о-двуконь. За время их длинного пути из Орды, Ярый и Малой сменили свой облик и уже мало напоминали прежних степняков. Добротные кожаные сапоги, с заправленными в них портами, длинные кольчуги поверх домотканных рубах с расшитыми воротами. На головах – шлемы-шишаки. Во вьюках были и степные шапки из теплого меха, и полушубки, и длинные халаты, и мягкие меховые сапоги – ичиги. К седлам были приторочены луки с кочанами стрел. На поясах висели сабли. В руке Малого была пика с привязанным к наконечнику волчьим хвостом, а у Ярого, с другой стороны седла был прилажен его арбалет. Выглядели они грозно, и уж никак не походили на израненных ратников, как им присоветовал княжеский тиун.

Простой люд к ним не подходил, справедливо опасаясь вооруженных людей в столь смутное время. Лишь к вечеру к ним подъехали несколько всадников. Опасений у Ярого они не вызвали. Сидели охлюпкой, без седел, на неказистых лошадках, были бескольчужны и вооружены вразнобой, кто саблей, кто пикой, кто дубиной. Остановились чуть вдалеке, опасливо глядя на Ярого и Малого. Подъехавший от них назвался старостой близлежащего села и спросил, кто они такие и куда направляются. Тут же испугался своей смелости и добавил, что опрос проезжающих ведет по указке своего князя.

Запутавшийся в князьях, Ярый не стал спрашивать, какого князя тот представляет, а просто показал перстень Александра. Узнав знак Великого владимирского князя, староста молча отъехал с дороги, освобождая им путь.

- Раз так перстень действует, может заночуем в селе? Подхарчимся... – робко спросил чуть отставший Малой.

- Не надо дразнить судьбу. В лесу заночуем. Припасы есть, - даже не оборачиваясь, резко ответил Ярый.

Ночевали по-походному, по очереди дежуря у маленького костерка. Тверь и Торжок миновали, не заходя в города. Только в Вышний Волочек, маленький и очень приветливый городок, живший рыбальством и перевалами лодей и товаров, рискнули зайти. Ярый остался в лесу с лошадями, своим приметным шрамом и хромой ногой, а Малой, скинув лишнее снаряжение, поскакал к торгу. На торжище было много приезжих, и на него никто внимания не обратил. Купив нужное, засунул всё в переметные сумы и, не торопясь, как учил Ярый, поехал прочь, перемигиваясь с приглянувшимися волочанками.

Перейдя на земли вольного Новгорода, воины постепенно стали замечать разницу с владимирскими землями. Народ здесь был покрупнее, степеннее. Голубоглазые детишки не убегали

боязливо от всадников, а лишь уступали им дорогу, с любопытством разглядывая. Строения были основательные, иногда в два наката, крепко стоящие на своей земле, словно пустили в неё корни. Их не один раз останавливали, уже серьезные дозоры конных и пеших воинов, грозно опрашивающих всех проезжавших. Перстень князя Александра пока действовал, но уже не так быстро, как на владимирщине.

На одном из дозоров Ярый услыхал, как воины - новгородцы говорят о недавно прошедшем здесь ордынском отряде.

- Что за ордынцы здесь прошли? Через наши, владимирские, земли вроде не проходили. Конница? Кто ведет? – не мог удержаться от вопросов Ярый, понимая, чем может грозить им встреча с кем-либо из старых знакомых.

- Ээ, паря! А ты любопытный! Чего так ордынцами интересуешься? Не из них ли? Твой князь Александр их сильно любит, - воины дозора теснее обступили Ярого и Малого.

Понимая, что дело принимает серьезный оборот – не рубиться же со своими? – Ярый решился на полуправду.

- Недруги они нам. Приходилось с ними биться. Вот шрам и хромоту ордынцы мне оставили, а моего товарища подстрелили. Но и нас они могли запомнить. Боимся, что встретимся, и узнают нас.

Искренне говорил Ярый, и ему поверили.

- Ладно, брат, не боись пока. Шла не конница, а обоз с переписчиками и баскаками. Через Полоцк сюда шли, их воины князя галицкого, Даниила, охраняют. Татарских воинов в обозе нет, лишь в Новгороде их небольшой отряд мирзу охраняет.

- А идут в Новгород за чем? Дань - то рано еще собирать.

Один из дозорных не выдержал:

- Да опять переписывать нас, вольных людей, хотят! Чтобы данью каждого, включая младенцев и стариков, обложить!

Прошлый раз тоже приезжали, да мы им бока намяли. Если бы не ваш князь, всех бы ордынцев разметали! Но сейчас и он не поможет. Так врежем!

- Заткнись! – грозно оборвал говоруна старший, - это тебе врезать надо, чтобы не нёс неведомо чего, помело поганое!

И, обращаясь к Ярому и Малому:

- Езжайте с Богом. Не обращайте внимания на дурака.

Чем ближе подходили они к вольному городу, тем больше встречали они вооруженных отрядов, также направляющихся к городу. Люди были возбуждены, слышались крики – «Дадим укорот басурманам! Неча им нашу вольность в бесовские книги заносить!». С одной стороны, идти в таком потоке Ярому и Малому было сподручнее, а с другой – Ярый помнил слова старшего в дозоре о том, что в Новгороде стоит отряд ордынцев, и не с руки было им там так открыто появляться. Как никак, а Новгород был данником Орды, и хоть и не знал он нашествия, резни и крови, но присягал в верности Орде и её ставленнику – Великому владимирскому князю Александру Ярославовичу.

И еще чувствовал Ярый своим нутром бывалого воина, что назревает большая свара, а вмешиваться в неё незнамо на какой стороне было опасно. Он помнил о том, что тиун князя говорил им о том, что пару лет назад ордынцы уже пытались провести опись населения во всех своих русских владениях, что вызвало недовольство народа. Но князья сумели справиться с недовольством и помогли переписчикам составить более или менее верные списки. По словам говорливого тиуна, это было выгодно князьям, которые могли собирать с людишек большую дань, а Орде платить меньше, ссылаясь на мор, недород и иные напасти.

Тогда лишь Новгород, не знавший княжеской власти, а правимый лишь своей верхушкой, укрощавшей, как ей надо,

новгородское вече, встал на дыбы и пытался прогнать ордынских переписчиков. Князю Александру удалось кровью подавить мятеж, сместив даже своего первенца - князя Василия, которого сам и ставил наместником, и упросить Орду не карать новгородские земли. Теперь же, судя по настроению и количеству вооруженных ратников, идущих в Новгород, заваруха предстояла куда как серьезнее.

В толпе всё чаще раздавались крики против владимирского князя, которого называли и ордынским прихвостнем, и веропродавцем, и Ярый счел за благо снять с руки перстень Александра и на все вопросы отвечал, что возвращаются домой из литовского похода. Походов тогда было много, и эта сказка не вызывала подозрения, но всё равно, положение Ярого и Малого, одетых как княжеские дружинники, было шатким. Они сменили шишаки на обычные шапки, спрятали кольчугу под рубахи, но даже неопытный взгляд распознал бы в них воинов, а не ратников – смердов, возвращавшихся после удачного похода. Удачного потому, что живы остались, и едущих о – двуконь.

Первой была мысль переждать заваруху, и они, найдя заброшенную лесную избушку, прожили в ней два дня. Но потом Малой увидел в лесу местных детишек и поняли они, что остаться незамеченными им не удастся, а два прячущихся воина вызовут подозрения, и не миновать им пристрастного дознания. Они снова встали на тракт, двигаясь в людском потоке. После очередной ночевки Ярый решил больше не рисковать и обойти беспокойный Новгород, взяв путь на Ладогу. Об этом городе много рассказывал ему князь Александр, называя Ладогу первогородом их пращура Рюрика, совсем уж далекого и никогда не знавшего Орды. Они свернули в сторону от новгородского тракта, но не успело солнце занять свое главенствующее положение, как были остановлены большим отрядом. Рослые воины на высоких конях, кольчужные, с копьями и висевшими за спинами круглыми щитами, окружили Ярого и Малого, недружелюбно разглядывая. Позади, из – за леса,

выходила толпа пеших ратников, ощетинившихся копьями, вилами и иным оружием.

Вперед выехал витязь на богато украшенным коне, в золоченом шишаке и отороченном мехом синем плаще.

- Кто такие? Куда идете?

Ярый повторил свой рассказ, делая упор на том, что они – вольные люди, давно ушли из родных мест, были во многих походах, увечны, и теперь возвращаются.

Не дослушав, витязь, резко его перебил:

- Я – посадский воевода Козьма. Выполняю наказ собрать рать новгородских земель, и забираю вас в дружину. Остаётесь оружны на своих конях. Вторых коней забираю волей Новгорода в войско. Можете взять нужное. После похода – вернем.

Спорить было, видимо, неуместно. Сняв, под пристальным взором новгородцев, самое необходимое с запасных коней, с остальным простились. Известное дело – на битву забирают.

Теряючи голову, по волосам не плачут.

До новгородских стен дошли быстро, в тесном строю дружины. За толстыми, с виду неприступными степами вольного города, кипело людское море. Непрерывно звонили колокола, в могучем многоголосье которых уж нельзя было разобрать, то ли вечевой колокол собирает народ на битву, то ли церковные колокола увещевают и призывают к смирению.

Воевода Козьма завел конных дружинников в огромный, мощенный камнем, двор перед величественным теремом, сложенным из могучих почерневших бревен. Огромные ворота закрыли, отрезая дружину от улиц. А Ярого и Малого – от свободы.

- Где мы? – спросил посерьезневший Малой у спешившегося рядом дружинника.

- Не узнаешь, что ли? Терем посадника, - дружинник подозрительно посмотрел на Малого.

- Да мы из-под Ладоги. Давно в походе. В Новгороде, почитай, и не были, - нашелся тот.

- Ну – ну. Смотри, любуйся, - дружинник с хрустом потянулся, разминая затекшие в переходе плечи.

- Хорош! Как княжеский…

- Княжеский – тьфу! Князь, он – наместник, из Владимира присылают место свое сохранять. Захотим – оставим, не захотим, выгоним, другого возьмем. А посадник, он всему голова, потому как нами на вече выбран. И казна, и войско, всё у него. Смекай, паря… - дружинник отошел, попросив присмотреть за конем. Воины не расходились, стоя у коней и тихо переговариваясь, словно ожидая приказа. К вечеру разложили несколько костров, поставили большие котлы, в которых посадские повара стали готовить еду. Коней напоили и поставили к кормушкам, куда из посадских запасов насыпали отборного зерна.

Ночь прошла в ожидании. Воины напряженно прислушивались к шуму и крикам улицы, где, казалось, бурлило в штормовом ветре безбрежное человеческое море. В терем и из него постоянно входили и выходили люди, челноками снующие через потайные калитки. Временами через эти же калитки выезжали и въезжали всадники. Новости просачивались и к воинам посадской дружины.

- «Низовые и верховые пришли на площади к согласию идти на ордынцев!»

- «Сломали ворота мурзаева двора! Всех татар и переписчиков согнали в подвал. Будут суд вершить!»

«Охрана ордынская сложила оружие и не пошла за мурзу и баскаков биться!»

«На вече кричат, чтобы дань больше Орде не платить!»

«Верховые кричат, чтобы тевтонцев и литовцев на подмогу звать!»

И последняя новость, от которой и у Ярого и у Малого встали дыбом их отросшие волосы.

- «К Новгороду идут дружины владимирского князя Александра, его брата, суздальского князя Андрея и ростовского князя Бориса!»

Последняя новость заставила присмиреть всех дружинников в посадском дворе. Как понял Ярый, воины надеялись, что выступление Новгорода против Орды может быть поддержано остальными русскими князьями, и весть о том, что знаменитый князь остался верен Сараю и идет на подавление мятежа, ввела дружинников в большое смятение. Памятуя о том, как жестко князь Александр подавил прошлый мятеж, столько бунтовщиков по его приказу были ослеплены и лишены носов, многие невольно поежились. Выкалывание глаз было невиданной жестокостью, и этой ужасающей казни подвергали князья разве что своих соперников, руководствуясь псевдохристианской добродетелью. Они – де не лишали жизни равных себе противников, а лишь отстраняли от дальнейшей борьбы за власть! И только после того, как князь Александр подавил прошлый бунт, по русским землям пошли слепые и безносые калики перекатные, собирая на пропитание милостию божьей. Это было страшно.

И вот теперь на Новгород идут полки трех русских князей, Рюриковичей, и новгородцы знают, что месть князя Александра и брата его Андрея, один раз оступившегося перед старшим братом, но теперь стремившегося загладить свою вину, будет еще страшнее. Не познавшие на себе ужаса прямого нашествия татар, подвергающих непокорных огню, унижению и полному истреблению, новгородцы не осознавали тяжесть того греха,

который взял тогда на себя владимирский князь, отводя этой малой кровью бунтовщиков беду от всей русской земли.

Первыми поняла опасность для себя новгородская верхушка во главе с посадником. Осознав, что смерть ордынских чиновников неминуемо повлечет за собой не только ярость владимирского князя, но и карательное нашествие татар, они попытались прекратить мятеж. Но полностью справиться с «низотой», то есть ими же поднятой на бунт беднотой, жившей в нижней части города, они уже не могли. Перевезти тайно плененных ордынцев в охраняемый посадский терем не получилось, поскольку все подходы к пленникам были заполнены вооруженными новгородскими ратниками, ожидающими расправы над ордынцами.

Посадник, уже получивший тайное послание князя Александра о том, насколько велика будет кара в случае смерти ордынцев, решил попытаться снять с себя ответственность за бунт. Собрав все верные себе силы, включая малую дружину князя – наместника, соблюдавшую пока нейтралитет охрану ордынцев от Даниила Галицкого и часть собранной у него во дворе посадской рати (не всю же, а вдруг на него самого толпа полезет!) приказал идти к месту заточения ордынских чиновников. Якобы, охранять их до суда. Хитрый посадник рассудил, что если ордынцев таким образом убережет, то владимирский князь оценит его усердие «противу бунтарей» и сохранит жизнь. И глаза. Если же эту помощь восставшие разобьют, то его, посадника, вины в том не будет.

Пока чинилась эта неразбериха, бунтовщики вволю пограбили дома ордынских купцов, а заодно уж, и остальные богатые дома, обвинив их хозяев в лояльности Орде. Вот – вот, дело должно было дойти до расправы над переписчиками. Люди понимали, что ждать пощады от русских князей им не придется, и от безысходности поддавались на любые призывы смутьянов. Семь бед – ответ будет один. Смерть.

За два дня пребывания в посадском дворе дружинники отоспались и нахарчились. Могли бы даже округлиться, если бы не постоянная тревога и неизвестность. Караульные на стенах уже устали отвечать на вопросы слоняющихся по двору воинов и лишь махали руками на постоянные – «Ну что там?»

К вечеру третьего дня смуты, когда крики яростных бунтарей, подбивающих людей на погромы теремов предателей из новгородской верхушки, и зарево пожарищ над Новгородом достигли своей верхней точки, часть дружины, включая Ярого и Малого, посадили на коней, и, ведомые воеводой Козьмой, они ринулись из ворот посадского двора. Им объяснили, что должны будут не допустить убийства ордынцев и дальнейшего разрастания бунта. Но они не знали, что скакать во всю прыть им придется по тесным улицам города, заполненным обезумевшим от безнаказанности народом, в своей вольности просто сводившем личные счеты и утолявшим корыстные интересы. И этот народ был вооружен.

Посадские воины еще не знали, что попытавшиеся встать на охрану ордынцев галичане были тут же растерзаны ратниками Новгорода, ненависть которых к воинам князя Даниила Галицкого подогревалась и тем, что еще недавно князь сражался на стороне ненавистной Литвы против Новгорода.

Та же участь постигла и малую рать новгородского наместника, дальнего родственника идущего на Новгород князя Александра. Едва его дружина вышла за ворота княжеского терема, как была окружена оружными новгородцами и посечена. Бунтовщикам терять уже было нечего.

Толпа кинулась во двор дома мурзы, где в подклети тряслись от страха перепуганные ордынские чиновники. Требуя немедленной расправы, бунтовщики кинулись к дубовым дверям. Воющих чинуш спасло маленькое чудо. Сторож с ключами от подклетей сбежал, а крепкие двери не поддались первому напору бунтарей. Пока те

спорили, как вскрыть двери – огнем или тараном, во двор ворвались всадники посадской дружины. Им удалось пробиться, поскольку бунтовщики не ожидали предательства со стороны своего главаря и не сразу восприняли посадскую дружину как врага. Воспользовавшись внезапностью, дружинники начали теснить толпу от ворот подклети. Но бунтари быстро пришли в себя и, поскольку в их рядах нашлись умелые воины, завязалась сеча.

Сначала Ярый не брал в руки саблю, считая зазорным применять боевое оружие против простых горожан, да еще столь желанных для него новгородцев. Он действовал тупым концом пики и конем, расчищая себе дорогу. Он полагал, что они освободят двор, не допустят безвинного кровопролития и дождутся прибытия князя Александра. Глядя на него, так же действовал и Малой. Но когда во дворе против дружинников бунтовщики пустили в ход вилы, топоры, секиры и мечи, Ярый и Малой обнажили сабли. Это был бой с вооруженным и ненавидящим тебя противником, и некогда было думать о том, что еще недавно ты видел в этих людях свою мечту о родине.

Отражая саблей нацеленные на него со всех сторон удары, Ярый не поражал самих людей, хотя видел, как рубившиеся вокруг него посадские воины вовсю рубили горожан, не взирая на то, оружны те были или нет. Малой тоже отбросил всякие сомнения, и, вертясь волчком на своем коне, наносил стремительные удары по рукам и головам нападавших. Преимущество опытных в бою дружинников стало приносить свои плоды и, несмотря на некоторые потери, они стали теснить бунтовщиков со двора в открытые ворота. В момент, когда Ярый поднял саблю, отражая удар булавой какого-то дюжего новгородца, кто-то юркий метнулся под передние ноги его коня и подсек их ловким ударом ножа. Верный боевой товарищ рухнул, придавив своим телом Ярого. Последнее, что видел бывший ордынский сотник – занесенная над его головой та самая дубина, отразить которую он так и не успел.

Он не видел, что в последний момент Малой успел разрубить плечо того новгородца, что готовился навсегда упокоить Ярого, и дубина лишь скользнула по шишаку и наплечнику кольчуги. Но удар был так силен, что Ярый потерял сознание. Малой соскочил с коня и попытался вытащить бесчувственного сотника из-под коня. Тот бился в агонии, пуская кровавую пену. Не раздумывая, Малой прекратил страдания умирающего животного, перебив саблей конскую шею. Только тогда ему удалось вытащить Ярого и оттащить его за угол одной из построек. Затем он кинулся в сечу, помогая дружинникам окончательно вытеснить бунтовщиков за ворота и запереть их.

Пока дружинники ходили по двору, собирая своих и добивая, по приказу воеводы, раненных бунтарей – а кому нужны живые свидетели? – Малой вернулся к Ярому, пребывающему в глубоком беспамятстве. Сняв с того шишак и убедившись, что серьезных ран на теле нет, а сердце бьется ровно, Малой разжился водой и омыл Ярому лицо. Дубина новгородца успела – таки содрать кожу на виске и щеке сотника, повредив старый шрам. Оборвав подол рубахи, Малый, как мог перебинтовал голову старого товарища, отметив, что отросшие волосы Ярого стали совсем седыми.

Освобождать ордынцев осторожный воевода не велел, и дружина так и сидела во дворе, ожидая решения своей судьбы. Сидела почти сутки, сама голодная и слушала голодные и злые крики запертых ордынцев, которых, видимо, не кормили уже несколько дней, с момента заточения. Дом был весь разграблен, хорошо, был нетронутый колодец, да в сарае нашлось немного сена для коней. В седельных сумках Ярого и Малого было немного еды, и молодой воин даже подкормил нескольких дружинников, заведя с ними короткие дружеские отношения. Те и рассказали о непростой жизни в вольном городе, о сложных отношениях бедняцкого «низа» и богатого «верха», подтасовках и подкупах при вечевом решении всех основных вопросов жизни города. С горечью поведали о

шараханиях «вершины» то к князю Александру Ярославичу, то к папской Ганзее.

И понял Малой, что той воли и свободы, к которой так стремился Ярый, и которую, со слов своего старшего товарища, успел полюбить он сам, в самом Новгороде нет. И горько стало ему от этих мыслей, словно пришел он к стене, единственная калитка в которой ведет в пропасть…

За стеной слышали они цокот копыт по мощеным и деревянным улицам Новгорода, крики о помощи и звуки сечи. Но всё быстро закончилось, о чем возвестили благостные колокола новгородских церквей. Молчал лишь вечевой колокол, словно отдыхая после заварухи и с удивлением наблюдая с высоты Вечевой башни на то, к чему привели его набатные раскаты.

К вечеру второго дня в ворота ударила твердая рука, и именем Великого князя владимирского приказано было ворота открыть. Ворота немедленно были распахнуты, и во двор въехал сам князь Александр в красном плаще и горящих в свете заходящего солнца доспехах. К нему кинулся выстроивший всю дружину с опущенными копьями воевода Козьма.

- Великий княже, вот, сохранили посланцев Орды, уберегли их от смерти неминучей от рук нечестивых бунтарей…

- Взять его в железо! – негромко приказал князь. Оглядев все кругом и поняв, что ордынцы по-прежнему в заточении, так же негромко велел их освободить и накормить.

Тут он увидел Ярого и Малого.

- Это кто? Твои? – обратился он к воеводе, уже стоящего со связанными руками меж воинов князя.

- Это какие-то ратники из-под Ладоги. По пути к нам примкнули. Помогали бунтовщиков усмирить…

- Не мы примкнули, а ты силой в дружину втянул. Коней отнял, - с ненавистью глядя на воеводу, твердо ответил Малой, сжимая рукоять сабли. При этих словах Ярый приоткрыл глаза и увидел князя. Туманное еще зрение явило ему сияющий в лучах солнца знакомый образ.

- Как тогда…, - успел прошептать старый воин и опять впал в небытие.

Александр спешился и подошел к ним.

- Кто его так?

- Бунтарь, дубиной. Хорошо, я успел… Коня жалко.

- Отведите этих в княжий терем, пусть лекарь посмотрит, - приказал Александр. И отправился вершить свои, княжеские, дела.

Суд был скорым. Бунтовщиков вешать и калечить не стали. Их просто потопили в Волхов – реке. Посадник был пощажен, но смещен и выслан. Новгород выплатил тройную дань, а переписчики выполнили свою работу.

Всё успокоилось.

Пока.

Утром следующего дня князь зашел в клеть, где лежал Ярый с дежурившим около него Малым. Ярый пришел в себя, был еще очень слаб, но поел и стремился казаться бодрым. Лекарь не нашел у него серьезных ран, но предупредил, что в седло старый воин еще не скоро сядет. «Зело мыслями путается, да и очами слаб». Но, видать, сильно его новгородец приложил. Как глаза закрывал, видения его одолевали. И детство видел, и юность свою в Орде. И сечи, походы, битвы, кровь, кровь… И образ князя Александра в нимбе сверкающих лучей. Долго не мог поверить, когда Малой рассказал, что князь действительно их нашел и сюда, в эту клеть поместил, лекаря вызвал. А поверив – успокоился. «Слава Богу, явь это была, а не блажь! Цела еще головушка, битая – а цела!» Увидев

князя, хотел встать, но князь остановил жестом. А и не остановил бы, не смог бы встать, ноги совсем не слушались.

Александр был краток:

- Все показали, что в бунте вы не виновны. Силой вас в посадскую дружину привели, и против бунтовщиков вы бились. От них и пострадали. Моего имени новгородцам не открыли, перстнем моим не кичились. Где он?

Малой молча протянул князю его перстень:

- Ярый за пазухой держал. Как в Новгородчину вошли, он его снял, чтобы имя твое не всплыло.

Князь кивнул и забрал перстень.

- Больше он вам не нужен. Сами понимаете, ни со мной, ни в Новгороде остаться не можете. Много вокруг вас всякого сплелось…

Держите путь на Ладожское городище, но туда не заходите. Очень не любят они чужаков, по себе помню. Под городищем есть скит, схимником там старец Овакум. Бают, жив еще. Одиноко живет, но люд его чтит за мудрость и силу чудесную. Врачует травами и молитвами. Я с ним знаком, и он - должник мой. Вот, я ему написал, передадите, он примет вас.

И князь передал Малому малый свиток, перевитый простой ниткой. Без княжеской печати, он походил на обычную запись, кои часто пересылали друг другу грамотные люди. Увидел недоверчивый взгляд Малого, князь вдруг улыбнулся.

- Бери, бери! Так надежнее. На этих землях мое имя не всех радует. Езжайте, не медля. Мы уходим, а вам после меня оставаться опасно. Повозка и твой, воин, конь ожидают внизу. Мои гридни помогут его, - он кивнул на Ярого, - донести. Припас кой-какой положили. Ну, Богом!

И князь вышел из клети. Ждала его долгая дорога в Сарай, где он должен был объяснить хану события в Новгороде как внутреннее дело Руси. Умасленные переписчики не стали (пока) доносить о том, что бунт был замыслен против Орды, и князь надеялся, что повышенная дань и обычные взятки позволят ему и на этот раз избежать карательного похода татар на русские земли. Ждали Александра его непутевые братья, другие своевольные Рюриковичи, да и не только. Ждали литовцы, тевтонцы, шведы. Да мало ли забот было в то время у Великого князя Владимирского!

После ухода Александра в клеть споро вошли два рослых княжеских гридня и, легко подняв лежащего Ярого, отнесли его в стоящую у заднего крыльца терема повозку. Малой едва успел подхватить свои вещи и оставленное лекарем снадобье, и кубарем скатился по узкой лесенке вниз. Сев на своего коня (спасибо, что сберегли!), взял за повод запряженную в повозку лошадь и выехал с княжеского двора через малые ворота, предусмотрительно открытые теми же гриднями. Милость князя на этом не закончилась. Гридни, вскочившие в седла, сопроводили их до рубежа новгородских посадов и, поставив на ладожский тракт, долго еще смотрели вослед, словно убеждаясь в том, что гости князя действительно покинули город.

И на том спасибо!

Медленно скрипела повозка по каменистому тракту. Путь был безлюден, словно недавние новгородские события прекратили торговлю, да и просто движение людей. Чтобы спросить путь, Малому приходилось пару раз съезжать с тракта и подъезжать к селянам. У самого Ладожского городища повстречался им обоз поморов, везших соль в Новгород. Напуганные слухами о бунте, возчики наперебой расспрашивали Малого, с опаской глядя на лежащего в повозке Ярого. Успокоив их добрыми вестями о том, что в Новгороде всё успокоилось, а у больного не черная язва, которой, как огня, боялись все поморы, а лишь ушиб от падения с лошади, Малой, в свою очередь, узнал путь к скиту старца Овакума.

К скиту вела натоптанная тропа, временами такая узкая, что Малому пришлось изрядно потрудиться, чтобы протащить повозку. Старец обитал в рубленной из толстых бревен махонькой избушке, с маленьким оконцем, затянутым рыбьим пузырем. У двери избушки были сложен нарубленный хворост.

«А неплохо, хоть и тесно, живет старец» - не успел подумать Малой, как сильный удар в спину чуть не заставил его упасть. Пошатнувшись, он резко оглянулся, схватившись за рукоять сабли.

- Кто такие? Пошто оружны пришли?

Перед Малым стоял высокий худой старик с удивительно ясными глазами. Длинные и совершенно седые волосы покрывала старенькая скуфейка. Полотняная рубаха, подпоясанная простой веревкой, доходила до босых ног старца. В его костистой руке был зажат сучковатый посох, почти в рост самого старца, которым он и «постучал» в спину Малого. Воин удивился, что его чуткое ухо не уловило шагов старца.

- Путники мы. Оружие нам затем, что дороги ныне не спокойны. Пришли тебе запись передать от знакомца твоего.

- Олександра, что ли? Ну, давай запись, - и старец протянул руку, зажав ранее бывший в ней посох второй рукой, так и висящей вдоль тела.

Увидев связанный свиток, насмешливо сказал:

- Ну, развяжи. Видишь, что не с руки мне.

Быстро прочитал написанное, убрал свиток в суму, которая висела у него на боку.

- Ладно. Будете моими гостями. Живите в этой избушке, пока час не придёт!

- Что за час, что прийти должен? Избушка – то маловата для нас троих будет.

- Много вопросов задаешь, сын мой. В избушке будете вдвоем с сотоварищем. Я – в пещерке живу, рядом. Потом зайду, посмотрю его, - он кивнул в сторону повозки, - а что за час, и когда он придёт – сами поймете…

Пока Малой затащил Ярого в избушку, уложил того на лавку с подстеленными бараньими шкурами, да затопил сложенную из камней печурку, совсем стемнело. Сотник был в полузабытьи, часто проваливаясь в свои видения. Малой натаскал воды из журчащего рядом ручья и поставил на огонь котелок, намереваясь сварить им какое – либо варево. В этот момент дверь отомкнулась, и вошел старец. Сняв и отложив в сторону раздувшуюся суму, попросил Малого:

- Приподними его и посади. Рубаху сними, да огонь поярче сделай. Хорошо, что воду греешь. Ничего туда не кидай, будем снадобье варить.

Осмотрев Ярого, молча смотрящего на старца и лишь морщившегося, когда тот нажимал на свежие, да и прежние, раны. Потом Овакум долго смотрел в глаза Ярого, приподнимая тому веки, когда сотник в бессилии смыкал их.

- По головушке приласкали? Вон плечо надломано, да и кожу содрали. Смерть – то рядышком прошла. Хороший знак, видать, не время еще. Плечо – то заживет, и рука двигаться будет. А вот головушка… Жаль, нельзя в неё залезть, а лишь заглянуть через глаза можно. Ну, да Бог даст. Помогай!

И пока Малой, по указанию старца, готовил мазь, резал и отваривал корешки, он, по обыкновению своему, спрашивал. Спрашивал обо всем. Старец сначала хмыкал и отмалчивался, но видя, как его помощник заботливо обихаживает Ярого, как старательно готовит притирки и целебное снадобье, стал отвечать.

Малой узнал, что Овакум живет в ските уже много лет. Был он в молодости дружинником отца князя Александра – Великого князя владимирского Ярослава, прозванного в народе Мудрым. Когда молодого Александра, а ему не было тогда и шестнадцати лет, отправил отец княжить в Новгрод, то дал сыну малую дружину, в которой был и Овакум.

_ Правда, во Владимире звали меня Авакум, но здесь переиначили на свой, поморский лад. Привык уж… - ловко натирая больное плечо впавшему в забытье Ярому, рассказывал старец.

Был Овакум с князем и в первой битве, со шведами, которые пришли на кораблях в Неву – реку, грозя Ладоге и Новгороду. И много было еще стычек и походов, в которых Овакум бился бок о бок с князем Александром. «Молод он был, душевен, с нами, воями, и ел из одного котла, и спал на земле, и поговорить не гнушался». Был воин Овакум и в том побоище на Чудовом озере, где смогли они разбить рыцарей – тевтовцев и потопить их, в железо закованных, под треснувшим льдом. В той сече и получил удар тевтонским мечом по левой руке. Меч прорубил кольчугу и перебил жилу, после чего рука высохла. Рыцарю тому не дал добить своего воина сам князь, доставший латника свои копьем. После боя князь отыскал Овакума.

- Княжий лекарь выходил меня, да руку уже было не вернуть. Так и высохла. Сначала персты чуть шевелились, теперь и вовсе засохли, - говорил старец.

- И что, сразу сюда пришел? – не унимался Малой.

- И не знал тогда, что эти места есть. Князь отправил в свой терем, в челядь определил. Но какой я хлопотун, да подавальщик с одной-то рукой! Приметил меня духовник княжий, отец Дмитрий, приблизил к себе. Стал я, по княжьему согласию, отцу Дмитрию прислуживать. Добрый ко мне был, веру во мне разжег, грамоте научил. Потом уж, когда его князь во Владимире, в соборе, оставил,

владыко меня на это служение благословил. На земли эти указал, доверил слово Божье и смирение людям нести.

- А врачевать тоже отец Дмитрий выучил?

- Нет, он только души лечил добротой и словом ласковым, а раны телесные меня самого Бог сподобил врачевать. И люди местные, что помогают мне, да сами приходят за исцелением.

Помолчав, Малой не утерпел:

- Знаешь, отче, схожая у вас с сотоварищем моим, с Ярым, судьба.

И он честно рассказал старцу их историю. Всю. Сам не понимал, почему вдруг выложил всё без утайки. Словно озарение какое нашло. Но так легко ему сразу стало, словно всю тяжесть с души свалил.

Долго всматривался старец в лицо Ярого.

- Нет, не упомню. Но если князь его прислал со своим словом заветным, знать и вправду судьбы их крепко пересеклись. А ты – молодца, что рассказал всё. И мне проще с вами будет, да и тебе, видать, полегчало на душе. Душа – то она терпеливая, всё сдюжит, но и её жалеть надо. Для того люди на исповедь и ходят.

- К тебе ходят?

- Я не батюшка. В сан не рукоположен, грехи не отпускаю. А поговорить и высказать, что на душе скопилось, приходят. В доброй беседе и хмарь печальная уходит. Ладно, хватит на сегодня. Помогай болезного напоить, да уложить. Как, говоришь, его кличут? Ярый? Не христианское имя, хотя и крест носит. А ты у нас кто? Малой? Тоже не по святцам, но по-местному сойдет.

Малой уснул сразу и радостно. Так же проснулся, чуть солнце осветило избушку, пробившись свои первым лучом сквозь мутный рыбий пузырь. Выйдя на волю, где смог, наконец, выпрямиться и потянуться, собрался идти за водой, но вдруг почувствовал на себе

чей-то взгляд. Схватился, по привычке за пояс, но нож и сабля остались в избушке.

«Сплоховал! Нюх потерял! Шайтан!» - мысли пронеслись в голове, а рука потянулась к увесистому колу в куче хвороста. И тут он услышал смех. Тихий, приглушенный, но смех! Прыгнув на звук, он отвел схваченным колом нависшую лапу ели и увидел девушку. Прикрыв рукой рот, она тихо смеялась, глядя своими голубыми глазищами на оторопевшего Малого.

- Чего смеешься? – только и мог спросить молодой воин.

- А тянулся смешно. Как наш кот. Тот тоже после сна так тянется, только глаза жмурит и когти таращит. У тебя когти есть? – вдруг спросила девушка.

- Нет, - ответил Малой и тоже улыбнулся. Так и стояли, улыбались и смотрели друг на друга. На девушке был домотканый сарафан, опоясанный красным витым пояском, красные бусы то ли из крупных ягод, то ли из неведомых Малому камней. Светлые волосы девушки, стянутые по лбу тонким кожаным ремешком, свободно падали по плечи, а голову венчал сплетенный из полевых цветов венок. Обута была в аккуратные лапоточки, в лыко которых тоже была продета красная нить. В руке девушка держала туесок, где поверх травы лежали ягоды и несколько грибов с тугими ножками.

- Гляжу, познакомились, - опять неслышно появился старец со своими неизменными посохом и сумой.

- Нет еще, только столкнулись,- девушка опустила глаза, бросая насмешливые взгляды на покрасневшего Малого, - я – Ярослава. А ты кто?

- Малой я…

- Хорошо. А старшой кто? – явно потешалась над заробевшим парнем девушка.

- Старшой в избе хворый лежит. И кличут его Ярый, - вдруг рассердился воин.

- Да мы с ним почти одно имя носим. Ярый – Ярослава… Как думаешь, дедушка? – обратилась она к старцу.

- Думаю, нелепица это. Крещеный муж носит басурманское имя, а некрещеная внучка моя речётся христианским именем. Но ты права, ваши имена очень похожи. Пошто пришла?

- Да вот травок тебе принесла, что просил, да матушка печива тебе передала. Знала бы, что гости у тебя, больше бы взяла.

- И за то спасибо. Зайдешь к нам?

- Нет, дедушка, дома ждут. Пойду я. Только одной в лесу страшно. Проводишь меня? – она бросила насмешливый взгляд на Малого, - волков не боишься?

Тот метнулся в дом, быстро обулся и перепоясался ремнем с неизменным ножом. Когда они отходили от избушки, старец окликнул парня и погрозил тому посохом. Ответила Овакуму Ярослава:

- Не бойся, дедушка. Я его в обиду не дам, - и звонко рассмеялась.

Потом они шли по лесу, залитому солнечным светом и наполненному щебетанием птиц. Всегда бойкий, Малой не мог найти слов, чтобы заговорить с девушкой. Та тоже молчала, иногда наклоняясь и срывая ягоды. Набрав полную ладошку, подошла к парню и протянула ладошку к его лицу.

- На, попробуй. Они сладкие…

Он осторожно взял руками её маленькую ладонь и достал губами ягоды. Их вкуса он не заметил, так приятна и нежна была её рука. Но напряжение сразу пропало. И, не отпуская её руку, спросил:

- Почему старца дедушкой зовешь. Вы – родня?

- Нет. Он – пришлый. Просто он мою маму выходил, когда меня рожала. Все думали, помрем мы обе, но он вылечил и меня принял. Потому и дедушка.

Ярослава рассказала, что живут они в малом селении у самой реки Волхвы. Отец её, промышлявший ловлей рыбы и водивший торговые караваны купцов от северного моря до Новгорода и дальше, в год её рождения погиб от руки разбойников. Живут они с матерью, ткут полотно и расшивают его нитью. Купцы охотно берут у них товар.

- Одна беда. После гибели отца мама шибко болеет, всё чаще лежит. Вот дедушка её лечит, и мне травы показывает, чтобы я собирала для снадобий, - загрустила, было, Ярослава, но быстро собралась и уже принялась подробно расспрашивать Малого о нём и его больном друге. Он рассказал. Почти всё, чувствуя, что полная правда здесь не нужна.

Расстались на околице, уговорившись завтра встретиться в лесу для сбора целебных трав. Для её мамы и его друга.

Когда Малой и Ярослава скрылись в лесу, старец перекрестил их вслед и вошел к Ярому. Тот лежал с открытыми глазами, на лице даже появился румянец.

- Что, воин, пришел в себя? Хорошо. Твой дружок, как чувствовал, что ты на поправку пошел, уже с девушкой в лес убежал. Тебе, видать, во двор надо. Давай, давай, сам пытайся. Я тебе помогу. Эх, два калеки – как один здоровый!

И так, с прибаутками, сумели они выбраться во двор, где уселись потом на завалинку у крыльца. Эти усилия отняли у Ярого почти все силы, и он сидел, прислонившись к теплой стене, наслаждаясь с закрытыми глазами лучами солнца. Овакум тоже молчал, давая отдохнуть страдальцу. Потом, потихоньку, начали

разговор. О прошлом, о князе. Бывалым воинам было, о чем поговорить, особенно, если бились в одних краях против одного противника. Когда солнце встало ровно над их головами, старец встал:

- Хватит, воин, тебе надо лежать. Пойдем назад, я тебя осмотрю, повязку надо поменять. Да и накормить тебя следует.

Тут из леса выбежал Малой, с виноватым видом подошел к ним.

- Долго провожал, - только и сказал старец, понявший всё по счастливым глазам парня.

Малой тут же почти на руках отнес Ярого на лавку, вздул огонь, поставил котел. Осмотрев Ярого, старец довольно хмыкнул.

С этого дня бывший сотник пошел на поправку. Плечо понемногу заживало, он начал ходить. Видения не сразу, но отступали. Теперь они со старцем часто беседовали, то сидя у избы, то ходя по лесу, где Овакум заставлял Ярого наклоняться и срывать больной рукой цветы, ягоды и травы. Малой не мешал им, днями пропадая с Ярославой в лесу, или, когда та работала или ухаживала за матерью дома, промышлял охотой. Охотник он оказался удачливый, зверья кругом было в изобилии, и мясо зайцев, косуль, а то и кабанов, не переводилось на их столе. При этом он не забывал и Ярославу, которой приносил и мясо, и все шкуры, которые та с матерью выделывали, а потом расшивали красивыми поморскими узорами.

В один из вечеров, когда старец ушел к себе, а сотник с молодым сидели у разведенного снаружи костра, Малой протянул Ярому увесистый кожаный мешочек.

- Возьми вот. С твоего коня успел снять.

Ярый сразу узнал их казну, и воспоминания о побеге из Орды, баскаке Турае, Лекше, станице так нахлынули на него, закружив

голову, что он с трудом их отогнал, сильно крутанув головой. Малой с тревогой смотрел на него.

- Ничего, парень, просто не верится, что ты смог это сохранить. Я уже давно с этим кладом распрощался. И даже не жалел. Как пришло, так и ушло. Молодца! Ну, что делать с ним будем?

Малой пожал плечами.

- Не знаю. Ты решай.

- Тогда так. Овакум денег не возьмет. Поэтому запряжешь завтра повозку и поедешь на торжище. Купишь там припасов нам, на троих. Хватит старца объедать. Себе, что надо для охоты и лова рыбы, купишь. Ну и еще, посмотри там…

- Можно, я Ярославу возьму? Один не справлюсь. Да и знает она всё, и дорогу, и само торжище. Своё рукоделье там сбывает.

- Ладно. Только тихо там. Не вваживсь в какую бузу из-за девки. Знаю тебя, горяч больно!

Дав Малому несколько золотых и серебряных монет, остальное убрал обратно и велел закопать в приметном месте.

Ярослава радостно согласилась поехать, поскольку и самой надо было отвезти рукоделье знакомому купцу. Поездка прошла удачно. Купец хорошо принял рукоделье, похвалил взятую Ярославой «на пробу» расшитую бисером и морской смолой шкурку косули. Взяли припасов и хозяйственной утвари, Малой купил стрел и прочный невод. Серебро, которым расплачивались, было ордынское, привычное для торжища. Но, когда кончилось серебро, Малый достал золотую монету с причудливой вязью на обеих сторонах. Удивленный продавец долго вертел монету в руках, и, с разрешения Малого, пошел показывать её соседям – купцам. Один из старых купцов сразу узнал монету.

- Это динарий из пустынных земель за Понтийским морем. Хорошая монета. Такие золотые еще чеканились в Хорезмийском царстве и в полуденных землях, откуда мы шелк возим. Но там письмена иные. Ценится такой золотой в дюжину серебряных дирхем или в две дюжины медных пул. Хочешь, я его у тебя возьму? Их возить с собой легче.

- Нет, мне она тоже надобна. Скоро за товаром ехать, - успокоился продавец.

Старый купец подошел к Малому.

- Откуда у тебя такая монета? Я их давно не видел в этих местах. Ходил туда?

- Давно уже караван туда провожал. На лодьях, волоком, а потом караваном на верблюдах, - Малой хорошо знал, о чем говорил.

Купец с уважением посмотрел на Малого, оценил его нож и купленные им стрелы.

- А здесь – то чего делаешь? Я охрану набираю для дальнего перехода. Хочешь пойти?

Тут вмешалась Ярослава.

- Он у старца Овакума гостит. Долго еще пробудет.

Имя старца произвело должное впечатление, и интерес к парню, расплачивающемуся золотыми монетами, пропал. На обратном пути Малой не выдержал и просил Ярославу, почему тогда, во время их первой встречи, старец назвал её некрещеной.

- Как можно? Сам старец, которого все почитают, как праведника, называет тебя внучкой, а ты не крещена. А родители твои?

- Тоже не крещены. Их семьи чтили старых богов, которым поклонялись их деды и прадеды из давнего народа чудь, который когда – то населял эти земли. Фигурки этих богов есть и у нас дома,

и у многих наших соседей. Многих когда-то силой крестили, но они всё равно в своих богов верят. Когда отец погиб, мама сказала, что если мы перейдем в другую веру, то с ним больше не встретимся, там, - она показала на небо, - потому и не хочет креститься. И мне не позволяет.

- А ты сама? Старец тебя не уговаривает?

- Один раз спросил. Больше не зовет. Говорит – время придет, сама должна принять решение. Вот, жду.

«Как и нам сказал – час придет, сами решите. Что-то знает старец!» И Малой успокоился, поняв, что если этот самый час неминуем, то он его не упустит. Как и Ярославу.

Пока Малой, проводивший почти всё время с Ярославой и даже принятый её матерью, пропадал из скита, Ярый и Онуфрий проводили время в неспешных беседах. Когда у старца было время молитв, или приходили к нему со своими душевными и телесными хворями люди, Ярый ходил по лесу, тренировал свое увечное плечо, понимая, что левой рукой он уже не сможет рубиться, как прежде. Он гнал мысли о неизбежной старческой немощи, скакал на коне, метал стрелы. Хромой и с поврежденной рукой, он был еще грозным воином. Или казался себе таким. Но вот мысли…

Видения прошлого уже не давили его, но требовали ответа – зачем всё это было, и к чему он пришел? Он понимал, что дошел до края своих мечтаний. Вот она, свобода, вокруг него. Никто над ним не властен. Не дойдут сюда и не тронут его, седого и увечного, ни ордынцы, ни люди князя владимирского, к землям которого относится и эта, ладожская земля. Неведомо, как она к Владимиру относится, но дань ему платит, да и наместник ладожский, боярин Михаил, сын Федоров, о котором уважительно говорит Овакум, предан князю. И казна есть, чтобы безбедно дожить свои годы, но покоя нет. Неужели это всё? Не зря его князь Александр сюда направил, чувствовал, что дальше – некуда. Или есть куда?

Недаром и Овакума его духовный наставник сюда направил. Это – знак, знамение. Но что он предвещает?

И это беспокойство росло в Яром, не давало ему спокойно жить и радоваться безмятежности бытия.

Шли дни. Листва на деревьях пожелтела, вода в озерце, где Малой ловил рыбу, потемнела и стала такой холодной, что у рыбака иногда сводило судорогой ноги, когда он затаскивал, а потом тянул на берег тяжелый невод. Все чаще в избушке разводили огонь, поскольку ныло в холоде израненное плечо Ярого. И вот однажды, когда после очередной беседы со старцем, тот встал и готовился уйти на молитву, Ярый спросил его:

- А пошто меня с собой не зовешь?

Овакум молча распахнул перед Ярым дверь

- Пойдем.

Ярый с Малым никогда не были в пещере старца, представляя её чем-то вроде их станичной церквушки, только врезанной в гору. Выйдя на песчаный берег небольшого бочага, Ярый увидел узкий и темный проход меж двумя валунами. Старец уверенно вошел в него, и через мгновенье Ярый увидел в глубине свет. Войдя внутрь и пройдя несколько шагов по темному проходу, он попал в небольшую пещерку, пол которой был засыпан песком. У стены стояла крепко сбитая лавка, на которой лежало тонкое покрывало. На небольшом поставце лежала толстая книга, перед которой стояла горевшая свеча. Ни икон, ни привычного креста Ярый в келье не увидел.

- Здесь и живешь?

- Только сплю и молюсь.

- В зиму не холодно?

- Молитва согревает. Да пара бараньих шкур.

- А как молишься? Книгу читаешь?

- Книга – не молитвенник, а завет, данный нам от Бога и скорбный путь, который прошел Иисус, искупая наши грехи.

- Мудрено говоришь.

- Потом поймешь. Если захочешь. А пока молись.

- Как?

- Молча. Мыслями.

- А слова какие?

- Сам найдешь. Просто мысленно проси прощения за все свои ошибки. Перед друзьями, перед врагами, перед Всевышним. И проси искупления и благодати всем, кому это особенно надо.

- И себе?

- Если тебе этого действительно надо.

Встал Ярый на колени рядом со старцем, сложил на груди руки, как Овакум это сделал, и закрыл глаза. Виденья прошлого тут же спустились на него, но теперь он не страшился их. Он искренне хотел помочь и сожалел, что не может этого делать. И еще он хотел … Он многого хотел, и сам не мог это понять и не смог бы даже выразить словами. Но он хотел добра, и впервые за много лет не было в его сердце злобы. Так и простоял он долго, и стоял бы еще, если бы старец не тронул его за плечо.

- Ну, хватит. Пора идти.

И только теперь почувствовал Ярый, как болит его хромая нога и ноет увечное плечо. Но на душе было спокойно, и уснул он сразу, без видений, едва лег на своё ложе.

Потом, на совместных молитвах пришли к Ярому слова, с которыми он обращался к Богу. Решил для себя, что нельзя чувствовать вину и просить прощения за всё сразу, равно как и молить о даровании блага всем, кого он встречал на своем

жизненном пути. Каждый момент его жизни требовал отдельного обращения к Богу, требовал внимательного разбора и определения степени вины каждого из участников, а также решения о том, каких благ, или кар, следовало просить именно для этого человека. Так сливались для него понятия Бог и совесть, Бог и справедливость, Бог и судья. Когда он рассказал об этом старцу Овакуму, тот долго думал.

- Ты, Ярый, берешь на себя роль высшего судьи, определяя вину людей за их поступки. Это может лишь Бог. Только он знает, что движет человеком, и какова истинная цена его деяний. Не терзай себя. Отвечай только за себя, а остальных просто прости, ибо часто не ведают они того, что творят. Возжелай им добра!

Ярого удивляло, с каким теплом и вниманием принимал старец приходящих к нему. Большая часть людей шла к нему со своими заботами, переживаниями и страхами. И каждому находил он нужное слово, поддерживал, уводил тревоги, давал надежду. Сам Овакум говорил, что люди идут к нему больше за добрым словом, нежели за телесным исцелением.

- Раны да хвори у них издревле знахари да волхвы исцеляли. Они и сейчас люд пользуют. И мои снадобья всё больше по их советам творю.

- Так ты с ними общаешься? – удивился Ярый.

- Конечно. Все мы люди, все во что-то верим.

- Но у них свои боги!

- Бог, он один. Сам подумай, как тесно бы им было, многим. Давно бы уже перерубились, как наши князья. Ан ничего, тихо там…

- А почему людей в нашу веру не зовешь? Вон в Орде и латиняне и имамы, все приманивали к себе народ. Да и сам знаешь, когда тевтонцы к нам шли, они своих попов везли и насильно народ в свою веру обращали. Хоть ты и говоришь, что Бог един.

- Князь Владимир в Киеве тоже народ насильно крестил, но многие убежали либо схитрили, и язычниками остались. Силой веру в душу человека не вложишь. А вот когда по всей земле русской монахи да старцы – молельники появились, что своим служением и добротой любовь народную снискали, тогда и пошла наша вера по Руси укрепляться. И здесь так будет. Человек сам к вере стремится, надо только ему путь этот осветить.

- Чем осветить? – не понял Ярый.

- Жизнью своей!

И долгими осенними вечерами, а осень уже вступила в свои права, готовя землю к снегам, сидели два старых воина у огня. Беседовали, перебирали травы. Овакум пересказывал Ярому библейские сказания, говорил о появлении и жизненном пути Христа, его мученической смерти. Видя неподдельный интерес Ярого к своим словам, Овакум приносил свою Библию и, для убедительности, зачитывал наиболее важные, по его мнению, места. Иногда давал книгу Ярому и тот смотрел на буквицы, угадывая за ними смысл. Старый воин не был совсем безграмотен. За свою жизнь ему пришлось иметь дело и с кипчакскими письменами, и с прежней, монгольской, грамотой. Но славянские письмена он почти не знал. Овакум понял это, и потихоньку стал учить Ярого чтению.

Когда первые пушистые снежинки стали все гуще падать на промерзшую землю, а лесные озерки подёрнулись корочкой льда, к сидящим перед избушкой Ярому и Овакуму вышли из леса, держась за руки, Малой и Ярослава. Светловолосые, голубоглазые, в ладно пригнанной и расшитой одежде, были они красивы и счастливы.

- Вот, отцы. Просим благословенья. Мать Ярославы дала согласие, - начал Малой.

- И на крещенье моё. Чтоб обряд свадебный и по христианскому обряду провести, - добавила девушка.

- Что значит – и по христианскому обряду? – не понял Ярый.

- Да мать их по поморскому обучаю уже веревкой повязала! Пусть будут два обряда, крепче семья родится! – смеялся Овакум, - так тебе, внучка, креститься надо, а потом венчаться. В какую церкву пойдете?

- Ни в какую. Ты её и окрестишь, и нас обвенчаешь, - твердо сказал Малой, - некогда нам по церквам ездить.

- Да не могу я. В сан не положен, - растерялся Овакум.

- Можешь. Не видишь разве – наш час пришёл! – Малый и Ярослава крепко сжали руки друг друга и смотрели на старца с таким доверием и любовью, что тот только махнул рукой.

- Ладно, уговорили. Когда креститься будешь, внучка?

- Сейчас!

- Ого! А когда венчаться?

- Сейчас!

Промолчал Овакум. Вот уж точно – час пришёл. Спросил лишь:

- Крест – то есть?

Малой достал вырезанный из дерева крест на шнурке и протянул Овакуму. Тот тяжело поднялся с завалинки и повернулся к Ярому.

- Что, крестный отец, готов явить Богу новокрещеную дочь его, а всему миру – новую христианскую семью? Помогай тогда!

И окрестил старец Ярославу и соединил их именем Божьим с Малым.

На свадебном застолье, которое Малой и Ярослава справили в доме её матери, Ярый и старец Овакум сидели на почетных местах, отведали разносолов и пригубили бражки свадебной. И в пылу веселья, среди здравниц и веселых шуток, почувствовал Ярый такое одиночество, что вдруг понял – не дошел он еще до своего предела, не обрел желанного покоя.

Улучшив момент, подошел к Малому и, незаметно для всех, передал ему кожаный мешочек.

- Своё взял, там – ваше. Живите и радуйтесь. Чем жить будешь?

- Сейчас по зимнику пойдут обозы с рыбой, моржовым зубом и мехом. И к морю пойдут, Понтийскому, и через Орду, в полуденные земли. Зовут в охрану, до Рязани. Еще охота есть. Летом – рыбалить могу. Зовут и караваны дальние водить, но Ярослава не отпускает. После гибели отца боится.

- Как обоз к морю и степям половецким пойдет, скажешь.

- Никак уйти хочешь? – встревожился Малой, - думал, с нами останешься. Со старцем, тож…

- Ты свое место нашел. А я – нет.

Овакум его понял.

- Земля велика, а идти, получается, тебе больше некуда. К своям и фризам не пойдешь, не сможешь там. Совсем на север идти – не тебе, увечному. Там и крепкие не выживают, если сами не коренные. Вот и остается тебе один путь – в степь, на рубеж Орды и земель русских. Опасно там, но, если чувствуешь, что тянет, иди. А там ведь и еще земли есть. До края земли далеко, если он вообще есть, край этот.

И уже выходя из избушки, вдруг обернулся:

- А, может, не место тебя зовет, а сам путь?

Обоз на Рязань собрался не скоро. Ждали, когда зимник устойчивый встанет, когда купцы по северным стойбищам товар соберут. Да и собрать надо было не менее сотни саней, чтобы не так опаско было по самому краю земель русских идти.

Обменял Ярый свою повозку на сани, запас погрузил и оружие свое. За это оружие и взяли его в обоз. Как увидели купцы Ярого в кольчуге, шишаке и с саблей, без лишних вопросов взяли «старого дружинника князя Александра». Обоз шел по Новгородской земле, через Галич, Городец, Муром и Рязань. Порядок был таков: если купец расторговывал свой товар раньше, он выходил из обоза. Иной раз, как рассказывали купцы, к Рязани подходило не больше двух десятков саней. Но охрана была подряжена до этого города, и Малой сопровождал Ярого до самых городских стен.

Путь был долгий. Обоз шел не торопясь. Розвальни ходко шли по снегу, изредка меняя порядок, отводя назад, на накатанную колею, уставших коней и пропуская вперед свежих. Если нанос был велик, пускали вперед верховую охрану, и она пробивала путь. Купцы были веселы, перебегали с саней на сани, закусывали и баловались бражкой. Еще бы, год был удачный, и даже после выплаты княжеской и иной дани, в стойбищах и селениях удалось дешево взять много мехов и моржовых клыков. Эти бивни высоко ценились и в русских землях и, особенно, в Орде и в Поднебесной, где их вешали на весах с золотом.

Прошел путь спокойно. В лесах видели всадников, но огромный обоз с большой конной охраной не был легкой добычей, и не удалось Малому блеснуть своей воинской сноровкой. Да и Ярый на третий день снял свою кольчугу, неприятно холодившую кожу через рубаху, несмотря на надетый сверху меховой кафтан и огромный бараний тулуп. Сидеть в розвальнях было холодно, не помогали и меховые торбаса, и меховой треух. Ярый не мог из-за своей хромоты пробежаться рядом с санями, как это делали другие возницы, и с завистью смотрел на молодцевато скачущих по снегу

на своих конях молодых всадников охраны, где Малой, со своей степной выучкой, выделялся статью и ухваткой.

Рыбу расторговали быстро, и в Муром пришло шесть десятков саней, а до Рязани докатили уже четыре. В городе обоз делал большую остановку. Часть купцов уходили к Понтийскому морю, часть шло через Орду в Поднебесную. Малой завершил свою часть пути и рвался домой, где его ждала Ярослава. Его ватаге счастливый случай дал на сопровождение обоз уже сбывших свой товар купцов, которые хотели поскорее довезти накопленную мошну до северных земель, чтобы вновь пустить деньги в оборот.

Прощание Ярого и Малого было кратким, как это принято у суровых воинов. Почеломкались, прижав друг друга к сердцу, да сказали положенное «Авось, свидимся», хотя и тот и другой чувствовали, что это едва ли…

Попрощались и разошлись, не оглядываясь, боясь показать друг другу заблестевшие глаза.

Ярый решительно захромал к видневшемуся свежерубленными стенами кремлю, затерявшись в толпе горластых разносчиков, снующей ребятни и степенно шествующих горожан. Сожжённый дотла конницей Батыя, град быстро расстраивался, вновь мостил улицы деревом, строил церкви, лабазы и пристани на берегах своих рек Трубежи и Лыбеди. С колокольни одной из церквей натужно ударил большой колокол, которому завторили малые колокола. Народ на улице стал крестится, перекрестился и Ярый, чувствуя свою причастность и к колоколам, и к церкви и всему народу. В это время над толпой пронесся крик:

- Замри! Дорогу! Князь идет!

Несколько мчащихся по улице всадников буквально раскидывали людей со своего пути, расщищая дорогу группе богато

одетых русичей. Ярый несколько замешкался, неловко наступая на увечную ногу, и всадник уже занес над ним свою плеть, намереваясь проучить простолюдина. Вскипела кровь ордынского сотника. Схватив плеть здоровой рукой, он буквально выдернул всадника из седла и сбросил наземь. Толпа замерла. Дружинники окружили Ярого и обнажили сабли. Еще мгновенье, и Ярого рассекли бы тут же на площади. Но раздался окрик – Стойте! - и всадники опустили сабли. К Ярому подъехал тщедушный человек в богатой бобровой шапке.

- Стойте! – и к Ярому, - знакомо мне твое лицо. Я тебя знаю?

Ярый вспомнил давнюю встречу на дороге из Орды, когда он встретил обоз рязанского князя. Как бишь его? Василько? Точно, князь Василько! А этот, плюгавый, был тогда толмачом и подъезжал к нему, Ярому, с вопросами. Только Ярый был тогда не Ярый, а, дай Бог памяти… Беком Сунджой назвался тогда Ярый, именем своего знакомца из Орды. И нож ведь ему подарил тогда князь. Ну, спасай, Боже!

Ответил на степном языке, подбоченившись и поправляя шапку, чтобы памятный шрам был видел

- Мы встречались на дороге. Вы с князем в Сарай шли, с данью. Мой отряд навстречу шел. Ты подъезжал ко мне, спрашивал про ханскую ставку. Я ответил, и твой князь мне нож с тобой передал. Вот он, - и Ярый достал из-под полы кафтана тот самый нож с рукоятью из моржового зуба. Спасибо Гюльсан, что вернула!

- Да, помню. Ты – бек...- глаза толмача забегали.

- Бек Сунджа, - напомнил Ярый, придавая голосу значимость. Всадники, окружавшие его, почтительно отступились. Толпа отпрянула еще дальше.

Сам князь видел некое замешательство на дороге, но не счел нужным подъезжать. Не княжеское это дело, уличные свары разбирать.

- Бек Сунджа, посланец Белой Юрты, - вспомнил толмач, и по худому лицу его потек пот, - как ты здесь? Зачем? Когда пришел? Мы ничего не знаем…

- С князем буду говорить, - твердо сказал Ярый, - коня дайте.

По знаку толкача один из дружинников отдал своего коня Ярому и тот, уверенно сев в седло, не торопясь подъехал к князю. Его опередил толмач, спешно подскакавший и что-то нашептавший на княжеское ухо. Рязанский князь Василько, получивший тогда за большую мзду свой ярлык на княжение, недоверчиво смотрел на Ярого, но на всякий случай, убрал ухмылку с лица и не так горделиво сел в седле.

- Мне сказали, кто ты. Пошто так тайно в град зашел? Упредил бы, встретили бы как полагается.

- Здесь будем говорить или в терем позовешь? – резко, как и подобает посланнику Сарая, спросил Ярый.

- Извини, досточтимый бек, милости прошу в мой терем. Чем богаты..

- Богаты, богаты! – не без злорадства сказал Ярый, видя, как побледнели князь и его толмач. Или уже не толмач? Судя по шапке, поднялся плюгавый!

По пути в княжеский терем Ярый постарался припомнить всё, что рассказывали ему князь Александр и другие о Рязани, о русских княжеских распрях, об Орде, переписчиках и баскаках. Вспомнил, что Рязань была в числе городов, оказавших самое упорное сопротивление нашествию Батыя, за что и была полностью разорена. Ярый понимал, что жизнь его висит на волоске, и в случае разоблачения он будет предан самой страшной казни или передан ордынцам как самозванец. И неизвестно, чья казнь будет страшнее. Потому вел себя Ярый как истинный представитель Орды, нагло и уверенно, не давая князю Василько опомниться и усомниться.

- Ты помнишь, князь, что мы сделали с твоим городом за неповиновение?

- Да, я знаю. Хан Батый сжег город, а жителей сурово покарал. Но я тогда был совсем мал, и не несу ответа за гордыню моего дяди, князя рязанского Василько.

- Тоже Василько?

- Да, так меня назвали, как и его, в честь нашего предка…

Ярый жестом остановил князя, пытавшегося рассказать длинную историю рода Васильковичей.

- Ты знаешь, что великий хан Берке даровал князю владимирскому Александру право собирать дань на всех русских землях и провел перепись всех проживающих на этих землях людей для того, чтобы никто не мог обманывать Орду и недоплачивать дань.

- Да, знаю. И у нас народ переписали в прошлом году.

- Но не все русские города оценили эту милость хана Берке. Новгород дважды пытался восстать против переписи. Сарай везде имеет свои уши и получает вести о том, что в русских землях зреет недовольство Ордой. Потому и направлены в эти земли специальные посланники Сарая, чтобы на месте проверить, так ли это.

- У нас все спокойно. Мы преданы Великому хану, и любая крамола…

- Знаю. Потому и вины за тобой не вижу.

Видя, как довольно переглянулись меж собой князь Василько и его подручный, не удержался:

- Посмотрим, что скажут посланцы дарюги, что следят за правильностью переписных списков и взиманием дани.

- Они тоже тайный досмотр проводят? – побледнел князь. Ярый таинственно промолчал и готов был поклясться, что под толмачем образовалась лужа.

- Твой дерзкий воин вынудил меня раскрыться, и я могу пристрастно рассказать в Сарае об итогах моей проверки в Рязани, - начал Ярый.

- Гридня я накажу! Тебе же, досточтимый бек, готовы возместить все неудобства, - князь Васильно был готов на всё, чтобы ублажить «бека Сунджу».

- Конечно, возместишь. Я возвращаюсь в Сарай через… условленное место, где соберутся все посланники. Идти дальше в обозе купцов, с которым я прибыл сюда, я уже не могу. Пусть твои люди заберут мои вещи, сани и коня. Ты дашь мне припасы и охрану до… я скажу, когда им надо будет вернуться. А сейчас хочу отдохнуть перед дорогой. Пусть проводят!

Да, и спасибо за нож. Пригодился. Благодари своего Бога, что из-за этого ножа я был благожелателен к тебе и делам твоим. И еще – мои тайные спутники видели, что я пошел к тебе, и если со мной что–нибудь случится…

И был горячий и вкусный ужин, и была теплая постель, а девка, что взбивала подушки, была уютна и хороша собой. Но, видит Бог, тяжел был день. И Ярый её отправил. Засыпая, успел подумать – «По лезвию сабли прошел, шайтан старый! Но еще держишься в седле!»

Утром Ярого ждали его розвальни, груженые меховой рухлядью и припасами, и двое воинов, готовых сопровождать «бека» хоть на край земли. На край земли не пришлось, ибо увидев первый же купеческий обоз, Ярый присоединился к нему, отпустив свою охрану. Так, меняя обозы, дошел он до границ Дикого поля, на другом краю которого начинались половецкие степи, и стояла Станица.

По Дикому полю купцы не ходили, ибо ничего там, кроме дикого зверя да вольных ватаг, живущих саблей, не было. И было это поле уже предвестником Степи, просто никто не заявлял на него свои права. Видно, не дотянулась еще до Дикого поля жадная рука, других кусков хватало.

На последней перед Полем стоянке распродал Ярый свое немалое уже, после благодарности рязанского князя, имущество. Взял себе двух славных коней, добрую сбрую. Сбыл по дешевке все ненужное в степи, где уже начиналась весна. Не мог лишь расстаться с железным шишаком, непривычным для степняка, да с русской секирой на прямой рукояти.

Навьючил коней, подтянул упряжь, посмотрел на родную землю, где так и не нашел покоя своей мятущейся душе, перекрестился, и – в путь!

В первую же ночевку, когда распалил Ярый костер да собирался кашеварить, подъехало к костру трое всадников. Оборванная одежда, неухоженные кони и неприемлемая для степняка неучтивость – все указывало на образ жизни и род занятий вольных разбойников. По-хозяйски оглядев стреноженных коней Ярого, переметные сумки, которые он сложил перед огнем и теплый сермяк, накинутый на плечи сидящего перед костром седого человека, всадники спешились и один из них, очевидно старший, пренебрежительно начал:

- Что, старик, отстал от каравана? Не страшно одному? В одиночку здесь не ходят.

- Не страшно, - спокойно ответил Ярый, не меняя позы, - в степи, говорят, и хорошие люди ходят, добротой своей делятся.

- Да ты прямо божий человек! Не хочешь с нами своим добром поделится? А лучше всё отдать?

- Не хочу, - всё так же спокойно ответил Ярый, откладывая в сторону палку, которой он ворошил угли.

- Тогда мы сами возьмем! – и разбойники, обнажив сабли, приблизились к костру.

Ярый резко встал, скинул с плеч сермяк, и разбойники увидели в свете костра одетого в кольчугу воина, с саблей в одной руке и боевым ножом в другой. Несколько опешив, они все-же продолжили нападение, подбадриваемые криками старшего – Он же старик! Смерть ему!

Старому воину не надо было даже сходить с места. Два удара, и два разбойника корчились на земле в предсмертных муках. Третий бросился бежать, и Ярый бросил нож. Увечное плечо подвело, и нож вошел чуть выше пояса, не убив, а лишь обездвижив убегавшего. Подойдя к упавшему на бок и стонавшему то ли от страха, то ли от боли «вольному человеку», Ярый так же спокойно спросил:

- Много вас еще тут? У вас ватага, кто главный?

- Нас трое. Мы – вольные, сами по себе. Ватага атамана Дикого дальше земли держит, а там еще и другие.

- Ты прав, в одиночку здесь не ходят, - сказал Ярый и вырвал свой нож из спины разбойника. Хлынула кровь. «Вольный человек» закричал, но скоро затих, как и его собратья. Ярый даже не стал смотреть их вещи, оттащил тела от костра и провел остаток ночи в полудреме, не выпуская саблю из руки. Странное дело, но кровь и смерть этих троих совсем не взволновали его, как это было во время боя с новгородцами там, во дворе. Словно попал он в привычный мир, где зло наказывается сразу и просто. Если ты знаешь, что это зло.

Его останавливали несколько раз вооруженные люди, конные и пешие, жадно поглядывая на его коней и сумы. Всем он очень спокойно говорил:

- К атаману Дикому иду.

И это спокойствие, да и имя атамана, оказывали воздействие, и его пропускали, указывая направление пути. Отъезжая, он крестил тех, кто его пропустил. А, действительно, они же добрые люди, не сделавшие ему зла, и он им желал блага. Наконец, один из всадников, кому он тоже сказал про атамана, привел Ярого в стан ватаги. Встретил его чернобородый статный молодец, в хорошей одежде, с красавицей – саблей на богато украшенном поясе. Зашли в шатер.

- Мне говорят, какой-то старец в одежде воина меня ищет. Ну вот, нашел. Что надобно?

- Присесть можно? Устал в пути, да и раны ноют, - не дожидаясь разрешения, Ярый присел на скамью, поставив саблю меж ног. Атаман сел напротив. Помедлив, налил Ярому чарку из стоящей на поставце баклаги. Увидев, что путник медлит, усмехнулся в усы и, налив себе, смачно выпил. Выпил и Ярый, вытерев тыльной стороной ладони свои седые усы. Еще мгновение помедлив, начал рассказывать. Рассказал всё – про уход из Орды, про станицу, про князя Александра, про Ладогу, про свой путь.

Атаман слушал молча, лишь покрякивал в наиболее ярких местах рассказа.

- Да, старче, помотало тебя. Чего хочешь?

- Помоги дойти до половецкой степи.

- Назад в Орду хочешь? Убьют ведь, - удивился атаман.

- Орда она и здесь Орда, - спокойно ответил Ярый, - только она везде разная. В Сарай не пойду, хватит. В русских землях тоже не останусь. Не моё это. На порубежье место найду. Назад в станицу вернусь, где мои товарищи остались. Поможешь? А то не хочу здесь от лихой сабли смерть принять, друзей перед смертью не увидев.

- Доведу тебя до следующей ватаги. Там в атаманах Чалый, знакомец мой. Он дальше переправит. Только он любопытный, попросит твою историю рассказать.

- Расскажу, чего же рассказать. Спасибо за помощь.

- Может, чего еще надо?

- Нет, мне мало чего надо, и оно у меня есть.

Так и передавали Ярого от одного атамана к другому, и прошел он Дикое поле спокойно, дойдя до половецкой степи. Самих хозяев этих земель – половцев, наводивших некогда ужас на южные русские земли, а потом и роднившихся с русичами, завоевала империя монголов. На этих давно землях кочевали и другие данники Орды – кипчаки, татары, башкиры, булгары и аланы, но степь всё равно называлась Половецкой. На этих землях кочевники как огня боялись гнева Орды, и Ярому пришлось применить всю свою изворотливость и знание законов Степи, чтобы избегать ненужных ему встреч и вопросов. Одетый в длинный полосатый халат и шапку малахай, с выбритой головой и длинной белой бородой, он не вызывал подозрений у встречных, с большим почтением, как и все степняки, относящихся к старикам. Но кольчугу он не снимал, и саблю с луком держал наготове. А вдруг за годы его отсутствия законы Степи изменились?

Чем ближе он подходил к станице, тем больше одолевали его сомнения. Зачем он сюда пришел? Что ждет его? Кому он нужен?

Уже несколько раз в кочевьях ему встречались люди, которых он помнил по прежним годам. Но его не узнавали… Они вглядывались в лицо Ярого, разглядывали его шрам. Он отводил глаза, зная, что только по ним можно узнать человека. Принимая воду или покупая еду, он говорил глухим старческим голосом, в глубине души понимая бесполезность попыток скрыться в местах, куда он пришел жить. Но степняки, даже если и узнавали его, не показывали это и не задавали лишних вопросов. Обычаи Степи! Путник сам, если захочет, расскажет о себе то, что сочтет нужным.

И вот она, станица!

Заметно окрепшая, она вольготно спускалась к реке рядами аккуратных домов, окруженных подросшими деревьями. На реке рябили в глазах мостки, на которых кипела жизнь – бабы стирали белье, играла ребятня, вынимали улов рыбаки. Прежний тын с воротами оказался в глубине станицы. За ним виднелся крест церкви. Не было видно юрт, в которых раньше жили неженатые поселенцы, но заметны были конные разъезды. Ярый вдруг понял, что не встретил по дороге ни одного дозорного, хотя замечал сигнальные вышки, возле которых, как он знал, выложены тревожные кострищи. Видно, одинокий всадник не вызвал у дозорных особого интереса. Можно было объехать луку реки посуху, как это делали раньше всадники станичных сотен, но Ярому хотелось скорее попасть внутрь, и он спустился к известному ему броду. Когда он вошел в воду, рыбаки, бабы и даже ребятня вдруг оставили свои дела и с интересом стали следить за ним. Брод имел свою особенность, делая поворот, о котором знали только местные, много раз пересекавшие здесь реку. Ярый спокойно провёл коней извилистой подводной дорожкой и направился к воротам. В станице он вызывал уже неподдельный интерес. Распахнутый халат не скрывал его кольчуги и боевой сабли, так не вязавшиеся с его длинной белой бородой. Станичники оценили и притороченный к седлу боевой лук из турьего рога, и хорошо оперенные стрелы, а также добротное седло со стременами.

У ворот путь ему преградили два рослых стражника.

- Куда, старче? Здесь только наша церковь да атаманский двор. Тебе, видать, туда, - один из стражников показал рукой в сторону, - там караван – сарай и торжище.

- Мне к атаману, - сказал Ярый и снял надвинутую на самые глаза шапку-треух.

Увидев шрам, один из стражников, что постарше, так и ахнул.

- Ярый! Глазам не верю! Мы тебя, уж почитай, не раз помянули!

- Долго жить буду, - ответил сотник, направляя коня мимо озадаченных стражников. Спешившись у атаманского дома, он оставил халат и шапку на седле, и, привязав коней, взошел на крыльцо. Поприветствовав атаманскую стражу давно не говоренными словами:

- Здорово, браты! Атаман дома ли?

Атаманцы его сразу узнали, но не подали вида, что удивлены его появлением в кольчуге и с бородой.

- Дома. Заходи.

Стукнув, для приличия, в створку двери, зашел.

За столом, на атаманской лавке, в накинутом на плечи расшитом кафтане сидел … Лекша. Возмужалый, в окладистой темно-русой бороде, с таким же темно-русым, чуть тронутым сединой, чубом, но Лекша, его старый боевой товарищ!

Увидел вошедшего в полутьму комнаты седобородого воина, Лекша не сразу его узнал. Нахмурив брови, начал, было грозным голосом:

- Пошто …

Но Ярый шагнул на свет и улыбнулся сквозь бороду.

- Не узнал, паря! Неужто сильно изменился?

Лекша выскочил из-за стола и стиснул Ярого в объятиях.

- Полегче, медведушко! Ишь, отъелся. Откормила тебя Гюльсан.

- Да Мария она, Мария! Забыл? Эй, Маша, выдь – ка!

Из - за занавески, из женского своего кута, вышла Мария, в ситцевом сарафане, с забранными в толстую косу и покрытыми платком вороными волосами. Заметно округлившаяся, лишь глазищами напоминала она ту худенькую девчушку, которую выкрали они у баскака Турая. Держась за её сарафан, рядом стояли

русоволосый мальчонка, таращивший свои глаза на незнакомого старика и его саблю, и совсем махонькая черноволосая девчушка, мусолившая свой кулачок.

Расспросам не было бы конца, как и рассказам. Но тут Мария наметала снеди на стол, была выставлена баклага с вином и кувшинец с брагой-медовухой. Лекша отправил за отцом Онуфрием и Ваньшей с Радой, и пока их ждали, выпили они с Ярым по чарке. Начал Лекша:

- Придут наши, всем расскажешь, что с тобой было. Одно скажи – Малой жив ли?

- Жив, нашел свою судьбу. Остался с ней на Новгородщине. А где Ухо? Ведь я правильно понял, ты теперь атаманишь?

- Помнишь хана Ахмата, что шел через нас воевать аланов? Он вернулся с победой, ушел в Сарай другой дорогой, но баскаков, как и грозился, на нас наслал. Набрали те промашек, но больше наветов и хулы на атамана, взяли его и Дьяка в железо и повезли в Сарай. По дороге, но далеко от нас, на них напали лихие люди, чей вожак очень походил на Гирея. Ордынская охрана, а наших они в охрану не взяли, лихо рубилась, и пало много воинов с обеих сторон. Пали в той сече и атаман Ухо с Дьяком. Это нам уже Актай рассказывал, он на месте был, тела видел. К нам потом из Сарая никто не приходил, видать, не до нас ордынцам, по – прежнему меж собой власть поделить не могут. Долго а станица без атамана, но службу надо нести, да и жить надо. Взялся я, доверие получил. Вот недавно меня и прокричали на Круге атаманом. Спасибо отцу Онуфрию и Ваньше, помогли.

- Еще как помогли! – закричали от двери Ваньша и отец Онуфрий, - без нас пропал бы, атаман!

Следом вошла Рада, ведя за руку мальчонку, как две капли похожего на Ваньшу.

Долго сидели за столом, слушая рассказ Ярого. Уж и дети сомлели, и если дочку Гюльсан унесла раньше в её зыбку, то оба мальца до последнего сидели на коленях у Ярого, играя с рукоятью его сабли и кольцами кольчуги.

Спохватился Лекша.

- Что это ты, Ярый, в железе сидишь, да саблю из рук не выпускаешь? Чай, у друзей, братов своих. Сымай!

Видя, как морщился Ярый, снимая с больного плеча кольчужную рубаху, поразился, как постарел его старый товарищ.

- А ну, Маша, бери свои персидские щипцы да кусаки, сними с нашего друга бороду, да власы лишние. А то зарос как отшельник. Тебя там старцем не звали?

- Звали, - улыбнулся Ярый, - потому, видать, и в пути не тронули.

Без бороды и лохм, а лишь с седыми усами, помолодел Ярый, но от годков и пережитого не убежишь, и заметно было его друзьям, что жизнь взяла своё. Когда и у Ярого стали слипаться от тепла и бражки глаза, взял его с собой отец Онуфрий.

- Пойдем, воин. Попонку выделю, вторая лавка есть. Выспишься, никто не потревожит. Кроме меня и Бога, там никто не живет.

- Мне и хватит, - пошатываясь и заметно хромая, пошел к выходу Ярый. При выходе оглянулся и перекрестил горницу.

- Спаси Бог!

Спал сотник долго, проснулся с третьими петухами, не торопился вставать, осмысливая былое, нынешнее и будущее. Пришедший со службы батюшка поделился с Ярым немногим, что принесли с утра сердобольные прихожанки и позвал с собой.

- Пойдем к реке. Место там есть, думается хорошо. Тебе, поди, тоже подумать надо?

- Надо, - согласился Ярый, натягивая кафтан.

Выйдя из ворот, прошли к реке и сели под развесистым деревом, корни которого подмыла вешняя вода.

- Что мучает, воин? – начал отец Онуфрий.

И сотник рассказал. О своем пути, который начал из своего лагеря в Орде, о своем стремлении попасть в русские земли, о князе Александре, раскрывшем ему правду о жизни в этих землях и распрях княжеских. Рассказал о Новгороде, где хотел найти волю, но нашел измену и корысть верхушки, от которой и там страдает народ. Рассказал о Ладоге, где, казалось, и хорошо, и свободно, но душа не лежит к той жизни.

- Понимаешь, отче, в Русь хорошо стремиться и мечтать о ней, но, чтобы жить там и чувствовать себя свободным, надо там родиться и пустить корни. Вон у Малого, чаю, так должно получиться, дай ему Бог.

- Может ты и прав. Но о другом хочу тебя спросить. Вот ты всё Бога поминаешь, да креститься, смотрю, начал. Никак, духовника на Руси встретил да к вере прикипел?

- Человека доброго встретил, а вот прикипел ли по-настоящему к вере, не знаю. Хотел опору в себе найти, укрепиться духом, от видений дурных избавиться. Хотел понять, за что я виноват в этой жизни, а за что – другие. Хотел суда высшего попросить, да помощи другим, что только сверху дать можно. А добрый человек не принуждал, не уговаривал. Своей жизнью показывал, что только Бог – всему судья. Этому человеку и поверил. И знаешь, легче стало на душе, злость ушла. Но праведного суда хочется. И не там, наверху и потом, в сейчас и сразу. Вот когда это пойму и остыну, тогда, может, и веру по-настоящему приму.

- Жаль, я не могу так убеждать, как мой духовный наставник, что жизнь мою изменил, да из воина в батюшки рукоположил. Одно

знаю, иди этим путем, и сам поймешь, что высшей справедливости при короткой и грешной жизни человека не бывает. Но есть жизнь вечная, после земной юдоли, и там всем воздастся по делам их. А что касается быстрого и короткого суда, то сам грешен. Руки иногда ох, как чешутся. И по второй щеке не дам себя бить, если по первой получу. Знаю, грешен, но кольчугу и саблю тоже храню. Прости меня, Боже.

Долго еще сидели они у реки. И молчали, и говорили, и всё уносила бегущая вода...

Ярому рассказали, что после его ухода из станицы погиб Ведун, которому кто-то всадил в грудь нож, когда лекарь возвращался ночью из дома захворавшего. Перед смертью Ведун успел прошептать дочери – «Не ищите… Это кара…». В доме лекаря, который освятил отец Онуфрий, Рада принимала теперь хворых, и готовила там целебные отвары.

Ваньша с Радой хотели Ярому вернуть дом, что подарил им, но не принял его Ярый.

- Зачем мне одному такой дом? А у вас дети… идут, - заметил он округлившийся живот Рады.

Поселился он у кунака своего, кузнеца Шамиля, который рад был приютить Ярого в своём пустом доме. Как-то вечером в кузню зашла Василиса, вдова атамана Ухо. Седая, но по-прежнему статная. Только глаза выдавали её скорбь. Попросив починить какую-то хозяйственную утварь, присела на лавку и включилась в беседу. Она не бедствовала, а пустоту жизни заполняла церковью и помощью Раде и Марии в уходе за их детьми, своими крестниками. Сказала, что Рада приняла крещение, и отец Онуфрий их обвенчал. После этого вечера она стала часто заходить в кузню, а то и в дом Шамиля, готовила бобылям еду и все порывалась постирать да прибраться. Смущенные старики пока отказывались.

Станица жила своей жизнью. Ходили на службу дозоры, одна сотня постоянно была в полной готовности, две другие могли быть

собраны за считанные часы. Пришлых в воины более не брали, поскольку подрастали свои мальцы, с раннего детства учившиеся владению конем и сабельному бою. Орда особо не донимала, довольствуясь тем, что дань русские и степный князья привозили сами, а основные караванные и почтовые тракты лежали южнее и севернее станицы. На долю Лекши и его людей выпадал лишь надзор за рубежами, охрана немногих проходивших караванов, да редких гонцов, пересекающих степные равнины. Изредка кто-либо из ордынских чиновников, следовавших с караванами, принимался задавать вопросы атаману, но узнав, что Орда не платит за содержание станицы, и получив небольшой, но весомый бакшиш, терял всякий интерес к этому маленькому полувоенному лагерю, затерянном в просторах Половецкой степи. А Лекша, по ордынской пайцзе, висевшей на почетном месте в его доме, собирал дань с окрестных племен и кочевий, не обирал их, следил за порядком, и примирял постоянно ссорившихся кочевников.

Ярый отказался от какой-либо должности в станице, которая давала бы ему право получать свой кошт.

- Деньги у меня есть. Мне хватит. Те еще… - отвечал он на вопрос Лекши.

- Неужели сберег!? Через все кордоны пронес? Будь моим кошевым, за казной смотри!

- Нет. Для себя пожить хочу. Заслужил?

От одного не мог удержаться Ярый. Больно ему глянулись сыновья Лекши и Ваньши, очень уж своих отцов напоминали, когда они в Орде к нему попали. Стал он их на коней высаживать, владению ножом и саблей учить, как стрелы из лука метать, показывать. Потом, чуть подросли, стал в поле вывозить. Учил следы распознавать, засады на зверей и врагов устраивать, огонь разжигать. А по вечерам, у костра, рассказывал им о чудесных русских землях и живущих там мудрых богатырях. Но сказки –

сказками, а воин должен выжить и победить врага. И он был строг и требователен, помня о том, какую жестокую систему подготовки и отбора прошел сам в ордынской коннице.

Потихоньку и другие станичники стали к нему сынов приводить, слезно просить, чтобы обучил уму – разуму и навыку воинскому. Набрал десятка два мальцов, остальным отказывать стал. Мол, стар стал, боюсь не уследить, сами винить будете, если что… Народ понял и отстал, благо другие воины стали в возраст входить, и покричать на малых, за хороший харч и уважение, им было приятно.

Исключение Ярый сделал лишь одно. Чуть подросшая дочка Лекши так лихо сидела в седле, так умело метала стрелы из сделанного Ярым для неё маленького лука, что, когда она забралась к нему на колени и нежно прошептал ему на ухо, играя его белыми усами - Деда, но меня–то ты возьмешь в свой поход? - он смог сказать только – да.

И вот он собрал свой малый отряд, проверил снаряжение и запас. Отцы и матери пришли провожать их, как взрослых воинов, в поход. И даже пускали слезу, украдкой вытирая глаза и думая о невзгодах, которые им выпали самим и которые, дай Бог, минуют их детей.

По бескрайнему простору Великой степи ветер гнал упругие волны вызревшей травы, уже вобравшей в себя все соки и саму жизненную силу земли. Ветер был вольным и теплым; он беспечно дул то в одну, то в другую сторону, отчего травяные волны легко сходились и разбегались, словно чья-то гигантская рука ласково ворошила их как мягкие волосы ребенка. Трава была высокой и густой, и лошадям приходилось буквально грудью раздвигать это степное многоцветье, прокладывая путь небольшому отряду всадников, упрямо пересекающему этот степной океан…